СЛЕДСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

МОСКОВСКАЯ АКАДЕМИЯ СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ С ОРГАНАМИ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИМИ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

материалы Международной научно-практической конференции

(Москва, 13 декабря 2018 года)

Под общей редакцией
исполняющего обязанности ректора
Московской академии Следственного комитета Российской Федерации
Почётного сотрудника Следственного комитета Российской Федерации
кандидата юридических наук, доцента
генерал-майора юстиции
Багмета Анатолия Михайловича

Москва, 2019

УДК 343
ББК 67.408
Н 30

Н 30 Процессуальные и организационно-правовые особенности взаимодействия органов предварительного расследования с органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность: проблемы и пути их решения (Москва, 13 декабря 2018 года) / под общ. ред. А.М. Багмета. М.: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2018. – 263 с.

ISBN 978-5-6041504-3-6

Редакционная коллегия:

Багмет А.М. – исполняющий обязанности ректора Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, Почётный сотрудник Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент, генерал-майор юстиции.

Бычков В.В. – проректор Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, Почётный сотрудник Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент, полковник юстиции.

Дмитриева Л.А. – ученый секретарь Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат психологических наук, доцент, полковник юстиции.

Саркисян А.Ж. – руководитель редакционно-издательского отдела Московской академии СК России, кандидат юридических наук, капитан юстиции.

УДК 343
ББК 67.408

Сборник сформирован по материалам, представленным на Международную научно-практическую конференцию в Московской академии Следственного комитета Российской Федерации 13 декабря 2018 года.

Международная научно-практическая конференция была организована Московской академией СК России при участии различных ведущих вузов страны и Республик Беларусь, Казахстан и Таджикистан.

Сборник представляет интерес для юристов – учёных и практиков.

Редакционная коллегия обращает внимание на то, что научные подходы и идейные взгляды, изложенные в статьях сборника, отражают субъективные оценки их авторов.

ISBN 978-5-6041504-3-6

© Московская академия СК России, 2019

Международная научно-практическая конференция «Процессуальные и организационно-правовые особенности взаимодействия органов предварительного расследования с органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность: проблемы и пути их решения»
(13 декабря 2018 г.)

13 декабря 2018 г. в Московской академии Следственного комитета состоялась Международная научно-практическая конференция «Процессуальные и организационно-правовые особенности взаимодействия органов предварительного расследования с органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность: проблемы и пути их решения».

Кворум мероприятия составили сотрудники Академии управления МВД России, Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, сотрудники следственных органов Следственного комитета России, ученые и аспиранты МГУ им. М.В. Ломоносова и ряда ведущих российских вузов, а также профессорско-преподавательский состав и обучающиеся Московской академии СК России.

Открывая конференцию, и.о. ректора Московской академии Следственного комитета генерал-майор юстиции *А.М. Багмет* и заместитель Председателя СК РФ генерал-полковник *А.В. Федоров* вручили награды представителям издательской группы «Юрист» за активное участие в издательской деятельности Следственного комитета РФ.

В своем докладе *Анатолий Багмет* подчеркнул, что научная конференция принесет реальный результат в виде конкретных предложений, в том числе законотворческого характера, направленных на повышение эффективности взаимодействия органов предварительного расследования с органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность. Отдельно А.М. Багмет остановился на вопросе практической необходимости осуществления экспертной деятельности соответствующими подразделениями Следственного комитета РФ, созданными Председателем СК РФ *А.И. Бастрыкиным*. По его мнению, законодательство Российской Федерации не запрещает следователю как процессуально независимому лицу назначать экспертизы, в том числе, и экспертам Следственного комитета Российской Федерации.

Заместитель Председателя СК РФ *Александр Федоров* в выступлении затронул исторические аспекты взаимодействия следственных органов с оперативными подразделениями и призвал участников научного форума к активной дискуссии.

Руководитель Главного управления криминалистики СК РФ генерал-майор юстиции *Зигмунд Ложис* выступил с докладом на тему «Организация взаимодействия органов следствия и органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность», в котором подчеркнул активную роль оперативных подразделений в раскрытии преступлений прошлых лет и резонансных уголовных дел.

Доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса Московской академии СК РФ и квалифицированный специалист в сфере оперативно-разыскной деятельности *Олег Жук* обозначил актуальные проблемы взаимодействия органов следствия с оперативными сотрудниками субъектов ОРД в рамках уголовного судопроизводства и предложил законодательно закрепить обязательный допуск руководителя следственного органа к изучению материалов оперативного учета, добытых в результате оперативно-разыскной деятельности по поручению следователя, а также введения в УПК РФ института судебного следователя.

В ходе конференции с научными докладами выступили: ректор Российской академии адвокатуры и нотариата, доктор юридических наук *Гасан Мирзоев*; профессор кафедры криминалистики Московского университета МВД России доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Заслуженный юрист Российской Федерации *Александр Волынский*;

профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ *Борис Гаврилов*; профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор *Александр Победкин*; руководитель управления научно-исследовательской деятельности (научно-исследовательского института криминалистики) Главного управления криминалистики (Криминалистического центра)

СК России доктор юридических наук, доцент, Почётный работник Следственного комитета при прокуратуре РФ, полковник юстиции *Алексей Бессонов*; главный научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, доктор экономических наук *Александр Опальский*; профессор кафедры экономической экспертизы и финансового мониторинга Института проблем комплексной безопасности Российского технологического университета (МИРЭА), доктор юридических наук, доктор технических наук *Владимир Прорвич* и другие ученые.

На конференции были обсуждены наиболее актуальные проблемные вопросы, возникающие при взаимодействии органов предварительного расследования с органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность.

Багмет А.М.

Оперативно-разыскное обеспечение следственной деятельности Следственного комитета Российской Федерации

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению проблем, возникающих при проведении оперативно-разыскной деятельности и о ее роли при проведении доследственных проверок и расследовании уголовных дел. Сформулированы соответствующие выводы.

Ключевые слова: оперативно-разыскная деятельность, следственная деятельность, досудебное производство, Следственный комитет Российской Федерации, доказательства.

Значение оперативно-разыскной деятельности для выявления, раскрытия, расследования и предупреждения преступлений, и в целом для реализации основных задач уголовного судопроизводства, к которым законодатель относит защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений; защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод очень велико. В настоящее время практически нет уголовного преследования без тех или иных форм оперативного сопровождения[1].

Раскрытие и расследование некоторых преступлений, в силу особенностей их криминалистической характеристики, в частности способов совершения, способов сокрытия следов преступления, применяемых (используемых) для этого сил и средств, в том числе технического характера, становится возможным только лишь в результате успешного применения возможностей оперативно-разыскной деятельности. Как говорят специалисты, доказательства в таких делах на 99,9% основываются на результатах оперативно-разыскной деятельности.

Эффективность раскрытия и расследования, предотвращения преступлений в значительной степени зависит от четко налаженной и согласованной деятельности следователя и органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность.

Подчеркнем, что оперативное сопровождение предварительного следствия в настоящее время является неотъемлемой составляющей уголовного преследования. В соответствии с п. 55 ст. 5 УПК РФ уголовное преследование представляет собой процессуальную деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления.

Выявление и раскрытие преступлений отдельных видов в большинстве случаев возможно только путем проведения оперативно-разыскных мероприятий. Это касается, прежде всего, фактов получения взятки (ст. 290 УК РФ), дачи взятки (ст. 291 УК РФ), посредничества во взяточничестве (ст. 291.1 УК РФ),

[1] См. подробно: *Багмет А.М., Бычков В.В.* Взаимодействие следователя с правоохранительными органами и органами дознания при раскрытии и расследовании преступлений: учебное пособие. М., 2018.

коммерческого подкупа (ст. 204 УК РФ), квалифицированных видов мошенничества (ч. 3 и 4 ст. 159 УК РФ).

Итоги следственной работы свидетельствует, что более 30% от числа всех поступивших в следственные органы сообщений о коррупционных преступлениях составляют материалы органов дознания, содержащие результаты оперативно-разыскной деятельности.

Для реализации и других приоритетных направлений в деятельности следственных органов Следственного комитета Российской Федерации – раскрытия и расследования тяжких и особо тяжких преступлений против личности, преступлений экономической направленности, в том числе налоговых, экстремисткой и террористической направленности, в отношении несовершеннолетних, необходимо работать в тесном взаимодействии с органами дознания, поскольку во многом такие преступления выявляются методами оперативно-разыскной деятельности[1].

Для качественного расследования необходима качественная основа, которая закладывается на стадии осуществления оперативно-разыскных мероприятий, результаты которых впоследствии и используются в доказывании.

Материалы оперативно-разыскной деятельности, представленные в следственные органы, с учетом системной связи норм Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-разыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД) и положений стать 89 УПК РФ должны в соответствии с ч. 1 ст. 88 УПК РФ отвечать требованиям относимости, допустимости, достоверности и достаточности в объеме, необходимом для вывода о законности их (результатов ОРД) получения.

Как отметил Верховный суд РФ, несоблюдение требований закона о порядке проведения и оформления оперативно-разыскных мероприятий, необоснованность проведения таких мероприятий, равно как и несоблюдение положений уголовно-процессуального закона о проведении следственных действий, влекут признание полученных доказательств недопустимыми.

В силу вышесказанного необходимо понимать, что обеспечивать выполнение этих требований обязаны в равной степени как сотрудники оперативных подразделений, так и следственных органов. К сожалению, как показывает следственная и судебная практика, такого понимания еще не достигнуто.

По-прежнему фиксируются нарушения закона при проведении, документировании и представлении результатов оперативно-разыскной деятельности[2].

К наиболее распространенным относятся такие, как оформление документов ненадлежащим лицом, отсутствие оснований для проведения оперативно-разыскных мероприятий, неверное отражение в документах, оформленных по ре-

---

[1] См. подробно: *Багмет А.М.* Процессуальное взаимодействие следователя с органами дознания при расследовании преступлений // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2017. № 3. С. 31–35.

[2] См. подробно: *Багмет А.М.* Использование результатов оперативно-розыскной деятельности при расследовании преступлений: проблемы и пути их решения // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2016. № 2. С. 13–16.

зультатам ОРД, статуса граждан, неверное название оперативно-разыскного мероприятия, незаконные досмотр и изъятие, провокация преступления, нарушение особого порядка и условий проведения ОРМ, не обеспечение гарантии неприкосновенности, неправильное оформление изъятия предметов, нарушения при направлении (представлении) материалов ОРД в следственные органы.

Основные причины нарушений, как свидетельствуют те же анализы, заключатся в несоблюдении требований Закона об ОРД и несоблюдении требований Инструкции о порядке представления результатов оперативно-разыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд.

Эти вопросы неоднократно рассматривались на ведомственных и межведомственных совещаниях, коллегиях, научно-практических мероприятиях. Общий смысл всех решений в настоящее время сводится к качественному уровню взаимодействия органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, и следственных органов, а также недопустимость провокации.

Особую актуальность эти вопросы приобретают при использовании в доказывании результатов таких оперативно-разыскных мероприятий, как «проверочная закупка», «оперативный эксперимент».

По нашему мнению, существенным пробелом законодательства, обуславливающим перечисленные нарушения, является отсутствие в Законе об ОРД характеристики оперативно-разыскных мероприятий.

Чтобы в точности соблюсти требования и оперативно-разыскного, и уголовно-процессуального законодательства, и оперативный сотрудник, и следователь должны понимать, с каким именно содержанием необходимо соотносить относимость, допустимость, достоверность результатов оперативно-разыскной деятельности, какие критерии законодатель предъявляет к проведению оперативно-разыскных мероприятий.

Содержание понятий «проверочная закупка», «оперативный эксперимент» в качестве оперативно-разыскных мероприятий, методика и тактика их проведения определяются, как известно, ведомственными нормативными актами, поразному трактующими эти понятия.

В отсутствие четкого определения указанных оперативно-разыскных мероприятий зачастую достаточно сложно провести грань между правомерными действиями должностных лиц органа, осуществляющего оперативно-разыскную деятельность, и действиями, провоцирующими общественно опасное деяние. Очевидно, что необходимо на законодательном, нормативно-правовом уровне принять решения, обеспечивающих недопустимость провокации при проведении оперативно-разыскных мероприятий.

В целях устранения неопределенности в вопросах применения оперативно-разыскного законодательства, использования результатов оперативно-разыскной деятельности в доказывании и единообразного подхода к определению сущности оперативно-разыскных мероприятий необходимо закрепить в Законе об ОРД характеристику каждого из перечисленных в нем оперативно-разыскных мероприятий, с последующим развитием этих положений в ведомственных (межведомственных) нормативных актах, с учетом особенностей методики и

тактики для каждой оперативной службы. Убеждены, что в значительной степени это позволит отграничивать законные оперативно-разыскные мероприятия от действий по склонению к совершению преступления. Подобная практика есть в ряде зарубежных государств (Беларусь, Армения).

Еще одним фактором, отрицательно влияющим на эффективность взаимодействия следователей и оперативников, является отсутствие законодательно утвержденного механизма этого взаимодействия. А именно, полномочий у следователя по даче оперативникам «обязательных к исполнению» указаний, а также контроля со стороны СК Росс за проведением оперативно-разыскных мероприятий.

Необходимо вновь вернуться к вопросу о законодательном наделении следователей правом ознакомления с материалами дел оперативного учета, проработать вопрос о целесообразности внесения законодательных предложений о наделении следователей правом направления в органы, осуществляющие оперативно-разыскную деятельность (МВД и ФСБ), представлений об устранении нарушений.

Есть смысл обсудить предложение о подписании совместной (межведомственной) Инструкции «О порядке взаимодействия органов прокуратуры, органов внутренних дел, федеральной службы безопасности, таможенных органов, органов федеральной службы исполнения наказаний и следственных органов при выявлении, пресечении, раскрытии и расследовании преступлений», в которой все отмеченные проблемные вопросы могли бы найти свое разрешение.

Совершенно очевидно, что один следователь (и даже группа следователей – следственная группа) без помощи органов дознания не в состоянии справиться с расследованием многих преступлений[1].

Поэтому, полагаем, что только при правильном сочетании процессуальных и оперативно-разыскных форм в доказывании по уголовным делам возможно установление истины по делу.

Организация взаимодействия следственных органов и оперативных служб в ходе работы по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений всегда являлась и является приоритетным вопросом в деятельности Следственного комитета Российской Федерации.

Об этом свидетельствует ряд обстоятельства. В частности, создаются межведомственные рабочие группы, осуществляются специальные встречи, данный вопрос обсуждается на координационных совещаниях правоохранительных органов. Подготовлен ряд методических рекомендаций, в том числе и на базе Московской академии Следственного комитета.

Вопросы взаимодействия следственных и оперативных органов постоянно обсуждаются на итоговых коллегиях Следственного комитета, были предметом

[1] См. подробно: *Багмет А.М.* Следственно-оперативная группа как форма непроцессуального взаимодействия при расследовании преступлений // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. 2015. №. 3(27). С. 35–40.

рассмотрения совместной тематической коллегии СК Росс и МВД России в сентябре 2012 года[1].

При этом анализ судебно-следственной практики свидетельствует, что по-прежнему в использовании результатов оперативно-разыскной деятельности в уголовном судопроизводстве допускаются нарушения не только уголовно-процессуального, но и оперативно-разыскного законодательства.

Ошибки при проведении и документировании результатов оперативно-разыскных мероприятий приводят к безвозвратной утрате следов преступления, сокращению доказательственной базы, к прекращению уголовного преследования по реабилитирующим основаниям, вынесению оправдательного приговора.

К наиболее характерным (и к сожалению, приобретающим характер системных) нарушениям относятся оформление документов ненадлежащим лицом, отсутствие оснований для проведения оперативно-разыскных мероприятий и обусловленная этим провокация преступления, нарушение условий проведения ОРМ, ненадлежащее документирование хода и результатов оперативно-разыскного мероприятия, и другие.

Встречается даже неверное название оперативно-разыскных мероприятий. Трудно представить, чтобы следователь составил протокол следственного (процессуального действия), не предусмотренного уголовно-процессуальным законом. А следователю представляют материалы по результатам оперативно-разыскных мероприятий, не предусмотренных соответствующим федеральным законом.

Работа по недопущению подобных нарушений может быть построена как путем организации постоянного межведомственного взаимодействия подразделений СК России и оперативных подразделений, так и определенных законодательных изменений.

Так, давно назрела потребность в конкретизации полномочий следователя по контролю за полнотой и своевременностью исполнения поручений, которые в практической деятельности не всегда выполняются своевременно или же вовсе остаются не исполненными.

Представляется необходимым законодательно регламентировать право следователя (руководителя следственного органа) на получение всей оперативной информации по находящимся в производстве уголовным делам и материалам доследственной проверки, с правом ознакомления, при наличии соответствующих допусков, с делами оперативного учета.

В УПК РФ необходимо предусмотреть возможность создания не только следственных групп (ст. 163 УПК), но и следственно-оперативных групп, наделив их процессуальными полномочиями на производство предварительного следствия.

Отмеченные выше законодательные пробелы, как и недостатки существующих организационно-правовых форм взаимодействия следственных органов и

---

[1] См. подробно: *Багмет А.М.* Некоторые аспекты взаимодействия Следственного комитета Российской Федерации и Министерства внутренних дел Российской Федерации // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2018. № 2. С. 24–26.

органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, очевидны как для практических работников, так и для научного сообщества.

Полагаем, что деловое, конструктивное обсуждение среди ученых и практических работников, позволит выработать действенные и эффективные механизмы, направленные на повышения качества уголовного судопроизводства и привлечения виновных к уголовной ответственности.

Литература

1. *Багмет А.М., Бычков В.В.* Взаимодействие следователя с правоохранительными органами и органами дознания при раскрытии и расследовании преступлений: учебное пособие. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2018. – 343 с.
2. *Багмет А.М.* Следственно-оперативная группа как форма непроцессуального взаимодействия при расследовании преступлений // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. 2015. №. 3(27). С. 35–40.
3. *Багмет А.М.* Использование результатов оперативно-разыскной деятельности при расследовании преступлений: проблемы и пути их решения // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2016. № 2. С. 13–16.
4. *Багмет А.М.* Процессуальное взаимодействие следователя с органами дознания при расследовании преступлений // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2017. № 3. С. 31–35.
5. *Багмет А.М*. Некоторые аспекты взаимодействия Следственного комитета Российской Федерации и Министерства внутренних дел Российской Федерации // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2018. № 2. С. 24–26.

Алонцева Е.Ю.

К вопросу о правовом основании взаимодействия следователя и оперативного сотрудника при производстве следственных действий, выполняемых с разрешения суда

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные вопросы правового основания взаимодействия следователя и сотрудника органа, осуществляющего оперативно-разыскную деятельность при производстве следственных действий, требующих судебного разрешения. А также отдельные аспекты их взаимодействия при производстве следственных действий, требующих судебного разрешения, в случаях, не терпящих отлагательства. Выделяются особенности процессуального и организационного характера взаимодействия, также формулируется вывод об основных формах взаимодействия при производстве следственных действий.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, следователь, следственные действия, судебное решение, поручение, оперативный сотрудник.

Раскрытие и расследование преступлений является одним из важнейших направлений деятельности государства в сфере борьбы с преступлениями и их предупреждения. Данная деятельность от имени государства осуществляется в тесном взаимодействии следственных подразделений и органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность. Их взаимодействие необходимо для успешной деятельности органов предварительного расследования, так как в большинстве случаев обойтись без проведения мероприятий негласного характера для получения сведений, результатов, которые впоследствии могут быть использованы в доказывании, а также информации, которая может иметь значение для уголовного дела, либо являться ориентирующей, невозможно качественное расследование уголовного дела и достижения назначения уголовного судопроизводства. Данное взаимодействие следователя и оперативных подразделений является многогранной и имеет различные формы. Тем не менее, одной из важнейших форм взаимодействия, является выполнение поручения следователя, что регламентировано ч.4 ст.38 УПК РФ и ч.3 ст. 7 Федерального закона №144 - ФЗ от 12.08.1995 года «Об оперативно-разыскной деятельности»[1]. Следователь и сотрудник, осуществляющий оперативно-разыскную деятельность имеют свои специфические полномочия, определённый перечень прав и обязанностей, устанавливающих их статус. Тем не менее их направление деятельности в уголовном процессе имеет общие цели раскрытия и расследования преступления. Без их слаженной совместной работы невозможно эту деятельность осуществлять эффективно. В соответствии с ч.4 ст.38 УПК РФ и ФЗ следователь поручить производство оперативно-разыскных мероприятий и отдельных следственных действий органу дознания. В соответствии с уголовно-процессуальным законодательством к органу дознания относятся государственные органы исполнительной власти, которые в соответствии с ФЗ «Об оперативно-разыскной деятельности» уполномочены осуществлять оперативно-разыскную деятельность. Перечень органов, имеющих в своей структуре оперативные подразделения, является исчерпывающим. Одним из важнейших элементов в данной сфере деятельности является правовое регулирование данного взаимодействия. Необходим качественный анализ прав и обязанностей субъектов данных правоотношений по отношению друг к другу, а также уточнение их полномочий. В соответствии с указанными нормативными правовыми актами осуществляется взаимодействие процессуального характера и юридическим основанием начала этой деятельности является поручение следователя. Данное поручение может быть вынесено как на стадии возбуждения уголовного дела (ч.1 ст.144 УПК РФ) так и в ходе предварительного расследования. Его необходимость связана с установлением каких-либо данных, требующих проведение мероприятий оперативно-разыскного характера. Вместе с тем, одной из целью вынесения поручения является необходимость производства следственных действий. В перечне следственных действий особое место занимают следственные действия, выполняемые по судебному решению. Их производство связано с вторжением в сферу личных интересов и личной жизни лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство либо с

[1] URL: http://www.consultant.ru.

разглашением тайны, охраняемой федеральным законом. Уголовно-процессуальным законом установлено два способа их производства: по судебному решению, которое было получено предварительно (ч.1 ст.165 УПК РФ), и без предварительного судебного решения в случаях, не терпящих отлагательства, с последующим уведомлением суда в течение трех суток с момента производства (ч.5 ст.165 УПК РФ). Не для всех следственных действий законодателем предусмотрена возможность их производства и при отсутствии предварительного судебного решения в случаях безотлагательного производства. Так, без предварительно полученного судебного решения нельзя выполнить следующие следственные действия: контроль и запись переговоров (ст.186 УПК РФ), наложение ареста на телеграфные отправления, их осмотр и выемку (ст.185 УПК РФ), получение информации о соединениях между абонентами и абонентскими устройствами (ст.186.1 УПК РФ), выемку сведений о счетах в банках и иных кредитных организациях, а также вещей заложенных или сданных на хранение в ломбард, и выемка предметов и документов, составляющих государственную или иную, охраняемую федеральным законом тайну (ч.3 ст.183 УПК РФ).

При наличии судебного решения следователь вправе поручить оперативному сотруднику производство следственного действия, при этом составив соответствующее поручение и приложив к нему судебное решение. Либо требовать содействия при их производстве и участия в самом следственном действии. В другом случае, когда для достижения целей следственного действия, и в этой связи внезапности его производства, производство следственного действия невозможно отложить до получения судебного решения, законодатель разрешает его осуществление на основании постановления следователя с последующим уведомлением суда. Следователь выносит соответствующее постановление, после чего в соответствии с ч.4 ст.38 УПК РФ вправе поручить производство следственного действия оперативному сотруднику, о чем выносит надлежащее поручение, либо производит его лично, прибегая к содействию оперативного сотрудника и его непосредственному участию в следственном действии. Правовым основанием и в том и в другом случае является поручение следователя, к которому прилагается соответствующие постановление суда, либо постановление следователя. По собственной инициативе оперативный сотрудник не вправе осуществлять эту процессуальную деятельность. После производства следственных действий на основании поручения следователя, оперативный сотрудник составляет рапорт о выполнении поручения. Полагаем, что данный рапорт можно рассматривать в качестве доказательства по уголовному делу и считать как вид доказательства – иной документ. При этом следует обратить внимание и на организационные аспекты этой совместной деятельности, в частности, на то, что следователь планируя поручить производство следственного действия оперативному сотруднику, должен разъяснить последнему процессуальный порядок его производства. От этого в большей степени зависит законность его действий и как следствие признание доказательств, полученных в ходе его производства допустимыми. Следователю надлежит учитывать и то обстоятельство, что нарушение оперативным сотрудником процессуального порядка его производства может

повлечь обжалование его производства в судебном порядке лицами, чьи интересы были затронуты или нарушены.

Исходя из вышеизложенного можно выделить следующие формы (виды) их взаимодействия при производстве следственных действий, в частности при производстве следственных действий, требующих судебного решения:

1) участие под руководством следователя в производстве следственных действий на стадии возбуждения уголовного дела;

2) участие под руководством следователя в производстве следственных действий на стадии предварительного расследования;

3) выполнение поручения следователя о производстве оперативно-разыскных мероприятий, направленных на установление местонахождения похищенного, предметов и орудий преступлений, живых лиц, трупов для дальнейшего производства следственных действий по результатам полученной оперативной информации (производство некоторых следственных действий в этом случае может быть связано с получением судебного решения);

4) производство следственных действий, выполняемых по судебному решению на основании поручения следователя при наличии судебного решения; также участие в их производстве под руководством следователя и содействие в обнаружении сведений, предметов, документов, имеющих значение для уголовного дела;

5) производство следственных действий, производимых в случаях, не терпящих отлагательства, без судебного решения на основании поручения на основании поручения следователя и его постановления о производстве следственного действия, в случаях, не терпящих отлагательства, также участие под руководством следователя в его производстве и содействие в обнаружении сведений, предметов и документов, имеющих значение для уголовного дела.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации 22.11.2001 // СПС КонсультантПлюс.
2. Федеральный закон «Об оперативно-разыскной деятельности № 144-ФЗ от 12.08.1995 // СПС КонсультантПлюс.

Бардачевский Р.И.

Применение средств оперативно-разыскной деятельности при установлении обстоятельств коррупционных преступлений

Аннотация. В представленной статье автор, исходя из выработанной им универсальной криминалистической характеристики коррупционных преступлений, описывает возможности применения средств оперативно-разыскной деятельности при познании обстоятельств преступлений названной категории.

Ключевые слова: расследование коррупции, борьба с коррупцией, оперативно-разыскные мероприятия по коррупционным преступлениям.

В современной деятельности правоохранительных органов наметилась тенденция, приводящая к конфликтам между сотрудниками следственного аппарата и оперативных подразделений, выражающихся в различном видении обстоятельств, подлежащих проверке и доказыванию по уголовным делам о коррупционных преступлениях. Вместе с тем, выработка единого понимания и единых требований к расследованию преступлений коррупционной направленности, основанных на единых криминалистической характеристике и системе следственных ситуаций преступлений рассматриваемой категории, является перспективным средством повышения оперативности и качества расследования.

Особенностью следственных ситуаций, возникающих при расследовании коррупционных преступлений выступает их обусловленность специфичной криминалистической характеристикой, содержащей круг взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов, каждый из которых может находить отражение в определенных материалах уголовного дела. Такими элементами выступают: способ совершения преступления, личность преступника, положения нормативных актов, служебная среда, сведения о коррупционных связях, предмет преступления, выгода и ущерб от преступления, механизм следообразования и характеристику потерпевших[1].

Уголовно-процессуальный закон основываясь на достижения криминалистической науки регламентирует возможности по получению информации и сбору доказательств на стадиях доследственной проверки и предварительного расследования, определяя в данных целях допустимую форму применения криминалистических познавательных средств.

В свою очередь, статья 6 ФЗ «Об оперативно-разыскной деятельности» устанавливает перечень оперативно-разыскных мероприятий, которые могут быть реализованы как в ходе доследственной проверки, так и в ходе предварительного расследования коррупционного преступления[2]. Перечень оперативно-разыскных мероприятий, осуществляющихся при расследовании коррупционных преступлений направлен на получение результата, представляющего собой информацию, содержащуюся в материалах оперативных сотрудников, сообщениях конфиденциальных источников, в заключениях различных учреждений, в фото и видеоматериалах, а также в различных материальных предметах, полученных в ходе ОРМ[3].

---

[1] *Бардачевский Р.И.* Особенности криминалистической характеристики коррупционных преступлений / Библиотека криминалиста. Научный журнал. Выпуск №2 / 2018. С. 122–127.

[2] См. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» (по состоянию на 15 января 2018 г.). М.: Юрайт, 2018.

[3] *Гущин А.Н.* Проблемы использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам: дис. ... к-та юрид. наук. Саратов, 2002. С. 115.

Каждое из проверочных и оперативно-разыскных мероприятий способно служить средством выявления коррупционного преступления и установления информации о расследуемом коррупционном преступлении[1]. Результаты указанных оперативно-разыскных мероприятий, формируют информацию, определяющую качественную характеристику следственной ситуации[2].

Таким образом, информация, формирующая следственные ситуации расследования коррупционных преступлений накапливается в процессуальных актах доследственной проверки, полученных в порядке ст.144 УПК, материалах служащих доказательствами по уголовному делу в соответствии со ст.84 УПК РФ, доказательствах, полученных в результате ОРД, а также из ориентирующей информации, полученной посредством ОРД.

В свою очередь, каждый из элементов предмета доказывания коррупционных преступлений, ориентированный на криминалистическую характеристику преступлений рассматриваемо категории может находить свое отражение в результатах как следственных действий, так и материалов оперативно-разыскной деятельности.

Так, сведения о механизме совершения коррупционного преступления, представляющие собой обширный разнородный комплекс информации о взаимосвязанных действиях[3], направленных на незаконное извлечение выгоды из служебного положения, могут содержатся подлежащих криминалистическому осмотру местах происшествия, помещениях, предметах и документах, а также в соответствующих протоколах осмотра, в показаниях подозреваемых, обвиняемых и свидетелей, материалах оперативно-разыскной деятельности, осуществлявшейся как одновременно с совершением преступления, так как и после его совершения[4].

Сведения о личности преступника, ее служебных и бытовых характеристиках, связях, материальном состоянии и образе жизни, а также соответствующие сведения о его родственниках и близких лицах комплексно содержатся в показаниях подозреваемых, обвиняемых, потерпевших и свидетелей, обладающих соответствующими сведениями, в следах соответствующих материальных носителей, являющихся непосредственными ценностями и их хранилищами, в материалах оперативно-разыскной деятельности[5]. Сведения о материальном положении преступника и его близких содержатся в справках финансовых и иных учреждений, аккумулирующих сведения о владельцах имущественных объектов. Кроме того,

---

[1] *Овчинский А.С.* Информация и оперативно-розыскная деятельность: монография. – М. : Инфра-М, 2002. С. 33.

[2] *Рыжов Р.С.* Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе как правовой институт: автореф. дис. ... к-та юрид. наук. Нижний Новгород, 2004. С. 6–7.

[3] Веренич И.В., Кустов А.М., Прошин В.М. Криминалистическая наука и теория механизма преступления: монография. – М.: Юрлитинформ, 2016. С. 180.

[4] *Жаров С.Н.* Оперативно-розыскная деятельность в России: организация, методы, правовое регулирование: автореф. дис. ... к-та юрид. наук. Екатеринбург, 2010. С. 9.

[5] *Фесунов В.А.* Криминологическое изучение личности сотрудника правоохранительных органов, совершившего преступление: дис. ... к-та юрид. наук. М. 2003. С.91–92.

сведения о связях коррупционера и его близких могут быть получены как в ходе оперативно-разыскных мероприятий, проявляющихся в непосредственном наблюдении за объектом связи, так и при фиксации следов связей: материальных – в ходе осмотров документов и средств связи, идеальных – при допросах участников процесса, а также из сообщений агентурных источников[1].

Сведения о законодательных, иных нормативных и ведомственных актах, определяющих полномочия и функции коррупционера, регламентирующие его статус и полномочия в организации (учреждении), содержатся в разнородной нормативной документации, а также в показаниях участников судопроизводства и суждениях специалистов. Ориентирующую информацию о специфике нормативного регулирования деятельности коррупционера можно получить из показаний специалистов соответствующих ведомств, обладающих знаниями об особенностях деятельности соответствующего учреждения, а также из соответствующих номенклатур учета дел, содержащих сведения о направлениях делопроизводства в учреждениях.

Сведения об обстановке совершения преступления и должностной среде заключаются в показаниях свидетелей и специалистов, обладающих сведениями о специфике исполнения нормативов в учреждении, обычаях деловой среды и делового общения среди сотрудников учреждений, в котором коррупционер занимает должность. Например, обстоятельства переговоров коррупционера с посредниками, полученные в ходе оперативно-разыскных мероприятий бывают законспирированными под специфичный язык «арго»[2], который может быть расшифрован с участием свидетелей и экспертов лингвистов[3].

Сведения о коррупционных связях, ведущих от незаконного служебного акта к приобретению выгоды, связаны с доверительными отношениями их субъектов, и могут быть обусловлены личной дружбой либо служебными взаимоотношениями, по продолжительности могут быть долго либо краткосрочными, реализуются как посредством личных встреч, через посредников, в том числе многочисленных, и средства связи.

Сведения о предмете преступного посягательства сохраняют следы в показаниях участников судопроизводства, вещественных доказательствах, содержатся в справках и материалах оперативно-разыскной деятельности. Объекты указанного рода могут быть как материальными объектами, так и представлять собой вещные права и услуги, в связи с чем подлежат обнаружению как в ходе поисковых мероприятий (осмотры и обыски), так и в ходе изучения финансовой и иной документации, содержащей сведений об изменении статуса прав на имущественные блага и объекты материального мира.

---

[1] *Шахматов А.В.* Агентурная работа в оперативно-розыскной деятельности (теоретико-правовое исследование российского опыта): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Спб., 2005. С.9-10.

[2] *Роуз-Аккерман С.* Коррупция и государство. Причины, следствия, реформы: пер с англ. О.А. Алякринского. М.: Логос, 2003. С. 133.

[3] *Голубев В.В.* Использование оперативно-розыскных данных при расследовании преступлений, связанных с коррупцией должностных лиц: дис. ... к-та юрид. наук. Москва, 1996. С.96–97.

Сведения о выгоде, полученной в результате коррупционного преступления, сходы с содержащимися в предыдущем пункте, но имеют качественно иную криминалистическую специфику, так как приобретаемая в результате коррупционного преступления выгода шире круга объектов, входящих в круг предметов коррупционного преступления и может быть выражена в приобретении иных выгод неимущественного характера, приобретаемых самим коррупционером либо его приближенными.

Сведения о причиненном преступлением вреде и иных преступных последствиях находят в свое отражение в показаниях и заключениях специалистов и экспертов, справках учреждений, показаниях свидетелей и потерпевших, отражаются в материальной среде и фиксируются в ходе криминалистических смотров. Вред, причиняемый коррупционером, использующим преимуществами своего служебного положения, кроме отчуждения имущества выражается в упущенной выгоде для действующих законно участников рыночных отношений.

Сведения о потерпевших, иных пострадавших лицах и организациях обусловлены причиненным преступлением вредом, устанавливаются и аккумулируются в следственных ситуациях при расследовании коррупционных преступлений посредством показаний участников процесса, заключений экспертов и специалистов, могут быть получены из имеющих аналогичную гносеологическую сущность, материалов ОРД.

Сведения о механизме следообразования, является комплексным элементом криминалистической характеристики коррупционного преступления, обобщая сведения об имеющихся и вероятных следах. Механизм следообразования коррупционного преступления обусловлен его способом и находит свое отражение в идеальных и материальных следах, оставленных на границах взаимодействия механизма преступления с объективной действительностью, познаваемой при расследовании преступления, в связи с чем находит свое отражение в материальных объектах, протоколах осмотров, в показаниях очевидцев. Установление механизма следообразования происходит безотрывно от изучения обстоятельств коррупционного преступления, способствуя оперативному поиску следов преступной деятельности.

Таким образом, информационное содержание следственных ситуаций, возникающих в ходе расследования коррупционных преступлений имеет специфические содержание, обусловленное криминалистической характеристикой преступлений исследуемой категории, а также форму, обусловленную процессуальными средствами познания и фиксации информации, посредством проведения проверочных и следственных действий, а также оперативно-разыскных мероприятий.

Белых-Силаев Д.В.

Психологические аспекты взаимодействия следователя с оперативными кадрами

Аннотация. Статья посвящена психологическим аспектам взаимодействия следователя с оперативными кадрами. Рассматриваются формы социального взаимодействия (содружество, кооперация, конкуренция, конфликт), наиболее типичные конфликты, возникающие между следователем и оперативником, анализируются причины этих конфликтов, даются рекомендации по повышению уровня социального взаимодействия следователя с оперативными кадрами.

***Ключевые слова*:** следователь; оперуполномоченный; взаимодействие; психологические аспекты взаимодействия; содружество, кооперация, конкуренция, конфликт; раскрытие и расследование преступлений.

В предлагаемой статье нам предстоит ответить на ряд вопросов. Что такое взаимодействия? Что представляют собой такие фигуры как следователь и оперуполномоченный? Должны ли они взаимодействовать? Если да, что в каких формах? Имеет ли их взаимодействие психологические аспекты? Если да, то какие? Какие рекомендации по повышению уровня взаимодействия следователя и оперуполномоченного может дать психолог?

Что такое взаимодействие? Под взаимодействием понимаются совместные действия, взаимная поддержка. Также можно сказать, что взаимодействие – это процесс непосредственного или опосредованного воздействия субъектов друга на друга, порождающий их взаимную и обусловленную связь. В социальной психологии принято выделять следующие виды взаимодействия: содружество, кооперация, конкуренция, конфликт.

Содружество – это форма социального взаимодействия, состоящая в совместной деятельности взаимодействующих субъектов, взаимной поддержке. Термины «содружество» и «взаимодействие» в собственном, узком смысле этого слова являются синонимами.

Кооперация – это форма социального взаимодействия, которая характеризуется объединением усилий взаимодействующих субъектов для достижения совместной цели при одновременном разделении между ними функций, ролей и обязанностей. В отличие от содружества взаимодействие в рамках кооперации ограничивается только одним видом деятельности, в рамках которой она осуществляется.

Конкуренция – это форма социального взаимодействия, характеризующаяся достижением индивидуальных и групповых целей, интересов в условиях противоборства с добивающимися этих же целей и интересов другими участниками взаимодействия.

Конфликт – это форма социального взаимодействия, состоящая в столкновении противоположно направленных целей, интересов, позиций, мнений или взглядов взаимодействующих субъектов.

Для того, чтобы понять в каких формах может протекать взаимодействие следователя и оперуполномоченного, нужно определить статус этих должностных лиц, их место и роль в раскрытии и расследовании преступлений.

Следователь – это должностное лицо, уполномоченное осуществлять предварительное расследование в форме предварительного следствия, выполнять иные полномочия, предусмотренные уголовно-процессуальным законом. Важнейшее полномочие следователя – самостоятельное направление хода расследования. Основное содержание деятельности следователя – проведение следственных действий. Следственные действия – это предусмотренные и строго регламентированные уголовно-процессуальным законом действия, направленные на собирание и проверку доказательств по уголовному делу. От иных процессуальных действий следственные действия отличаются своим познавательным и удостоверительным аспектами. К следственным действиям относятся: допрос (потерпевшего, свидетеля, подозреваемого, обвиняемого, специалиста, эксперта); очная ставка; обыск; выемка; осмотр; освидетельствование; контроль и запись переговоров; получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами; опознание; следственный эксперимент; проверка показаний на месте; наложение ареста на почтово-телеграфную корреспонденцию; судебная экспертиза.

Оперуполномоченный – это должностное лицо органа, уполномоченного на осуществление оперативно-разыскной деятельности. Особенность правового положения оперуполномоченного состоит в наличии специальных полномочий, позволяющих осуществлять оперативно-разыскную деятельность.

Имеется нормативное определение понятия «оперативно-разыскной деятельности». Так, из ст. 1 Федерального закона от 12.08.1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-разыскной деятельности» усматривается, что оперативно-разыскная деятельность – это вид деятельности, осуществляемой гласно и негласно оперативными подразделениями государственных органов посредством проведения оперативно-разыскных мероприятий.

В ст. 6 указанного закона перечислены виды оперативно-разыскных мероприятий: опрос; наведение справок; сбор образцов для сравнительного исследования; проверочная закупка; исследование предметов и документов; наблюдение; отождествление личности; обследование помещение, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств; контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений; прослушивание телефонных переговоров; снятие информации с технических каналов связи; оперативное внедрение; контролируемая поставка; оперативный эксперимент; получение компьютерной информации.

Особенность делопроизводства, ведущегося в оперативном аппарате органа, осуществляющего оперативно-разыскную деятельность, состоит в том, что оно имеет грифы ограниченного распространения, как правило, «секретно» и «совершенно секретно».

Таким образом, анализ правового статуса следователя и оперуполномоченного позволяет сделать вывод, что оба этих должностных лица осуществляют предусмотренную законом деятельность на стадии предварительного расследования, при этом функциональные обязанности *оперуполномоченного* сосредоточены главным образом на *раскрытии* преступлений (путем проведения оперативно-

разыскных мероприятий), а *следователя* – на *расследовании* преступлении (путем проведения следственных действий). То есть с точки зрения рассмотренных форм социального взаимодействия мы может предположить, что взаимодействие следователя и оперуполномоченного выстраивается в форме *кооперации*, то есть формы социального взаимодействия, которая характеризуется объединением усилий взаимодействующих субъектов для достижения совместной цели при одновременном разделении между ними функций, ролей и обязанностей.

Вместе с тем на практике мы можем наблюдать и зачастую действительно наблюдаем ситуацию, когда следователь и оперуполномоченный начинают взаимодействовать «как кошка с собакой», т.е. уровень их взаимодействия снижается, переходя на уровень взаимодействия следователя с адвокатом, т.е. на уровень «конкуренции» и даже «конфликтного» взаимодействия. С чем это связано?

Считается, что *раскрытие* преступления, то есть установление лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, является бременем оперуполномоченного, а процессуально-удостоверительная деятельность, *расследование* преступления – бремя следователя. В связи с этим в деятельности следователя и оперуполномоченного могут возникать конфликты. Рассмотрим причины типичных конфликтных ситуаций, которые могут возникать между следователем и оперуполномоченным.

1. Конфликт, связанный с тем, что оперуполномоченный, раскрыв преступление, теряет к нему всякий служебный интерес («раскрыл и бросил»), вместе с тем, по делу требуется продолжение активной оперативной работы, исполнение отдельных поручений следователя по делу, которые оперативным работником если и исполняются, то зачастую формально.

2. Конфликт, связанный с тем, что следователь путем проведения следственных действий может раскрыть преступление («следственным путем») без оперативника, что зачастую вызывает ревность оперативных кадров, следователь как бы вторгается «на территорию» (вспомним территориальное поведение животных из зоопсихологии), в компетенцию оперативных кадров, что вызывает конфликтное взаимодействие между следователем и оперативником.

3. Конфликт, связанный с тем, что следователь в принципе не заинтересован в раскрытии дела, которое имеет сомнительную судебную перспективу. Оперативник заинтересован в раскрытии преступления в связи с особенностями своего служебного положения в большей степени чем следователь (так, оперативник на служебных совещаниях каждый день слышит упрек о том, что им раскрыто преступлений меньше чем совершено и «кого он ходил окружал, когда на выхлопе – ноль»; в то время как следователя каждый день спрашивают о том, сколько он в этом месяце направил дел в суд из числа раскрытых дел, то есть тех, по которым лица, подлежащие привлечению в качестве обвиняемых, установлены), поэтому зачастую следователь не заинтересован в раскрытии неочевидного преступления («нет человека, нет проблемы»; «сейчас оперативник дело раскроит, а нам его нужно будет расследователь и в суд направлять», что повышает служебную нагрузку на следователя). Особенно этот конфликт обостряется в ситуации недостаточной доказательственной базы в отношении подозреваемого и имеется риск возврата уголовного дела «на дослед» (на дополнительное расследование)

как на стадии утверждения обвинительного заключения прокурором, так и в суде. Однако такое конфликтное взаимодействие имеет и положительные эффекты, потому что следователь, оценивая материалы оперативных кадров, осуществляет их контроль на первоначальных этапах расследования, выступая в качестве своего рода «судьи на досудебной стадии» (А.М. Багмет), что снижает риск обвинения невиновного;

4. Конфликт, связанный с характерологическими и темпераментальными особенностями следователя и оперуполномоченного. Оперуполномоченный, как правило, является носителем сангвинического темперамента (общительный, контактный, разговорчивый, отзывчивый, непринужденный, жизнерадостный, беззаботный, инициативный). Типичный следователь – флегаматик (пассивный, осмотрительный, рассудительный, доброжелательный, миролюбивый, управляющий, внушающий доверие, надежный, ровный, спокойный, эмоционально тупой). В силу темпераментальных особенностей следователю зачастую недостает эмпатии[1], эмоциональной экспрессии, а также оперативности в принятии решений, что ценят оперативные кадры, а оперуполномоченному недостает серьезности в работе, что ценят следователи (кроме того, при высокой эмпатии у оперуполномоченного сохраняется риск утраты идентификации). Следователи, как правило, являются носителями ригидной, педантичной, дистимной акцентуаций характера[2]. Оперуполномоченные, как правило, являются гипертимами. Разница в акцентуациях характера означает, что у следователя и оперуполномоченного разный поведенческий репертуар, разная картина мира, что обладает определенным конфликтным потенциалом. Преодолеть эти трудности возможно путем проведения психодиагностики, работы по психологическому просвещению, изучению типов личности в зависимости от ведущей акцентуации характера и использованию на практике рекомендаций по социальному взаимодействию с каждым типом личности в зависимости от ведущей акцентуации характера[3]. Эта работа может быть поручена ведомственным психологам, психологическому активу подразделения[4].

5. Конфликт, связанный со стилистическими различиями в работе следователя и оперуполномоченного. Как известно, стилистические различия важнее различий идейных, ибо первые охватывают более широкие аспекты жизни – от манеры сморкаться до манеры мыслить; так, например один (следователь) – это кабинетный работник, ходит в костюме и галстуке, а второй (оперативный работник),

---

[1] *Белых-Силаев Д.В.* Психологическая составляющая профессиональной деятельности следователя в ситуации работы с потерпевшим при возникновении острой реакции на стресс // Юридическая психология. 2012. № 3. С. 38.

[2] *Белых-Силаев Д.В., Ивашин А.Г., Ланцов Д.Е.* Акцентуации характера и подходы к их классификации // Юридическая психология. 2013. № 2. С. 34.

[3] *Белых-Силаев Д.В.* Типология личности военнослужащего в зависимости от ведущей акцентуации характера // Юридическая психология. 2017. № 4. С. 30.

[4] *Белых-Силаев Д.В., Сапьяник Е.Н.* Концепция организации психологической службы в воинской части с позиции стратегии творчества Уолта Диснея // Юридическая психология. 2018. № 2. С. 34.

как правило, испытывает негативные эмоции от самого факта нахождения в кабинете, ходит без костюма и без галстука («отказывается завязывать удавку на шее» даже на совещаниях), т.е. подсознательно в системе координат «свой – чужой» они (следователь и оперативник) друг друга своими не считают. Где они тогда должны встречаться, чтобы с точки зрения проксемики (учения о пространственном и временном организации общения) им было комфортно обоим? Эти вопросы еще должны быть разработаны в теории, чтобы повысить уровень эффективности взаимодействия следователя и оперативника на практике.

5. Конфликт, связанный с применением манипуляций в процессе общения. Манипуляция – это частный случай скрытого управления, отличающийся тем, что оно совершается заведомо против воли адресата воздействия и наносит ему ущерб (материальный, психологический)[1]. Цели манипуляций: сделать другого орудием исполнения своих замыслов; переложить на другого часть своей работы; уйти от ответственности, переложить ответственность на другого; самоутвердиться (в том числе за счет другого); разрешить свои психологические проблемы; придать формату взаимоотношений нужный вид (желательную дистанцию, нужную доверительность); получить выигрыш в комфортности своего положения. Наиболее распространенными во взаимоотношениях между следователем и оперативником являются следующие виды манипуляций: «А это как?» (оперативник в контактах со следователем притворяется некомпетентным работником, не знающим как исполнять порученное, в результате чего следователь решает, что легче самому исполнить, чем поручать исполнение бестолковому); «Хочу с Вами посоветоваться» (оперативник обращается за советом к следователю, чтобы затем в случае неудачи переложить ответственность на следователя, который дал совет, который оперативник воспринял как решение следователя); «Только Вы это можете» (оперативник зачастую нахваливает следователя, восхищается его высокой квалификацией, компетенцией, чтобы побудить его к принятию тех или иных процессуальных решений, проведению следственных действий в ситуациях, когда достаточно решение оперативно-разыскного органа и проведения оперативно-разыскных мероприятий); «Меня рвут на части» (оперативник уклоняется от исполнения отдельных следственных поручений со ссылкой на то, что «он сегодня нарасхват», что у него так много поручений, что он конкретное поручение выполнить не может; при проверке часто оказывается, что ничем не занят); «Через голову начальника» (зачастую оперативник обращается по служебным вопросам по уголовному делу не к следователю, в производстве которого находится уголовное дело, а к руководителю следственного органа, в результате чего следователь теряет статус руководителя расследования, поскольку он вынужден выполнять решение оперативника, т.к. оно стало решением руководителя следственного органа, которого оперативник убеждает в ходе прямых личных контактов принять соответствующее решение); «Мелкие услуги» (зачастую оперативник окружает следователя вниманием, состоящим в предоставлении ему мелких услуг (занять очередь в столовой, привести презент из командировки и проч.), в результате чего у следователя формируется чувство долга

[1] *Шейнов В.П.* Психологическое влияние. Минск: Харвест, 2007. С. 139.

перед отправителем таких манипулятивных воздействий). Психологическая помощь при манипуляции состоит в том, чтобы участники взаимодействий знали виды манипуляций, умели их распознавать, осознавали контрпродуктивность манипулятивного взаимодействия, умели оказывать контрманипулятивное воздействие.

6. Конфликт, связанный с практикой моббинг-действий в процессе общения. Моббинг – это психотеррор на службе[1]. Виды моббинг-действий: разговор о комлибо за его спиной; распространение сплетен; презрительные жесты, взгляды; уход от контактов посредством невербальных намеков; насмешки над объектом моббинга, прекращение контактов с ним; постоянное прерывание, ограничение коллегами возможности высказаться; игнорирование человека как будто его нет; несправедливая или обидная критика продуктивности деятельности; постоянная критика работы и (или) личной жизни, убеждений, взглядов; нападки на политические, религиозные взгляды объекта моббинга; ограничение возможности высказаться («вам слово не давали, сидите и слушайте; не нравится – рапорт на стол и до свидания, идите в народное хозяйство работать»); запрет разговаривать с собой («отказываю, чтобы вы больше не обращались»); запрет коллегам разговаривать с объектом моббинга («запрещаю вам с этим человеком общаться», «даже не подходите к нему»); сомнения в принятых решениях; поручение заданий, выходящих за пределы возможностей в то время как поручение задач сверх возможностей приводит только к потерям и невыполнению этих задач; поручение бессмысленных производственных заданий («иди туда, не знаю куда»); постоянное поручение новых заданий; лишение производственных заданий; крики, громкая ругань («производственные шумы»); устные угрозы; выражение подозрения в том, что человек психически болен; принуждение к выполнению унизительной работы[2].

В служебной практике моббинг-действия применяются как со стороны следователя к оперуполномоченному, так и со стороны оперуполномоченного к следователю, что повышает конфликтный потенциал их взаимодействия в силу собственно психологических факторов. В связи с этим необходимо обладать навыками психологической профилактики моббинг-действий и навыками правовой интервенции в моббинг-процесс[3].

7. Конфликты, связанные с борьбой за лидерство. De jure (юридически) следователь руководит расследованием, de facto (фактически) оперативник может переключать руководство на себя, что вызывает ревность следователя и перерастает в конфликтное взаимодействие. Лидерство следователя основано на законе, который закрепляет на ним статус руководителя. Лидерство оперативника зиждется на доступе к информации ограниченного распространения, к которой следователь, как правило, доступа не имеет; более того, зачастую следователь

---

[1] *Колодей Кристина* Моббинг. Психотеррор на рабочем месте. Харьков: Гуманитарный центр, 2007. С. 58.

[2] *Белых-Силаев Д.В.* Проблема моббинга в работах зарубежных исследователей // Юридическая психология. 2008. № 1. С. 46.

[3] *Белых-Силаев Д.В.* Правовая интервенция в моббинг-процесс // Юридическая психология. 2008. № 4. С. 47.

получает эту информацию только от оперативника и только в том объеме, в котором оперативник посчитает нужным («вы к тайне не допущены», поэтому «об этом, когда будет надо, те, кому полагается, сообщат всем, кого касается, ровно столько, сколько следует сообщить»). Обычно когда следователь чувствует себя неинформированным либо не полностью информированным, либо дезинформированным оперативником, он, следователь, дает ему негативную обратную связь, не принимая нужных по делу процессуальных решений («вся ваша оперативная работа – работа на корзину, если не будет принято соответствующего процессуального решения» и не принимает нужного процессуального решения), что обостряет конфликт. Эта проблема частично может быть решена путем предоставления следователю большего допуска к сведениям ограниченного распространения.

8. Конфликты, связанные с психологической несовместимостью следователя и оперативника. Как принято говорить в этнопсихологии: «Один американец работает в два раза лучше, чем один японец. Но два японца работают в три раза лучше, чем два американца». Один и то же человек может быть очень продуктивен в деятельности, находясь в одном социальном окружении, и совершенно непродуктивен в деятельности, оказавшись в другом социальном окружении. Поэтому, как говорил Морено, «важно делать революции не социальные, а социометрические»[1], то есть ставить надлежащих людей на надлежащее место. Решаются вопросы психологической совместимости путем проведения социометрии, то есть методики которая позволяет выявить внутригрупповой статус личности, сформировать диады (пары) со взаимными симпатиями и антипатиями и дать на этой основе рекомендации по формированию пар следователь – оперативник с учетом данных об их психологической совместимости. Уровень психологической совместимости можно повысить и путем проведения соответствующих психологических тренингов.

9. Конфликты, связанные с разным уровнем коммуникативной компетенции следователя и оперативника. Оперативник, в том числе в силу преобладающего сангвинического темперамента, как правило, обладает высоким и очень высоким уровень коммуникативной компетенции. Следователь, в том числе в силу статистически преобладающего флегамтического темперамента и сопутствующей этому темпераменту эмоциональной тупости, обладает меньшим чем оперативник уровнем коммуникативной компетенции, его общение формализовано («говорит и пишет», «все сразу под протокол»). Напротив, следователь, как правило, обладает высоким и очень высоким уровнем организаторских склонностей, в то время как оперативник обладает, как правило, средним и средним с тенденцией к низкому уровнем организаторских склонностей, что может осложнять межличностные отношения следователя и оперативника и приводить к конфликтам, которые, однако, могут быть предупреждены путем проведения психологических тренингов на повышение уровня коммуникативной компетенции следователя и на повышение уровня организаторских склонностей оперативника.

---

[1] Морено, Якоб Леви. Социометрия: экспериментальные метод и наука об обществе. – М., 2004, стр. 45.

10. Конфликты, связанные с искаженным прохождением информации в процессе общения, где общение – это деятельность по установлению, поддержанию и развитию контактов (т.е. связей), имеющая три стороны: коммуникативную (то есть обмен информацией), перцептивную (то есть восприятие друг друга в процессе общения) и интерактивную (то есть взаимодействие, взаимное влияние). Поскольку в силу ряда причин прямые личные контакты между следователем и оперативником бывают затруднены, то могут возникать конфликты, связанные с искаженным прохождением информации. Еще Абраам Моль высказал идеи о «мозаичности» культуры в ее усвоении человеком: увеличение объема информации, а также каналов ее передачи проводит к мозаичному калейдоскопическому восприятию мира, что обусловливает формирование мозаичной структуры знаний, оценок, гипотез и знаний в целом[1]. Процесс перцепции (восприятия), переработки и искажения информации при ее продвижении по уровням управления А. Моль в шутливой форме проиллюстрировал в следующем примере: «Капитан – адъютанту: «Как вы знаете, завтра произойдет солнечное затмение, а это бывает не каждый день. Соберите личный состав в 5 часов на плацу в походной одежде. Они смогут наблюдать это явление, а я дам необходимые пояснения. Если будет дождь, то наблюдать будет нечего, так что в этом случае оставьте людей в казарме». Адъютант – дежурному сержанту: «По приказу капитана завтра утром в 5 часов произойдет солнечное затмение в походной одежде. Капитан даст необходимые пояснения, а это бывает не каждый день. Если будет идти дождь, наблюдать будет нечего, тогда явление состоится в казарме». Дежурный сержант капралу: «По приказу капитана завтра утром в 5 часов затмение на плацу людей в походной одежде. Капитан даст необходимые пояснения в казарме насчет этого редкого явления, если будет дождливо, а это бывает не каждый день». Дежурный капрал – солдатам: «Завтра в 5 часов капитан произведет солнечное затмение на плацу в походной одежде. Если будет дождливо, то это редкое явление состоится в казарме, а это бывает не каждый день». Один солдат – другому: «Завтра, в самую рань, в 5 часов солнце на плацу произведет затмение капитана в казарме. Если не будет дождя, то это редкое явление состоится в походной одежде, а это бывает не каждый день». Таким образом, в процессе профессионального общения следователя и оперативника юридически релевантная (значимая) информация может быть искажена, потеряна, добавлена. Для профилактики искажения информации в процессе ее передачи рекомендуется просить пересказать содержание задачи («доложи, как понял, что будешь делать», «давайте еще раз уточним, как мы будем действовать», чтобы сгладить директивность таких формулировок следователь может пояснить, что он переспрашивает оперативника для того, чтобы «для себя еще раз уточнить» план предстоящих совместных действий). Кроме того, точность передаваемой информации повышается при формулировании письменно, в отдельном следственном поручении.

11. Конфликты, связанные с несовпадением пиков суточной активности. Оперативные кадры во всех федеральных органах исполнительной власти традиционно работают в соответствии с принципами работы, сформулированными еще

---

[1] *Моль Абраам Антуан* Социодинамика культуры. М.: Издательство ЛКИ. 2008. С. 316.

легендарным председателем КГБ СССР Ю.В. Андроповым, который говорил, наставляя оперативные кадры, что «с понедельника по пятницу мы работаем как и другие службы, в субботу мы работаем, ну а в воскресенье… как правило»[1]. В связи со спецификой служебной деятельности следователь обычно «жаворонок», то есть пики суточной активности приходятся на утро и день, а оперативник в связи со спецификой деятельности обычно «сова», то есть пики суточной активности приходятся на вечер и ночь. Следователь, кабинетный работник, как правило, работает с 9 до 18, иногда правда «пробки пережидает» в кабинете и до часа ночи. Когда следователь пытается заслушать в 9 утра обстановку у оперативника, последний в это время может находиться в нересурсном состоянии. Напротив, когда оперативник пытается довести до следователя в 21 час обстановку и получить от него соответствующее решение, следователь не всегда способен его принять в силу того, что к этому времени уже в нересурсном состоянии. Поэтому во избежание конфликтного взаимодействия сведения о пиках суточной активности следует учитывать при решении вопроса о проведении служебных совещаний, которые рекомендуется назначать на те часы, когда лица с разными пиками суточной активности будут находится в ресурсном состоянии (например, днем, после обеда).

Выводы и рекомендации: мы установили, что следователь и оперативник взаимодействуют друг с другом при раскрытии и расследовании преступлений, это взаимодействие имеет психологические аспекты. Оптимально, если это взаимодействие происходит в форме кооперации. В ряде случаев взаимодействие переходит на уровень конфликтного, что, однако, может быть спрофилактировано (предупреждено) путем повышения уровня психологической компетенции следователя и оперативника; путем проведения ведомственными психологами (психологическим активом) соответствующих мероприятий психологической работы (психодиагностика, исследование процессов внутригрупповой динамики; психологические тренинги и т.д.).

Особо следует отметить место и роль психолога (психологического актива подразделения[2]) в повышении качества социального взаимодействия между следователем и оперативником, поскольку прогностическое значение психологической науки состоит в том, что, верно установив индивидуально-психологические особенности, мы может дать вероятностный поведенческий прогноз, то есть уже «здесь и сейчас» научно обоснованно предположить, как данный субъект (в данном случае следователь и оперативник) поведут себя «там и потом», в конкретных ситуациях ведущих видов деятельности (в игре, учении, труде, общении) и на этой основе дать рекомендации по повышению эффективности их социального взаимодействия.

Бессонов А.А.

---

[1] *Семанов С.Н.* Андропов. 7 тайн генсека с Лубянки. М.: Издательство «Вече», 2001. С. 73.

[2] *Белых-Силаев Д.В.* Психологический актив войсковой части// Юридическая психология. 2018. № 4. С. 29.

Некоторые вопросы оперативно-разыскной деятельности в международных нормативных правовых и правоприменительных актах

Аннотация. В статье рассматривается ряд гарантий защиты конституционных прав граждан при осуществлении оперативно-разыскной деятельности, нашедших своё отражение в международных нормативных правовых актах и практике Европейского Суда по правам человека.

Ключевые слова: Европейский Суд, оперативно-разыскная деятельность, права человека, уголовное судопроизводство.

Современный мир поражён транснациональной преступностью, в структуре которой преобладает террористическая и экстремистская деятельность, киберпреступления, нелегальная торговля наркотиками и оружием, использование рабского труда человека. Вновь возродились преступления против человечества, которым, казалось бы, положен конец по результатам Нюрнбергского процесса. Противостояние этим преступным деяниям, представляющим угрозу не только отдельным государствам, но и всему миру, возможно в рамках взаимодействия правоохранительных органов разных стран. Важную роль в этом играет оперативно-разыскная деятельность, задачей которой, в том числе является предупреждение и выявление таких преступных деяний.

Вопросы оперативно-разыскной деятельности на мировом уровне отражены: во-первых, в 28 документах Организации объединённых наций (20 конвенциях, 7 протоколах, 1 соглашении), принятых с 1949 года по 2010 год; во-вторых, в 41 документе Европейского Союза (23 конвенциях, 14 протоколах, 3 соглашениях и 1 плане совместных действий), принятых с 2000 года по 2016 год; в-третьих, в 38 документах Содружества Независимых Государств (1 конвенции, 14 соглашениях и договорах, 9 рекомендательных и модельных законах, 3 концепциях, а также различных положениях, рекомендациях), принятых с 1992 года по 2017 год; в-четвёртых, в 4 документах Шанхайской организации сотрудничества (1 конвенции и 3 соглашениях), принятых с 2004 года по 2010 год; в-пятых, в Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 2017 года; в-шестых, в 2 документах Интерпола – в уставе этой организации от 1956 года и руководстве по сотрудничеству в борьбе с терроризмом (1998 год).

Прежде всего следует иметь в виду, что в международных нормативных правовых актах к оперативно-разыскной деятельности применяется термин «специальные методы расследования». В некоторых из таких международных документов регламентируется процедура проведения конкретных мероприятий, в других – отражены нормы, касающиеся общих положений этого вида деятельности.

Так, Конвенция о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, принятая ООН 20.12.1988, ратифицированная постановлением Верховного Совета СССР от 09.10.1990 № 1711-I[1], регламентирует проведение контролируемых поставок.

---

[1] Сборник международных договоров СССР и Российской Федерации. Вып. XLVII. М., 1994. С. 133–157.

В пункте 1 статьи 20 Конвенции против транснациональной организованной преступности, принятой ООН 15.11.2000, ратифицированной Российской Федерацией Федеральным законом от 26.04.2004 № 26-ФЗ[1], странам-участникам предложено принять необходимые меры по надлежащей регламентации порядка использования контролируемых поставок, электронного и других форм наблюдения, агентурных операций соответствующими национальными компетентными органами на своей территории с целью ведения эффективной борьбы против организованной преступности.

Практически аналогичное положение содержится в пункте 1 статьи 50 Конвенции против коррупции, принятой ООН 31.10.2003, ратифицированной Российской Федерацией Федеральным законом от 08.03.2006 № 40-ФЗ[2], с той лишь разницей, что предложено установить такой порядок использования специальных методов, чтобы доказательства, собранные с их помощью, допускались в суде.

Однако процесс трансформации результатов оперативно-разыскной деятельности в доказательства в нашей стране так до сих пор чётко законодательно не урегулирован, что представляет серьёзную проблему для правоприменительной практики.

Помимо этого в последние годы особенности правовой регламентации оперативно-разыскной деятельности, в том числе в Российской Федерации стали предметом рассмотрения Европейским Судом по правам человека (далее – Европейский Суд), которым по жалобам российских граждан за период с 2005 года по настоящее время вынесено 14 постановлений, непосредственно затрагивающих вопросы этой сферы. Правоприменительные акты данного наднационального судебного органа представляют интерес, прежде всего в плане анализа оперативно-разыскного законодательства государств с различными правовыми системами, а также как основание для совершенствования национальных норм этой отрасли права и непосредственно правоприменительной деятельности.

Европейский Суд определил следующие ключевые основания для осуществления оперативно-разыскных мероприятий в тех случаях, когда они затрагивают неприкосновенность частной жизни человека:

- цель, на достижение которой они направлены, должна быть исключительно важной для всего общества, а именно для защиты его демократических институтов;
- должны отсутствовать другие альтернативные средства для достижения той же цели;
- эти мероприятия должны быть строго регламентированы национальным законом, предусматривающим условия и обстоятельства, при которых они могут осуществляться, а также процедуры их проведения, в том числе предупреждающие злоупотребления со стороны реализующих их должностных лиц;

[1] Собрание законодательства РФ. 03.05.2004. № 18. Ст. 1684; 04.10.2004. № 40. Ст. 3882.
[2] Собрание законодательства РФ. 20.03.2006. № 12. Ст. 1231.

- также должен иметь место судебный контроль за их проведением.[1]

В качестве минимальных гарантий предупреждения возможного злоупотребления со стороны должностных лиц, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, Европейский Суд указывает на необходимость достаточной ясности для граждан законодательства в этой сфере, заключающейся, во-первых, в указании характера, пределов и длительности возможных мероприятий, оснований для издания распоряжения об их применении, органов уполномоченных разрешать их осуществление, а также видов средств правовой защиты, предусмотренных национальным законодательством, во-вторых, доступность предусматривающих это правовых норм для широкой общественности.

К примеру, в таком контексте Европейский Суд признал нарушением статьи 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года создание и ведение российской полицией базы данных «Сторожевой контроль», поскольку предусматривающий её введение и функционирование приказ МВД России от 14.04.2005 г. № 47 «О некоторых мерах по усилению борьбы с экстремизмом» не был опубликован.[2]

Также в постановлениях Европейского Суда отмечается ряд недостатков в существующей законодательно установленной процедуре санкционирования и проведения оперативно-разыскных мероприятий, связанных с любым вмешательством в частную жизнь.

Прежде всего указывается на отсутствие у российского суда, разрешившего проведение оперативно-разыскного мероприятия, ограничивающего конституционные права граждан, полномочий по контролю за ходом его реализации: судья не уведомляется о результатах такого мероприятия и не обладает полномочиями по контролю за соблюдением требований, указанных в выданном им разрешении на его проведение. Надзор за реализацией ограничивающих конституционные права граждан оперативно-разыскных мероприятий, в том числе общественный, не соответствует основам демократического общества[3].

Европейским Судом отмечено отсутствие в нашем государстве закреплённой в законе необходимости получения судебного разрешения на проведение таких оперативно-разыскных мероприятий, как проверочная закупка и оперативный эксперимент, непосредственно затрагивающих конституционные права граждан и наиболее часто использующихся недобросовестными должностными лицами в провокационных целях.

---

[1] См.: Обзор решений Европейского Суда по правам человека по вопросам специальных средств расследования (оперативно-розыскной деятельности) // Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности». С приложением решений Конституционного Суда Российской Федерации и обзоров практики Европейского Суда по правам человека / [отв. ред. *В.С. Овчинский*]; вступ. ст. *В.Д. Зорькина*. 3-е изд., доп. и перераб. М.: Норма: ИНФРА-М, 2019. С. 538–561.

[2] Постановление Европейского Суда по правам человека по делу «Шимоволос против Российской Федерации», жалоба № 30194/09 (вынесено 21 июня 2011 г.) // Система ГАРАНТ.

[3] Постановление Европейского Суда по правам человека по делу «Роман Захаров против России», жалоба № 47143/06 (вынесено и вступило в силу 4 декабря 2015 г.) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2017. № 6. С. 47–48.

В частности, на основе сравнительного исследования законодательства 22 государств-участников Совета Европы, Европейский Суд отмечает, что российское оперативно-разыскное законодательство не предусматривает получения судебного разрешения на проведение проверочной закупки и оперативного эксперимента и в этой части расходится с практикой, принятой большинством европейских государств, в связи с чем этот недостаток отражает структурное уклонение российского государства от обеспечения гарантий против провокации со стороны органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность[1].

Более того, такой порядок получения судебного разрешения, как полагает Европейский Суд, следует распространять на все оперативно-разыскные мероприятия, проводимые негласно, на что он указал, например, в своём постановлении по делу «Носко и Нефёдов против Российской Федерации»[2].

Помимо этого, Европейским Судом отмечено отсутствие в Российской Федерации законодательно регламентированной процедуры проверки руководителем органа, осуществляющего оперативно-разыскную деятельность, или судом обоснованности принятия решения об осуществлении негласных оперативно-разыскных мероприятий (а именно, наличия достаточных фактических данных, подтверждающих основания для этого), а также необходимых гарантий исключения при их проведении провокации со стороны оперативных сотрудников и своевременного уничтожения результатов этих мероприятий по их окончании при отсутствии оснований для возбуждения уголовного дела или реализации иным установленным законом способом.

В качестве недостатка российского оперативно-разыскного законодательства Европейским Судом указано и на отсутствие установленной процедуры возможности обжалования решений суда, которому разрешается санкционирование производства оперативно-разыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан, в вышестоящий суд тем лицом, в отношении которого они проводились, если оно полагает, что его права нарушены, в тех случаях, когда материалы оперативно-разыскной деятельности преданы гласности[3].

В этой связи, оценивая российское оперативно-разыскное законодательство сквозь призму Конвенции о защите прав человека и основных свобод, Европейский Суд отмечает отсутствие в нём необходимых и достаточных гарантий соблюдения конституционных прав граждан в части регламентации процедуры проведения некоторых оперативно-разыскных мероприятий.

Литература

---

[1] Постановление Европейского Суда по правам человека по делу «Веселов и другие против Российской Федерации», жалобы № 23200/10, 24009/07 и 556/10 (вынесено 2 октября 2012 г.) // СПС КонсультантПлюс.

[2] Постановление Европейского Суда по правам человека по делу «Носко и Нефёдов против Российской Федерации», жалобы № 5753/09 и 11789/10 (вынесено 30 октября 2014 г) // СПС КонсультантПлюс.

[3] Постановление Европейского Суда по правам человека по делу «Аванесян против Российской Федерации», жалоба № 41152/06 (вынесено 18 сентября 2014 г) // СПС КонсультантПлюс.

1. *Глухова Е.В., Сергеев А.Б.* Законодательная регламентация использования результатов ОРМ в уголовном судопроизводстве в соотношении с европейскими установками законности их (ОРМ) проведения // Российский следователь. 2017. № 11. С. 8–12.
2. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-разыскной деятельности». С приложением решений Конституционного Суда Российской Федерации и обзоров практики Европейского Суда по правам человека / [отв. ред. *В.С. Овчинский*]; вступ. ст. *В.Д. Зорькина*. 3-е изд., доп. и перераб. М.: Норма: ИНФРА-М, 2019. – 576 с.

Бубенко Н.И.

Перспективы развития оперативно-разыскной деятельности

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы совершенствования оперативно-разыскной деятельности (далее – ОРД) в рамках программы цифровизации экономики. Предлагаются к обсуждению вопросы, связанные с сертификацией рабочих мест, подготовки документов для проведения оперативно-разыскных мероприятий (далее – ОРМ) в электронном виде с использованием электронного документооборота, подготовки специалистов в области ОРД, внедрения в учебный процесс учебных заведений правоохранительных органов бланков электронных документов для проведения практических занятий и использования в практической деятельности, создания банка данных выпускников вузов, проявивших способности к изучению наук, для замещения вакантных должностей в оперативных подразделениях.

Ключевые слова: информационно-телекоммуникационные технологии, сертификация рабочих мест, электронная форма и унификация бланков документов, специализация сотрудников, банк вакансий выпускников.

В июле 2017 г. Распоряжением Правительства РФ утверждена программа «Цифровая экономика Российской Федерации», основной задачей которой ставится создание необходимых условий не только для экономического роста страны, но и обеспечения национального суверенитета или безопасности[1]. Если обратиться к бюджету России на 2019 г, то увидим, что в статье расходов на правоохранительную деятельность и национальную безопасность заложено 2,254 трлн. рублей, что на 0,378 трлн. руб. больше чем в 2018 г. В современном обществе, где в экономике стали доминировать сферы услуг над производством, а граждане стали потребителями в обществе, в связи с чем используется метафора Эриха Фромма «общество потребления», появление и развитие информационных технологий привело к значительному облегчению жизни[2]. Не обошел процесс IT и такую деликатную сферу жизнедеятельности, как оперативно-разыскная деятельность.

[1] Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru.
[2] URL: https://elhow.ru/extras.

Оперативно-разыскная деятельность, являясь формой управленческой деятельности, служит средством решения одной из основных задач - добывания информации о событиях или действиях (бездействии), создающих угрозу государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности Российской Федерации (ст. 2)[1].

В истории развития сыска и, с определенной долей условности, ОРД, исследователи отмечают несколько базовых периодов: с IX- XVII века до настоящего времени. Для определённых этапов развития оперативно-разыскной деятельности характерно появление определённых субъектов, наделённых правом вести наблюдение, фиксацию, документальное закрепление определённых методов работы, приобретает определённый характер разыскной процесс. По мере развития государственности, происходит централизация и правовая регламентация сыскной работы, и, наконец, с принятием первого уголовно-процессуального кодекса РСФСР 25 мая 1922 г., появилась процессуальная составляющая в деятельности подразделений уголовного розыска как органа дознания.

Исследуя вопросы, относящиеся к практике использования результатов ОРД в оперативно-служебной деятельности следует отметить особый вклад коллектива авторов, подготовивших учебник «Основы оперативно-разыскной деятельности», поставивших перед собой цель сформировать оперативно-процессуальное законодательство2. Вместе с тем, нормативно-правовая база ОРД становится открытой для восприятия правовых новелл, получивших апробацию на международном уровне и являющихся передовыми с точки зрения юридического качества и эффективности (законодательство стран Балтии, США). Таким образом, право выступает средством формализации интеграционных процессов. В повестку дня ставится вопрос совершенствования практики деятельности оперативных подразделений, уход от шаблонов при выполнении своих функций.

В последние годы наблюдается процесс перемещения преступности в киберпространство, и, соответственно, оперативный состав подразделений, наделённых правом осуществления оперативно-разыскной деятельности, должен на шаг вперёд идти в использовании передовых технологий. Так, в январе – августе 2018 года на территории России зарегистрировано 1.329.865 преступлений, что на 48 987 меньше, чем за аналогичный период прошлого года (-3,6 %). За этот же период правоохранительными органами Российской Федерации зарегистрировано 107.980 преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, предварительно расследовано – 28.329; удельный вес которых от общего числа зарегистрированных преступлений составил -8,1% (для примера – наибольший удельный вес составили преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков -10.1%). Ущерб только по оконченным и приостановленным уголовным делам составил 399.482.866 тыс. руб., что на 43,6% больше аналогичного показателя прошлого года3.

---

[1] Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности».

[2] Основы оперативно-разыскной деятельности: учебник / под ред. *В.В. Рушайло*. СПб, 2000.

[3] URL: https://genproc.gov.ru/stat/data

Несмотря на регистрируемое снижение преступности, общество до сих пор не удовлетворено качеством деятельности полиции, поскольку работа на формальный результат не оценивается с точки зрения результата фактического. В деятельности оперативных подразделений используются информационные технологии, но преимущественно в аппаратах управления, для воздействия на социальные группы. Полиции предоставлено право создавать банки данных о гражданах (ст.17 ФЗ-3)[1], оперативным подразделениям – создавать информационные системы и заводить дела оперативного учета (ст. 10 ФЗ-144), в которые заносятся практически все граждане, так и ли иначе связанные с реализацией своих прав, однако в законах «О полиции», «Об оперативно-разыскной деятельности» не предусмотрены бюджетные средства, предназначенные для приобретения и использования информационных технологий, специальных технических средств, в том числе сертифицированных, сотрудниками оперативных подразделений. Это может свидетельствовать о неготовности государства в предоставлении современных технологий и права пользования ими оперативным подразделениям ОВД, наделённых правом осуществления оперативно-разыскной деятельности, в силу специфики применения негласных средств и методов. Тем не менее, логика развития глобального мира заставляет шагать в ногу со временем, что и предопределило принятие программы цифрового развития Российской Федерации.

Какова перспектива использования цифровых технологий в деятельности правоохранительных органов?

Несомненным положительным моментом в данном направлении является принятие в 2006году федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», который упорядочил и определил такие понятия как: информационные системы (ст. 13), закрепил возможность использования информационно-телекоммуникационных систем (с учетом международной практики) (ст. 15) и самое важное, на наш взгляд, с точки зрения ОРД, закрепил и ввел в оборот такую норму, как Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов и сетевых адресов в сети Интернет (ст. 15.1), что в значительной степени повлияло на оперативность работы по выявлению и фиксации правонарушений, связанных с киберпреступностью[2].

Федеральный закон от 22.12.2008 № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» (ст. 9,10,11) предусматривает возможность размещения в сети «Интернет» информации о деятельности судов, официальных сайтах судов, электронной почты, на которую можно отправить запрос. Таким образом, формируется единое информационное пространство федеральных судов и мировых судей. Более того, предусматривается трансляция, в том числе отсроченная, судебных заседаний.

В этой связи, на наш взгляд, представляется необходимым готовить документы на проведение оперативно-разыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан, с помощью информационно-телекоммуникационных сетей, сертифицированных рабочих мест, унифицированных для всех

---

[1] СПС КонсультантПлюс

[2] См. там же.

оперативных подразделений. На практике по-прежнему, чтобы получить судебное разрешение, оперативному сотруднику необходимо согласовать соответствующие документы на уровнях территориальном (ОМВД по городу, району), региональном, получить санкцию начальника полиции, согласовать очередность с подразделением специальных технических мероприятий, после чего, в отдельных случаях, несмотря на необходимость безотлагательного получения данного разрешения, в соответствии с ФЗ-144, выстоять очередь в суде. Подобный алгоритм действий не способствует раскрытию преступлений и утрачивает актуальность проведенной и проводимой работы. Опросы оперативных сотрудников показывают, что временные затраты, на согласование указанных выше действий и получение разрешения, занимают до 8 часов. И это, если мы рассматриваем деятельность оперативных подразделений в пределах административного центра региона. О работе перифирийных ОВД не приходится говорить, это мечта любого оперативника, провести хорошую оперативную комбинацию или разработку.

Следующим направлением в развитии информационной инфраструктуры оперативных подразделений ОВД, может служить повсеместное внедрение сертифицированных рабочих мест, возможность в электронном виде получения необходимых бланков документов с учётом ведомственного порядка обращения с документами ограниченного пользования, заполнения и согласования подобных документов, разрешений на проведение оперативно-разыскных мероприятий.

На наш взгляд, было бы целесообразно ввести специализацию сотрудников оперативных подразделений не с точки зрения объектово-линейного, зонального обслуживания, а с точки зрения системного подхода к раскрытию и расследованию преступлений: специалисты – оперативники с техническим образованием в сфере IT, – проводят мониторинг социальных сетей и различных приложений, аналитики – оперативники, - выдают прогнозы, выдвигают оперативно-разыскные версии, совместно со следователями, планируют оперативно-разыскные мероприятия и следственные действия.

Внедрение в практическую деятельность подобных перспективных предложений невозможно без изменения соответствующей нормативно-правовой базы, касающейся защиты информации и лиц от несанкционированного доступа.

Подобная точка зрения коррелируется с требованиями к претендентам на замещение должностей государственных и муниципальных служащих предоставлять представителю нанимателя сведения об адресах сайтов или страниц сайтов в сети «Интернет» с данными, позволяющими их идентифицировать[1].

Однако системообразующим вопросом в деятельности сотрудников оперативных подразделений является уровень профессионализма, образованности. Практика показывает, что в связи с оптимизацией структуры МВД России, снижением уровня требовательности к сотрудникам в части, касающейся получения высшего юридического образования, на службу в оперативные подразделения приходят лица, имеющие весьма далёкое представление о юриспруденции. Срез знаний слушателей показывает, что специальная юридическая терминология, в том числе связанная с оперативно-разыскной деятельностью, им малопонятна,

[1] URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document.

сложна для восприятия и труднодоступна в практике служебной деятельности. Возникает феномен: с развитием цивилизации утрачивается социализация общества, мы наблюдаем пользователей, утративших перспективу развития.

С развитием технологий, размываются элементы морально-этической стороны деятельности, что, несомненно, критично для оперативно-разыскной деятельности. Несмотря на древнейший характер оперативной работы, основу её составляли и будут составлять нравственно-этические основы, личный контакт в выстраивании общественных отношений, что ещё раз подчёркивает необходимость введения и развития информатизации, технологизации и цифровизации оперативно-разыскной сферы административной деятельности.

Важнейшим направлением совершенствования форм и методов оперативной работы является пересмотр самих подходов в деле подготовки специалистов (не сотрудников) в сфере оперативно-разыскной деятельности. С этой целью было бы логично и перспективно во взаимодействии с высшими учебными заведениями создать электронный банк данных наиболее способных студентов с последующим отбором их, при наличии вакансий, на службу в оперативные подразделения, о чем мы на протяжении многих лет пытаемся говорить, но нас не слышат, не пришло время.

Тема создания информационной базы выпускников относительно древняя, как, впрочем, и многие иные темы, исследуемые юридической наукой. В частности, письмом Министерства образования и науки РФ от 10.01.2001 № 39-52-1ин/39-16 подведомственным учреждениям направлены Рекомендации по проведению организационно-методической работы в области содействия занятости учащейся молодежи и трудоустройству выпускников учреждений профессионального образования[1].

В 2011году в Минском университете Республики Беларусь опубликована статья о необходимости создания информационного банка выпускников вузов республики[2].

Государственные службы Чувашской Республики, Кировской области формируют банки данных выпускников, не определившихся с местом работы[3].

Есть надежда, что в недалеком будущем подобная мировоззренческая точка зрения обретёт правовые очертания.

Требуют, на наш взгляд, корректировки рабочие программы учебных заведений правоохранительных органов в части, позволяющей решать практические учебные задачи в аудитории с использованием компьютерных программ, унифицированных бланков документов, автоматизированных рабочих мест. Перспективы решения данной задачи, впрочем, весьма прозаичны. Причин несколько: слабая материальная база не только образовательных организаций, но и практических органов; уровень подготовки специалистов с высшим образованием, в условиях отсутствия конкурса и конкуренции, находится на низком уровне. Ре-

[1] URL: http://симт.рф/docs/News.
[2] URL: http://media.miu.by/files/store/items/chpepu/xv.
[3] URL: http://www.trudu-slava.ru.

зультаты всероссийского опроса молодых специалистов, работодателей и взрослого населения показали, что 91% работодателей (абсолютное большинство) жалуются на недостаток практических навыков у выпускников российских вузов. Такую оценку разделяют и 56% самих выпускников[1]. Отсутствие локальной сертифицированной компьютерной сети – одна из острейших проблем в вопросе повышения как теоретической, так и практической подготовки, должной мотивации на перспективу у сотрудников – системные вопросы, требующие ответа.

Этот, далеко не полный, перечень постановочных вопросов-проблем требует серьезного осмысления, обсуждения среди практиков оперативно-разыскной деятельности, ветеранов сыска, в научной среде, проведения специальных исследований, что в будущем приведёт к революционным изменениям в деятельности оперативных подразделений по раскрытию и расследованию преступлений.

Бутырская А.В.
Лушин Е.А.

Взаимодействие следователя с органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность, при возбуждении уголовного дела за создание преступного сообщества (преступной организации): проблемы, пути решения

Аннотация. Статья посвящена особенностям возбуждения уголовного дела за создание преступного сообщества (преступной организации) по материалам оперативно-разыскной деятельности. Показана важность взаимодействия следователя и сотрудников оперативных служб, рассмотрены формы взаимодействия. Обозначена информация, документированию которой в процессе оперативно-разыскной деятельности должно быть уделено особое внимание. Сделано предложение о внесении в действующее законодательство поправок, предусматривающих исключение преступности деяния для оперативных сотрудников и агентов, внедренных в преступные сообщества

Ключевые слова: взаимодействие субъектов доказывания, расследование уголовного дела за создание преступного сообщества, возбуждения уголовного дела за создание преступного сообщества (преступной организации), использование результатов оперативно-разыскной деятельности при расследовании уголовных дел за создание преступного сообщества, документирование результатов оперативно-разыскной деятельности, формы взаимодействия следователя и сотрудников оперативных служб.

Преступное сообщество (преступная организация) создается лицом в конкретных условиях, в определенном времени, месте, под влиянием окружающей его среды, взаимосвязей с другими процессами объективной действительности, поведения лиц, оказавшихся в сфере деятельности преступника, и под воздействием иных факторов, порой остающихся неизвестными, как при проведении оперативно-разыскных, так и следственных действий.

Как свидетельствуют результаты проведенного исследования стадия возбуждения уголовного дела, на практике нередко вызывает затруднение. Прежде всего это может

[1] Там же.

быть связано с отсутствием эффективного взаимодействия следственных и оперативных органов.

Рассмотрим сущность такой категории как «взаимодействие». По мнению А.И. Бастрыкина, под взаимодействием следует понимать согласованную деятельность следователя, оперативного органа (органа дознания), экспертно-криминалистического подразделения и других субъектов доказывания, предполагающую рациональное сочетание при расследовании преступления процессуальных действий, оперативно-разыскных мероприятий и иных действий, осуществляемых каждым из них в соответствии со своими функциями и в пределах предоставленных законом полномочий, с использованием специальных знаний и технико-криминалистических средств с целью наиболее успешного и эффективного выполнения задач уголовного судопроизводства[1]. Данную позицию поддерживают и другие ученые, в частности, Драпкин Л.Я. и Бахтеев Д.В. проанализировав ряд определений пришли к выводу о том, что «более широкая интерпретация профессора Бастрыкина понятия взаимодействия, осуществляемого в процессе раскрытия и расследования преступлений» оправдана, «поскольку подобное взаимодействие невозможно ограничить участием в нем лишь двух субъектов этого процесса. Роль экспертов и специалистов в процессе доказывания весьма значительна в настоящее время и будет с каждым годом возрастать, особенно при установлении и доказывании виновности конкретных лиц и выявлении признаков латентных преступлений»[2].

С нашей точки зрения взаимодействие при раскрытии и расследовании создания преступного сообщества это форма отношений, в которой реализуется действия каждого субъекта доказывания, характеризуемых общностью понимания ситуации, единым смыслом действий, солидарностью и согласием. Только в этом случае противостоять криминальной деятельности организованных формирований возможно целенаправленно и эффективно.

Изучение эмпирического материала показало, что уголовные дела рассматриваемой категории, как правило, возбуждаются в ходе расследования криминального функционирования преступного сообщества, в процессе которого происходит сбор доказательств, указывающих на наличие признаков ст. 210 УК РФ.

В соответствии с ч. 2 ст. 140 УПК РФ основанием для возбуждения уголовного дела является наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления. По рассматриваемому составу основанием для возбуждения уголовного дела по ч. 1 ст. 210 УК РФ является наличие данных о следующей преступной деятельности:

– создание лицом с целью систематического осуществления преступной деятельности преступного сообщества (преступной организации), т. е. создание централизованной иерархической структуры, состоящей из организатора, руководителей, входящих в управленческий центр, и участников, способных профессионально совершать базовые преступления, распределенных в подразделения (организованные группы), а также иных лиц, выполняющих особые поручения, объединенных единым преступным умыс-

---

[1] Криминалистика: учеб. / под общ. ред. *А. И. Бастрыкина*. М., 2014. Т. II. С. 32.

[2] *Драпкин Л.Я., Бахтеев Д.В.* Взаимодействие следователей с органами дознания и другими участниками расследования преступлений. Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2017. № 3 URL: https://cyberleninka.ru/article/v/vzaimodeystvie-sledovateley-s-organami-doznaniya-i-drugimi-uchastnikami-rassledovaniya-prestupleniy (дата обращения 12.11.2018).

лом, взаимосвязанных между собой, строго подчиненных установленным обязанностям, общим принципам, традициям и нормам поведения, обладающей набором криминальных, коррупционных, межрегиональных и иных связей;

– руководство преступным сообществом (преступной организацией), т. е. реализация указаний организатора преступного сообщества, руководство непосредственной преступной деятельностью, а также структурными подразделениями, контроль, учёт, сбор денежных средств, добытых в результате преступной деятельности, и последующая передача их организатору, поддержание жёсткой внутренней дисциплины, принятие решений о применении материальных поощрений или взысканий, подбор руководителей структурных подразделений, а также передвижение лиц по иерархической системе, установленной в преступном сообществе (преступной организации);

– руководство структурными подразделениями преступного сообщества (преступной организации), т. е. непосредственное участие в совершении преступлений в составе вверенного структурного подразделения, сбор, учёт, передача денежных средств руководителю преступного сообщества (преступной организации), обеспечение и поддержка внутри подразделения дисциплины и конспирации, обучение вновь принятых в преступное сообщество членов правилам конспирации при совершении преступлений, методам и способам их совершения.

Вопрос о возбуждении уголовного дела по ст. 210 УК РФ также исследовался А.И. Романовым и А.С. Цветковой[1], по мнению которых, возбуждение уголовного дела возможно изначально лишь при наличии данных, полученных в результате оперативно-разыскных мероприятий.

Эта позиция представляете нам несколько спорной, хотя безусловно именно оперативно-разыскная деятельность играет важную роль для возбуждения уголовного дела по ч. 1 ст. 210 УК РФ. В этом случае совершенно верно утверждение Н.П. Яблокова[2] о том, что субъекты оперативно-разыскной деятельности не должны накапливать собранную информацию лишь «для себя», они обязаны заботиться о том, чтобы полученная ими информация могла быть своевременно использована и при возбуждении уголовного дела, и при формировании доказательственной базы.

Не останавливаясь подробно на вопросах осуществления оперативно-разыскной деятельности, которая достаточно подробно освещена в научной литературе, мы лишь отметим, что её специфика по данному виду преступлений заключается в сборе разыскной информации в соответствии с Федеральным законом «Об оперативно-разыскной деятельности в Российской Федерации» от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ и носит негласный характер. Разведывательная деятельность часто превращается в серию мероприятий и операций в течение длительного периода. Информация о создании преступного сообщества (преступной организации) в основном получается из негласных источников. В связи с этим, сотрудникам оперативных служб по делам о преступлениях рас-

---

[1] *Романов А.И.* Первоначальный этап расследования уголовных дел об организации преступного сообщества: Дис… канд. юрид. наук. М., 2003. С. 110; Цветкова А.С. Процессуальные проблемы расследования уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации): Автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 8.

[2] *Яблоков Н.П.* Расследование организованной преступной деятельности. М.: Юрист. «Библиотека следователя». 2002. С.113

сматриваемого вида принципиально важно обеспечить должную полноту, достоверность и возможную детализацию собранной информации, оценку её с точки зрения уголовно-процессуальной перспективы и своевременную передачу следственным органам для решения вопроса о возбуждении уголовного дела по ст. 210 УК РФ.

С этой целью особое внимание должно быть уделено документированию результатов ОРД. При документировании факта создания преступного сообщества (преступной организации) должна быть отражена следующая информация: данные об организаторе, руководителях преступного сообщества; мотивы и цель создания; место и время создания; подготовительные мероприятия, как законные, так и незаконные; способы создания преступного сообщества и объем планируемой или уже осуществляемой преступной деятельности, базовая криминальная направленность; способы сокрытия этой деятельности (в частности, легальная деятельность фирм, акционерных обществ, предприятий, с помощью которых прикрывается создание преступного сообщества); методы и механизм управления преступным сообществом; иерархическая структура, численность, количество структурных подразделений; территория планируемой и осуществляемой преступной деятельности; источники получения финансовой и иной материальной выгоды организатором; планируемые или осуществляемые формы легализации, связи с легальным бизнесом; наличие коррумпированных связей с правоохранительными органами и государственными чиновниками, формы и методы противодействия правоохранительным органам.

Очень важно на стадии проведена ОРМ определить устойчивые связи между участниками, налаженные взаимоотношения между ними, выявить так называемое «слабое звено». «Слабым звеном» могут быть лица, не давно вступившие в преступное сообщество, и не успевшие принять участие в преступной детальности, либо лица, которых принудительно вовлекли в деятельность разрабатываемого криминального формирования, либо считающие себя не заслуженно обиженными. Подобная информация позволит в дальнейшим следователю получить доказательства преступной деятельности организатора.

Не менее принципиально с целью преодоления противодействия правоохранительным органам, которое по делам данной категории начинается с момента подготовительных действия, направленных на создание преступного сообщества, получить информацию о наличии либо о желании лидера организовать развитую агентурную сеть, внедрить членов преступного сообщества в структуру, на которую направлен преступный интерес, предпринять попытки коррумпирования должностных лиц государственных и правоохранительных органах.

Серьезную проблему представляет собой выявление управленческого центра преступного сообщества (преступной организации). Под ним мы понимаем высший руководящий орган преступного сообщества (преступной организации), включающий в себя организатора, руководителей сообщества и его структурных подразделений. Он определяет политику преступного сообщества, обладает властными полномочиями и административными ресурсами, направляет и обеспечивает криминальную и некриминальную деятельность.

Безусловно, без внедрения лиц, в криминальное формирование решить эти вопросы практически невозможно. В связи с этим сразу же встает проблема уголовной ответственности внедренного лица. Изучение юридической литературы свидетельствует о

том, что данный вопрос длительное время поднимают и практические работники и ученые. Однако и до сегодняшнего дня законодательного разрешения этой сложной ситуации не имеется. Ст. 18 ФЗ «Об ОРД» предусматривает некоторое решение проблемы, так в 4 части указано, что «лицо из числа членов преступной группы, совершившее противоправное деяние, не повлекшее тяжких последствий, и привлеченное к сотрудничеству с органом, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность, активно способствовавшее раскрытию преступлений, возместившее нанесенный ущерб или иным образом загладившее причиненный вред, освобождается от уголовной ответственности в соответствии с законодательством Российской Федерации». В рассматриваемом случае реализация положений этой статьи вызывает большие затруднения, поскольку речь идет о членах преступного сообщества, которое создается только для совершения тяжких и особо тяжких преступлений, которые соответственно влекут за собой тяжкие последствия. Нельзя не согласится с мнением В.В. Уханова о том, что «действия этой нормы ограничены, поскольку лишь уголовное законодательство определяет, что является преступлением, обстоятельства, смягчающие уголовную ответственности, условия освобождения от уголовной ответственности или наказания»[1]. Выполнение специального задания как обстоятельство, исключающее преступность деяния, предусмотрено уголовными кодексами Республики Беларусь, Республики Казахстан, Литвы, Эстонии. Американское законодательство исключает ответственность секретных агентов и содействующих им частных лиц за мнимое соучастие, поскольку в их действиях нет намерений совершить преступление[2]. По нашему убеждению, целесообразно принять данный положительный опыт зарубежных стран и внести в действующее законодательство поправки предусматривающие исключение преступности деяния для оперативных сотрудников и агентов, внедренных в преступные сообщества, что позволило бы более эффективно противодействовать данным преступным формированиям.

Несколько слов хотелось бы сказать и о взаимодействии следователя с органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность. В целом в научной литературе вопросам взаимодействия уделено достаточно внимания. Поэтому мы отразим лишь некоторые аспекты, представляющие интерес в свете нашего исследования. Взаимодействие между следствием и оперативными службами должно быть основано на общности целей, для достижения которых совместные действия должны носить согласованный характер, быть динамичными. Каждый субъект должен отвечать за результаты мероприятий и последствия собственных действий в пределах своих функциональных обязанностей. Наиболее эффективные результаты могут быть достигнуты, если взаимодействие между службами будет организовано еще до возбуждения уголовного дела.

Формами взаимодействия могут выступать взаимный обмен информацией между следователем и органом дознания. При этом весьма важно обеспечить качественный анализ информации, поступающей из различных источников, ее стыковку, перепроверку и надежное закрепление для тактического и стратегического использования. К

---

[1] *Уханов В.В.* Освобождение от уголовной ответственности и ее исключение в отношении лиц, внедренных в организованные преступные группы: взгляд через положение оперативно-разыскной науки. Оперативник (сыщик). 4(41) ноябрь 2014. С. 14.

[2] *Ахкубеков А.Х.* Правовое регулирование оперативно-розыскной деятельности в зарубежных государствах. Автореф. дис…. канд. юрид. наук. М. 2003. С. 17.

другим формам взаимодействия относятся: одновременная проверка выдвигаемых версий следственным и оперативным путем; совместное планирование раскрытия и расследования преступлений; совместный анализ материалов проверки наличия поводов и оснований к возбуждению уголовного дела либо материалов приостановленных дел; оказание органом дознания помощи следователю при производстве следственных действий и исполнение поручений следователя (ч. 2 п. 4 ст. 38, ч. 7 ст. 164 УПК РФ). Просчеты в организации взаимодействия – одна из причин несвоевременного предотвращения и раскрытия создания преступного сообщества.

Таким образом, данные о создании преступного сообщества полученные из оперативных источников способствуют выдвижению и проверке следственных версий, составлению плана расследования, разработке тактики проведения следственных действий как с организаторами и руководителями этого криминального формирования, так и с рядовыми исполнителями, определению последовательности предъявления доказательств. Следователь, располагая ориентирующей информацией о способах создания преступного сообщества о его численности, об уровне его организации, о функциональных обязанностях всех участников, о базовых эпизодах противоправной деятельности, имеет возможность наиболее эффективно организовать расследование, определить пути и средства реализации оперативных данных и в конечном итоге привлечь всех участников к уголовной ответственности, тем сам прекратив преступную деятельность всей криминальной организации.

Бычков В.В.,
Бражников Д.А.

К вопросу об ознакомлении следователя с оперативными материалами

Аннотация. В тезисах формулируется необходимость и правомерность ознакомления работниками оперативных подразделений следователей с оперативной информацией в рамках расследуемых ими уголовным дел.

Ключевые слова: Следственный комитет Российской Федерации, следователь, оперуполномоченный, орган дознания, уголовное дело, оперативная информация.

На современном этапе развития российского государства приходится с сожалением констатировать осложнение криминальной ситуации. Происходит рост особо тяжких преступных посягательств, в результате которых причиняется не только значительный имущественный, но и физический и моральный вред гражданам. Современная преступность характеризуется, включением в орбиту политических, военных интересов отдельных социальных групп и государств, высокой адаптированностью к происходящим в социуме изменениям, новейшим достижениям научно-технического прогресса, о перерождении в новых формах, методах и способах совершаемых преступных посягательств в сферах, сложных для осуществления социального контроля. Только в 2017 году было зарегистрировано 30,5 млн. заявлений (сообщений) о преступлениях, административных правонарушениях и происшествиях. В результате было возбужденно 1,7 млн. уголовных дел[1].

Эффективность расследования преступлений в значительной степени зависит от качественного взаимодействия оперативно-разыскных и следственных подразделений, сочетания процессуальных и оперативно-разыскных форм, установления истины и привлечение к уголовной ответственности виновных, а также розыска похищенного имущества[2].

В юридической литературе дискутируется вопрос о праве следователя знакомиться со сведениями, полученными оперативным путем и их объеме[3].

---

[1] *Антонян Ю.М., Бражников Д.А., Гончарова М.В.* и др. Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации и расчетные варианты ее развития. М. 2018. С. 7

[2] См. подробно: *Багмет А.М., Бычков В.В.* Взаимодействие следователя с правоохранительными органами и органами дознания при раскрытии и расследовании преступлений: учебное пособие. М., 2018; *Бражников Д.А., Бычков В.В*. [и др.] Правовые основы оперативно-розыскной деятельности: курс лекций. Тюмень, 2012; *Бражников Д.А., Бычков В.В*. [и др.] Правовые основы оперативно-розыскной деятельности: учебно-методическое пособие. М., 2017; *Бражников Д.А., Бычков В.В.* [и др.] Оперативно-розыскная деятельность: учебник. М., 2019; *Бражников Д.А., Бычков В.В.* Особенности взаимодействия следователя с органами дознания по розыску лиц, пропавших без вести // Противодействие преступлениям, связанным с безвестным исчезновением граждан, и методика их расследования: мат-лы Междун. науч.-практич. конф. (20.03.2015). М., 2015. С. 46–51.

[3] См. напр.: *Бажанов С.В.* Основные направления совершенствования взаимодействия органов предварительного расследования в условиях следственно-оперативных групп. Владимир, 1997. С. 19.

В Инструкции по организации взаимодействия говорится, что «руководитель органа предварительного следствия, следователь вправе знакомиться со всеми оперативными материалами в порядке и с соблюдением требований, установленных нормативными правовыми актами МВД РФ»[1].

Согласно же Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-разыскной деятельности» следователь лишен возможности знакомиться со способами и источниками получения оперативно-разыскной информации. Вместе с тем, не зная способов и источников получения оперативной информации, следователь иногда затрудняется дать оценку ее достоверности. В оперативных материалах могут содержаться самые разные сведения, имеющие существенное значение для решения вопроса о возбуждении уголовного дела и организации расследования. Опираясь на информацию, полученную в результате осуществления оперативно-разыскной деятельности, следователь сможет принимать адекватные возникшей ситуации решения, своевременно планировать и эффективно проводить следственные действия.

Результаты проведенного нами опроса, свидетельствуют, что более 30% сотрудников оперативных подразделений МВД России и 80% следователей СК России считают необходимым полное ознакомление следователей с имеющейся оперативной информацией до возбуждения уголовного дела; 70% оперативных сотрудников и 35% следователей считают оптимальным ситуацию, когда следователь может знакомиться с отдельными документами, исключающими возможность расшифровки источника информации.

Полагаем, что необходимо согласиться с тем, что полное ознакомление следователя с результатами оперативно-разыскной деятельности является целесообразным[2], так как позволяет осуществить многофакторный, всесторонний анализ имеющихся данных для выработки оптимального плана следственных действий. Полагаем, что он может быть ограничен только необходимостью соблюдения государственной или служебной тайны, а также возможной опасностью для жизни и здоровья задействованных в оперативно-разыскных мероприятиях лиц.

На наш взгляд, законодательно необходимо установить обязанность органа дознания предоставлять следователю всю оперативную информацию по находящемуся в его производстве делу, в связи с чем предлагается закрепить это положение в ст. 38 УПК РФ.

---

[1] Приказ МВД РФ от 20.07.1996 № 334 (ред. от 18.01.1999) «Об утверждении Инструкции по организации взаимодействия подразделений и служб органов внутренних дел в расследовании и раскрытии преступлений» // Бюллетень текущего законодательства МВД РФ. 1996. Выпуск 16. Часть III.

[2] Бекетов М.Ю. Взаимодействие следователя органов внутренних дел с милицией при производстве предварительного следствия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003; Плеснева Л.П. Правовые и организационные основы взаимодействия следователя с органами дознания: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2002.

Литература

1. *Антонян Ю.М., Бражников Д.А., Гончарова М.В.* [и др.] Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации и расчетные варианты ее развития. М. 2018. С. 7
2. *Багмет А.М., Бычков В.В.* Взаимодействие следователя с правоохранительными органами и органами дознания при раскрытии и расследовании преступлений: учебное пособие. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2018. 343 с.
3. *Бажанов С.В.* Основные направления совершенствования взаимодействия органов предварительного расследования в условиях следственно-оперативных групп. Владимир, 1997.
4. *Бекетов М.Ю.* Взаимодействие следователя органов внутренних дел с милицией при производстве предварительного следствия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.
5. *Бражников Д.А., Бычков В.В.* [и др.] Правовые основы оперативно-разыскной деятельности: курс лекций. Тюмень: Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, 2012. 151 с.
6. Бражников Д.А., Бычков В.В. [и др.] Правовые основы оперативно-разыскной деятельности: учебно-методическое пособие. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. 146 с.
7. *Бражников Д.А., Бычков В.В*. [и др.] Оперативно-разыскная деятельность: учебник. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2019. – 431 с.
8. *Бражников Д.А., Бычков В.В.* Особенности взаимодействия следователя с органами дознания по розыску лиц, пропавших без вести // Противодействие преступлениям, связанным с безвестным исчезновением граждан, и методика их расследования: материалы Международной научно-практической конференции (20.03.2015). М.: Академия СК России, 2015. С. 46–51.
9. *Плеснева Л.П.* Правовые и организационные основы взаимодействия следователя с органами дознания: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2002.

Валов С.В.

Организация взаимодействия органов предварительного Следствия с органами (подразделениями), осуществляющими оперативно-разыскную деятельность

Аннотация. В статье дается понятие, раскрывается содержание, определяются основные принципы организации взаимодействия органов предварительного следствия с органами (подразделениями), осуществляющими оперативно-разыскную деятельность.

Ключевые слова: организация, взаимодействие, оперативно-разыскная деятельность, предварительное следствие, органы предварительного следствия, начальник, следователь.

Человек актуализирует и проявляет себя в социальной среде через осуществление определенных действий. Проблемы, повседневно возникающие перед ним, или вопросы, сознательно выдвигаемые индивидом, в силу ограниченности его возможностей требуют при их разрешении совместных действий нескольких людей, взаимной поддержки друг друга. Такая форма совместной деятельности укладывается в *общую модель поведения* разных групп людей, *контактирующих друг с другом*. В рамках данной модели различают *предметно-ориентированное взаимодействие* (наличие у нескольких субъектов общего интереса к объекту) и *субъектно-направленное воздействие субъектов друг на друга* в процессе деятельности. Последнее подразделяется на четыре основных вида: содействие, компромиссное взаимодействие, уклонение от взаимодействия и противодействие[1]. Выделяют три модели предметно-ориентированного взаимодействия: совместную индивидуальную, совместно-последовательную и совместно-взаимодействующую деятельность, различаемые степенью, временем и последовательностью выполнения субъектами операций и действий, составляющих содержание совместной деятельности[2].

Преступность, как социальное явление, порождено разными факторами и представлено во многих сферах человеческой деятельности. Сложность и неоднородность возникающих в этой связи проблем в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина, охраны собственности, интересов общества и государства, обеспечения общественной безопасности и охраны общественного порядка предопределяют применение комплексного подхода при осуществлении правоохранительной деятельности. Одновременно функциональная дифференциация, специализация субъектов правоохранительной системы на определенном направлении деятельности в силу специфичности используемых ими сил, методов и средств для решения поставленных перед ним задач ослабляет отдельно взятый элемент данной системы в процессе борьбы с комплексным и не столь социально формализованным явлением как преступность. Применение принципа специализации для организационно-структурного построения правоохранительных органов компенсируется посредством целенаправленного, повсеместного и согласованного использования потенциала подразделений и органов, всех сил и средств по решению поставленных перед ними задач.

Следовательно, взаимодействие есть имманентно присущая любой целостной, но дифференцированной по функциональному принципу социальной системе; согласованная по целям, времени, месту; осознанная, основанная на взаимном доверии, возникающая по инициативе одной или нескольких сторон, или в связи с прямым правовым предписанием, постоянно и повседневно осуществляемая субъектами совместная деятельность, направленная на достижение взаимовыгодного для всех ее соучастников позитивного результата путем эффективного и рационального разрешения проблем внешнего или внутриорганизационного характера.

---

[1] *Журавлев А.Л.* Совместная деятельность как объект социально-психологического исследования // Совместная деятельность: методология, теория, практика М., 1988. С. 18–19.

[2] *Уманский Л.И.* Методы экспериментального исследования социально-психологических феноменов // Методология и методы социальной психологии. М., 1977, С. 55–58.

Поскольку сущностными признаками взаимодействия, как разновидности совместной деятельности, выступают равенство участвующих в совместной деятельности партеров, а также солидарная и равная ответственность взаимодействующих субъектов за ход и результаты совместной деятельности, то данным понятием не охватываются контакты сторон, при которых одна из них наделена в отношении другой контрольно-надзорными функциями или имеет право давать оценку ее действиям. Следовательно, нельзя признать формой взаимодействия исполнение органом дознания письменного поручения следователя о проведении оперативно-разыскных мероприятий (ч. 4 ст. 21, ч. 4 ст. 38, п. 6 ч. 1 ст. 40.2, ч. 1 ст. 144, ч. 1 ст. 152, ч. 4 ст. 157 и др. ст. УПК РФ).

Предварительное следствие может осуществляться персонально следователем или следственной группой. Именно они выступают в качестве субъектов внутреннего взаимодействия со стороны органов предварительного следствия в уголовном судопроизводстве. Субъекты осуществления оперативно-разыскной деятельности определены в ст. 13 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-разыскной деятельности» и конкретизируются в ведомственных нормативных правовых актах[1]. В рамках решения указанными органами (подразделениями) совместных задач в ходе служебной (не урегулированной УПК РФ) деятельности субъектами взаимодействия с той и другой стороны могут выступать иные сотрудники, федеральные государственные гражданские служащие и работники органов, их коллективные образования (штатные и (или) временные).

В качестве критериев классификации взаимодействия выделим следующие признаки, важные для управления совместной деятельностью: 1) принадлежность субъектов взаимодействия и их руководителей к структурно-независимым системам; 2) вид совместной деятельности; 3) характер условий, в которых осуществляется совместная деятельность субъектов и управление ими; 4) взаимное расположение субъектов совместной деятельности на уровнях иерархического построения. В результате применения первого основания вся совместная деятельность делится на внешнее и внутреннее взаимодействие. Исходя из разновидности совместной деятельности сторонами могут выступать исполнители предметной, управленческой и обеспечительной деятельности. Совместная деятельность может выполняться в повседневных и особых условиях. Взаимодействующие субъекты могут располагаться на различных иерархических уровнях одного или нескольких правоохранительных органов.

Процесс упорядочения совместной деятельности субъектов, не находящихся по отношению друг к другу в состоянии подчиненности и принадлежащих разным организационным образованиям, выступает частным проявлением одной из функций управления – организации. Следовательно, при организации субъектом управления взаимодействия органов предварительного следствия и органов (подразделений), осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, должна соблюдаться последовательность действий и операций, установленная для данной

[1] О некоторых вопросах организации оперативно-розыскной деятельности в системе МВД России: приказ МВД России от 19 июня 2012 г. № 608 // СПС КонсультантПлюс.

функции управления с учетом специфики совместной деятельности управляемого объекта и его партнера. При организации взаимодействия используются результаты, достигнутые при выполнении иных функций управления взаимодействующими субъектами (должностными лицами, подразделениями, органами).

Организация взаимодействия – это разновидность управленческой деятельности, осуществляемой субъектом управления или уполномоченными им лицами и состоящей в оптимальной выборе форм и методов совместной деятельности, в закреплении их в управленческих решениях, обязательных для всех участников совместной деятельности, в обеспечении соответствия их согласованных действий ранее принятым управленческим решениям и нормативным требованиям для эффективного и рационального использования сил и средств взаимодействующих сторон при комплексном решении стоящих перед ними задач и достижения взаимовыгодного результата.

В отличие от взаимодействия ответственность за его организацию несет руководитель, перед которым стоит цель достижения упорядоченности совместной деятельности органов предварительного следствия и органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность. В качестве субъектов организации взаимодействия могут выступать должностные лица, специально уполномоченные руководителем. Так, следователь, осуществляя дежурство в составе суточного наряда в соответствии с графиком, утвержденным начальником территориального органа МВД России, является руководителем дежурной следственно-оперативной группы, определяет порядок ее работы, распределяет работу между членами группы, обеспечивает согласованность, осуществляет координацию и контроль их действий.

При организации взаимодействия руководитель должен соблюдать следующие *принципы*: 1) приоритетность общей цели над целями, стоящими непосредственно перед взаимодействующими сторонами; 2) выделение точек совпадения разрозненных интересов; 3) оптимальное сочетание сил, средств, возможностей и потенциала взаимодействующих сторон для решения каждой задачи; 4) четкая постановка задач, определение компетенции каждого из взаимодействующих субъектов; исключение параллелизма, пробелов и дублирования в выполнении функций, необходимых для достижения цели; 5) непрерывность, маневренность, мобильность организации; 6) возложение бремени ответственности руководителя за принятое управленческое решение о формах и методах совместной деятельности; 7) развитие традиций взаимодействия; 8) выявление, распространение и внедрение положительного опыта совместной деятельности.

В целях упорядочения совместной деятельности участников взаимодействия руководитель реализует *следующие мероприятия*: 1) определяет общую цель для всех и конкретные задачи для отдельных взаимодействующих субъектов; 2) согласует место и время начала и окончания совместной деятельности, промежуточные этапы, состав сил и средств, одновременно задействованных для достижения цели и решения поставленных задач; 3) определяет организационные формы взаимодействия, соответствующие характеру совместной деятельности; 4) осуществляет выбор форм и методов совместной деятельности, обусловленных

ее предметом, составом участвующих в ней субъектов, их компетенцией, возможностями и ресурсной обеспеченностью; 5) принимает управленческое решение об упорядочении функциональных и организационных связей взаимодействующих сторон; 6) определяет модель будущей деятельности нового организационного образования; 7) координирует действия взаимодействующих субъектов в процессе выполнения поставленных перед ними задач; 8) разрешает противоречия и споры взаимодействующих сторон; 9) оценивает ход и результаты совместной деятельности.

Контакты органов предварительного следствия и органов (подразделений), осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, не исчерпываются сферой расследования преступлений. Совместное и согласованное использование руководителями обеих взаимодействующих сторон разнообразных форм, методов, средств для упорядочения совместной деятельности подчиненных на различных направлениях создает условия для успешного решения ими задач противодействия преступности. Ответственность за организацию взаимодействия всегда лежит на руководителях, определяющих своими управленческими решениями цели, задачи, формы, методы и средства совместной деятельности.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.

Вдовцев П.В.,
Каркошко Ю.С.

Использование в ходе расследования данных оперативно-разыскной деятельности: отдельные аспекты проблемы

Аннотация. В статье анализируются положения уголовно-процессуального закона, посвященные использованию в расследовании результатов оперативно-разыскной деятельности, высказываются предложения по совершенствованию действующего законодательства

Ключевые слова: следователь, доказывание, следственные действия, оперативно-разыскная деятельность

Согласно ст. 89 УПК РФ, запрещается использовать полученные в результате оперативно-разыскной деятельности сведения, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам. Следует рассмотреть данное положение подробнее, поскольку вопросы, связанные с необходимостью обеспечения правильного использования в расследовании оперативно-разыскной информации, нередко возникают в следственной практике.

Под фактическими основаниями производства следственных действий понимаются, как правило, данные (сведения), указывающие на возможность (необходимость) их производства.

При этом объем фактических данных, необходимый для принятия обоснованного решения о проведении следственного действия, формируется в первую очередь за счет уголовно – процессуальных доказательств. Однако, как справедливо отмечает В. А. Семенцов, нужно иметь в виду, что правовая природа фактических данных может быть иной, чем у доказательств, поскольку для принятия решения о проведении следственного действия допускается использовать обоснованные предположения[1]. В полной мере справедливость данного утверждения проявляется в самом начале расследования, когда процесс доказывания только начался и, следовательно, доказательств в уголовном деле еще нет или их недостаточно. Поэтому основанием проведения следственных действий могут служить не только доказательства, но и оперативно – разыскные данные[2].

Применительно к отдельным положениям УПК РФ данное суждение требует уточнения. Так, в правоприменительной деятельности может возникнуть вопрос о том, допустимо ли совпадение в одном лице дознавателя, производящего неотложные следственные действия по уголовному делу, и субъекта, который проводит (проводил) по данному уголовному делу оперативно – разыскные мероприятия (далее - ОРМ). Этот вопрос вытекает из анализа некоторых положений УПК РФ. Так, согласно ч. 2 ст. 41 последнего лицо, которое проводило или проводит по данному уголовному делу ОРМ, не вправе проводить дознание. Дознанием же законодатель признает лишь форму предварительного расследования по уголовному делу, по которому производство предварительного следствия необязательно (п. 8 ст. 5 УПК РФ). Если неотложные следственные действия не являются дознанием, то, следовательно, лицо, которое проводило (проводит) по уголовному делу ОРМ, вправе осуществлять по данному делу неотложные следственные действия, ибо это не является дознанием в буквальном смысле действующих норм. Иначе говоря, налицо противоречие по данному вопросу.

Как отмечается в научной литературе, УПК РФ усиленно проводит курс на дезинтеграцию оперативно – разыскной и уголовно – процессуальной деятельности[3]. Именно в этом аспекте следует понимать запрет, установленный ч. 2 ст. 41 УПК РФ. Деятельность по производству неотложных следственных действий носит сугубо процессуальный характер, является частью расследования. Надлежащим субъектом расследования будет лицо, которое не связано и не было связано с проведением по данному делу ОРМ. С учетом этого, лицо, проводящее (проводившее) ОРМ по уголовному делу, не может быть уполномочено производить по нему неотложные следственные действия. Также и лицо, приступающее к производству указанных действий, не должно было до этого проводить по

---

[1] *Семенцов В.А.* Следственные действия в досудебном производстве (общие положения теории и практики). Екатеринбург, 2006. С. 139–140.

[2] См., например: Правовые и криминалистические аспекты расследования некоторых видов коррупционных преступлений: учебное пособие / под общ. ред. *В.Н. Карагодина*. М., 2016. С. 152–153; *Поляков М.П.* Уголовно-процессуальная интерпретация результатов ОРД: монография. Н. Новгород, 2001. С. 103.

[3] См., например*: Оленюк Н.Р.* Деятельность органов дознания в таможенной службе РФ: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. Владивосток, 2002. С. 17.

данному делу ОРМ, не вправе указанное лицо и проводить по нему (делу) одновременно с неотложными следственными действиями ОРМ. Следовательно, данные оперативно-разыскной деятельности, указывающие на возможность получения путем проведения следственного действия доказательств, не должны быть получены лицом, производящим неотложные следственные действия.

Итак, результаты оперативно-разыскной деятельности как процессуальное доказательство не расцениваются, а выступают исключительно информацией об обстоятельствах преступления, а также о лицах, его совершивших. Такие материалы передаются органу предварительного расследования в соответствии с Инструкцией (далее - Инструкция) о порядке представления результатов оперативно-разыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд, утвержденной совместным Приказом МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27.09.2013[1].

Материалы подлежат тщательному изучению следователем с целью проверки законности проведения оперативно-разыскных мероприятий, установления отсутствия противоречий в них, наличия документов, предусмотренных Инструкцией.

Следователю необходимо убедиться в том, что оперативно-разыскные мероприятия, по результатам которых получены материалы, проводились полномочными должностными лицами. Практике известны споры о наличии подобных полномочий. Рассмотрим следующий пример.

Оперативным сотрудником органов внутренних дел, в производстве которого находилось дело предварительной оперативной проверки по факту противоправной деятельности должностного лица М., проводился оперативный эксперимент, в ходе которого был зафиксирован факт передачи должностному лицу взятки в виде денежных средств. После регистрации рапорта в порядке ст. 143 УПК РФ этим же сотрудником проведен осмотр места происшествия в кабинете должностного лица М., в результате которого обнаружены и изъяты денежные средства, полученные М. в качестве взятки.

В связи с тем, что это мероприятие проведено с нарушением требований ч. 2 ст. 41 УПК РФ, данное доказательство признано недопустимым. Нарушение повлекло за собой невозможность направления уголовного дела в суд. Уголовное преследование в отношении должностного лица М. прекращено[2].

Как отмечалось, производство неотложных следственных действий (а проведенный в анализируемом примере оперативным сотрудником осмотр относится к их числу) носит сугубо процессуальный характер, является частью расследования. Следовательно, и осуществлены они могут быть лишь процессуально правоспособным субъектом. Процессуальной правоспособностью не может обладать лицо, проводившее по данному уголовному делу оперативно-разыскные мероприятия.

---

[1] Российская газета. 13 декабря 2013 г.

[2] Вестник следственного управления СК России по Удмуртской Республике. 2011. № 3.

Кроме того, значимым является разрешение следующего вопроса. По буквальному смыслу ч. 2 ст. 41 УПК РФ содержащиеся в ней требования распространяются только на те случаи, когда ОРМ проводятся (проводились) в рамках возбужденного уголовного дела. В анализируемом же примере ОРМ было проведено до его возбуждения. Представляется, данное обстоятельство принципиального значения не имеет. Главный критерий участия лица, проводившего ОРМ, в последующей процессуальной деятельности - были ли результаты проведенных им оперативных мероприятий «реализованы» в уголовном процессе. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» устанавливает формы «реализации» сведений, полученных посредством оперативных мероприятий, в уголовно-процессуальной деятельности. Согласно его ст. 11 они могут быть использованы для подготовки и осуществления следственных и судебных действий, могут служить поводом и основанием для возбуждения уголовного дела, представляться в орган дознания, следователю или в суд, в производстве которого находится уголовное дело или материалы проверки сообщения о преступлении, а также использоваться в доказывании по уголовным делам в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, регламентирующими собирание, проверку и оценку доказательств. Если такая «реализация» (в любой из перечисленных форм) имела место, то лицо, проводившее оперативные мероприятия, осуществлять, как представляется, производство по делу не вправе, поскольку не обладает процессуальной правоспособностью.

УПК РФ же исключает возможность участия лица в процессуальной деятельности только в одном случае: если оно проводило (проводит) оперативно-разыскные мероприятия по данному уголовному делу. Во всех других случаях «реализации» результатов оперативных мероприятий лицо, их проводившее, обладает процессуальной правоспособностью. С данным обстоятельством согласиться нельзя. Однако исправить эту ситуацию может только внесение изменений в уголовно-процессуальный закон.

Волынский А.Ф.

Оперативно-розыскная деятельность и организация расследования преступлений

Аннотация. В статье рассматривается значение взаимодействия следователя с сотрудниками, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, для возмещения вреда, причиненного совершением коррупционного преступления.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, организация раскрытия и расследования преступлений, взаимодействие.

Общепризнано, что раскрытие и расследование многих тяжких и особо тяжких преступлений, в том числе серийных, просто невозможно без оперативно-розыскной деятельности (ОРД). Ее роль незаменима и в расследовании преступлений прошлых лет. И тем не менее в УПК РФ возможности этой деятельности как

средства доказывания остаются назывными. Еще при обсуждении проекта ныне действующего УПК РФ, участником которого мне приходилось быть, обращалось внимание его авторов на то, что ими позаимствованы из уголовно-процессуального законодательства зарубежных стран принципы уголовного судопроизводства и ряд положений, касающихся его демократизации, гуманизации и либерализации, но при этом оставлены без внимания те методы, средства и формы деятельности правоохранительных органов, посредством которых, там в условиях рыночных социально-экономических отношений, обеспечивается реализация таких принципов. В частности, фактически оказалась искусственно исключенной из средств доказывания оперативно-розыскная деятельность. По замыслу законотворцев возможности этой деятельности в раскрытии и расследовании преступлений реализуются в порядке взаимодействия с органами дознания, то есть с оперативно-розыскными аппаратами. Естественно, возникает вопрос, а каким образом это взаимодействие представлено в нормах того же самого УПК РФ?

Ответ на него можно обнаружить в ряде статей данного закона. Но, пожалуй, ключевой их них содержится в п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ, наделяющим следователя правом «давать органу дознания... обязательные для исполнения письменные поручения о проведении оперативно-розыскных мероприятий». Однако абсолютное большинство ответов на такие поручения, о чем свидетельствуют опросы следователей и дознавателей, представляют собой формальные отписки. А коль скоро отсутствие такой переписки (взаимодействия) в уголовном деле рассматривается лицами, осуществляющими процессуальный надзор за его расследованием, как серьезное упущение, влекущее дисциплинарное наказание, следователи зачастую, во избежание неприятностей, пишут задание, а вместе с тем и ответ на него.

Откровенно отрицательное отношение законодателя к возможностям ОРД нашло отражение в ст. 89 УПК РФ, которая фактически запрещает использование данных этой деятельности в процессе доказывания, «если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам настоящим Кодексом». Но все-таки главное в этой правовой норме - «запрещается». С этого она и начинается, предопределяя противоречивое отношение, прежде всего, оперативных работников к осуществляемой ими деятельности. В самом деле, зачем стараться, если результаты твоего труда «запрещается» использовать. Не спасает положения и следующее затем «если», поскольку, требования, предъявляемые к доказательствам, содержатся более чем в десяти статьях «настоящего Кодекса», но нет четко определенных критериев оценки даже таких категорий, как относимость, допустимость, достоверность (ст. 88 УПК РФ). Чем, следует заметить, с успехом пользуются адвокаты, выступая защитниками по уголовным делам.

Не отличается определенностью и конкретностью предписание п. 2.2 ст. 163 УПК РФ, в которых декларируется, что «к работе следственной группы могут быть привлечены (а могут быть и не привлечены? А.В.) должностные лица, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность». И это в то время, когда для раскрытия и расследования неочевидных тяжких и особо тяжких преступлений, создаются следственно-оперативные группы, а иногда и постоянно действующие.

Самое простое объяснение такого положения связывается с упущением законодателя, с происками адвокатского лобби, с настороженным отношением нашего общества к негласным методам и средствам собирания доказательств в уголовном процессе. И все это недалеко от истины, хотя причины тому много разнообразней и сложнее, а в историческом аспекте более глубинные. Они связаны с особенностями возникновения и развития системы правоохранительных органов, и самым непосредственным образом зависят от уровня открытости и публичности методов и средств, реализуемых ими в деятельности по борьбе с преступностью.

Например, в США обеспечение безопасности поселений эмигрантов изначально было их собственной проблемой. Избираемый ими из своего круга шериф пользовался широкой поддержкой всех поселенцев и действовал по принципу: «Для достижения цели все средства хороши». Отношение к негласным методам и средствам борьбы с преступностью при этом формировалось с позиций прагматизма, с учетом результатов деятельности детективных организаций, создаваемых на основе частной инициативы, в условиях доброжелательного их восприятия обществом и средствами массовой информации. Только в таких условиях мог появиться легендарный Аллан Пинкертон - эмигрант из Ирландии, организовавший в середине XIX века сыскное бюро, в основе деятельности которого были негласные, разведывательные методы и средства, результаты применения которых по прецедентному праву этой страны признавались доказательством[1].

Не менее показательная история зарождения уголовной полиции и её негласной сыскной деятельности во Франции, которая связывается с именем Видока, бывшего каторжанина, трижды совершавшего побеги, а в 1810 году организовавшего и возглавившего тайную полицию Парижа, названную «Сюрте» («Безопасность»). Реализуя принцип «Преступность может уничтожить только сама преступность», Видок сформировал штат своих сотрудников исключительно из ранее судимых лиц, хорошо знавших преступный мир, его обычаи и традиции. Основным способом действий таких сотрудников было внедрение в преступные группы и собирание информации об их составе, о ролевых функциях её членов, о совершенных и готовящихся ими преступлениях[2].

При этом успешная деятельность таких детективов, что очень важно, была предметом постоянного внимания средств массовой информации, с восторгом рассказывавших о раскрытии тяжких, вызвавших общественный резонанс преступлений.

Правоохранительные органы России изначально создавались не снизу, не самим народом, а указами «сверху» как органы государственного контроля и принуждения, со всеми присущими им методами и средствами осуществляемой в этих целях деятельности, в том числе негласной, которая традиционно была лишена публичности, более того негативно воспринималась обществом. И следует признать, порой не без оснований, поскольку её закрытость как раз и способство-

---

[1] Торвальд Ю. Век криминалистики. М.: Прогресс. 1990. С. 98-99.
[2] Там же. С. 21-22.

вала проявлению негатива в её осуществлении, начиная от целей и завершая методами и средствами их достижения. Уже в советское время одно упоминание в научной статье термина «оперативно-розыскная деятельность» исключало возможность её опубликования в открытой печати. Так появились и получили широкое распространение, не только на бытовом, но и на официальном уровнях (в дискуссиях по законопроектам), пренебрежительные термины, вроде «стукачество», «доносительство», весьма далекие от того, что реально представляет собой государственно-правовая оперативно-розыскная деятельность.

В советское время негативное отношение к ОРД связывалось с террором в годы культа личности, с последующим его разоблачением и борьбой с его последствиями. Сформированный в 50-х - 60-х годах прошлого века миф об этой деятельности как одной из основных причин трагических событий, происходивших в нашей стране в предыдущие десятилетия, оказался «удачной находкой» для идеологов того времени, которой воспользовался и законодатель. В результате в УПК РСФСР 1961 г. ОРД всего лишь упоминается, как одна из обязанностей органа дознания (ст. 118), но остается назывной, то есть ничего не сказано о доказательном значении данных ОРД, о порядке их легализации в уголовном процессе.

УПК РФ (2001 г.) в этом отношении, судя по содержанию выше упомянутых статей, оказался еще более «радикален». Очевидно, что гуманизация и либерализация уголовного судопроизводства в нем непосредственно связывается с искусственно созданными барьерами в части использования ОРД в раскрытии и расследовании преступлений, а ее данных в процессе доказывания. В результате по общеуголовным делам, отмечается в различных исследованиях, данные ОРД фигурируют в качестве доказательств только по 4-5 % приговоров судов, по экономическим преступлениям несколько больше. Но это далеко не 30%, которые обозначает В.Ф. Статкус, ссылаясь на опыт некоторых западноевропейских стран. Впрочем, справедливости ради отметим, что реальное участие сотрудников оперативно-розыскных аппаратов в раскрытии преступлений, прежде всего, тяжких и особо тяжких, много значимей, по сравнению с тем, что находит отражение в приговорах судов.

Однако приговор суда - это публичное признание не только вины человека, совершившего преступление, но и методов, средств её установления. Таким образом, и это также очень важно, даётся публичная оценка деятельности сотрудников, осуществляющих ОРД. Вместе с тем проявляется профилактическая роль ОРД - в общественном сознании формируется понимание: «Нет ничего тайного, что не становится явным». И поэтому прав В.Ф. Статкус, отмечая, что на эту деятельность «государством затрачиваются большие средства, намного превышающие расходы на содержание органов предварительного следствия», а использование её возможностей в раскрытии и расследовании преступлений фактически блокируется несовершенством уголовно-процессуального законодательства. Так правоохранительные органы в ограничены в использовании важнейшего средства эффективной борьбы с преступностью. В конечном итоге, по его мнению,

деньги «оказываются пущенными на ветер»[1].

Следует заметить, что не лучшим образом на легализацию ОРД в уголовном процессе, на обоснование ее исключительных возможностей в борьбе с современной (рыночной) преступностью сказывается одностороннее - сугубо следственное, или, наоборот, абстрактное теоретико-философское определение и толкование понятия «организация расследования преступлений», причем не однозначное в представлении разных ученых. Для одних - это рациональный выбор расстановки и приложения сил, орудий и средств»[2], другие утверждают, что это процесс «создания умственной модели предстоящей и осуществляемой деятельности»[3], а некоторые полагают, что это «процессуальное руководство следователя ходом расследования и его участниками»[4]. Однако при этом остается неопределенной структурно-содержательная характеристика организации расследования преступлений и место в ней ОРД.

В теории ОРД организация раскрытия преступлений рассматривается, что вполне объяснимо, применительно в целом к деятельности оперативно-розыскных аппаратов, причем в аспекте управления (В.А. Лукашов) и к отдельным ее направлениям, касающимся формирования соответствующих сил и средств, тактики их использования в выявлении, раскрытии и расследовании преступлений. Между тем нами уже отмечалось, что структурно-содержательную характеристику организации расследования преступлений следует давать, исходя из научно осмысленного, методологически выверенного определения «организации» в энциклопедических изданиях, где она представляется как:

1) внутренняя упорядоченность, согласованность взаимодействия (здесь и далее подчеркнуто нами А.В.) более или менее дифференцированных и автономных частей целого, обусловленного его строением;

2) совокупность процессов или действий, ведущих к образованию и совершенствованию взаимодействия частей целого;

3) объединение людей, совместно реализующих некоторую программу или цель и согласованно действующих на основе процедур и правиле[5].

В этой связи представляются деструктивными иногда проявляющиеся в литературе попытки противоставить роль следователя и оперативных работников в раскрытии и расследовании преступлений. Каждый из них при этом выполняет свою важную и незаменимую роль, а их общая задача заключается в организации и осуществлении совместных согласованных действий. Не случайно во всех ва-

---

[1] Статкус В.Ф. Следователь по особо важным делам. М.: «Интеркрим-пресс». 2007. С. 42-44.

[2] Ларин А.М. Я следователь. М.: Издательский дом «Автограф». 2008. С. 343.

[3] Зеленский В.Д. О понятии и содержании организации расследования преступлений // Проблемы организации расследования преступлений. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. (Краснодар, 21-22 сентября 2006 г.). Краснодар. 2006. С.2.

[4] Ищенко Е.П. Об организации предварительного расследования преступлений // Криминалистическое учение об организации расследования преступлений: формирование и практическая реализация. Материалы межвузовского научно-практического семинара (Москва, 25 марта 2014 г.). М., 2014. С. 18-19.

[5] БСЭ. 3-е изд. ЯТ.18. М., 1974. С.1407; Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 463.

риантах приведенных определений организации ключевым представляется взаимодействие и согласованность действий «частей целого». При этом, как нами уже отмечалось, в качестве «частей целого» выступают процессуальная деятельность, оперативно-розыскная деятельность, судебно-экспертная деятельность, технико-криминалистическая деятельность[1].

Осуществляющие эти виды деятельности службы, учреждения, подразделения, аппараты обладают организационной самостоятельностью и характеризуются иерархической системой управления. Но все они сориентированы в их деятельности на единую конечную цель - предупреждение, раскрытие и расследование преступлений. Поэтому их взаимодействие фактически составляет основу организации осуществляемой в этих целях деятельности, которая в таком случае представляется как меганаучная - межнаучная, междисциплинарная проблема. Следовательно, её решение в рамках любой отдельно взятой науки уголовно-правового цикла, в том числе криминалистики или теории оперативно-розыскной деятельности, просто невозможно. Об этом приходится говорить, поскольку подобные попытки, в частности в криминалистике, проявились и нашли выражение в виде «пятого раздела» учебника по данной учебной дисциплине, так и названного «Организация раскрытия и расследования преступлений»[2].

Как известно, предметами всех наук, в том числе уголовно-правового цикла, определяются рамки их исследований, линии их разграничения, что важно для их самоопределения и самоутверждения в системе себе подобных, для совершенствования присущих им методов, средств и форм деятельности. Но организация раскрытия и расследования преступлений, как целое, характеризуется своим, общим для указанных наук предметом деятельности и, соответственно, присущими ему комплексными, межнаучными, междисциплинарными проблемами, несомненно более сложными (по сравнению с узкопредметными), а вместе с тем чрезвычайно важными, по сути своей прорывными.

Необходимо признать, что представители наук уголовно-правового цикла и соответствующих видов правоохранительной деятельности, определяющих содержание «частей» организации раскрытия и расследования преступлений как «целого», исходя из обособленных узкопредметных позиций, не смогли в свое время консолидировано, научно обоснованно отстоять регламентацию в УПК РФ системы доказательств и средств доказывания, соответствующей особенностям современной рыночной преступности, в частности, имея в виду возможности ОРД. Ничего не смогли они предложить и затем, замкнувшись в своих узкопредметных рамках, кроме множества поправок и дополнений, зачастую не согласованных между собой, с основным текстом Закона и не вполне соответствующих реалиям следственной практики.

Таким образом не только искусственное, основанное на мифах ограничение возможностей ОРД в уголовном процессе, но и исторически сложившаяся обособленность всех наук уголовно-правового цикла отрицательно сказывается

---

[1] Волынский А.Ф. Организация раскрытия и расследования преступлений: проблемы и пути их решения // Российский следователь. № 1. 2016. С. 7-11.

[2] Криминалистика. Учебник под ред. А.Г. Филиппова. М.: Высшее образование. 2009. С. 235-312.

на совершенствовании законодательной регламентации ОРД и, соответственно, на организации раскрытия и расследования преступлений, на профессиональной подготовке следователей и оперативных работников в учебных заведениях правоохранительных министерств и ведомств, а следовательно, на эффективности их практической деятельности. Обучаясь, они получают определенные знания по «частям», по предмету их обслуживающих наук, но не в целом по предмету деятельности по раскрытию и расследованию преступлений. Очевидно, что эффективность «целого» определяется эффективностью деятельности каждой из его «частей», но только при их должном взаимодействии «целое» приобретает качественно иное состояние.

Положение в части реализации возможностей ОРД в раскрытии и расследовании преступлений явно осложнилось после создания в нашей стране полисистемы правоохранительных министерств и ведомств, вместо ранее действующей моносистемы. Показательна в этом отношении ситуация в которой оказался Следственный комитет РФ. Как известно, на него возложены задачи раскрытия и расследования тяжких и особо тяжких преступлений, которые без использования возможностей ОРД просто невыполнимы. Поэтому он вынужден решать эту проблему на основе межведомственного взаимодействия, которое, по определению, системно организовать еще более сложно, чем внутриведомственное. Отдельные удачные примеры, факты, случаи - это еще не система.

Судя по всему, инициаторы создания полиситемы правоохранительных министерств и ведомств в нашей стране механически восприняли и перенесли на почву российских реалий опыт США, где действует более полутора десятка таких служб и ведомств. Но при этом не были учтены «сущие мелочи» - особенности правовой системы США, принципиальные различия нашего предварительного и их полицейского расследования, предполагающего реализацию имеющихся в распоряжении полиции всех гласных и негласных методов и средств, всего арсенала полицейской техники, вне зависимости от ведомственной принадлежности.

Растущие угрозы современной преступности объективно обусловливают необходимость создания в нашей стране сильной централизованной системы правоохранительных органов и одновременно формирования соответствующего правового регулирования их деятельности по предупреждению и расследованию преступлений. Прежде всего, это касается легализации ОРД как средства получения доказательств. Представляется, что решать эту проблему следует с учетом не только многовекового мирового опыта борьбы с рыночной преступностью, но и демографических, географических, экономических и тому подобных особенностей нашей страны, с пониманием того, что ОРД очень тонкое и острое средство государственно-правовой деятельности. Образно говоря, она представляет собой медицинский скальпель: в руках хирурга - это средство избавления от боли, а в руках убийцы - средство совершения преступления. В чьих руках это средство окажется, зависит от законодателя, решения которого принимаются не иначе как под влиянием общественного мнения. Формирование такого мнения - одна из приоритетных, современных задач не только теории ОРД, но и других наук уголовно-правового цикла.

Общество и законодатель не могут не понимать, что злоупотреблениям в сфере ОРД способствует ее закрытость и, как следствие, неэффективность судебного и общественного контроля за реализацией её возможностей при раскрытии и расследовании преступлений. С этих позиций объяснимо и представляется вполне оправданным решение практически всех стран Евросоюза, в том числе бывших советских республик, о включении оперативно-розыскных мероприятий в их УПК в виде отдельных глав о специальных (негласных) следственных действиях. При этом взаимодействие следователя с оперативными сотрудниками осуществляется в основном в форме совместных действий при непосредственном и жестком контроле суда. Кстати, в таком случае была бы как-то объяснима реализация предложения о создании института следственных судей.

Представляется, что решение проблемы ОРД в нашем уголовно-процессуальном законодательстве предполагает, прежде всего, формирование в общественном сознании положительной роли данной деятельности в борьбе с современной преступностью. В настоящее время мифам и предубеждениям в отношении ОРД, активно эксплуатируемым в корпоративных интересах криминальным сообществом и адвокатским лобби, можно и необходимо противопоставить объективные, научно обоснованные факты. Наивно полагать, что их могут выявить, обобщить и систематизировать ученые - энтузиасты, работающие на кафедрах учебных учреждений. Необходим государственный заказ на такое исследование и соответствующая организация его выполнения.

Литература

1. БСЭ. 3-е изд. ЯТ.18. М., 1974. С.1407; Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 463.
2. Волынский А.Ф. Организация раскрытия и расследования преступлений: проблемы и пути их решения // Российский следователь. № 1. 2016. С. 7-11.
3. Зеленский В.Д. О понятии и содержании организации расследования преступлений // Проблемы организации расследования преступлений. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. (Краснодар, 21-22 сентября 2006 г.). Краснодар. 2006. С.2.
4. Ищенко Е.П. Об организации предварительного расследования преступлений // Криминалистическое учение об организации расследования преступлений: формирование и практическая реализация. Материалы межвузовского научно-практического семинара (Москва, 25 марта 2014 г.). М., 2014. С. 18-19.
5. Криминалистика. Учебник под ред. А.Г. Филиппова. М.: Высшее образование. 2009. С. 235-312.
6. Ларин А.М. Я следователь. М.: Издательский дом «Автограф». 2008. С. 343.
7. Статкус В.Ф. Следователь по особо важным делам. М.: «Интеркрим-пресс». 2007. С. 42-44.
8. Торвальд Ю. Век криминалистики. М.: Прогресс. 1990. С. 98-99.

Глушков М.Р.

К вопросу о подключении следователя к тактической операции «задержание с поличным»

Аннотация. В статье на примере задержания с поличным при получении взятки рассмотрена проблема выезда следователя на место происшествия по такому сообщению. Показано, что выезд целесообразен лишь в случае надлежащего заблаговременного взаимодействия следственного органа и органа, осуществляющего оперативно-разыскную деятельность. В противном случае, т.е. в отсутствие взаимодействия, для следователя не существует ни обязанности, ни необходимости выезда.

Ключевые слова: следователь; орган, осуществляющий оперативно-разыскную деятельность; выезд на место происшествия; задержание с поличным; получение взятки.

Вопросы взаимодействия следователя и органа, осуществляющего оперативно-разыскную деятельность, остаются объектом пристального внимания ученых и практиков, служат предметом оживленной дискуссии среди специалистов. Рассмотрим один из практических аспектов такого взаимодействия.

Говоря о подключении следователя к тактической операции «задержание с поличным», возьмем для примера ситуацию, когда оперативниками задержан с поличным чиновник на месте происшествия при получении взятки. Эта ситуация достаточно распространена, требует решительных и грамотных действий, а также сопряжена с риском невосполнимой утраты ключевых доказательств по делу.

Подходы к ее разрешению сложились различные и в разных регионах варьируют между двумя основными. Первый – следователь выезжает на место происшествия по сообщению о задержании с поличным и проводит неотложные следственные действия. Второй вариант – следователь не выезжает и проверку проводит на основании результатов оперативно-разыскной деятельности, поступивших к нему в порядке соответствующей Инструкции[1]. При этом опыт проведения занятий по повышению квалификации[2] показывает, что следователи, как правило, затрудняются сформулировать критерий, в соответствии с которым ими или их руководителями принимается решение о выезде или невыезде.

Отсутствие единого подхода вполне объяснимо, поскольку законом данный вопрос не урегулирован.

---

[1] Инструкция о порядке представления результатов оперативно-разыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд. Утв. Приказом Министерства внутренних дел Российской Федерации, Министерства обороны Российской Федерации, Федеральной службы безопасности Российской Федерации, Федеральной службы охраны Российской Федерации, Федеральной таможенной службы, Службы внешней разведки Российской Федерации, Федеральной службы исполнения наказаний, Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков, Следственного комитета Российской Федерации от 27 сентября 2013 г. № 776/703/509/507/1820/ 42/535/398/68.

[2] В Институте повышения квалификации ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации».

С одной стороны, преступления, охватываемые понятием «взяточничество» (ст. ст. 290-291.2 УК РФ), подследственны органам Следственного комитета Российской Федерации, а в силу ч.2 ст.21 УПК РФ в каждом случае обнаружения признаков преступления следователь принимает установленные Кодексом меры по установлению события преступления и изобличению виновных. Часть 1 ст.144 УПК РФ предусматривает обязанность следователя принять и проверить сообщение о любом совершенном или готовящемся преступлении. Аналогично звучат положения п.п. 5, 31 Инструкции об организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлении в следственных органах (следственных подразделениях) системы Следственного комитета Российской Федерации[1].

С другой стороны, указывая на обязательность проверки сообщения о преступлении, упомянутые нормативные акты никак не определяют порядок этой проверки, в том числе – не предписывают обязательного выезда на место происшествия. Кроме того, ч.1 ст.157 УПК РФ уполномочивает орган дознания на возбуждение уголовного дела и выполнение неотложных следственных действий по преступлению, по которому производство предварительного следствия обязательно. Тем самым констатируется возможность осуществления органом дознания процессуальной деятельности по делу, расследование которого отнесено к компетенции следователя, в отсутствие этого следователя.

Далее нужно учитывать существование уже упомянутой Инструкции о порядке представления результатов оперативно-разыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд, пунктом 4 которой предусмотрено, что результаты ОРД могут быть представлены, в том числе, в качестве повода и основания для возбуждения уголовного дела. Инструкция при этом реализует соответствующие положения ч.2 ст.11 Закона «Об оперативно-разыскной деятельности». Эти нормативные документы как раз и предусматривают такой формат взаимодействия следователя и оперативных служб, когда последние самостоятельно реализуют свои оперативные разработки, документируют их и предоставляют следователю материалы как должностному лицу для принятия процессуального решения.

Локальные нормативные акты, принимаемые в развитие указанных выше, ясности в вопрос не вносят. Так, в приказах и положениях об организации выездов следователей на места происшествий, действующих на уровне региональных управлений Следственного комитета Российской Федерации, в качестве оснований для выезда, как правило, фигурируют сообщения об обнаружении трупа с признаками насильственной смерти, о совершении преступлений против половой свободы или неприкосновенности личности, о происшествиях техногенного характера, повлекших человеческие жертвы и т.д. По поводу остальных преступлений, подследственных органам Следственного комитета РФ, отмечается, что решение о выезде принимается руководителем следственного органа в зависимости от конкретных обстоятельств происшествия.

Такая практика вполне оправданна, поскольку статей, расследование по которым осуществляет СК России, УК РФ насчитывает около полутора сотен (это

[1] Утверждена Приказом СК России от 11.10.2012 № 72.

почти половина Кодекса), а количество разрешенных следователями этого ведомства материалов, например, в 2017 году составило более 727 тысяч[1]. Учитывая, что самих сотрудников, несущих оперативные дежурства, насчитывается около 10 тысяч, очевидно, что выезжать на каждое происшествие они не в состоянии.

Вернемся к сложившимся на практике подходам. В пользу первого из них ряд следователей и руководителей следственных органов утверждают, что материалы, составляемые оперативниками на месте задержания и направляемые затем в СО, нередко содержат ошибки и неточности, которые усложняют проведение проверки и дальнейшее расследование. Исправить эти ошибки не всегда удается, поэтому правильнее их не допускать, что и призван проконтролировать на месте прибывший следователь.

Этот аргумент представляется сомнительным, ибо следователи субъектами ОРД не являются, контрольными или надзорными полномочиями в этой сфере не наделены.

Второй довод, который звучит в обоснование выезда – необходимость изъятия предмета взятки, которое сами оперативные службы осуществить якобы не вправе. На самом деле изымать предметы, документы, материалы и сообщения в ходе проводимых ОРМ оперативников прямо уполномочивает ч.1 ст.15 Закона «Об ОРД».

Рассматривая далее эту следственную ситуацию, увидим, что имеются и прямые основания для невыезда.

Во-первых, оказавшись на месте происшествия на завершающей стадии ОРМ или даже непосредственно по их окончании, следователь рискует стать очевидцем посткриминального поведения участников событий, в первую очередь – задержанного, который может предпринять какие-либо действия или начать делать заявления в связи с задержанием, в т.ч. в адрес полиции или ее агента. Такая внепроцессуальная осведомленность превращает следователя в свидетеля и влечет его отвод в порядке ст.61 УПК РФ.

Во-вторых, приступая к проверке сообщения о преступлении, следователь в любом случае обязан это сообщение иметь. То есть сведения, полученные из дежурной части ОВД или от оперуполномоченных, должны быть занесены в рапорт об обнаружении признаков преступления, который, к тому же, требуется в установленном порядке зарегистрировать. Корректно и точно зафиксировать необходимые данные при общении по телефону или на месте задержания с поличным будет, очевидно, непросто.

В-третьих, необходимо учитывать психологический компонент следственной ситуации. Выдвигаясь на место происшествия, как правило, в сопровождении оперативников, на их транспорте, получая исходную информацию из их уст, следователь невольно станет позиционировать задержанного как противника (термины «злодей», «негодяй», «враг» для заподозренных – не редкость в следствен-

[1] Сведения о деятельности Следственного комитета за январь-декабрь 2017 года // Официальный сайт СК России. URL: https://sledcom.ru/activities/statistic (дата обращения 12.12.2018).

ном и оперативном лексиконе). Это лицо, скорее всего, действительно в последующем будет изобличено и осуждено, однако нужно помнить о презумпции невиновности – одном из основополагающих принципов уголовного судопроизводства. Предвзятость следователя, особенно на начальном этапе расследования, вряд ли будет способствовать реализации этого принципа.

В-четвертых, документированием факта взяточничества задачи следователя на месте происшествия не исчерпываются. Даже в случае успешного изъятия предмета взятки он должен решить еще одну проблему – мер процессуального принуждения в отношении задержанного. Основания для задержания в порядке ст.91 УПК РФ в нашем случае будут налицо, однако для ограничения свободы гражданина нужны веские причины. Они перечислены в ч.1 ст.97 УПК РФ и тоже названы основаниями – для избрания меры пресечения. Определяться с наличием либо отсутствием этих оснований в случае выезда на место происшествия придется в условиях острой нехватки времени.

Решение вопроса о задержании тесно связано с другой проблемой – возбуждением уголовного дела, для которого, в свою очередь, тоже требуется основание – достаточные данные, указывающие на признаки преступления (ч.2 ст.140 УПК РФ).

Чтобы определиться с возбуждением дела, следователь должен разрешить целый ряд значимых вопросов, в том числе - Является ли фигурант субъектом должностного преступления? За какие именно действия (бездействие) он получил деньги? Входили ли они в его полномочия? Каковы его взаимоотношения, в том числе финансовые, с взяткодателем? Какие основания имелись для производства ОРМ? Не имела ли место провокация коррупционного преступления? и т.д. Сделать это с ходу, без тщательного изучения результатов ОРД вряд ли получится.

Сказанное выше, казалось бы, свидетельствует, что выезд следователя на место происшествия по сообщению о коррупционном преступлении нецелесообразен ни при каких обстоятельствах.

Однако, это не так, поскольку на проблему надо смотреть, что называется, с другого направления.

Выезд, как раз напротив, чаще всего целесообразен и даже необходим. Он позволяет оперативно и грамотно собрать ключевые доказательства, спланировать первоначальные следственные действия. В конце концов, такой ответственный момент как принудительное изъятие предмета взятки до возбуждения уголовного дела, т.е. в отсутствие следователя, чаще всего невозможен.

Но такое подключение следователя возможно лишь при соблюдении условия, которое нейтрализует перечисленные выше факторы. Оно лежит в плоскости так называемого информационного компонента следственной ситуации. Под ним понимают степень осведомленности участников производства по делу о событии преступления, ходе расследования и собранных доказательствах.

Подключиться к тактической операции «задержание с поличным» следователь может и должен только в том случае, если он располагает максимально возможным объемом информации о происшествии. Максимально возможным – то есть

в пределах, исключающих утечку оперативной информации и разглашение сведений, составляющих государственную тайну, к которой относятся, в том числе, и сведения о силах, средствах, источниках, методах, планах и результатах ОРД[1].

Такая осведомленность следователя (и руководителя СО) обеспечивается заранее, в ходе взаимодействия с органом, осуществляющим ОРД - на совместных оперативных совещаниях, в рамках деятельности совместных рабочих и аналитических групп, в работе которых участвует, а чаще всего, возглавляет их надзирающий прокурор.

Информация, которую представляют на такие совещания оперативные работники, должна быть отвлеченной и не содержать сведений о персоналиях – учреждениях, должностных лицах, соучастниках и т.д. Она, тем не менее, должна быть представлена в таком объеме, который бы позволил следственному органу определиться с квалификацией деяния, кругом неотложных следственных действий и перспективой расследования. Располагая этой информацией, следователь сможет без лишних затруднений в нужный момент составить рапорт об обнаружении признаков преступления, который будет содержать все необходимые сведения и не даст стороне защиты повод впоследствии утверждать, что уголовное дело было возбуждено без законного основания.

Точно так же взвешенно и оперативно следователь сможет решить вопрос о задержании фигуранта и принудительном изъятии предмета взятки.

Что касается психологического компонента, то можно предположить гораздо меньшую вероятность того, что у следователя сложится предвзятое отношение к фигуранту. Для него это будет абстрактный чиновник, эмоционально нейтральная личность, предстоящим действиям которой требуется дать правовую оценку, а не «злодей», которого схватили за руку при получении взятки.

На этих же совещаниях оперативники должны быть проинструктированы о том, что в случае реализации разработки к моменту прибытия следователя оперативное мероприятие, через которое осуществляется задержание с поличным, должно быть завершено. До следователя надлежит довести, что никакой помощи в составлении оперативно-служебных документов он коллегам оказывать не вправе и тем более не уполномочен направлять оперативно-разыскное мероприятие.

Подводя итог, можно сказать, что вопрос правильнее ставить не о том – надо ли выезжать на место происшествия (он некорректен и в отсутствие существенного уточнения не решается), а о том – налажено ли взаимодействие следственного органа и оперативного подразделения.

Если оно налажено и следователь обладает информацией, необходимой для принятия ключевых процессуальных решений, то выезд необходим. Иное было бы тактически неверно и неэтично по отношению к коллегам из смежного ведомства, которым в нынешних реалиях приходится прилагать массу усилий для выявления коррупционных преступлений.

---

[1] Пункт 4 статьи 5 Закона РФ от 21.07.1993 № 5485-1 «О государственной тайне».

Если же такое взаимодействие не налажено и оперативники по каким-то причинам не посчитали нужным держать следственный орган в курсе своей оперативной разработки (разумеется, в самых общих чертах) – у следователя отсутствуют как обязанность, так и целесообразность для выезда. Вопрос о том, каким образом завершать операцию задержания с поличным, оперативным службам придется решать самостоятельно, при том, что все необходимые полномочия для этого у них чаще всего имеются.

В противном случае, т.е. если следователь решит выдвинуться на место, не владея ситуацией - он может оказаться заложником чужих просчетов и будет вынужден принимать ответственные процессуальные решения на поверхностной и непроверенной информации.

Гущев М.Е.,
Изосимов В.С.

Роль оперативно-разыскной деятельности в расследовании преступлений

Аннотация. В статье авторы обращаются к проблеме «процессуализации» оперативно-разыскной деятельности, попытке лишить её самостоятельного значения, подчинив всецело интересам уголовного процесса. Анализируя мнения исследователей, приходят к выводу о самобытности и независимости оперативно-разыскной деятельности. Рассматривает нормы законодательства и практику Конституционного Суда Российской Федерации. Делают предложение о необходимости развития оперативно-разыскной деятельности как самостоятельной отрасли права.

Ключевые слова: оперативно-разыскная деятельность, уголовный процесс, процессуальная деятельность, отправление правосудия.

Значение оперативно-разыскной деятельности в раскрытии и расследовании преступлений трудно переоценить. Ведущая роль этой самостоятельной отрасли права в обеспечении безопасности общества от преступных посягательств бесспорна, однако ряд нормативных пробелов и позиций правоприменителя ограничивают возможности правоохранительных органов и затрудняют достижение задач, поставленных ст. 2 Уголовного Кодекса Российской Федерации.

Одной из наиболее актуальных проблем оперативно-разыскной деятельности на наш взгляд является общая ее процессуализация, но процессуализация однобокая – возложение обязанностей без наделения правами. А.Н. Халиков отмечал «медленную, но непрерывную интеграцию мероприятий оперативно-разыскного характера с уголовно-процессуальными действиями» с момента принятия 12 ав-

густа 1995 года Федерального закона № 144-ФЗ «Об оперативно-разыскной деятельности»[1]. Подобное, при недостаточной урегулированности правовых механизмов взаимодействия оперативника и следователя, порождает исключительно проблемы.

По неясным причинам ряд ученых и практиков уже считают оперативно-разыскную деятельность подотраслью уголовно-процессуального права, предъявляя к ней процессуальные требования, тогда как эти виды деятельности совершенно самостоятельны и имеют лишь общую задачу, установленную УК РФ.

Ю.В. Кореневский и М.Е. Токарева, разделяя данные виды деятельности, утверждают, что успех борьбы с преступными посягательствами «обеспечивается только применением наряду с процессуальными методами … методов оперативно-разыскной деятельности»[2].

Исследуя сущность оперативно-разыскной деятельности А.Г. Маркушин призывает более широко смотреть на ее предназначение, не ограничиваясь обеспечительной функцией уголовного процесса[3].

Е.С. Дубоносов[4] и другие авторы[5] призывает воздержаться от отождествления оперативно-разыскной и процессуальной деятельности, указывая, что «различия между ними можно провести по субъекту, правовой базе, пределам производства упомянутых действий, методам и использованию результатов этих действий».

В.А. Азаров и Е.В. Кузнецов, разделяя уголовно-процессуальную и оперативно-разыскную деятельность, указывают на необходимость обеспечения связи между ними «наличием особых уголовно-процессуальных и оперативно-разыскных норм, регламентирующих порядок использования результатов ОРД в уголовном процессе»[6].

Такая норма предусмотрена ст. 89 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и фактически она запрещает использовать результаты оперативно-разыскной деятельности в доказывании, т.к. последние формально не отвечают требованиям установленным ст. 74 УПК РФ (в статье нет прямого указания на результаты ОРД как один из видов доказательств) и ст. 86 УПК РФ (оперативные сотрудники не включены в число лиц, управомоченных на собирание доказательств, а сам сбор доказательств предполагает исключительно процессуальный путь).

---

[1] *Халиков А.Н.* Оперативно-розыскная деятельность по борьбе с коррупционными преступлениями, совершаемыми должностными лицами органов власти: монография. М: РИОР: ИНФРА-М, 2013. 2-е изд., испр. и доп -342 с.

[2] *Кореневский Ю.В., Токарева М.Е.* Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам. М., 2000. 152 с.

[3] *Маркушин А.Г.* Оперативно-розыскная деятельность в раскрытии и расследовании преступлений. Н. Новгород, 2010. 317 с.

[4] *Дубоносов Е.С.* Оперативно-разыскная деятельность : учебник для вузов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2012. 415 с.

[5] Оперативно-разыскная деятельность: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция»/ *[И.А. Климов* и др.]; под ред. *И.А. Климова*. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2014. 383 с.

[6] *Азаров В.А., Кузнецов Е.В.* Теоретические основы формирования отрасли оперативно-розыскного права: монография. М.: Юрлитинформ, 2016. 208 с.

Позиция Конституционного Суда Российской Федерации, впервые высказанная в 1999 году, о том что «результаты оперативно-разыскных мероприятий являются не доказательствами, а лишь сведениями об источниках тех фактов, которые, будучи полученными с соблюдением требований Федерального закона "Об оперативно-разыскной деятельности", могут стать доказательствами только после закрепления их надлежащим процессуальным путем, а именно на основе соответствующих норм уголовно-процессуального закона»[1] неоднократно впоследствии им же подтверждалась.

Таким образом, мы приходим к выводу о четком разграничении деятельности уголовно-процессуальной и оперативно-разыскной, что гармонично вписывается в систему построения органов государственной власти с учетом специфики стоящих перед ними задач.

Однако же сам Федеральный закон «Об оперативно-разыскной деятельности»[2] содержит в себе противоречивые элементы. Например, п. 2 ч. 1 ст. 15 названного закона предписывает должностному лицу, осуществившему изъятие документов, предметов, материалов при проведении гласных оперативно-разыскных мероприятий составлять протокол в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации. Смысл его непонятен, т.к. результаты ОРД не являются доказательствами, а само исполнение процессуального протокола в непроцессуальной деятельности порождает ошибки применения норм права.

Более того, в виду возможного неверного толкования, вызывает определенные опасения позиция Конституционного Суда Российской Федерации, изложенная в п. 6.2 Постановления от 9 июня 2011 г. № 12-П: «Проведение оперативно-разыскных мероприятий закон увязывает непосредственно с возникновением, изменением и прекращением уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений на досудебной стадии уголовного преследования, когда уголовное дело еще не возбуждено либо когда лицо еще не привлечено в качестве обвиняемого по уголовному делу, но уже имеется определенная информация, которая должна быть проверена (подтверждена или отвергнута) в ходе оперативно-разыскных мероприятий, по результатам которых и будет решаться вопрос о возбуждении уголовного дела.»[3].

Чрезмерно вольная трактовка данного суждения позволяет относить оперативно-разыскную деятельность к этапу уголовному преследованию, в то время

---

[1] Определение Конституционного Суда РФ от 4 февраля 1999 г. № 18-О «По жалобе граждан М.Б. Никольской и М.И. Сапронова на нарушение их конституционных прав отдельными положениями Федерального закона "Об оперативно-розыскной деятельности"» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 1999. № 3.

[2] Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // СЗ РФ от 14 августа 1995 г. № 33 ст. 3349.

[3] Постановление Конституционного Суда РФ от 9 июня 2011 г. № 12-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 7 статьи 16 Закона Российской Федерации "О статусе судей в Российской Федерации" и части первой статьи 9 Федерального закона "Об оперативно-розыскной деятельности" в связи с жалобой гражданина И.В. Аносова» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2011. № 4.

как уголовное преследование является задачей органов правосудия. Фактически, мы получаем еще один процессуальный этап в дополнение к предварительному расследованию и судебному производству, работу на котором при этом выполняют лица не наделенные полномочиями собирать доказательства. Ценность такой работы весьма сомнительна. Более того, отношение к оперативнику как к «предпредварительному следователю» требует более четкой регламентации его прав и обязанностей в УПК РФ, например, возможности самостоятельно собирать доказательства, что, как мы видим, ни законодатель, ни правоприменитель сделать не торопятся.

Альтернативой изложенному нам видится укрепление самостоятельности оперативно-разыскной деятельности, развитие науки ОРД, признание её обособленности при возможности использовать результаты в уголовно-процессуальной и иных видах деятельности. Только в этом случае оперативный работник из суррогата следователя, в который его превращает несовершенный закон и противоречивая практика, сможет стать тем, кем он представляется в теории – должностным лицом, выявляющим и предотвращающим преступления, а также оказывающем содействие, в роли равноправного партнера, в отправлении правосудия органами юстиции.

Дармаева В.Д.

Реализация следователем полномочий при взаимодействии с субъектами ОРД

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы взаимодействия следователя при расследовании уголовных дел с органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность, реализации следователем полномочий на дачу поручений органам дознания. Рассматривается необходимость наделения Следственного комитета Российской Федерации правом осуществлять оперативно-разыскную деятельность.

Ключевые слова: предварительное расследование, полномочия следователя, оперативно-разыскная деятельность, отдельное поручение.

Статья 1 Федерального закона от 28 декабря 2010 года № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» определяет, что Следственный комитет России является федеральным государственным органом, осуществляющим в соответствии с законодательством Российской Федерации полномочия в сфере уголовного судопроизводства. Одной из основных задач является оперативное и качественное расследование преступлений в соответствии с подследственностью, установленной уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации.

Эффективное решение задач, стоящих перед следственными подразделениями заключается в том числе в качественном оперативном сопровождении уголовных дел, слаженном взаимодействии с органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность. Исходя из существующих проблем такого взаимодействия, в последнее время в литературе, на различных научных форумах

стали чаще высказываться мнения о необходимости создания в Следственных подразделениях Следственного комитета Российской Федерации службы, наделенной правом производства оперативно-разыскных мероприятий.

С одной стороны, данное предложение представляется логичным в связи с тем, что Следственный комитет РФ проходит этап становления как самостоятельного правоохранительного органа. На данном этапе необходимо выстроить данную систему с точки зрения эффективного осуществления основной функции – расследования уголовных дел.

В качестве следующего аргумента можно привести пример с иными правоохранительными органами: Федеральной службы безопасности, органами внутренних дел Российской Федерации. И в том и другом случае в данных органах имеются как следственные, экспертные, оперативно-разыскные и иные подразделения. Хотя эта модель время от времени подвергается критике по поводу совмещения различных функций. Но как показывает практика, а также общая задача раскрытия преступления, которая является основной и первостепенной в целях защиты прав и интересов граждан, то такая модель устройства правоохранительного органа оправдывает себя. Также можно обратиться к недавней истории отдельных следственных подразделений, когда и Федеральная служба по контролю за оборотом наркотиков (период 2003 – 2016 гг.) и Федеральная служба налоговой полиции (1992 -2003 гг.) в своей структуре имела и следователей, и оперативных работников.

Если обратиться к теоретическим основам взаимодействия следователя и оперативно-разыскных подразделений, то ее содержание не зависит от ведомственной подчиненности.

Вопросы взаимодействия следователей и органов дознания, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность урегулированы Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, Федеральным законом от 12.08. 1995 № 144-ФЗ (ред. от 06.07.2016) «Об оперативно-разыскной деятельности», Федеральным законом «О полиции» от 07.02.2011 N 3-ФЗ, ведомственные приказы МВД, ФСБ, других субъектов правоохранительной деятельности. В предусмотренных процессуальными нормами отношениях следователь выступает как субъект прав, а орган дознания – как субъект обязанностей, ибо именно следователь в полном объеме несет ответственность за направление, качество и сроки расследования по принятому к производству делу[1].

Основной формой правоотношения следователя с оперативными подразделениями, наделенными в соответствии с федеральным законом полномочиями по осуществлению оперативно-разыскной деятельности является обязательные для исполнения письменные поручения о проведении оперативно-разыскных мероприятий, производстве отдельных следственных действий, об исполнении постановлений о задержании, приводе, об аресте, о производстве иных процессуальных действий, а также получать содействие при их осуществлении (п.4 ч.2 ст.38 УПК РФ).

---

[1] *Ларин А.М.* Расследование по уголовному делу: процессуальные функции. М.,1986. С. 122.

В определенной степени остается неопределенным в законе срок для выполнения поручений следователя, а также ответственность сотрудников оперативных подразделений за ненадлежащее их исполнение или же невыполнение. Такая неопределенность влечет за собой нарушение сроков расследования, а также проблемы в доказывании, в раскрытии преступлений, что зачастую отмечают многие следователи.

Этот вопрос является и предметом обсуждения в научной литературе. Для разрешения вопроса о сроках исполнения поручения следователя, ряд авторов предлагали наделить следователя правом самостоятельно устанавливать срок, в течение которого надлежит исполнить поручение[1]. Так многие практические работники поддерживают предложение установить в законе срок исполнения поручений - от 10 до 20 суток[2]. Иные авторы считают, что возможно предварительное согласование следователем срока исполнения с органом дознания.

На наш взгляд, эти предложения являются вполне обоснованными. Тем более УПК РФ в ч.1 ст.152 предусматривает, что в случае необходимости производства следственных или разыскных действий в другом месте следователь вправе поручить производство этих действий следователю или органу дознания. Такое поручение должно быть исполнено в срок не позднее 10 суток.

При невозможности его выполнения за этот период следователь и руководитель соответствующего подразделения могут сами определять срок с учетом обстоятельств дела. Кроме того, решению проблемы более качественного исполнения поручений следователя может послужить дисциплинарная или иная ответственность органов дознания за их неисполнение.

Со своей стороны, следователям необходимо ответственно подходить к процессуальному оформлению поручений, не допуская формальностей при их составлении. Поручения, которые имеются в уголовных делах зачастую содержат шаблонные формулировки, в них не указываются обстоятельства совершенного преступления, исходные данные для поиска лиц, предметов, вещей и т.д. Можно предположить, что более подробная информация передается в ходе устного общения следователя с оперативными работниками. Закон же определяет письменную форму дачи поручений и при отсутствии положительного результата встает вопрос о недобросовестном отношении следователя к расследованию уголовного дела.

Конечно, более сложным вопросом представляется проблемы, связанные с использованием результатов оперативно-разыскной деятельности. Но не по всем уголовным делам возникает необходимость придания им процессуального статуса доказательств, зато по все делам необходимо эффективное и содержательное взаимодействие.

---

[1] Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РФ / Под ред. *Д.Н. Козак, Е.Б. Мизулиной.* М., 2002. С. 136.

[2] Например: *Хомколов В.П., Капинус Н.И.* Отдельные поручения следователя органу дознания // Актуальные проблемы досудебного производства по уголовным делам: сб. научных трудов. М., 1999. С. 167.

Таким образом, необходимо принять меры по совершенствованию взаимодействия следователей Следственного комитета РФ с органами дознания путем принятия межведомственных нормативных актов, в которых необходимо определить формы взаимодействия, сроки исполнения поручений, ответственность за ненадлежащее исполнение. Иным путем представляется наделение Следственного комитета России полномочиями на осуществление оперативно-разыскной деятельности, который требует серьезного обсуждения и реализации путем внесения изменений в ряд федеральных законом и нормативно-правовых актов.

Литература

1. Федеральный закон от 28.12.2010 № 403-ФЗ (ред. от 30.10.2018) «О Следственном комитете Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 15.
2. Федеральный закон от 12.08. 1995 № 144-ФЗ (ред. от 06.07.2016) «Об оперативно-разыскной деятельности» // Российская газета. 18 августа 1995 г.
3. *Победкин А.В.* Некоторые вопросы собирания доказательств по новому уголовно-процессуальному законодательству России // Государство и право. 2003. № 1. С. 64.
4. *Хомколов В.П., Капинус Н.И.* Отдельные поручения следователя органу дознания // Актуальные проблемы досудебного производства по уголовным делам: сб. научных трудов\. М., 1999. С. 167.

И.А. Даукш

Методологические положения анализа статистики правонарушений

Аннотация. В целях выявления факторов, влияющих на показатели уровня правонарушений в стране предлагается использовать индексный метод анализа. Приводятся статистические многофакторные модели динамики численности лиц, совершивших преступления по гендерному признаку. Оценку динамики тяжести зарегистрированных преступлений предлагается проводить на основе агрегатной формы сводного индекса.

Ключевые слова: показатели правонарушений, коэффициент преступности, индекс тяжести преступлений

Статистика правонарушений – отрасль статистической науки, изучающая количественные и качественные явления и процессы, происходящие в сфере правонарушений.

Административные данные Министерства внутренних дел Республики Беларусь ведутся в соответствии с Законом Республики Беларусь «О единой государственной системе регистрации и учета правонарушений», Положением о порядке функционирования единой государственной системы регистрации и учета правонарушений. Ведение банка данных о правонарушениях осуществляется Министерством внутренних дел Республики Беларусь.

Оценка состояния преступности в стране осуществляется на основе анализа коэффициентов показывающих количество зарегистрированных преступлений (или численности лиц, совершивших преступления) в расчете на 10 тыс. или 100 тыс. постоянного населения. Методологически точным будет проводить анализ в разрезе отдельных видов правонарушений, учитывая при этом численность населения, начиная с того возраста, с которого устанавливается уголовная ответственность за соответствующее деяние (с 16 лет, а в отдельных случаях с 14 лет).

Расчет специальных коэффициентов правонарушений позволяет дать оценку уровня преступности среди различных групп населения. Например, если необходимо определить интенсивность правонарушений среди несовершеннолетних, следует учитывать численность лиц, совершивших преступления данной возрастной группы в расчете на население в возрасте от 14 до 18 лет. Полученный показатель в динамике целесообразно сравнить с коэффициентом преступности взрослого населения.

С научной и практической точки зрения большое значение имеют исследования уровня преступности отдельно для населения, проживающего в городской и сельской местности; лиц с определенным уровнем образования; работников различных видов экономической деятельности; отдельных социальных групп и категорий работников. В каждом случае специальные коэффициенты определяются по отношению к общей численности постоянного населения соответствующих групп, в пределах возраста уголовной ответственности.

Факторный анализ изучения динамики уровня преступности в стране целесообразно проводить на основе статистического моделирования показателей функциональной зависимости. Например, динамика численности лиц, совершивших преступления ($П$) зависит от степени криминогенности отдельных групп населения и структуры населения по демографическим признакам: среднегодовой численности постоянного населения ($\overline{S}$), доли численности населения криминологически активного возраста ($d_{\overline{S}}$) и коэффициента преступности населения криминологически активного возраста ($K_{П}$) [1]:

$$П = \overline{S} \times d_{\overline{S}} \times K_{П}.$$

Исследование динамики изучаемого показателя по половозрастному признаку можно произвести на основе анализа результатов аддитивно-мультипликативной модели:

$$П = \overline{S} \times d_{\overline{S}ж} \times K_{Пж} + \overline{S} \times d_{\overline{S}м} \times K_{Пм},$$

где $d_{\overline{S}ж}$ - доля численности женщин криминологически активного возраста в общей численности населения данной возрастной группы; $d_{\overline{S}м}$ - доля численности мужчин криминологически активного в общей численности населения данной возрастной группы; $K_{Пж}$ - коэффициент преступности женского населения криминологически активного возраста; $K_{Пм}$ - коэффициент преступности мужского населения криминологически активного возраста.

Результаты расчетов по данным Республики Беларусь за последние пятнадцать лет позволили сделать вывод о том, что динамика исследуемого показателя

в первую очередь зависит от изменения уровня преступности, а изменение демографических показателей оказывают не значительное влияние.

Для количественного измерения динамики тяжести зарегистрированных преступлений исследователь В.В. Лунеев предлагает учитывать меру наказания по условной шкале [2]. Мера наказания информативна, так как учитывает не только тяжесть преступлений по закону, но и личность виновного, а также смягчающие и отягчающие наказание обстоятельства.

Разграничение деяний по степени тяжести формализовано по максимальным мерам наказания, предусмотренным УК. Переименовав годы лишения свободы в баллы получают, нормативный критерий оценки отдельных видов правонарушений по их общественной опасности (тяжести). Умножение числа зарегистрированных преступлений по видам на баллы дает условное число преступлений. Изучение динамики тяжести зарегистрированных преступлений можно производить по агрегатной форме сводного индекса:

$$I_{ТП} = \frac{\sum_{к=1}^{n} П_{1к} Б_к}{\sum_{к=1}^{n} П_{0к} Б_к},$$

где $I_{ТП}$ - индекс тяжести преступлений; к – статьи Уголовного кодекса; $П_1$, $П_0$ - количество зарегистрированных преступлений в отчетном и базисном периодах; $Б$ - баллы тяжести преступлений, выраженные в годах лишения свободы.

Использование индекса тяжести преступлений для пространственных и временных сравнений позволит объективно оценить реальную картину изменения криминогенной обстановки в стране. Национальный статистический комитет Республики Беларусь данные о мерах наказания осужденных не публикует с 2000г., это обстоятельство не позволило автору произвести расчеты данного индекса за последний период времени.

Предназначение статистики правонарушений не только информирование общества об истинном состоянии дел в сфере контроля над преступностью, но и выявление связей и взаимозависимостей правонарушений с политическим, социально-экономическим, нравственным положением в стране, уровнем ее развития. В результате проведенного исследования автор пришел к выводу, что функции анализа показателей статистики правонарушений целесообразно передать Национальному статистическому комитету Республики Беларусь, так как только под его руководством возможно построение научно обоснованной системы показателей, отвечающей современным условиям развития общества.

Литература

1. *Даукш, И.А.* Преступность и теневая экономика в Беларуси. Оценка состояния. Мн.: Экоперспектива, 2004. 56 с.
2. *Лунеев В.В.* Преступность XX века. Мировой криминологический анализ. М.: Норма, 1999. 516 с.

Дощицын А.Н.

О некоторых вопросах взаимодействия следователей с органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность при расследовании преступлений

Аннотация. В статье рассмотрены некоторые вопросы взаимодействия следователей с органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность. Внимание обращено на следственно-оперативную группу как наиболее эффективную форму взаимодействия следователей и оперативных работников при выявлении и расследовании сложных и многоэпизодных преступлений.

Ключевые слова: следователь, преступление, предварительное расследование, оперативно-разыскная деятельность, следственно-оперативная группа.

Важнейшим направлением обеспечения государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности, реализации конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации в уголовном судопроизводстве является постоянное совершенствование деятельности правоохранительных органов по выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию преступлений.

Следует отметить, что ряд преступлений, таких как многоэпизодные убийства, разбои, грабежи и др. представляют повышенную общественную опасность, их расследование должно осуществляться на максимально высоком уровне. Как правило, уголовные дела о таких преступлениях являются сложными, по ним необходимо выполнить большой объем следственных и иных процессуальных действий. По справедливому мнению М.М. Шамсутдинова под сложностью и большим объемом уголовного дела понимаются такие свойства уголовного дела, которые не позволяют достаточно полно, всесторонне, объективно и своевременно его расследовать одному следователю и которые предопределены фактическими обстоятельствами совершенного или совершенных преступлений и процессом их расследования[1].

Например, к представляющим сложность предварительного расследования можно отнести уголовные дела о террористических актах. Как правило, такие преступления совершаются хорошо организованными преступными группами (сообществами) или незаконными вооруженными формированиями. На этапе подготовки террористического акта деятельность преступников направлена на осуществление следующих мероприятий: определение конкретного способа совершения преступления; изучение объекта, прилегающей территории; определение количества взрывного вещества; изготовление взрывного устройства, приискание места его изготовления и хранения; вербовка исполнителей террористического акта; подбор транспортного средства для транспортировки взрывного

[1] *Шамсутдинов М.М.* Производство предварительного следствия следственной группой (процессуальные, управленческие и тактико-психологические аспекты): дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2005. С.70.

устройства; приобретение необходимых документов для участников преступления и на транспортное средство; разработка маршрута передвижения к объекту и плана действий; установка и приведение взрывного устройства в боевое состояние и т.д. Следует отметить, что на этапе непосредственного совершения террористического акта взрывное устройство приводится в действие смертником путем самоподрыва, использования часового механизма, дистанционно по телефону и т.д. В целях сокрытия исполнителей и посредников террористического акта может осуществляться их ликвидация, а также изменение внешности, замена документов и др.[1]

Несомненно, что предварительное расследование без постоянного и квалифицированного оперативного сопровождения производить сложно. При этом, следует отметить, что эффективность расследования в значительной степени зависит от четко налаженной и согласованной деятельности следователя и сотрудников, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, сочетания уголовно-процессуальных и оперативно-разыскных форм получения доказательств. Взаимодействие этих субъектов обусловлено, прежде всего тем, что органы, осуществляющие оперативно-разыскную деятельность и следователь наделены специфическими, только им присущими полномочиями, но при этом их деятельность направлена на реализацию общих задач.

Уголовно-процессуальное законодательство России регламентирует вопросы взаимодействия следователей и сотрудников, осуществляющих оперативно-разыскные мероприятия.

Так, согласно п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ следователь уполномочен давать органу дознания в случаях и порядке, установленном уголовно-процессуальным законодательством России, обязательные для исполнения письменные поручения о проведении оперативно-разыскных мероприятий, производстве отдельных следственных действий, об исполнении постановлений о задержании, приводе, об аресте, о производстве иных процессуальных действий, а также получать содействие при их осуществлении.

В п. 3 ч. 1 ст. 7 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-разыскной деятельности» указано, что одним из оснований для проведения оперативно-разыскных мероприятий являются поручения следователя, руководителя следственного органа, дознавателя, органа дознания по уголовным делам и материалам проверки сообщений о преступлении, находящимся в их производстве.

В соответствии с ч. 4 ст. 157 УПК после направления уголовного дела руководителю следственного органа орган дознания[2] может производить по нему следственные действия и оперативно-разыскные мероприятия только по поручению следователя. В случае направления руководителю следственного органа уголовного дела, по которому не обнаружено лицо, совершившее преступление, орган

---

[1] *Марутин А.Г.* Расследование террористического акта. Автореф. дисс. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2001. С. 10.

[2] После производства неотложных следственных действий в соответствии с ч. 1–3 ст. 157 УПК РФ.

дознания обязан принимать разыскные и оперативно-разыскные меры для установления лица, совершившего преступление, уведомляя следователя об их результатах (ч. 4 ст. 157 УПК).

Отметим, что не всегда поручения следователей исполняются надлежащим образом. В случае неисполнения поручения о проведении оперативно-разыскных мероприятий, лицу, осуществляющему предварительное расследование, целесообразно обратиться к надзирающему уполномоченному прокурору с обращением (информацией). В соответствии с пп. «б» п. 5 приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 15.02.2011 № 33 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при осуществлении оперативно-разыскной деятельности» уполномоченным прокурорам предписано проводить проверки исполнения законов при осуществлении оперативно-разыскной деятельности, в том числе при поступлении информации о ненадлежащем исполнении поручения следователя, руководителя следственного органа, дознавателя, органа дознания по уголовным делам и материалам проверки сообщения о преступлении.

Полагаем, что в целях повышения эффективности взаимодействия следователей и сотрудников оперативно-разыскных подразделений по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений (в том числе многоэпизодных; совершенных несколькими лицами; в условиях неочевидности и др.) целесообразно создание следственно-оперативных групп. Несмотря на то, что термин «следственно-оперативная группа» не отражен в уголовно-процессуальном законодательстве России, он употребляется в некоторых нормативных актах.

Именно в рамках такого непроцессуального взаимодействия как следственно-оперативной группа, следователи и оперативные работники находятся в более тесном контакте, что позволяет наиболее оптимально решать задачи по выявлению и раскрытию преступлений и лиц, их совершивших.

Следственной практикой апробированы следующие виды следственно-оперативных групп:

1. Дежурная следственно-оперативная группа обеспечивает незамедлительное реагирование по сообщению о преступлении, производство неотложных следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий по «горячим следам».

2. Специализированная (постоянно действующая) следственно-оперативная группа создается для расследования определенной категории преступлений, в том числе по которым лица, их совершившие, не установлены.

3. Целевая (временная) следственно-оперативная группа создается в целях осуществления расследования по конкретному уголовному делу. Создание таких групп востребовано на начальной стадии расследования при необходимости в выполнении большого количества следственных действий в максимально сжатые сроки.

4. Совместная следственно-оперативная группа (бригада) создается для расследования тяжких и особо тяжких преступлений[1] (в том числе получивших широкий общественный резонанс)[2].

Как отмечает А.М. Багмет, для следственно-оперативной группы характерны следующие основные черты:

- проводимые членами следственно-оперативной группы следственные действия и оперативно-разыскные мероприятия подчинены единым целям;
- совместные действия согласуются между всеми взаимодействующими сторонами, в частности путем разработки согласованного плана следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий;
- каждый из участников следственно-оперативной группы, действуя в пределах своей компетенции, сохраняет функциональную самостоятельность;
- работа в составе следственно-оперативной группы обеспечивает возможность незамедлительного использования следователем полученных оперативным путем данных, а оперативными сотрудниками - информации, полученной в ходе проведения следственных действий.[3]

Совместная работа следователей и сотрудников оперативных подразделений имеет ряд неоспоримых преимуществ, к которым относятся:

- одновременная отработка нескольких версий, производство большого количества различных по характеру и степени сложности следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий;
- проверка следственным путем информации, полученной в ходе осуществления оперативно-разыскной деятельности, а также незамедлительная отработка силами оперативных служб информации, полученной в ходе следственных действий.
- возможность наиболее эффективной расстановки сил личного состава: следователей и оперативных сотрудников на конкретно-определенный момент расследования, с учетом сложившейся следственной ситуации;
- возможность совместного анализа сложившейся следственной ситуации, выдвижения новых версий, дополнительное планирование совместных мероприятий.

Следует отметить, что нередко следственно-оперативные группы создаются в результате реализации решений координационных совещаний руководителей правоохранительных органов, проводимых при прокуроре[4]. Как правило, эти

---

[1] *Плеханов А.В.* Следственно-оперативная группа как одна из организационных форм взаимодействия органов следствия и дознания // Актуальные вопросы юридических наук: Материалы международной научной конференции. Челябинск, 2012. С. 84–87.

[2] Полагаем, что совместную следственно-оперативную группу (бригаду) все же можно отнести к целевой (временной) следственно-оперативной группе, как к одному из ее подвидов.

[3] *Багмет А.М.* Организация и деятельность следственно-оперативной группы как одна из форм непроцессуального взаимодействия следователей с органами дознания при расследовании массовых беспорядков // Юридический мир. 2013. № 8.

[4] См. Положение о координационной деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью, утвержденном Указом Президента Российской Федерации от 18.04.1996 № 567.

следственно-оперативные группы являются межведомственными и включают в себя сотрудников различных правоохранительных подразделений (органов внутренних дел, государственной безопасности, таможни и др.)[1].

В заключение хотелось бы отметить, что работа сотрудников правоохранительных органов в составе следственно-оперативных групп создает все необходимые условия для ***наиболее полноценного взаимодействия*** следователей и оперативных работников, а также благоприятные условия для полного, всестороннего и объективного исследования обстоятельств расследуемого преступления.

Жуков Д.А.

К вопросу о нормативной регламентации сроков исполнения поручений о проведении оперативно-разыскных мероприятий

Аннотация. В данной работе исследуется необходимость нормативной регламентации сроков исполнения поручения о проведении оперативно-разыскных мероприятий, иных процессуальных действий, предлагаются дополнения в УПК РФ, касающихся данных сроков.

Ключевые слова: следователь, дознаватель, поручение, оперативно-разыскные мероприятия, запрос, требование.

Взаимодействие с органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность (далее – ОРД) при существующей системе правоохранительных органов России, является важным условием успешного расследования преступлений, в особенности тех, по которым не установлены совершившие их лица.

При этом не следует забывать широко известную среди практических работников фразу, о том, что «сидя в кабинете преступления не раскроешь». Следователям, дознавателям, особенно с небольшим опытом работы, следует «не стесняться» использовать предусмотренное ч. 1 ст. 187 УПК РФ право проводить до-

[1] В соответствии с п. 6 указанного положения координационная деятельность правоохранительных органов осуществляется в следующих основных формах: проведение координационных совещаний руководителей правоохранительных органов; обмен информацией по вопросам борьбы с преступностью; совместные выезды в регионы для проведения согласованных действий, проверок и оказания помощи местным правоохранительным органам в борьбе с преступностью, изучения и распространения положительного опыта; *создание следственно-оперативных групп для расследования конкретных преступлений;* проведение совместных целевых мероприятий для выявления и пресечения преступлений, а также устранения причин и условий, способствующих их совершению; взаимное использование возможностей правоохранительных органов для повышения квалификации работников, проведение совместных семинаров, конференций; оказание взаимной помощи в обеспечении собственной безопасности в процессе деятельности по борьбе с преступностью; издание совместных приказов, указаний, подготовка информационных писем и иных организационно-распорядительных документов; выпуск совместных бюллетеней (сборников) и других информационных изданий; разработка и утверждение согласованных планов координационной деятельности.

прос в месте нахождения допрашиваемого, для расширения кругозора и представления о жизни различных слоев населения и социальных групп. При этом конечно необходимо соблюдать меры безопасности и предосторожности, чтобы самому не стать объектом преступного посягательства.

К тому же в действующем уголовно-процессуальном законе в ч. 1 ст. 152 закреплено полномочие должностного лица, осуществляющего расследование, будь то следователь или дознаватель, на личное производство в случае необходимости следственных или разыскных действий в другом месте.

При этом также предусматривается право поручить производство этих действий следователю, дознавателю или органу дознания. Поручения должны быть исполнены в срок не позднее 10 суток.

Согласно ст. 132 УПК РСФСР (1960 года) «В случае необходимости производства следственных или разыскных действий в другом районе следователь вправе произвести их лично либо поручить производство этих действий соответствующему следователю или органу дознания, который обязан выполнить поручение в срок не свыше десяти суток».

При этом указанный в УПК РФ, и ранее УПК РСФСР, срок «10 суток» не распространяется и не распространялся на исполнение поручений о проведении оперативно-разыскных мероприятий (далее - ОРМ).

Так, п. 4 ч. 1 ст. 38 УПК РФ о полномочии следователя давать органу дознания в случаях и порядке, установленных настоящим Кодексом, обязательные для исполнения письменные поручения о проведении оперативно-разыскных мероприятий, производстве отдельных следственных действий, об исполнении постановлений о задержании, приводе, об аресте, о производстве иных процессуальных действий, не содержит указания на сроки проведения ОРМ и других перечисленных здесь действий. Не содержится указания об этом и в п. 1.1 ч.1 ст. 41 УПК РФ «Дознаватель». Также не содержат указания о сроках проведения ОРМ и другие статьи УПК РФ, в которых упоминается словосочетание «оперативно-разыскные мероприятия».

К слову сказать, УПК РСФСР (1960 года) в ст. 127 «Полномочия следователя» также указывал, что «следователь по расследуемым им делам вправе давать органам дознания поручения и указания о производстве разыскных и следственных действий и требовать от органов дознания содействия при производстве отдельных следственных действий. Такие поручения и указания следователя даются в письменном виде и являются для органов дознания обязательными», однако сроков исполнения таких поручений или указаний также не содержал.

Федеральный закон от 12.08.1995 N 144-ФЗ (ред. от 06.07.2016) «Об оперативно-разыскной деятельности» в ст. 6 содержит «исчерпывающий перечень оперативно-разыскных мероприятий, который может быть изменен или дополнен только федеральным законом».

Представляется, что исходя из указанного перечня ОРМ следует задаться вопросом, а необходимо ли устанавливать сроки исполнения оперативно-разыскных мероприятий, ведь такие ОРМ, как наблюдение, контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, прослушивание телефонных переговоров, снятие информации с технических каналов связи, оперативное внедрение,

контролируемая поставка, оперативный эксперимент, получение компьютерной информации, явно невозможно провести или вообще нецелесообразно проводить в течение тех же 10 суток с момента получения поручения, особенно, если информация собирается в режиме реального времени проведения ОРД.

На наш взгляд конкретные сроки исполнения поручения о проведении ОРМ, иных порученных органу дознания действий и сроки их проведения должны определять непосредственные исполнители, а задача руководителя непосредственного исполнителя проконтролировать правильность, законность и своевременность проведения ОРМ, при этом считаем, что инициатор поручения, то есть следователь или дознаватель должен быть в обязательном порядке в 10-дневный срок уведомлен о возможности и начале проведения органом дознания ОРМ и других порученных органу дознания действий либо о невозможности их проведения в данное время, в связи с чем необходимо добавить в п. 4 ч. 1 ст. 38 и п. 1.1 ч. 1 ст. 41 УПК РФ следующую фразу: *«Следователь/дознаватель должен быть уведомлен о возможности и начале проведения указанных мероприятий и действий либо о невозможности их проведения в данное время в 10-дневный срок с момента получения поручения».*

Также возникает вопрос, должен ли инициатор поручения определить, какие конкретно ОРМ должны быть выполнены согласно его поручения. Уголовно-процессуальный закон Российской Федерации, как и УПК РСФСР, не содержит ответ на этот вопрос, поэтому представляется, что инициатор поручения должен привести в своем поручении конкретную цель проведения ОРД и конкретные из перечисленных в ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности» ОРМ, в результате которых, как он считает, должна быть достигнута эта цель, при этом оговорить возможность проведения и иных ОРМ для достижения определенной в поручении конкретной цели. На наш взгляд это не вступает в противоречие с требованиями ст. 12 указанного Федерального закона о том, что организация и тактика проведения оперативно-разыскных мероприятий составляют государственную тайну.

Особенно актуально это в случае приостановления предварительного расследования на основании п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, когда лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого, не установлено.

Согласно п. 1 ч. 2 ст. 209 УПК РФ после приостановления предварительного следствия следователь в случае, предусмотренном пунктом 1 части первой статьи 208 настоящего Кодекса, принимает меры по установлению лица, подлежащего привлечению в качестве подозреваемого или обвиняемого. При этом указания о том, какие конкретно полномочия может осуществлять следователь, не разъясняется, за исключением указания в ч. 3 ст. 209 УПК РФ о том, что после приостановления предварительного следствия производство следственных действий не допускается.

На наш взгляд направление поручений о проведении ОРМ перед приостановлением следствия и является одним из результативных способов установления лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, которые являются ориентирами для органа дознания при проведении ОРМ. При наличии предлагаемого вышеуказанного дополнения в действующий уголовно-процессуальный

закон следователь, дознаватель будут обладать информацией о проведении ОРМ и смогут путем направления запросов после приостановления предварительного следствия получать информацию о результатах ОРМ с соблюдением ст. 12 Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности».

Следует отметить, что ч. 4 ст. 21 УПК РФ «Обязанность осуществления уголовного преследования» также же не содержит сроков исполнения требований, (поручений, запросов) прокурора, руководителя следственного органа, следователя, органа дознания и дознавателя.

При этом, согласно ч. 2 ст. 7 Федерального закона от 28.12.2010 № 403-ФЗ (ред. от 30.10.2018) «О Следственном комитете Российской Федерации» «требования (запросы, поручения) сотрудника Следственного комитета, предъявленные (направленные, данные) при проверке сообщения о преступлении, проведении предварительного расследования или осуществлении других полномочий, обязательны для исполнения всеми предприятиями, учреждениями, организациями, должностными и иными лицами незамедлительно или в указанный в требовании (запросе, поручении) срок.

С учетом вышеизложенной нормативной регламентации было бы юридически правильным дополнить ч. 4 ст. 21 УПК РФ и изложить ее в следующей редакции *«Требования, поручения и запросы прокурора, руководителя следственного органа, следователя, органа дознания и дознавателя, предъявленные в пределах их полномочий, установленных настоящим Кодексом, обязательны для исполнения всеми учреждениями, предприятиями, организациями, должностными лицами и гражданами незамедлительно или в указанный в требовании (запросе, поручении) срок».*

Захарова В.О.

Особенности производства неотложных следственных действий

Аннотация. Автор анализирует различные мнения ученых и законодателя о содержании и сущности неотложных следственных действий в уголовном судопроизводстве России.

Ключевые слова: взаимодействие; неотложные следственные действия; следователь; следственные действия; уголовное дело.

В процессе осуществления организации раскрытия и расследования преступлений важное место занимает производство неотложных следственных действий. Мы согласны с мнением А. Кругликова, полагающего, что в качестве неотложного способно выступить любое следственное действие, промедление с производством которого может привести к утрате доказательств, затруднить их обнаружение и закрепление, дать возможность лицу, совершившему преступле-

ние, скрыться от следствия и суда, осложнить возмещение причиненного материального ущерба[1]. Согласно лингвистическому толкованию, «неотложное», в широком смысле слова - это безотлагательное, немедленное[2].

Вопросами, связанными с определением дефиниции неотложных следственных действий, их соотношением с другими следственными действиями, занимались такие зарубежные исследователи как Г. Гросс, Р. Гендль, Р. Рейсс, А. Вейгардт, А. Шнейкерт и другие. Не менее актуальной для исследования эта тема является и для отечественных ученых. Ей уделили внимание отечественные криминалисты и процессуалисты: Р.С. Белкин, А.Н. Васильев, И.А. Возгрин, В.Н. Григорьев, В.И. Громов, В.Д. Зеленский, Е.П. Ищенко, В.А. Образцов, Н.А. Селиванов, В.И. Теребилов, С.Н. Трегубов, А.Г. Филиппов, Б.М. Шавер, И.Н. Якимов и другие. В их работах неотложные следственные действия в основном рассматриваются с точки зрения их роли и значения в обеспечении положительного результата расследования.

Так, В.Н. Григорьев и Ю.В. Прушинский обоснованно указывают, что на пути от выявления преступления до привлечения лица к уголовной ответственности органы дознания и предварительного следствия проделывают большую работу по установлению обстоятельств совершенного преступления, изобличению лица, его совершившего, собиранию доказательств его вины. Успех этой работы во многом определяется на первоначальном этапе. Первоначальные действия, предпринимаемые при получении сведений о преступлении, нередко позволяют предотвратить либо своевременно пресечь преступление, раскрыть его по «горячим следам», захватить преступников с поличным, получить и зафиксировать ценную в доказательственном отношении информацию. Промедление либо неквалифицированное проведение первоначальных действий может привести к сокрытию преступления, утрате важных доказательств, создать дополнительные, порой непреодолимые трудности в изобличении виновного[3].

В п. 19 ст. 5 УПК РФ к неотложным следственным действиям отнесены действия, осуществляемые органом дознания после возбуждения уголовного дела, по которому производство предварительного следствия обязательно, в целях обнаружения и фиксации следов преступления, а также доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования.

Таким образом, представляется, что буквальное толкование содержания названных норм УПК РФ дает основание для следующих выводов:

1. неотложные следственные действия выполняются для обнаружения и закрепления следов преступления;

2. субъектом производства неотложных следственных действий является должностное лицо органа дознания (дознаватель или иное должностное лицо,

---

[1] См.: *Кругликов А.П.* Неотложные следственные действия: понятие, их перечень, задачи // Уголовно-процессуальные проблемы предварительного следствия и пути его совершенствования: сб. науч. трудов. Волгоград, 1985. С. 43–47.

[2] См.: *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М., 1998. Т. 2. С. 526.

[3] См.: *Григорьев В.Н., Прушинский Ю.В*. Первоначальные действия при получении сведений о преступлении. М., 2002. С. 3.

которому согласно ст. 40 УПК РФ предоставлены соответствующие полномочия);

3. перечень неотложных следственных действий уголовно-процессуальным законом не ограничен, однако из смысла п. 19 ст. 5 УПК РФ вытекает, что к ним относятся следственные действия, проводимые для обнаружения и фиксации следов преступления, а также иных доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования.

По нашему мнению, законодатель не вполне последователен в определении участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения, которые вправе производить неотложные следственные действия. Такая трактовка понятия неотложных следственных действий в УПК РФ не позволяет ответить на все вопросы, связанные с их сущностью, хотя цели и задачи проведения этих действий еще каким-то образом (хотя и недостаточно полно) обозначены. Полагаем, что это является пробелом уголовно-процессуального закона, затрудняющим организацию работы по раскрытию и расследованию преступлений.

Сложно согласиться с тем, что рассматриваемые следственные действия – компетенция дознавателя или органа дознания, начинающего расследование преступления, досудебное производство по уголовному делу о котором должно выполняться в форме предварительного следствия. Если буквально воспринимать содержание п. 19 ст. 5, ч. 5 ст. 152 и ч. 3 ст. 157 УПК РФ, то получается, что следователь производит неотложные следственные действия только по уголовным делам о преступлениях, не относящихся к подследственности ведомства, в котором он работает, даже если сам возбуждает уголовное дело немедленно после обнаружения признаков преступления. Подобную ситуацию представить невозможно, поскольку оперативность и результативность расследования преступлений независимо от того, проводит его следователь или дознаватель, обеспечивается, в первую очередь, в результате производства неотложных следственных действий.

Н.А. Селиванов и В.И. Теребилов обоснованно подчеркивают, что к неотложным относятся те следственные действия, которые обязаны выполнить следователи, действующие по сигналам о только что обнаруженном преступлении в обстановке, требующей срочно решить вопрос о возбуждении уголовного дела и начать работу по нему[1].

Во многих приказах, указаниях, обзорах и информационных письмах Генеральной прокуратуры Российской Федерации в качестве одного из основных недостатков расследования преступлений называется несвоевременное и некачественное проведение неотложных следственных действий. Проведение неотложных следственных действий направлено на достижение вполне определенных целей: обнаружить, закрепить, предварительно исследовать следы события с признаками преступления; дать этому событию должную юридическую оценку; использовать сведения, полученные в результате изучения следов преступления, для его раскрытия и расследования.

---

[1] См.: *Селиванов Н.А., Теребилов В.И.* Первоначальные следственные действия. М., 1969. С. 3.

По мнению А.Б. Соловьева, первоначальный этап расследования преступления, на котором проводятся неотложные следственные действия и оперативно-разыскные мероприятия, сориентирован на обнаружение следов преступления, получение и процессуальное закрепление исходной доказательственной информации, позволяющей в ходе проверки версий установить событие и основные обстоятельства содеянного, выявить виновного, собрать доказательства, позволяющие задержать указанное лицо в качестве подозреваемого либо избрать в отношении него меру пресечения до предъявления обвинения, а затем предъявить обвинение. При наличии совокупности доказательств, следователь может привлечь это лицо в качестве обвиняемого[1].

В целом соглашаясь с данной точкой зрения, мы все же полагаем, что в ней задачи использования результатов неотложных следственных действий трактуются слишком широко. Практика расследования преступлений свидетельствует, что далеко не во всех случаях совершения неочевидных преступлений удается решить эти задачи в первые дни расследования, хотя стремиться к этому совершенно необходимо.

Ориентированность неотложных следственных действий на получение доказательств и иных данных, позволяющих считать исследуемое событие преступлением, а конкретное лицо – причастным к нему, определяется, на наш взгляд, следующим. Уголовное судопроизводство обеспечивает практическую реализацию норм УК РФ, поскольку, как известно, существование последних становится бессмысленным в отсутствие правового механизма приведения их в действие. В этом проявляется взаимосвязь и взаимообусловленность уголовного и уголовно-процессуальных законов.

Проведение неотложных следственных действий обеспечивает вытекающую из полученных при этом данных правильную юридическую оценку исследуемого события, определяя границы его исследования соответственно обстоятельствам предмета доказывания. Конкретизация этих обстоятельств и степень причастности к нему определенного субъекта впоследствии реализуется в постановлении о привлечении определенного лица в качестве обвиняемого. Но это задача последующего этапа расследования. Первоначальный этап расследования больше нацелен на установление лица, в отношении которого может быть начато уголовное преследование.

Проведение неотложных следственных действий ориентировано на параллельное решение как процессуальных, так и криминалистических задач, причем решение вторых обеспечивает решение первых. Разделение этих задач нам представляется непрактичным и нецелесообразным. Именно в таком аспекте рассматривают неотложные следственные действия многие исследователи этого вопроса. Мы согласны с А. Кругликовым, М. Оролбаевым, С. Супруном, считающими, что лишь производство неотложных следственных действий обеспечивает позитивный результат первоначального этапа расследования, так как их прове-

---

[1] *Соловьев А.Б.* Следственные действия на первоначальном этапе расследования. М., 1995. С. 6.

дение способствует получению сведений, совершенно необходимых для дальнейшего расследования[1]. Мы полагаем, что для ответа на вопрос о праве следователя и дознавателя производить неотложные следственные действия целесообразно рассматривать положения, содержащиеся не только в названных выше нормах, но и в ч. 2 ст. 21 УПК РФ. Указанная норма предписывает следователю, органу дознания, дознавателю в каждом случае обнаружения признаков преступления принимать предусмотренные УПК меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в его совершении.

Последовательно рассматривая перечисленные задачи, можно прийти к выводу, что установление события преступления при обнаружении его признаков возможно лишь путем проведения неотложных следственных действий для того, чтобы выяснить, действительно ли является преступлением событие, в котором усматриваются признаки деяния, запрещенного уголовным законом. При подтверждении этого предположения следует незамедлительно начать работу по установлению и изобличению совершившего его лица всеми наличными силами и средствами при неуклонном соблюдении предписаний закона. Наше мнение совпадает с мнением В.Д. Зеленского в том, что «неотложность первоначальных действий предопределяет непрерывность расследования. Следственные действия проводятся одно за другим, либо параллельно друг другу, являясь основанием для одних и завершая цели других. Непрерывность необходима для закрепления следов и иных фактических данных»[2]. Мы полностью согласны с позицией В.Д. Зеленского, что нецелесообразно пытаться установить перечень неотложных следственных действий, ибо в случае его установления уголовно-процессуальный закон резко ограничит процессуальную самостоятельность следователя в праве выбора средств собирания доказательств на первоначальном этапе расследования[3]. Все это лишний раз доказывает, что закрепить в законе перечень неотложных следственных действий объективно невозможно, поскольку набор необходимых действий изменяется в зависимости от совершенного преступления, складывающейся следственной ситуации и т.п.

---

[1] См.: *Кругликов А.* Неотложные следственные действия // Уголовное право. 2004. № 3. С. 93–94; *Оролбаев М.П.* Производство органом дознания неотложных следственных действий по делам, по которым предварительное следствие обязательно // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2006. № 3. С. 200–203; *Супрун С.* Понятие и система неотложных следственных действий // Уголовное право. 2007. № 4. С. 98–102.

[2] *Зеленский В.Д.* Организационные функции субъектов расследования преступлений. Краснодар, 2005. С. 65.

[3] См. там же.

Золотухина Н.В.,
Жукова П.Н.

К вопросу об использовании материалов оперативно-разыскной деятельности в процессе доказывания по уголовным делам

Аннотация. Статья затрагивает вопросы, связанные с использованием материалов оперативно-разыскной деятельности в процессе доказывания по уголовным делам на фоне устоявшегося представления о необходимости формирования единообразной следственной и судебной практики. Рассматривая результаты оперативно-разыскной деятельности в качестве первоисточника для формирования доказательств, авторы выделяют наиболее значимые ошибки, допускаемые сотрудниками, уполномоченными осуществлять оперативно-разыскную деятельность, что не позволяет гарантировать допустимость использования её результатов в доказывании по уголовным делам.

Ключевые слова: Доказывание, доказательства, допустимость доказательств, использование результатов оперативно-разыскной деятельности, уголовный процесс.

Широко известно, что наиболее действенный способ получения необходимой информации об обстоятельствах подготовки или совершения преступления является проникновение в преступную среду в рамках проведения оперативно-разыскных мероприятий, указанных в ст. 6 Федерального закона от 12.08.1996 ФЗ-№144 «Об Оперативно-разыскной деятельности» (далее – ФЗ «Об ОРД»), а также современных оперативно-разыскных средств, поскольку решить указанные вопросы уголовно- процессуальными средствами невозможно.

Ведомственная статистика показывает, что благодаря оперативно-разыскной деятельности раскрывается более 85% преступлений, а в таких сферах, как незаконный оборот наркотиков, хозяйственная, служебная деятельность и др. процент раскрываемости достигает 100%[1]. Кроме того, практически все преступления, совершенные организованными группами, раскрываются благодаря использованию материалов оперативно-разыскной деятельности в уголовном деле. Также следует отметить, ни одно преступление против основ национальной безопасности не выявлено и не раскрыто без применения оперативно-разыскных средств и мероприятий.

У практиков не вызывает сомнения вопрос о возможности использования результатов оперативно-разыскной деятельности в качестве доказательств – материалы, полученные в результате оперативно-разыскной деятельности используются на всех досудебных этапах. Однако данный вопрос остается открытым среди учёных, поскольку проблема применения, как правило, становится очевидной лишь на этапе судебного следствия, когда стороной защиты указывается на недостатки их оформления.

Божьев В.П. отмечает, что результаты оперативно-разыскной деятельности не отвечают правовому требованию допустимости, так как они получены из источников и способами, не предусмотренными уголовно-процессуальным законом,

[1] Статистика ГИАЦ МВД России ГКД https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics.

и, следовательно, не соответствуют требованию, предъявляемому к форме доказательств[1].

Кипнис Н.М. склонен полагать, что рассматриваемые в качестве доказательств сведения могут обладать признаками доказательств, однако, условием их допустимости будет в первую очередь соблюдение требований Закона «Об оперативно-разыскной деятельности»[2]. По его мнению, если оперативно-разыскные мероприятия проведены с нарушением закона, то полученные в их результате предметы и документы – оперативно-разыскная информация, не могут быть приобщены к уголовному делу и использоваться в качестве доказательств.

Таким образом, вышеуказанные авторы формулируют проблему допустимости в качестве доказательств результатов оперативно-разыскной деятельности при отсутствии регламентированной законом процедуры её проведения.

По мнению авторов это не так, поскольку вопрос соответствия нормы, содержащейся в части второй статьи 11 ФЗ «Об ОРД», которая позволяет использовать результаты оперативно-разыскной деятельности в доказывании по уголовным делам в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, регламентирующими собирание, проверку и оценку доказательств был предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации. В своем Определении суд ясно выразил мнение о том, что «нормой, содержащейся в части второй статьи 11 Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности», конституционные права заявителей не нарушаются»[3]. Эту же правовую позицию Конституционный Суд Российской Федерации повторил и в Определении от 11.07.2006 № 268-О[4].

«Результаты оперативно-разыскных мероприятий являются не доказательствами, а лишь сведениями об источниках тех фактов, которые, будучи полученными с соблюдением требований Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности», могут стать доказательствами только после закрепления их надлежащим процессуальным путем, а именно на основе соответствующих норм уголовно-процессуального закона, т.е. так, как это предписывается ч. 1 статьи 49 и ч. 2 статьи 50 Конституции Российской Федерации»[5].

---

[1]*Божьев В.П.* Уголовный процесс. М., 2017. – С.180.

[2] *Кипнис Н.М.* Допустимость доказательств в уголовном судопроизводстве. М., 2014, С.128

[3]Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 04.02.1999 № 18-О «По жалобе граждан М.Б. Никольской и М.И. Сапронова на нарушение их конституционных прав отдельными положениями Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». См.: Приложение № 5.

[4]Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 11.07.2006 № 268-О «По жалобам гражданина Уразова Сергея Владимировича на нарушение его конституционных прав положениями статей 49, 91, 92, 227, 255 и 355 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статей 6, 8, 10 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». См.: Приложение № 6.

[5]Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 24.11.2005 №448-О «Об отказе принятия рассмотрению жалобы гражданина Каланчева Вадима Анатольевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 8 и 9 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». См.: Приложение № 7.

Авторами проведено изучение материалов уголовного дела, направленного в суд по обвинению гр. М[1]., в рамках проведенного исследования по заданию адвоката, представляющего сторону защиты, в результате чего можно проиллюстрировать ряд нарушений, допущенных сотрудниками ФСБ, при проведении доследственной проверки. Рассмотрим некоторые из них.

По своему содержанию заявление лица (Г.), обратившегося к оперуполномоченному РУ ФСБ по субъекту РФ с письменным заявлением на имя начальника РУ ФСБ по субъекту РФ является письменным заявлением о преступлении, указанным в ч. 2 ст. 141 УПК РФ, так как в нём предельно чётко расписаны объективная и субъективная сторона преступления, предусмотренного ч. 6 ст. 290 УК РФ, планируемого, по информации, полученной от заявителя, к совершению М.

Согласно п.1. ч. 1 ст. 140 УПК РФ заявление о преступлении является одним из поводов для возбуждения уголовного дела. В соответствии с ч.ч. 1, 3 ст. 144 УПК РФ дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа обязаны принять, проверить сообщение о любом совершенном или готовящемся преступлении и в пределах компетенции, установленной УПК РФ, и принять по нему решение в срок. О принятии сообщения о преступлении заявителю выдаётся документ с указанием данных о лице, его принявшем, а также даты и времени его принятия. Оперативные сотрудники ФСБ не отнесены УПК РФ к категории лиц, уполномоченных рассматривать сообщения о преступлениях.

В соответствии с п. п. 3, 4 «Инструкции по организации в органах федеральной службы безопасности приёма, регистрации и проверки сообщений о преступлениях и иной информации о преступлениях и событиях, угрожающих личной и общественной безопасности», утверждённой Приказом ФСБ РФ от 16.05.2006 № 205 (далее – Инструкции), низовыми органами дознания в структуре органов безопасности являются оперативные подразделения, а также городские (окружные, районные) подразделения, подчинённые управлениям (отделам) ФСБ России по отдельным регионам и субъектам Российской Федерации.

Реализация полномочий по приёму сообщений о преступлениях, оформлению протоколов принятия устного заявления о преступлении и составлению рапортов об обнаружении признаков преступления в случаях и порядке, предусмотренных ч. 3, 5, 6 ст. 141, ч. 2 ст. 142 и ст. 143 УПК РФ, возможна только специально уполномоченными начальником органа дознания или его заместителем.

Сведений о возложении на конкретного оперуполномоченного ФСБ обязанности по приёму и рассмотрению заявлений о преступлениях вообще либо конкретного заявления в материалах уголовного дела нет.

---

[1] В настоящий момент мы не можем указать ни номер дела, ни назвать конкретный субъект РФ, в котором проводилось расследование, так как до сих пор итоговое решение по уголовному делу не вступило в законную силу (приговоры дважды обжаловались и дважды направлялись на новое судебное разбирательство. В настоящий момент дело планируется к рассмотрению в третий раз).

В соответствии с ч. 6 ст. 141 УПК РФ и п. 8 Инструкции заявитель предупреждается об уголовной ответственности за заведомо ложный донос в соответствии со ст. 306 УК РФ, о чем в протоколе делается отметка, которая удостоверяется подписью заявителя.

В материалах уголовного дела информация о предупреждении заявителя Г. по ст. 306 УК РФ отсутствует.

Согласно п.п. 13, 17-19 Инструкции, для регистрации и учёта сообщений о преступлениях, поступивших в органы безопасности, в органах дознания заводится Книга № 1.

Лицо, принявшее сообщение о преступлении, докладывает об этом по команде соответствующему руководителю (начальнику) и по его указанию принимает меры к незамедлительной регистрации в Книге № 1 принятого сообщения о преступлении.

При наличии причин, препятствующих должностному лицу незамедлительно сдать на регистрацию сообщение о преступлении (например, в связи со значительной отдалённостью от места регистрации, стихийным бедствием, непогодой и т.п.), регистрация такого сообщения в Книге № 1 может быть осуществлена на основании сведений, переданных (полученных) по различным каналам связи.

Сотрудники, ответственные за ведение Книги № 1, назначаются приказами соответствующих руководителей (начальников), наделённых правом издания приказов по личному составу.

Поступившие сообщения о преступлениях и иная информация о преступлениях и событиях, угрожающих личной и общественной безопасности, регистрируются в соответствующих книгах за очередным порядковым номером.

На лицевой стороне (на свободном от текста месте) сообщения о представленного в письменном виде, проставляется регистрационный штамп (приложение 4 к Инструкции), содержащий информацию о наименовании подразделения органа безопасности, в который поступило сообщение, регистрационный номер в Книге № 1, дату и время регистрации сообщения, фамилию, инициалы и подпись лица, ответственного за регистрацию.

Согласно штампу, проставленному в левом нижнем углу заявления о преступлении, оно было зарегистрировано в РУ ФСБ по субъекту РФ как входящая корреспонденция. Регистрация данного сообщения по Книге № 1 не производилась, проведение проверки содержащейся в нём информации никому не поручалось.

Проверка полученного сообщения проводилась с нарушением установленного ст.ст. 144-145 УПК РФ порядка, без продления сроков её проведения и с превышением предельно допустимого 30 дневного срока.

Изложенное свидетельствует о нарушениях порядка принятия сообщений о преступлении и порядка его регистрации.

При изучении постановления на проведение оперативно-разыскного мероприятия «оперативный эксперимент», вынесенного оперуполномоченным РУ ФСБ по субъекту РФ установлено, что постановление содержит реквизит утверждения начальником РУ ФСБ по субъекту РФ. Вместе с тем данный реквизит, в нарушение требований делопроизводства к данному виду постановлений не со-

держит обязательного элемента «дата подписи», в связи с чем невозможно установить, когда именно – в день вынесения постановления либо позже, была проставлена подпись от имени начальника РУ ФСБ по субъекту РФ.

В нарушение требований абз. 6 ч. 3 ст. 8 Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности» постановление на проведение оперативно-разыскного мероприятия «оперативный эксперимент» утверждено от имени начальника РУФСБ по субъекту РФ, а не самим начальником РУФСБ по субъекту РФ, что подтверждается заключением специалиста по результатам почерковедческого исследования подпись в постановлении о проведении оперативно-разыскного мероприятия «оперативный эксперимент» от имени генерал-майора П., не соответствует подписи П.

Соответственно постановление о производстве оперативного эксперимента руководителем органа, осуществляющего оперативно-разыскную деятельность, не утверждалось, что является нарушением федерального законодательства и влечёт признание сведений, полученных в ходе оперативно-разыскного мероприятия «оперативный эксперимент», не допустимыми доказательствами.

В качестве основания проведения ОРМ «оперативный эксперимент» оперуполномоченным РУ ФСБ по субъекту РФ указано:

«Замыслом данного мероприятия предусмотрено создание контролируемой ситуации, в которой М., возможно лично или через неустановленных посредников будет вымогать взятку в виде денежных средств в размере 500000 (пятьсот тысяч) рублей у Г.»

В соответствии с п. 1 ч. 2 ст. 7 ФЗ «Об ОРД» основаниями для проведения оперативно-разыскных мероприятий являются ставшие известными органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность, сведения о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния, а также о лицах, его подготавливающих, совершающих или совершивших, если нет достаточных данных для решения вопроса о возбуждении уголовного дела.

Оперативный эксперимент – это оперативно-разыскное мероприятие, которое заключается в создании и обеспечении контроля условий, необходимых для документирования подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления.

В основаниях, указанных в постановлении о проведении оперативно-разыскного мероприятия явно усматривается провокация взятки, то есть передачи должностному лицу, без его согласия денег, ценных бумаг, иного имущества в целях искусственного создания доказательств совершения преступления.

Из текста данного постановления следует, что оперативный эксперимент заранее планировался оперуполномоченным РУФСБ по субъекту РФ как провокация, т.к. его целью являлось не воспроизведение обстановки получения денежных средств М., а «создание контролируемой ситуации» в которой М. «будет вымогать взятку».

К проведению оперативного эксперимента были привлечены заявитель Г. и представители общественности.

С участием указанных лиц оперуполномоченным РУФСБ по субъекту РФ составлены:

- акт личного досмотра Г.;
- акт осмотра и вручения диктофона, видео камеры и денежных средств;
- акт возврата и осмотра диктофона;
- справка о результатах оперативно-разыскного мероприятия «оперативный эксперимент».

В соответствии со ст. 89 УПК РФ в процессе доказывания запрещается использование результатов оперативно-разыскной деятельности, если они не отвечают требованиям, предъявляемым УПК РФ к доказательствам. В соответствии с ч. 3 ст. 166 в протоколе указываются место и дата производства следственного действия, время его начала и окончания с точностью до минуты.

В нарушение указанных требований во всех указанных актах отсутствует реквизит «время начала и окончания соответствующего действия», в связи с чем невозможно установить временной промежуток, в течение которого оперуполномоченным РУ ФСБ по субъекту РФ проводились оперативно-разыскные мероприятия, продолжительность каждого этапа и их последовательность.

В соответствии с ч. 5 ст. 166 УПК РФ в протоколе должны быть указаны технические средства, применённые при производстве следственного действия, условия и порядок их использования, объекты, к которым эти средства были применены, и полученные результаты.

В нарушение указанных требований в акте указаны только виды и марки применяемых технических средств. Признаки, позволяющие их идентифицировать (наименование модели и серийные номера копировального аппарата, видеокамеры и диктофона).

Кроме того, согласно заключению специалиста по результатам почерковедческого исследования, подписи от имени представителей общественности в акте возврата и осмотра диктофона выполнены не ими, а другими лицами с подражанием их подписям.

Согласно ст. 11 ФЗ «Об ОРД» результаты оперативно-разыскной деятельности могут служить поводом и основанием для возбуждения уголовного дела, представляться в орган дознания, следователю или в суд, в производстве которого находится уголовное дело или материалы проверки сообщения о преступлении, а также использоваться в доказывании по уголовным делам в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства РФ, регламентирующими собирание, проверку и оценку доказательств (в ред. Федеральных законов от 29.04.2008 № 58-ФЗ, от 28.12.2010 № 404-ФЗ).

В соответствии с позицией Конституционного суда РФ результаты оперативно-разыскных мероприятий изначально не являются доказательствами по уголовному делу.

Так, в определении от 23.09.2010 № 1198-О-О был сделан вывод о том, что результаты оперативно-разыскных мероприятий являются не доказательствами, а лишь сведениями об источниках тех фактов, которые, будучи полученными с соблюдением требований Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности», могут стать доказательствами только после закрепления их надле-

жащим процессуальным путем, а именно на основе соответствующих норм уголовно-процессуального закона, т.е. так, как это предписывается статьями 49 (часть 1) и 50 (часть 2) Конституции РФ.

Позиция Конституционного суда РФ основана на нормах уголовно-процессуального закона, поскольку доказательства могут быть получены только по возбужденному уголовному делу надлежащим субъектом уголовно-процессуального доказывания (следователем).

Результаты оперативно-разыскной деятельности, документально оформленные до возбуждения уголовного дела, при направлении таковых в соответствии со ст.11 ФЗ «Об ОРД» органам предварительного следствия, на данном этапе доказательствами в уголовно-процессуальном смысле не являются. Они могут служить поводом и основанием для возбуждения уголовного дела, а также использоваться в доказывании по уголовным делам в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства РФ, регламентирующими собирание, проверку и оценку доказательств.

В соответствии с п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 55 «О судебном приговоре», использование в качестве доказательств по уголовному делу результатов оперативно-разыскных мероприятий возможно только в том случае, когда полученные сведения представлены органам предварительного расследования и суду в установленном порядке и закреплены путем производства соответствующих следственных или судебных действий. Например, произведённые аудио- и видеозаписи, изъятые предметы и документы должны быть осмотрены и приобщены к делу; обнаруженные вещества - подвергнуты экспертным исследованиям; лица, участвовавшие в проведении оперативно-разыскных мероприятий, - при необходимости допрошены в качестве свидетелей.

В случае признания полученных на основе результатов оперативно-разыскной деятельности доказательств недопустимыми они не могут быть восполнены путем допроса сотрудников органов, осуществлявших оперативно-разыскные мероприятия.

Согласно п. 20 Инструкции о порядке представления результатов оперативно-разыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд, утверждённой Приказом МВД России, МО РФ, ФСБ России, ФСО РФ, ФТС России, СВР РФ, ФСИН, ФСКН, СК России от 27.09.2013 № 776/703/509/507/1820/42/535/398/68, результаты ОРД, представляемые для использования в доказывании по уголовным делам, должны позволять формировать доказательства, удовлетворяющие требованиям уголовно-процессуального законодательства, предъявляемым к доказательствам в целом, к соответствующим видам доказательств; содержать сведения, имеющие значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, указания на оперативно-разыскные мероприятия, при проведении которых получены предполагаемые доказательства, а также данные, позволяющие проверить в условиях уголовного судопроизводства доказательства, сформированные на их основе.

Таким образом, для того, чтобы документально оформленные результаты ОРД получили на стадии предварительного следствия статус доказательств, следователю необходимо соблюсти ряд процедур, предусмотренных УПК РФ.

Это, в первую очередь, осмотр представленных письменных материалов с соблюдением требований ст. ст. 176-177 УПК РФ и с обязательным составлением в порядке ст. 166 УПК протокола данного следственного действия.

Второе – это проверка и оценка органами следствия письменных материалов ОРД, которые должны быть оформлены по правилам уголовно-процессуального законодательства, в результате чего должен быть решен вопрос о соблюдении органом, осуществляющим ОРД, требований ФЗ «Об ОРД» при проведении оперативно-разыскного мероприятия, в том числе соблюдены ли требования к форме и содержанию документов, фиксирующих ход и результат проведенного оперативного мероприятия.

Третье, как основное и итоговое действие органов следствия, это приобщение результатов оперативно-разыскной деятельности в виде представленных материалов - письменных документов к уголовному делу либо в качестве вещественных доказательств в порядке ст. 81 УПК РФ, либо в качестве иных документов в порядке ст. 84 УПК РФ с обязательным вынесением следователем постановления о приобщении таковых в качестве доказательств.

Таким образом, результаты оперативно-разыскной деятельности в виде письменных материалов проведённого и оформленного оперативно-разыскного мероприятия могут приобрести статус доказательств в уголовном деле лишь при одновременном соблюдении всех указанных выше требований закона. Как показало исследование материалов конкретного уголовного дела по обвинению М. результаты оперативно-разысной деятельности данным требованиям не отвечают.

Как показывает опрос практических работников Следственного комитета РФ (следователей и руководителей территориальных следственных органов) выявленные нарушения не являются единичными, а наоборот, иллюстрируют типичные ситуации, с которыми сталкиваются следователи, получившие материалы оперативно-разыскной деятельности, содержащие такие ошибки, которые устранить следственным путём невозможно.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что результаты оперативно-разыскной деятельности могут быть использованы в процессе доказывания после соблюдения ряда условий:

1) если они отражают обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу (ст. 73 УПК РФ);

2) оформлены надлежащим должностным лицом в соответствии с требованиями УПК РФ;

3) получены при наличии оснований для проведения конкретного оперативно-разыскного мероприятия;

4) оперативно-разыскное мероприятие определено и проведено в порядке, установленном ФЗ «Об ОРД»;

5) собраны, проверены и оценены по правилам ст. 17, 88 УПК РФ, а равно уголовно-процессуальным законодательством, регламентирующим сбор, проверку и оценку доказательств того вида, к которым в конкретном случае предлагается отнести результаты оперативно-разыскного мероприятия.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 30.10.2018).
3. Федеральный закон «Об оперативно-разыскной деятельности» от 12.08.1995 № 144-ФЗ.
4. Приказ ФСБ РФ от 16.05.2006 № 205 «Об утверждении Инструкции по организации в органах федеральной службы безопасности приёма, регистрации и проверки сообщений о преступлениях и иной информации о преступлениях и событиях, угрожающих личной и общественной безопасности»;
5. Приказ МВД России, Министерства обороны РФ, ФСБ России, Федеральной службы охраны РФ, Федеральной таможенной службы, Службы внешней разведки РФ, Федеральной службы исполнения наказаний, Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков, Следственного комитета РФ от 27.09.2013 № 776/703/509/507/1820/42/535/398/68 «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-разыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд»;
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 55 «О судебном приговоре»;
7. Определение Конституционного Суда РФ от 23.09.2010 № 1198-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Цехмейструка Анатолия Анатольевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 5, 6 и 11 Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности» и статьи 228.1 Уголовного кодекса Российской Федерации».

Ильюхов А.А.

Правовые основы взаимодействия органов предварительного следствия и дознания, как фактор оптимизации производства по уголовным делам, подлежащим рассмотрению судом с участием присяжных заседателей

Аннотация. В статье представлена авторская точка зрения на результаты взаимодействия между органами следствия и дознания в рамках проведения доследственной проверки и предварительного следствия. В рамках научной дискуссии проведен анализ основ взаимодействия органов следствия и дознания и дана их краткая характеристика,

а также влияние на оптимизацию производства по уголовным делам, подлежащим рассмотрению судом с участием присяжных заседателей.

Ключевые слова: уголовный процесс, взаимодействие, органы предварительного следствия и дознания, присяжные заседатели.

Эффективность раскрытия, расследования преступлений в значительной мере зависит от четко налаженной и согласованной деятельности следователя и органов дознания при сочетании процессуальных и оперативно-разыскных форм получения доказательств. Анкетирование следователей показало, что до 60% следователей осознают значимость такого взаимодействия и активно применяют его в ходе расследования, 27% - взаимодействуют периодически, 8 % - практически никогда не взаимодействуют и еще 5% затруднились с ответом. Причем 50 % опрошенных, считает, что такое взаимодействие носит официальный характер, 35 % – неформальный характер, 10% затруднились с ответом и 5 % указали, что оно отсутствует, а по продолжительности 65 % пояснило, что оно носит долгосрочный характер, 30%, что носит разовый характер и 5% затруднились с ответом.

Однако не все придерживаются мнения о значимости взаимодействия между органом расследования и дознания, и как полагает О. А. Попова, его отсутствие не так отрицательно сказывается на качестве расследования, притом, что и несовершенство законодательных актов не позволяют говорить о его эффективности[1]. Противоположного мнения придерживаются другие авторы, полагающие, что взаимодействию следует уделять особое внимание, поскольку оно позволяет достичь получение криминалистически значимой информации, направленной на изобличение, пресечение и предотвращение готовящихся или совершенных преступлений, либо позволяет обнаружить и изъять следы преступления[2]. Причем ее эффективность зависит также и от частоты проведения совместных оперативных совещаний, где обсуждаются ход и результаты расследования, анализируется полученная информация и перспективы эффективного использования ее результатов[3].

---

[1] *Попова О.А*. Уголовно-процессуальные и организационно-тактические ошибки на стадии предварительного следствия и пути их предотвращения и устранения: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Волгоград. 2006. С. 26.

[2] *Бастрыгин А.С.* Организационно-тактические аспекты взаимодействия участников-членов следственно-оперативной группы в раскрытии и расследовании многоэпизодных сложных групповых преступлений // Научный журнал КубГАУ. №127 (03). 2017. С.4; *Жогин В.Н., Фаткуллин Ф.Н.* Предварительное следствие в советском уголовном процессе. М.: Юридическая литература, 1965. С. 61; *Голубев Н.Н.* Основы эффективного информационного взаимодействия уголовного процесса и оперативно-розыскной деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2003.С. 10; Курс криминалистики. Общая часть / под ред. *В. Е. Корноухова.* М., 2000. С. 677.

[3] *Бессонов А.А*. Обеспечение взаимодействия следователя с оперативно-розыскными подразделениями при расследовании преступлений, совершенных организованными группами // Следственная практика. Выпуск 182. М., 2010. С. 43; *Травкин Е.А.* О совершенствовании взаимодействия следователей с оперативно-розыскными подразделениями // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2010. №2. С.109; *Аменицкая Н.А.* Взаимодействие следователя и органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность в раскрытии и

Перечисленные мероприятия, выступая основой взаимодействия между органами предварительного следствия и органами дознания, в свою очередь базируются и на элементах совместности, инициативности, согласованности, непрерывности и наглядности в их деятельности, что находит подтверждение в практике судов[1]. В указанной связи проведем анализ основ взаимодействия органов следствия и дознания, в качестве которых выступают:

1. Правовая регламентация взаимодействия, строящаяся на законах и подзаконных правовых актах, где основу ее деятельности составляют:

а) международные правовые договоры Российской Федерации по вопросам взаимодействия в сфере борьбы с преступностью[2];

б) Федеральное законодательство Российской Федерации, включающее:

расследовании преступлений (ОВД): 12.00.09 : автореф. дис. … канд. юрид. наук / Аменицкая Наталья Анатольевна. Нижний Новгород, 2006. С.16.

[1] Так, по уголовному делу о хищении с территории ООО «Газпром Добыча Астрахань» дизельного топлива, совершенного организованной группой в составе преступного сообщества, система взаимодействия органа следствия со службами, осуществляющими оперативное сопровождение, проявилась в постоянном взаимном обмене информацией, что позволило незамедлительно после возбуждения уголовного дела провести выемки и обыски по месту регистрации юридических лиц и у индивидуальных предпринимателей, как участвующих в преступной схеме хищения топлива, так и приобретавших его. Это позволило обнаружить и изъять расписки о получении денег, незаполненные накладные со штампами и печатями различных фирм, которые в последующем имели существенное доказательственное значение для дела, была установлена вся схема хищения и реализации топлива. Также детализация телефонных переговоров обвиняемых между собой позволила установить их связь и опровергнуть их показания о том, что они не звонили друг другу, а некоторые и не знакомы между собой. Результатом проведения оперативно-следственных мероприятий явилось желание ряда участников преступного сообщества оказать помощь следствию, что послужило поводом для производства дополнительных следственных действий и экспертных исследований, направленных на изобличение ее участников // *Бессонов А.А.* Обеспечение взаимодействия следователя с оперативно-розыскными подразделениями при расследовании преступлений, совершенных организованными группами // Следственная практика. Выпуск 182. М., 2010. С. 44–45.

[2] О взаимной правовой помощи по уголовным делам (ets № 30): Европейская конвенция от 20 апреля 1959 г., ратифицирована Федеральным законом Российской Федерации от 25.10.1999 № 193-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2000. № 23. Ст. 2349; Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным, уголовным делам, заключенная от 22.01.1993 [Электронный ресурс] // Доступ из СПС КонсультантПлюс; Конвенция Организации Объединенных наций против транснациональной организованной преступности. Принята резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи от 15.11.2000. Ратифицирована Федеральным законом РФ от 26.04.2004. №26-ФЗ // Доступ из СПС КонсультантПлюс и др.

в) подзаконные нормативные правовые акты: ведомственные нормативные акты (приказы[1], распоряжения и инструкции)[2].

2. Общность целей и задач в ходе взаимодействия, построенная на координации и согласованности работы органов следствия и дознания посредством проведения совместных действий, эффективно влияющих на качество борьбы с преступностью.

В частности, приказ Следственного комитета Российской Федерации от 15 января 2011 г. № 2 «Об организации предварительного расследования в Следственном комитете Российской Федерации» и Инструкция «О порядке предоставления результатов ОРД следователю, органу дознания, суду» от 27 сентября 2013 г. требуют от органов следствия и дознания согласованного проведения процессуальных действий, оперативно-разыскных мероприятий при получении сообщения о совершенном либо готовящемся преступления[3]. При этом они в своей деятельности должны оптимально сочетать силы, средства и методы для успешного раскрытия и расследования преступления, в короткие сроки привлекать к уголовной ответственности лиц, причастных к совершению преступления и обеспечивать организацию возмещения вреда, причиненного от преступления.

---

[1] Приказ МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27 сентября 2013 г. «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд» // СЗ РФ 2013. № 26. Ст. 3207.; *Зуев С.В.* Новая Инструкция о порядке предоставления результатов оперативно-розыскной деятельности // Законность. 2014. № 4. С. 23.

[2] «Инструкция о порядке приема, регистрации и проверки сообщений о преступлении в следственных органах (следственных подразделениях) системы Следственного комитета Российской Федерации». Приказ СК РФ № 72 от 3 июня 2011 г. // Сборник основных приказов и указаний Председателя Следственного комитета Российской Федерации. Т. I; Приказ Следственного департамента МВД РФ от 8 марта 2011 г. № 58 «О процессуальных полномочиях руководителей следственных органов»; Приказ СК России от 17 октября 2014 г. № 89 «Об объеме процессуальных полномочий руководителей следственных органов Следственного комитета Российской Федерации»; Приказ Следственного комитета Российской Федерации от 15.01.2011 № 2 «Об организации предварительного расследования в Следственном комитете Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации. URL: http://www.sledcom.ru.

[3] В соответствии с п. 43 ст. 5 УПК РФ под сообщением о преступлении понимаются: заявление о преступлении; явка с повинной; рапорт об обнаружении преступления. Приказ МВД России от 26 февраля 2002 г. № 174 «О мерах по совершенствованию деятельности дежурных частей системы органов внутренних дел Российской Федерации» (в редакции приказов МВД России от 2 марта 2009 г. № 185, от 1 апреля 2009 г. № 249); Приказ МВД России от 4 мая 2010 г. № 333 «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в органах внутренних дел Российской Федерации заявлений, сообщений и иной информации о происшествиях» (с изменениями и дополнениями на 26 мая 2011 г.) // Российская газета. 2010. № 5217 (25 июня); Приказ Следственного комитета РФ от 15 января 2011 г. № 2 «Об организации предварительного расследования в Следственном комитете Российской Федерации» // Сборник основных приказов и указаний Председателя Следственного комитета Российской Федерации. Т. I.

3. *Согласованное и совместное планирование действий*, предполагающее составление совместных планов для быстрого и всестороннего раскрытия и расследования преступлений, взаимный обмен поступающей информацией, обеспечивающей эффективное взаимодействие органов следствия и дознания в ходе выполнения поставленных перед ними задач.

Совместное планирование положительно сказывается на результатах расследования, что подтверждается работой ряда следственных управлений Следственного комитета Российской Федерации. В частности в Следственном управлении Следственного комитета Российской Федерации по Мурманской области издано распоряжение от 08.11.2013 № 236/4 «О состоянии оперативного сопровождения предварительного расследования уголовных дел органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность». В нем руководству территориальных следственных отделов Следственного комитета Российской Федерации совместно с руководством управления уголовного розыска МВД России по Мурманской области рекомендовано не реже двух раз в год организовывать межведомственные оперативные совещания-семинары. В ходе их проведения следует обсуждать проблемные вопросы взаимодействия следственных органов и работу сотрудников органа дознания на стадии доследственных проверок и в ходе расследования на примере конкретных уголовных дел[1].

4. *Инициативность органов дознания и следствия при обмене значимой информацией* предполагает активное привлечение оперативных работников к расследованию, дачей им поручений о проведении ОРМ, привлечению их к участию в следственных и процессуальных действиях, к охране следов на месте преступления, их изъятию для последующей передачи следователю. Однако порой формальный подход к выполнению поручений следователя, исключает у оперативного работника инициативность, что подтверждается примерами судебной практики[2]. Порой, даже если сотрудники оперативных подразделений

---

[1] Информационное письмо от 12.02.2015 «О состоянии межведомственного взаимодействия с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, при выявлении и раскрытии преступлений, совершенных организованными группами и преступными сообществами» // Следственное управление по Мурманской области. Следственное управление Следственного комитета по Мурманской области.

[2] По уголовному делу № 37/008 по обвинению С. по п. «а» ч. 3 ст. 131, п. «а» ч. 3 ст. 132 УК РФ следователем было поручено сотруднику оперативного сопровождения установить местонахождение вещественных доказательств (скотч, электрошнур), которыми, со слов потерпевшей, преступник подавил ее сопротивление, связав и заклеив рот, а затем изнасиловал. Оперативным работникам не удалось это сделать, несмотря на то, что потерпевшая прямо указала, куда их выбросил преступник после совершения преступления, а именно в кусты, находящиеся рядом с домом, в которых было совершено изнасилование. Следователь также не посчитал нужным лично осмотреть предполагаемое место нахождения предметов, имеющих доказательственное значение, удовлетворившись справкой от оперативных работников, что искомые предметы установить не представилось возможным. Впоследствии, в ходе судебного разбирательства, факт их отсутствия повлиял на решение присяжных заседателей, которые вынесли оправдательный вердикт (Уголовное дело № 37/008 по обвинению Сапожникова С. В. по п. «а» ч. 3 ст. 131, п. «а» ч. 3 ст. 132 УК РФ // Архив Смоленского областного суда за 2008 г.).

и проявляют инициативу при проведении ОРМ, но они, порой, не считают нужным даже согласовывать со следователем необходимость проведения таких ОРМ, как контроль и запись переговоров, установление телефонного аппарата по IMEI-номеру. Принятие такого рода решений без предварительного согласования со следователем объясняется неотложностью проведения подобных мероприятий, что не всегда служит интересам самого расследования уголовного дела.

5. *Наглядность информации, предоставляемой органом дознания,* что ведет к результативному расследованию и эффективному разбирательству в суде присяжных заседателей, что достигается путем наложения полученных сведений на различные виды носители технической информации[1].

6. *Непрерывность взаимодействия* предполагает продолжительность по времени столько, сколько требуют интересы расследования уголовного дела и его *интенсивность*, что достигается совместной подготовкой следственных и оперативных мероприятий, позволяя получить необходимую оперативную информацию о лицах, совершивших преступление и в целом доказательства по уголовному делу. Реализовать указанное требование не всегда получается, о чем будет освещено в диссертационном исследовании позже.

Необходимость взаимодействия в целом обусловлено его влиянием на полноту проведения доследственной проверки и принятия по ней законного и обоснованного решения, когда уровень информированности снижен. Данное утверждение касается и стадии предварительного следствия, где от качества и объема поступающей от органа дознания информации следователю, зависит своевременность производства следственных действий, их качество, а значит и полнота расследования. Как выше уже отмечено уровень взаимодействия повысится, если оперативный работник прикомандирован к следственной группе

---

[1] Подтверждением служит уголовное дело, рассмотренное Смоленским областным судом с участием присяжных заседателей по обвинению главы г. Смоленска К. по ч. 3 ст. 30 и п.п. «в», «г» ч. 4 ст. 290 УК РФ, в ходе расследования которого сотрудниками оперативного сопровождения было проведено прослушивание телефонных переговоров и последующая выборка разговоров обвиняемого в разные периоды времени с разными абонентами, но без соблюдения их хронологии, которые были приобщены к уголовному делу. В процессе судебного разбирательства в суде с участием присяжных заседателей сторона защиты усомнилась в объективности представленных записей, что послужило поводом к признанию судом их недопустимыми доказательствами.

По указанному уголовному делу органом дознания был также проведен негласный опрос с применением технических средств аудиозаписи, однако не было вынесено постановление о проведении данного оперативно-розыскного мероприятия, а результаты его производства не оформлены соответствующим протоколом, в материалах самого уголовного дела отсутствовали сведения, отражающие результаты применения оперативно-розыскных мероприятий. Также отсутствовали сведения о том, в каком виде, как и в каких условиях было осуществлено хранение информации, имеющее доказательственное значение по уголовному делу. Уголовное дело № 4/6-2010 по обвинению Кочановского Э. А. по ч. 3 ст. 30 и пп. «в», «г» ч. 4 ст. 290, ч. 2 ст. 286 УК РФ // Архив Смоленского областного суда за 2010 г.

для расследования конкретного уголовного дела, что подтверждается правоприменительной практикой[1].

С учетом выявленных характерных признаков, входящих в содержание взаимодействия органов предварительного следствия и дознания, учитывая результаты исследований других авторов относительно целей и задач, стоящих перед правоохранительными органами, предлагается авторская формулировка определения взаимодействия при расследовании уголовных дел.

Взаимодействие – *это организационно-правовая форма совместной и согласованной по времени и месту действия деятельности не подчиненных друг другу субъектов правоотношений (органа дознания и следствия) по проведению как процессуальных, так и непроцессуальных (организационно-тактических) мероприятий, направленных на раскрытие, расследование преступлений, фиксацию доказательств по уголовному делу, изобличению причастных к совершению преступления лиц и принятию мер по устранению причин и условий, способствующих их совершению.*

Ихнева А.И.

К вопросу о реализации права подозреваемого на один телефонный разговор

Аннотация. В данной статье автором рассматриваются проблемы, с которыми сталкивается следователь при обеспечении права подозреваемого на один телефонный разговор, вопросы реализации механизма права на один телефонный разговор на русском языке.

Ключевые слова: следователь, подозреваемый, телефонный разговор, переводчик, русский язык, близкие родственники.

[1] Так, в результате надлежащим образом организованных и проведенных сотрудниками УЭБ и ПК УМВД России по Мурманской области оперативно-розыскных мероприятий «проверочная закупка», «наблюдение», «оперативное внедрение» и «оперативный эксперимент» были получены сведения, изобличающие лиц Ш., Б., А. и С. в совершении преступлений в составе организованной группы, предусмотренные п. «б» ч. 2 ст. 171.2 УК РФ, ч. 3 ст. 291 УК РФ. Результаты проведенных оперативно-розыскных мероприятий были использованы следствием при доказывании вины указанных лиц. В рамках оперативного сопровождения данного уголовного дела за следователем отдела по расследованию особо важных дел СУ СК России по Мурманской области на постоянной основе был закреплен конкретный сотрудник УЭП и ПК УМВД Росси по Мурманской области, что позволило достичь своевременного и качественного исполнения поручений следствия и оперативного решения возникающих задач для установления объективной истины по уголовному делу и постановления обоснованного и справедливого приговора // Информационное письмо «О состоянии межведомственного взаимодействия с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, при выявлении и раскрытии преступлений, совершенных организованными группами и преступными сообществами». Следственное управление по Мурманской области.

В январе 2016 г. поправки, внесённые в ст. 46 и ст. 96 Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ)[1], обрели законную силу. В ст. 46 УПК РФ законодатель изменил часть третью, которая регламентировала обязанность следователя или дознавателя уведомлять близких родственников подозреваемого, а если таковые отсутствуют, то любых родственников в случае задержания подозреваемого в порядке ст. 91 УПК РФ.

В новой редакции данной статьи УПК РФ предоставляет право задержанному лицу совершить один телефонный разговор для того, чтобы оповестить родственников о своём задержании. Помимо этого, закон установил, что этот телефонный разговор должен быть предоставлен не позднее, чем через 3 часа после фактического задержания лица. О чём вносится соответствующая запись в протокол задержания. Если подозреваемый отказался от предоставленного права или в силу объективных причин не способен это сделать, а именно из-за его физических или психических недостатков, необходимо так же отразить данные факты в протоколе задержания, а уведомление совершает следователь или дознаватель лично. В России долгое время не уделялось достаточно внимания данному вопросу, но, и после введения данной нормы появилось больше количество вопросов, касаемо ее реализации.

1. Проблемы, с которыми сталкивается следователь при обеспечении права на телефонный разговор.

Сейчас в российском законодательстве происходит заимствование опыта и практики зарубежных коллег. Нововведения имеют определенные гуманистические соображения[2], так как во многих случаях при задержании подозреваемых, несмотря на существовавший ранее способ уведомления родственников органом расследования, заканчивались обращениями в правоохранительные органы о пропаже без вести человека.

Также была устранена и правовая коллизия, которая существовала со времен принятия Федерального закона «О полиции». Согласно ч. 7 ст. 14 ФЗ «О полиции», «задержанное лицо в кратчайший срок, но не позднее трех часов с момента задержания, если иное не установлено уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации, имеет право на один телефонный разговор в целях уведомления близких родственников или близких лиц о своем задержании и месте нахождения. Такое уведомление по просьбе задержанного лица может сделать сотрудник полиции»[3].

Но, что важно отметить, до недавних изменений в УПК РФ не было норм, которые регламентируют положение, обязывающее дознавателя или следователя оповестить родственников в течение 12 часов с момента фактического задержания.

---

[1] О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 30.12.2015 № 437-ФЗ // Российская газета. 2016. 11 янв. № 1.

[2] *Безлепкин Б.Т.* Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. М.: Проспект, 2015. С.63.

[3] О полиции: федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 03.08.2018, с изм. от 03.10.2018) // Российская газета. 2011. 8 фев. № 25.

Рассматривая данную норму, необходимо заострить внимание на то, что задержанное лицо имеет право не на один телефонный звонок, а именно на один телефонный разговор.

При этом стоит отметить проблемы, с которыми может столкнуться следователь при обеспечении права подозреваемого на телефонный разговор. Реализуя на практике данное право, такое уточнение будет иметь не маловажное значение, так как следователь или дознаватель должны предоставлять средство мобильной связи задержанному для установления непосредственного соединения абонентов с последующим разговором между ними.

При формулировке «предоставляется право на один телефонный звонок» орган расследования, используя дословное толкование нормы, мог бы в результате реализации анализируемого права ограничивать действия подозреваемого в количестве попыток дозвониться до человека, которого он указал. Иными словами следователь может при занятости линии, смены номера телефона, нахождения искомого абонента вне зоны доступа сети или ошибки при наборе номера задержанным считать право реализованным не смотря на то, что подозреваемый фактически так и не поговорил.

Помимо вышесказанного, важной обязанностью следователя является оповещение родственников о задержании и местонахождении подозреваемого в том случае, если последний в силу своих физических или психических недостатков самостоятельно осуществлять указанное право не в состоянии. Данная процедура в обязательном порядке отражается в протоколе задержания.

Тем не менее, возникает проблема с точки зрения правоприменительной практики, когда задержанное лицо просит следователя сообщить родственникам о его задержании ввиду отсутствия у него юридических познаний в этой области. В данном случае для следователя это является проблемным вопросом реализации права подозреваемого. Такая ситуация не означает, что подозреваемый отказался от осуществления телефонного разговора. В то же время в УПК РФ об этом не сказано.

В том случае, если следователь по просьбе задержанного осуществляет телефонный разговор с родственниками последнего, то действие следователя может быть обжаловано на предмет законности, но при этом право подозреваемого останется не реализованным.

Кроме этого, уточнения требует ч. 1 ст. 96 УПК РФ, в соответствии с которой началом исчисления срока реализации права задержанного на телефонный разговор следует считать момент его доставления в орган дознания или к следователю. Из числа лиц, к которым может быть доставлено задержанное лицо, исключён дознаватель, тогда как в рассматриваемой норме предусматривается, что телефонный разговор осуществляется в присутствии дознавателя, следователя. Было бы логично в данном случае в целях выработки однозначного и правильного толкования момента исчисления срока уведомления о задержании подозреваемого следует руководствоваться ч. 1 ст. 91 УПК РФ, в которой в качестве субъектов, полномочных задерживать лицо по подозрению в совершении преступления, определены орган дознания, дознаватель, следователь. Они же явля-

ются должностными лицами, на которых возлагается обязанность по обеспечению права подозреваемого на телефонный разговор с целью уведомления родственников о задержании.

Помимо прочего, настораживает привязка 3-часового срока уведомления родственников о задержании к моменту доставления подозреваемого к следователю (в орган дознания). Законом не определено, в каком документе фиксируется момент доставления, с которого должен исчисляться срок уведомления родственника, что осложняет возможность проверить соблюдение установленного срока уведомления. Ранее, до введения упомянутого положения в УПК РФ, срок уведомления исчислялся с момента задержания, который отражался в протоколе. Вероятно, этим документом является рапорт оперативного сотрудника о том, что им было задержано и доставлено некое лицо. Либо моментом отсчёта срока уведомления будет являться время, указанное в книге учёта задержанных, находящейся в дежурной части. Данная неопределённость породит новые сложности в работе следователя.

2. Проблема реализации механизма права на один телефонный разговор на русском языке.

Подозреваемый имеет право на один телефонный разговор на русском языке в присутствии дознавателя или следователя. Новая редакция статьи в большей мере дополняет правовой статус подозреваемого, обеспечивая защиту его прав и свобод.[1] Но дальнейшее изучение нормы позволяет выявить некоторые проблемы реализации, в том числе, усомниться в соблюдении конституционных положений при реализации этой нормы.

Анализируя данную норму мы можем выявить несколько неразрешенных проблем, которые возникают в процессе реализации нововведений. Во-первых, что делать, если подозреваемое лицо не знает русского языка.

По смыслу данной статьи следует, что в такой ситуации подозреваемый не имеет право на телефонный разговор, потому что не знает русский язык. Казалось бы, ему должен быть предоставлен переводчик. Однако ни в одной из норм УПК РФ не предусмотрено предоставление переводчика с момента задержания или при реализации права на телефонный разговор.

Интересно отметить, что в ч. 2 ст. 18 УПК РФ указано, что участникам уголовного судопроизводства должно быть обеспечено право давать объяснения и показания на родном языке или другом языке, которым они владеют, а также бесплатно пользоваться помощью переводчика. Но, несмотря на это, законодатель лишает возможности подозреваемого, который не владеет языком уголовного судопроизводства, использовать другой язык или переводчика для одного телефонного разговора, который ему должен быть предоставлен в силу ч. 3 ст. 46 УПК РФ. Это положение позволяет усомниться в возможности реализации положений

[1] *Волосова Н.Ю., Журкина О.В*. О некоторых проблемах реализации права лица на телефонный разговор в свете положений Конституции РФ и Уголовно-процессуального кодекса РФ // Российская юстиция. 2016. № 7. С. 25.

ст. 19 Конституции РФ, а именно гарантии равенства прав и свобод человека и гражданина независимо от каких-либо условий.[1]

Другие нормативные правовые акты отчасти регламентируют данные правоотношения. Согласно ч. 5 и 7 ст. 14 ФЗ «О полиции» задержанное лицо вправе пользоваться в соответствии с федеральным законом услугами адвоката (защитника) и переводчика с момента задержания, а также имеет право на один телефонный разговор в целях уведомления близких родственников или близких лиц о своем задержании и месте нахождения. В данных нормах не говорится об исключительном требовании знания задержанным русского языка, но в то же время имеет место отсылка к нормам УПК РФ, в которых установлено такое требование. Законодатель более четко регламентирует право задержанного на один телефонный разговор, т.к. предоставляют ему право воспользоваться помощью переводчика с момента фактического задержания. Из этого следует вывод о том, что и телефонный разговор, исходя из анализа норм действующего законодательства, может быть осуществлен с участием переводчика. Однако уголовно-процессуальное законодательство не содержится такой оговорки.[2] Все это наводит на мысль о том, что законодатель, внося изменения в действующее законодательство, действует не совсем последовательно.

Таким образом, можно сказать, что незнание русского языка приводит к однозначному отказу в предоставлении такого права и лишает подозреваемого лица возможности сообщить родственникам о своем задержании и месте нахождения. В связи с этим лица, которые не владеют русским языком, находятся в менее выгодном положении, чем лица, которые владеют им.

Другой вопрос, который возникает при анализе нововведений, состоит в том, что родственники подозреваемого также могут не владеть русским языком. Решение этой проблемы также требует внимание законодателя.

В конце статьи хотелось бы отметить еще одну проблему, которая заключает в себе ограничение технического способа реализации права подозреваемого на уведомление родственников о своем месте нахождения, сводя их к традиционному телефонному разговору. С точки зрения технической оснащенности, в частности регионов, отдаленных от федерального центра, данное ограничение является вполне логичным и обоснованным, однако законодатель с учетом непрекращающегося развития средств и способов связи вполне мог бы внести в действующий УПК РФ данные дополнения, т.к. уже в недалекой перспективе можно ожидать новые поправки в ст. 46 и 96 УПК РФ. Вполне возможно, что такие нововведения общество оценит с положительной стороны, т.к. использование современных мобильных приложений и компьютерных программ сможет реализовать еще и возможность видеосвязи с задержанным лицом.

---

[1] *Артемова В.В.* Проблемы законодательного регулирования и практической реализации права задержанного на телефонный разговор // Российский следователь. 2016. № 15. С. 12–15.\

[2] *Орлова А.А.* О реализации принципа «Язык уголовного судопроизводства» в российском уголовном процессе» // ППД. 2016. №2. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/o-realizatsii-printsipa-yazyk-ugolovnogo-sudoproizvodstva-v-rossiyskom-ugolovnom-protsesse (дата обращения: 02.11.2017).

Таким образом, для реализации права на телефонный разговор необходимо разрешить несколько вопросов:

- определить право участия переводчика в процессе телефонного разговора, если таким правом изъявило желание воспользоваться лицо, не владеющее языком уголовного судопроизводства;
- установить обстоятельства, при которых право на телефонный разговор не предоставляется;
- расширить круг возможностей дознавателя и следователя предоставив им возможность организовать телефонный разговор для подозреваемого;
- расширить возможности подозреваемого связаться с родственниками посредством современных технических средств и мобильных приложений;
- разъяснить вопрос о результате реализации рассматриваемого права при ограничении количество попыток дозвониться до нужного для подозреваемого человека.

Данные изменения помогут решить сразу несколько проблем, связанных с законодательной регламентацией права на телефонный разговор и гарантией его реализации.

В целом мы видим положительные изменения в реформировании уголовно-процессуального законодательства России и уголовного судопроизводства, его гуманизации.

Казаков А.А.

Специфика производства оперативно-разыскных мероприятий в отношении лиц, обладающих особым правовым статусом

Аннотация. В статье исследуются особенности осуществления оперативно-разыскной деятельности, затрагивающей интересы отдельных категорий лиц. Автор приходит к выводу о целесообразности ограничительного толкования некоторых положений закона об адвокатской деятельности и адвокатуре. Одновременно подчеркивается, что соблюдение особых процедур требуется лишь в ситуации, когда об этом напрямую написано в законе.

Ключевые слова: лица, обладающие особым правовым статусом, оперативный эксперимент, наблюдение, неприкосновенность члена Совета Федерации, проведение оперативно-разыскных мероприятий в отношении прокуроров, адвокатская тайна.

В статье 447 УПК РФ установлен перечень лиц, обладающих процессуальными иммунитетами в сфере уголовного судопроизводства. Инициирование уголовного преследования в отношении данных субъектов предполагает необходимость соблюдения усложненных по сравнению с общим порядком процедур. Вместе с тем наличие дополнительных гарантий не может служить основанием освобождения от ответственности. Эффективная деятельность по борьбе с преступностью должна строиться на своевременном и нормативно обоснованном

раскрытии и расследовании криминальных деяний, невзирая на статус лиц, их совершивших[1].

Зачастую выявление указанных противоправных фактов происходит в процессе осуществления оперативно-разыскной деятельности. Гражданство, национальность, пол, место жительства, имущественное, должностное и социальное положение, принадлежность к общественным объединениям, отношение к религии и политические убеждения отдельных лиц не препятствуют проведению в отношении их оперативно-разыскных мероприятий на территории Российской Федерации, если иное не предусмотрено федеральными законами[2]. К последним в рамках действующего правового поля относятся нормативные акты, регулирующие статус конкретной категории граждан. Именно в данных федеральных законах могут устанавливаться особенности оперативно-разыскной деятельности, затрагивающей интересы какой-либо социальной группы.

При этом в правоприменительной среде зачастую бытует стереотип о том, что специальный порядок производства оперативно-разыскных мероприятий распространяется на всех лиц, перечисленных в ст. 447 УПК РФ. Это отнюдь не так.

К примеру, споры о допустимости прослушивания телефонных переговоров члена Совета Федерации, санкционированного городским судом, то есть в общем порядке, возникали при решении вопроса о лишении его неприкосновенности[3]. Впоследствии результаты этого действия были облечены в уголовно-процессуальную форму и использованы для подтверждения обстоятельств получения взятки[4].

Действительно, внимательное прочтение ст. 19 Федерального закона «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» от 08.05.1994 № 3-ФЗ (ред. от 29.07.2017)[5] не позволяет говорить о том, что законодателем определена какая-либо специфическая процедура проведения оперативно-разыскных мероприятий в отношении рассматриваемых субъектов. В подобного рода ситуациях необходимо руководствоваться общим правилом, раз отсутствует исключение из него.

Существует практика предварительного согласования возможности осуществления оперативно-разыскных мероприятий в отношении прокурорского работника с его руководителем определенного уровня (в частности, прокурором субъекта Российской Федерации). Стоит отметить, что такой процедуры не предусмотрено ни законом о прокуратуре, ни законом об оперативно-разыскной деятельности. Более того, данные нормативно-правовые акты не содержат положе-

---

[1] *Бастрыкин А.И.* Следственный комитет Российской Федерации: борьба с коррупцией и возмещение от нее ущерба // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2018. № 1. С. 13.

[2] Ст. 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 06.07.2016) // СПС КонсультантПлюс.

[3] Сенатор Цыбко сохранил неприкосновенность URL: https://rg.ru.

[4] Апелляционное определение Челябинского областного суда от 01.06.2018 по делу № 10-231/2018 URL: http://bsa.chel-oblsud.ru.

[5] СПС КонсультантПлюс.

ний о том, что соответствующие ограничения могут быть установлены на внутриведомственном уровне. Поэтому, предположим, проведение в общем порядке (без обозначенного согласования) оперативного эксперимента или наблюдения, направленных на выявление признаков подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния прокурорского работника, будет допустимым.

В то же время при реализации оперативно-разыскной деятельности в отношении судей необходимо строго руководствоваться ст. 16 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации» от 26.06.1992 № 3132-1 (ред. от 12.11.2018)[1], согласно которой осуществление таких мероприятий допускается не иначе как на основании судебного решения, принимаемого в зависимости от исходных данных судебной коллегией в составе трех судей Верховного Суда Российской Федерации либо верховного суда республики, краевого, областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области, суда автономного округа. В противном случае результаты указанных действий нельзя будет использовать в уголовно-процессуальном доказывании.

Помимо судей иммунитеты в сфере оперативно-разыскной деятельности предоставлены адвокатам. В силу ст. 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31.05.2002 № 63-ФЗ (ред. от 29.07.2017)[2] проведение оперативно-разыскных мероприятий и следственных действий в отношении адвоката (в том числе в жилых и служебных помещениях, используемых им для осуществления адвокатской деятельности) допускается только на основании судебного решения. Норма не предусматривает каких-либо условий, при которых соблюдения установленного ей порядка не требуется. На необходимость ее ограничительного толкования, в том числе в силу наименования рассматриваемой статьи – «Адвокатская тайна», ранее указывалось в юридической литературе[3]. Аналогичную позицию занял Конституционный Суд РФ, отметивший, что это предписание предполагает получение судебного решения при проведении в отношении адвоката лишь тех оперативно-разыскных мероприятий и следственных действий, которые вторгаются в сферу осуществления им собственно адвокатской деятельности – к каковой в любом случае не может быть отнесено совершение адвокатом преступного деяния, как несовместимого с его статусом – и (или) могут затрагивать адвокатскую тайну[4]. Казалось бы, высказанный органом конституционного надзора подход внес ясность в порядок применения ст. 8 анализируемого закона, что подчеркивалось известными учеными[5]. Однако практика до сих пор неоднозначна.

---

[1] СПС КонсультантПлюс.

[2] СПС КонсультантПлюс.

[3] *Казаков А.А.* Особенности производства по уголовным делам в отношении лиц, обладающих особым правовым статусом. Екатеринбург, 2011. С. 137–138.

[4] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 22.03.2012 № 629-О-О // СПС КонсультантПлюс.

[5] *Чечетин А.Е.* Необходимо ли судебное решение для оперативно-разыскных мероприятий в отношении адвокатов? // Оперативник (сыщик). 2013. № 2. С. 13–15.

Так, адвокат Д. оказывал юридические услуги осужденному Х. на основании соглашения о защите интересов. В целях его реализации у него возник преступный умысел на передачу В. в качестве взятки денежных средств в размере 100000 рублей за совершение последним заведомо незаконных действий, а именно за пронос мобильного телефона и разрешение Х. им пользоваться. Это позволило бы адвокату в условиях проживания на отдалении от исправительного учреждения беспрепятственно в удобное время общаться с осужденным. Действуя во исполнение задуманного, Д. совершил дачу взятки должностному лицу лично в значительном размере за совершение заведомо незаконных действий, то есть преступление, предусмотренное ч. 3 ст. 291 УК РФ. Это деяние было выявлено в ходе оперативно-разыскного мероприятия – наблюдения, проведенного на основании разрешения областного суда[1].

Возникает закономерный вопрос, необходимо ли получить данное судебное решение в аналогичных ситуациях. Думается, что нет. Сторонники иной позиции могут возразить, отметив, что взаимоотношения Д. и В. были обусловлены оказанием первым из них юридической помощи. Однако в силу ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката (ред. от 20.04.2017), принятого I Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003[2], закон и нравственность в профессии адвоката выше воли доверителя. В связи с этим описанное преступление, пускай и направленное на оптимизацию процесса оказания услуг правового характера, ни при каких обстоятельствах не может рассматриваться в качестве составляющей адвокатской деятельности. Одновременно фиксация оперативным подразделением факта незаконной передачи денежных средств сотруднику исправительной колонии не подразумевало возникновение возможности получения доступа к каким-либо сведениям, составляющим адвокатскую тайну.

Вместе с тем представители правоохранительного органа разрешение суда получили, отталкиваясь от буквального толкования нормы закона об адвокатской деятельности и адвокатуре. Надо признать, что целесообразность и законность данной усложненной процедуры, даже в случаях, аналогичных приведенному, разделяется видными учеными и практическими работниками[3].

Представляется, что такой подход, игнорирующий правовую позицию Конституционного Суда РФ, необоснованно расширяет привилегии адвокатов, не обладающих в отличие от судей конституционной неприкосновенностью. Судебное санкционирование оперативно-разыскного мероприятия должно быть обязательным лишь в случаях, когда оно проводится в жилых и служебных помещениях адвоката, *реально* используемых им для осуществления адвокатской деятельности, либо предполагает факт фиксации содержания общения или передачи предметов, которые могут составлять адвокатскую тайну.

---

[1] Приговор Ивдельского городского суда Свердловской области от 18.08.2017 по делу № 1-51/2017 URL: https://ivdelsky--svd.sudrf.ru8.

[2] СПС «КонсультантПлюс».

[3] *Халиков А.Н.* Проблемы адвокатской тайны и неприкосновенности адвоката в оперативно-разыскной деятельности // Оперативник (сыщик). 2016. № 1. С. 11.

Кожухарик Д.Н.,
Савин П.Т.

Обстоятельства, исключающие преступность деяния, как институт уголовного права

Аннотация. В статье рассматривается понятие обстоятельств, исключающих преступность деяния. Авторы анализируют и обосновывает условия не преступности обстоятельств, исключающих преступность деяния.

Ключевые слова: обстоятельства, исключающие преступность деяния; основания не привлечения к уголовной ответственности.

Многие причины порождают поступки людей, некоторые из них по своим внешним признакам схожи с преступлениями. Однако они не будут признаваться таковыми в силу некоторых специально предусмотренных законом причин. Поэтому установление четкого разграничения преступных и непреступных деяний является важной задачей уголовной политики государства.

Официального определения обстоятельств, исключающих преступность деяния, не существует, и во многом оно определяется теорией уголовного права. Представляется, что сначала необходимо выделить ряд признаков, которые характерны для всех таких обстоятельств, и, исходя из них, сформулировать закономерное и логически обусловленное определение.

Существует точка зрения, что обстоятельства представляют собой определенные деяния, которые формально содержат признаки того или иного состава преступления, но с учетом своей социальной полезности, не признаваемые государством в качестве преступления. Однако следует разграничивать само обстоятельство и само деяние как таковое. Обстоятельство, исключающее преступность деяния выступает основанием для совершения деяния, содержащего признаки преступления. Оно – сама причина формально противоправной деятельности лица.

Имеется и определенная причинная связь между обстоятельством и деянием. Так, например, именно обстоятельство заставляет лицо обороняться от посягающего в порядке необходимой обороны, причинять вред чужому имуществу для предотвращения большего вреда в состоянии крайней необходимости.

Поэтому обусловленное обстоятельством деяние не является преступным в силу двух условий: 1) социальной полезности правовой природы деяния; 2) отсутствия признака противоправности. Первое условие можно назвать конституционно-правовым, а второе – уголовно-правовым.

Юридически содержание первого условия определяется рядом статей Конституции РФ, среди которых особое внимание необходимо уделить трем:

- человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина - обязанность государства (ст.2 Конституции РФ).

- права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и

обеспечиваются правосудием (ст.18 Конституции РФ).

- государственная защита прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации гарантируется. Каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом (ст.45 Конституции РФ).

Юридическое содержание второго условия определяется главой 8 УК РФ и соответственно ст. ст. 37-42 УК РФ, предусматривающими всего шесть видов обстоятельств, исключающих преступность деяния: необходимая оборона; причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление; крайняя необходимость; физическое или психическое принуждение; обоснованный риск; исполнение приказа или распоряжения. Перечень обстоятельств, исключающих преступность деяния закрытый. Существующие в теории уголовного права иные точки зрения по данному вопросу остаются теорией. Осуществление своего права, исполнение профессиональных обязанностей, согласие потерпевшего и иные теоретические разработки по данному вопросу не нашли своего отражения в уголовном законе и не исключают преступности деяния. Однако учитывая, что перечень обстоятельств, смягчающих наказание является открытым (ч.2 ст. 61 УК РФ), они могут быть учтены судом, но уже при индивидуализации наказания виновному в совершении такого деяния лицу.

Если же в деянии присутствует социальная польза и отсутствует противоправность, то следует говорить об отсутствии общественной опасности как одного из обязательных признаков преступления, и отсутствии преступления как такового.

Таким образом, опираясь на указанные признаки обстоятельств, исключающих преступность деяния, можно дать им следующее определение.

Обстоятельства, исключающие преступность деяния – это основания социально-полезного и правомерного (не противоправного) поведения человека и гражданина, которые исключают общественную опасность деяний формально содержащих признаки преступления.

Следует отметить, что существует точка зрения, что примечания к ст. ст. 151, 308, 316, 322 УК РФ содержат в себе обстоятельства, исключающие преступность деяния, которые не включены законодателем в главу 8 УК РФ. Следует не согласиться с данной точкой зрения, обратив внимание на иную правовую природу данных обстоятельств. Так, например, лицо не подлежит уголовной ответственности за отказ от дачи показаний против себя самого, своего супруга или своих близких родственников (ст. 308 УК РФ), также, как и за заранее не обещанное укрывательство преступления, совершенного его супругом или близким родственником (ст. 316 УК РФ). В данном случае речь идет об основаниях освобождения от уголовной ответственности, которые следует отграничивать от обстоятельств, исключающих преступность деяния по ряду причин. Освобождение от уголовной ответственности – это не реабилитация виновного, а снисхождение по отношению к нему со стороны государства, которое считает нецелесообразным привлекать его к суду и применять к нему иные меры уголовно-правового характера, оказывая ему своеобразное доверие и рассчитывая на дальнейшее законопослушное поведение. Так, например, лицо, вовлекающее своего ребенка в бродяжничество и попрошайничество, несомненно заслуживает привлечения к

уголовной ответственности, однако законодатель предвидит, что данное асоциальное поведение могло быть вызвано стечением тяжелых жизненных обстоятельств, вызванных утратой источника средств существования или отсутствием места жительства и предусматривает в примечании к ст. 151 УК РФ соответствующее основание для освобождения виновного от уголовной ответственности.

Теория уголовного права давно работает с такими понятиями как «основание уголовной ответственности», «основания освобождения от уголовной ответственности», «основания освобождения от наказания». Соответственно и обстоятельства, исключающие преступность деяния, следует рассматривать именно как основания для определенного поведения, но не как деяние как таковое. Данной точки зрения придерживается и Пленум Верховного Суда РФ, определяя какие деяния признаются преступлениями, и при этом устанавливая основания для признания правомерным поведение лиц, посягающих на охраняемые уголовным законом социальные ценности[1].

Важно отметить, что обстоятельства, исключающие преступность деяния, предусмотренные главой 8 УК РФ, следует отграничивать от обстоятельств, смягчающих наказание, предусмотренных п.п. «е» и «ж» ч. 1 ст. 61 УК РФ. Они производны от обстоятельств, исключающих преступность деяния, но имеют иную правовую природу и отвечают только за индивидуализацию наказания виновного лица.

Короткова О.В.

Организованная экономическая преступность в сфере бюджетных отношений

Аннотация. В статье рассматриваются особенности организованной экономической преступности в XXI веке, внесение дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации в связи с усилением деятельности организованной преступности в сфере бюджетных отношений государства.

Ключевые слова: организованная преступность, бюджетная сфера, признаки организованной преступности, теневая экономика, коррупция, противодействие, экономическая диверсия, национальная безопасность.

На фоне резкой активизации коррупционной и организованной преступности, в условиях глобального экономического кризиса, поразившего мировую экономику и финансовую систему Российской Федерации (далее — РФ), особое приоритетное направление приобретает борьба с организованными преступными сообществами, деятельность которых осуществляется в сфере бюджетных отношений государства.

[1] См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление».

Правоохранительные органы, в том числе органы федеральной службы безопасности РФ, неоднократно выявляют факты стремления организованных преступных групп вторгнуться в важнейшую сферу экономики – сферу бюджетных отношений.

Такое явление как организованная экономическая преступность, наносящая масштабный ущерб сфере бюджетных отношений РФ продолжает активно развиваться, представляя серьезнейшую угрозу национальной безопасности государства.

Не случайно в докладе Национального совета по разведке США «Глобальные тенденции -2015: изменившийся мир» делается вывод о том, что организованная преступность быстро развиваясь, переходя в экономическую сферу государства, приспосабливаясь к рыночным условиям, представляет собой главную проблему будущего.

Важно отметить, что проблема организованной преступности в сфере бюджетных отношений государства имеет важную особенность. Она требует от специалистов в области уголовного права значительного объема знаний в области бюджетного законодательства, что со своей стороны, как показывает практика, затрудняет процесс противодействия организованной преступности в масштабах государства.

Как отмечает А. Гуров в своих работах: «организованная преступность имеет свои, присущие только ей, специфические признаки и формы нарушения закона, однако разные подходы к их пониманию и особенности их проявления в той или иной стране не позволили выработать международное универсальное определение анализируемого явления и подходов к его пресечению»[1].

Согласно Конвенции против транснациональной организованной преступности законодатель под организованной преступностью понимает «структурно оформленную группу в составе трех и более лиц, существующую в течение определенного периода времени и действующую согласованно с целью совершения одного или нескольких серьезных преступлений или преступлений, признанных таковыми в соответствии с настоящей Конвенцией, с тем, чтобы получить прямо или косвенно финансовую или иную материальную выгоду»[2].

Из данного определения можно выделить основные признаки, характеризующие организованную преступную экономическую деятельность: организованный характер преступной деятельности; системная коррупция в органах власти и правоохранительных структурах; использование СМИ; преступный характер экономической деятельности; криминальный характер деятельности в нелегальной экономической сфере.

Организованная экономическая преступность, посягая на установленный порядок функционирования сферы бюджетных отношений, дезорганизует процесс формирования бюджетов разных уровней государства, процессы их

---

[1] *Гуров А.И.* Организованная преступность в России. М.: БЕК, 2001. С. 27.

[2] Конвенция против транснациональной организованной преступности (принята в г. Нью-Йорке 15.11.2000 Резолюцией 55/25 на 62-ом пленарном заседании 55-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) (с изм. от 15.11.2000).

составления, рассмотрения, утверждения и исполнения, а также наносит существенный ущерб механизму бюджетного регулирования, перераспределения бюджетных ресурсов между бюджетами разных уровней.

Статистика свидетельствует, что темпы роста ущерба, причиненного бюджету за последние годы, превышают темпы роста количества преступлений, совершением которых причиняется этот ущерб. Наибольший ущерб был причинен экономическими преступлениями, связанными со злоупотреблениями в кредитно-финансовой сфере (67612 преступлений (без налоговых) в 2016 году против 59453 в предшествующем + 13,7 %).

Специалисты оценивают, что общий ущерб бюджетной сфере государства только от экономических преступлений, расследованных в 2016 году составил 88,94 млрд. В данном случае организованную экономическую преступность в сфере бюджетных отношений можно расценивать, как специфический объект экономических отношений, проникающий в сферу легального хозяйства, представляющий угрозу национальной безопасности государства[1].

Так, в процессе организованной преступной деятельности нарушается национальная безопасность, которая определяется степенью защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства в различных сферах деятельности от внешних и внутренних угроз, которые усложняют устойчивое развитие экономики страны. (Рис.1.).

ПРИОРИТЕТЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	
ЗАЩИТА ОТ ВНУТРЕННИХ И ВНЕШНИХ УГРОЗ **Деструктивные факторы:** - сращивание преступности с правоохранительными структурами; - контроль над СМИ; - жестокость: - навязывание ложных мнений	ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ **Деструктивные факторы:** - сокрытие доходов; - уклонение от налогов; - хищение бюджетных средств; - легализация и отмывание доходов; - коррупция

Рис. 1. Факторы, оказывающие деструктивное влияние на национальную безопасность

Согласно Рис.1. можно утверждать, что приоритетные направления национальной безопасности в сложившихся экономических условиях подвергаются влиянию деструктивных факторов, которые препятствуют обеспечению национальной безопасности[2].

В этой связи особо важно отметить, что проведенный нами анализ изданных совместных нормативных актов МВД России. ФСБ России, НС России и ФТС России за истекшее десятилетние, посвященных совершенствованию борьбы с организованной экономической преступностью показал, что они затрагивают

[1] *Чинаев Т.В.* Формирование финансово-экономической основы местного самоуправления в современной России// Вестник Государственного университета управления. М. 2012. С. 65–66.
[2] *Ишмеева А.С.* Федеральная контрактная система как элемент экономической безопасности сферы государственных закупок // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2015. № 27. С. 76.

только вопросы повышения эффективности совместного проведения разных видов оперативно-разыскных мероприятий, а также порядок решения различных организационных вопросов. Вместе с тем оказалось, что ни в одном из них не была четко разграничена компетенция каждого из ведомств в сферах борьбы с различными видами преступлений в экономической сфере. В результате функции как бы «накладывались» одни на другие, дублируя и подменяя друг друга.

На мой взгляд, своеобразный «водораздел» в компетенции оперативных аппаратов названных структур, а также повышение эффективности борьбы с подрывом экономических основ страны можно было бы осуществить на основе введения в Уголовный кодекс РФ статьи «Экономическая диверсия». Такой состав преступления в действующем Уголовном кодексе РФ отсутствует, однако весь ход новейшей российской истории, а также приведенные выше факторы оказывающие деструктивное влияние на национальную безопасность дают право на существование такой статьи.

На сегодняшний день в части 1 статьи 281 УК РФ «Диверсия» под диверсией понимаются такие действия как «совершение взрыва, поджога или иных действий, направленных на разрушение или повреждение предприятий, сооружений, путей и средств сообщения, средств связи, объектов жизнеобеспечения населения в целях подрыва экономической безопасности и обороноспособности Российской Федерации», однако для наличия состава преступления нужно совершить взрыв, поджог, разрушение или повреждение различных объектов, функционирование которых не может идти в сравнение с разрушением экономики государства в целом.

Введение в Уголовный кодекс РФ такого состава преступления как «экономическая диверсия» позволит провести четкую разграничительную полосу по умыслу действий организаций и отдельных лиц при совершении ими противоправных действий, образующих угрозы национальной безопасности Российской Федерации.

Кузнеченко С.Ю.

Проблемы документирования результатов ОРД и их использования в доказывании по уголовным делам

Аннотация. Статья посвящена исследованию вопроса вхождения результатов оперативно-разыскной деятельности в уголовное судопроизводство. Исследуются некоторые аспекты использования результатов ОРД в доказывании по уголовным делам. Автор приходит к выводу о том, что действующую систему вхождения результатов ОРД в уголовное дело в целом можно считать удачной.

Ключевые слова: оперативно-разыскная деятельность, уголовное судопроизводство, доказывание, допустимость доказательств, законодательство.

Неотъемлемой частью раскрытия и расследования наиболее сложных преступлений является оперативно-разыскная деятельность. Под оперативно-разыскной

понимается деятельность, осуществляемая гласно и негласно оперативными подразделениями государственных органов, уполномоченных на то Федеральным законом «Об оперативно-разыскной деятельности», в пределах их полномочий посредством проведения оперативно-разыскных мероприятий (перечень которых дан в указанном законе) в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств.[1] Как отмечает О.Д. Жук, эффективное осуществление уголовного преследования по различным категориям уголовных дел невозможно без использования результатов оперативно-разыскной деятельности.[2] Вместе с тем, результаты ОРД, согласно действующему уголовно-процессуальному законодательству, не являют собой отдельного вида доказательств, в связи с чем необходима их «легализация». На основании вышеизложенного можно сделать вывод об актуальности темы исследования.

Согласно ч. 2 ст. 74 УПК РФ, доказательствами по делу могут быть: показания подозреваемого, обвиняемого; показания потерпевшего, свидетеля; заключение и показания эксперта; заключение и показания специалиста; вещественные доказательства; протоколы следственных и судебных действий; иные документы. Все они должны обладать свойствами относимости, допустимости, достоверности и достаточности (в совокупности). Можно предположить, что относимость и достоверность характеризуют, по большей части, содержательную (материальную) сторону доказательств: будут иметь значение для дела показания потерпевшего или нет, зависит от фактических данных, изложенных этим лицом; истинность или ложность слов потерпевшего будет определять соответствие данного доказательства действительности. Процессуальная форма доказательства представлена свойством допустимости. Ст. 75 УПК РФ определяет недопустимые доказательства как полученные с нарушением требований УПК. Такие сведения не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания любого из обстоятельств, подлежащих доказыванию.[3] Допустимость доказательств – такое их свойство, которое означает получение соответствующих данных при соблюдении законной процедуры. Кроме того, к свойству допустимости следует отнести и соответствие получаемых данных тем формам, которые указаны в ч. 2 ст. 74 УПК РФ.

Результаты оперативно-разыскной деятельности, как уже было отмечено, не являются самостоятельным видом доказательств. Подтверждение этому можно найти в Конституции РФ и Определении Конституционного Суда РФ от 04.02.1999 № 18-О. Следовательно, для использования в процессе доказывания

---

[1] Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 06.07.2016)] // Собрание законодательства РФ. 14.08.1995. № 33. Ст. 3349.

[2] *Жук О.Д.* Уголовное преследование по уголовным делам об организации преступных сообществ (преступных организаций), участии в них и о преступлениях, совершенных этими сообществами (Современные проблемы теории и практики): Дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09: М., 2004. URL: http://www.dslib.net/kriminal-process/ugolovnoe-presledovanie-po-ugolovnym-delam-ob-organizacii-prestupnyh-soobwestv.html.

[3] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 12.11.2018)] // Парламентская газета. 22.12.2001. № 241–242.

по уголовным делам результатов ОРД их необходимо «облачить» в определённую процессуальную форму таким образом, чтобы они подпадали под один из пунктов части второй статьи 74 УПК РФ. Косвенно это предположение подтверждается ст. 89 УПК РФ, которая запрещает использовать в процессе доказывания те результаты ОРД, которые не отвечают предъявляемым к доказательствам требованиям. Думается, законодатель в данной норме хотел сделать акцент именно на свойстве допустимости: на законном способе получения соответствующих сведений и придании им надлежащей процессуальной формы. Термин «результаты ОРД», согласно п. 36.1 ст. 5 УПК РФ предполагает получение сведений в соответствии Федеральным законом «Об оперативно-разыскной деятельности в РФ», однако для использования их в процессе доказывания требуется соответствие и Уголовно-процессуальному кодексу РФ.

Как отмечает О.В. Турбина, полученные в результате проведения ОРМ фактические данные о противоправных действиях, которые могут быть использованы, то есть надлежащим образом легализованные, следует считать задокументированными. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что процесс комплексного проведения оперативно-разыскных мероприятий, целью которого является обнаружение, оценка и создание возможности использования фактических данных о противоправной деятельности, называется документированием.[1]

Для введения результатов ОРД в доказывание из перечня источников доказательств, приведенных в ч. 2 ст. 74 УПК РФ, чаще всего используются вещественные доказательства (предметы, фотографии, аудио- и видеозаписи и т.п.) и иные документы (объяснения, рапорты и справки о результатах ОРД). Должностное лицо, осуществляющее ОРД, может быть допрошено в качестве свидетеля о содержании и характере полученной информации.

Согласно Инструкции о порядке представления результатов оперативно-разыскной деятельности дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд, «Результаты ОРД представляются в виде рапорта об обнаружении признаков преступления или сообщения о результатах оперативно-разыскной деятельности». К указанным документам прилагаются (при наличии) полученные (выполненные) при проведении ОРМ материалы, которые в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством могут быть признаны вещественными доказательствами. Представляемые результаты ОРД должны позволять формировать доказательства, удовлетворяющие требованиям УПК РФ, предъявляемым к доказательствам в целом, к соответствующим видам доказательств; содержать сведения, имеющие значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, указания на ОРМ, при проведении которых получены предполагаемые доказательства, а также данные, позволяющие проверить в условиях уголовного судопроизводства доказательства, сформированные на их основе.[2]

---

[1] *Турбина О.В.* К проблеме использования результатов документирования противоправных действий, разрабатываемых в уголовном судопроизводстве // Проблемы правоохранительной деятельности, 2009. № 1–2. С. 71–74.

[2] Приказ МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398,

В.С. Балакшин считает, что отдельные оперативно-разыскные действия проверяемы, и поэтому они могут быть приняты следователем и судом. Но некоторые, а именно: наведение справок; наблюдение; оперативное обследование помещений, зданий сооружений, участков местности и транспортных средств; оперативное внедрение – не могут быть проверены в уголовном процессе.[1] То есть автор считает, что не все результаты ОРД в принципе могут быть использованы в доказывании по уголовному делу. Между тем, документальная фиксация ведётся при производстве любых оперативно-разыскных мероприятий, в связи с чем можно не согласиться с В.С. Балакшиным, хотя в целом проблема совершенствования документирования результатов ОРД уже неоднократно поднималась процессуалистами и специалистами в области теории и практики ОРД и заслуживает внимания.

Среди некоторых исследователей бытует мнение о том, что необходимо перенести некоторые положения нормативной базы об оперативно-разыскной деятельности в уголовно-процессуальный закон. Это обусловливается якобы неопределенностью механизма вхождения результатов ОРД в уголовное судопроизводство. А.А. Газарян справедливо отмечает, что перенесение правоустановлений из одного закона в другой кардинальным образом ситуацию не изменит. Необходимо правильно толковать и соблюдать имеющиеся нормативно-правовые акты, регулирующие ОРД и процесс доказывания, принимать во внимание смежные законы, подзаконные нормативные акты, интерпретационные акты, а также накапливать перед попыткой легализации достаточное количество материалов для оценки содержащихся в них данных с точки зрения их относимости и достоверности. При соблюдении этих условий механизм использования в доказывании результатов ОРД работоспособен.[2]

Таким образом, несмотря на имеющуюся критику действующего механизма вхождения результатов ОРД в уголовное дело, его можно считать «рабочим» при соблюдении компетентными лицами правовых норм и грамотном подходе к накапливанию соответствующих материалов перед их легализацией.

СК России № 68 от 27.09.2013 «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд» (Зарегистрировано в Минюсте России 05.12.2013 № 30544 // Российская газета. 13.12.2013. № 282.

[1] Проблемы регламентации результатов ОРД в уголовном процессе. URL: https://studme.org/70960/pravo/problemy_reglamentatsii_rezultatov_ugolovnom_protsesse (08.12.2018).

[2] *Газарян А.А.* Об использовании результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовному делу // Российское право: Образование. Практика. Наука, 2017. №2. С. 39–43.

Кузьменко Е.С.,
Лапшин В.Е.

Специфика взаимодействия органов предварительного расследования с органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность, на этапе выявления преступлений, связанных с легализацией доходов, полученных преступным путем

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые вопросы, связанные со взаимодействием органов предварительного расследования и органов, осуществляющих ОРД, при выявлении преступлений, предусмотренных ст. 174 УК РФ. Приводится примерное указание сведений, подлежащих установлению, в ходе проведения определенных процессуальных действий.

Ключевые слова: взаимодействие; следователь; оперуполномоченный; преступление; выявление; легализация; доходы, полученные преступным путем.

Среди средств и методов выявления правоохранительными органами легализации преступных доходов наиболее значимые возможности имеет оперативно-разыскная деятельность. Роль ее возрастает при выявлении «отмывания» преступных доходов, полученных от сбыта наркотических средств, фальшивомонетничества, корыстно-насильственных и других преступлений, когда поступление денежных средств по характеру преступной деятельности документально не фиксируется. Определить преступное происхождение легализируемых (легализованных) денежных средств или иного имущества в этом случае зачастую возможно, только используя результаты оперативно-разыскной деятельности. Более того, в данной ситуации возрастает роль взаимодействия следователя с оперативно-разыскными подразделениями, которые могут предоставить данные о фирмах и кредитных организациях, регулярно занимающихся «отмыванием» доходов, полученных преступным путем; сведения о способах легализации и месте нахождения преступных доходов; причастных к этому лицах, и иных обстоятельствах легализации. Такие оперативно-разыскные мероприятия, как оперативное внедрение, наблюдение, прослушивание телефонных переговоров, снятие информации с технических каналов связи, контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, а также исследование предметов и документов[1], весьма успешно позволяют установить местонахождение предметов, документов, имеющих значение для уголовного дела и подлежащих изъятию.

Другим направлением деятельности по выявлению фактов легализации доходов, полученных преступным путем, является оперативное сопровождение уголовных дел в начальной стадии расследования, выполнение поручений следователя.

В рамках взаимодействия органов предварительного расследования и осуществляющих ОРД, с целью получения информации о фактах легализации доходов, полученных преступным путем и выявления данных преступлений, следователь направ-

[1] См.: Федеральный закон от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // СПС КонсультантПлюс

ляет поручения о производстве оперативно-разыскных мероприятий, не конкретизируя при этом их выбор. Наиболее эффективным является опрос[1]. При этом опрашиваются обе категории лиц:

совершившие предикатные преступления и		не причастные к совершению предикатного преступления и		
легализующие (легализовавшие) приобретенные преступным путем денежные средства или иное имущество	передавшие для легализации, полученные преступные денежные средства или иное имущество иным лицам для придания им правомерного вида	получившие денежные средства или иное имущество для осуществления сделок или иных финансовых операций, причем преступное происхождение денег и ценностей этим лицам не известно	которым известно о преступном происхождении денежных средств или иного имущества и совершении фактов легализации преступных доходов, из иных источников	получившие денежные средства или иное имущество, заведомо для них добытые преступным путем, с целью придания им правомерного происхождения

Наведение справок[2] по фактам выявления и документирования легализации преступных доходов также является одним из наиболее часто применяемых оперативно-разыскных мероприятий, и заключается в получении или сборе информации о физических или юридических лицах путем истребования по письменным запросам соответствующей информации. Наиболее результативным будет направление оперуполномоченными запросов в:

- государственные органы, в том числе правоохранительные, иные организации, имеющие информационные системы – с целью получения сведений о розыске, судимости, месте проживания, роде занятий, образовании, наличии оружия, привлечении к административной ответственности проверяемого лица; информации о его родственниках и т.п.;

- Федеральную налоговую службу России[3], Федеральную службу государственной статистики[4] – с целью получения сведений о государственной регистрации юридических лиц, индивидуальных предпринимателей, крестьянских (фермерских) хозяйств;

- Единую информационную систему в сфере закупок Федерального казначейства – для получения информации о контрактной системе в сфере закупок и закупках товаров, работ, услуг, отдельными видами юридических лиц[5];

---

[1]Там же.

[2]Там же.

[3] https://egrul.nalog.ru/ (дата обращения 04.12.2018)

[4] http://www.gks.ru/ (дата обращения 04.12.2018)

[5] http://zakupki.gov.ru/epz/main/public/home.html (дата обращения 04.12.2018) (порядок размещения информации на официальном сайте Единой информационной системы в сфере закупок и ее содержание регламентируется Федеральным законом от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» и

- Федеральную службу государственной регистрации, кадастра и картографии[1] – для получения сведений о любом объекте недвижимости организации и лица, с описанием объекта недвижимости, зарегистрированных прав на него, ограничений (обременений) прав, сведений о существующих на момент выдачи выписки правопритязаниях и заявленных в судебном порядке правах требований в отношении данного объекта недвижимости;

- подразделения ГИБДД МВД РФ[2] – для информации о проверке истории регистрации в ГИБДД; нахождении транспортного средства в залоге; получения сведений о транспортном средстве и периодах его регистрации в ГИБДД за различными собственниками, о дорожно-транспортных происшествиях с участием транспортного средства с указанным идентификационным номером, о федеральном розыске транспортного средства правоохранительными органами, и т.д.;[3]

- соответствующие оперативные подразделения – для получения определенных законом сведений в результате производства оперативно-поисковых и оперативно-технических мероприятий. [4]

Оперативный эксперимент позволяет выявить сотрудников финансовых организаций, размещающих денежные средства, приобретенные преступным путем, отследить движение денежных средств от разрабатываемого лица к лицу, оказывающему содействие в их легализации.

Наблюдение позволяет фиксировать нарушения банками, коммерческими организациями правил ведения банковской финансовой документации и установленного порядка проведения финансовых операций, работу обменных пунктов валюты, установленных в помещении банка в обход существующего порядка. Наблюдение за лицом, на чье имя открыт счет в банке, позволяет выявить пособников «отмывания» преступных доходов или взаимоотношения обладателя счета с лицом, желающим легализовать преступные доходы. Наблюдение за лицом, используемом банковские счета организации или платежные карты для выполнения неблагонадежных операций, позволяет идентифицировать его личность, и определить, имеет ли место фальсификация документов, удостоверяющих личность, либо платежных документов.[5]

При выявлении и документировании легализации преступных доходов, следователю, совместно с оперуполномоченным, необходимо получить следующие документы: отражающие законодательные, нормативно-распорядительные положения, регламентирующие деятельность организации (фирмы) государственной или негосударственной собственности; учредительные; бухгалтерско-учетные; органов госу-

---

Федеральным законом от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц», а также соответствующими подзаконными актами).

[1] https://rosreestr.ru/site/ (дата обращения 04.12.2018).

[2] http://www.gibdd.ru/ (дата обращения 04.12.2018).

[3] http://www.gibdd.ru/check/auto/ (дата обращения 04.12.2018).

[4] См.: Приказ МВД России от 19.06.2012 № 608 (ред. от 14 августа 2018 г.) «О некоторых вопросах организации оперативно-розыскной деятельности в системе МВД России» / ЭСПС Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_133312/ (дата обращения 04.12.2018)

[5] См.: *Якимов Н.И.* Криминалистика: руководство по уголовной технике и тактике. М: ЛексЭСТ, 2002. С. 280–283.

дарственного контроля, на которые возложена обязанность по обеспечению законности деятельности контролируемых организаций; отражающие проведение проверок финансово-хозяйственной деятельности за пять лет и др.[1]

Подводя итог, необходимо отметить, что практика реализации результатов оперативно-разыскной деятельности в отношении лиц, совершивших легализацию денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, свидетельствует о том, что такие результаты целесообразно использовать при возбуждении уголовного дела, если:

- установлено первоначальное преступление, в результате которого денежным средствам или иному имуществу придается статус преступного приобретения;
- для ст. 174 УК РФ имеются сведения о заведомости преступного происхождения денежных средств или иного имущества у конкретного лица и о совершении им действий, направленных на придание правомерного вида владению, распоряжению и пользованию указанным средствам;
- имеются достаточные данные, указывающие на признаки легализации денежных средств или иного имущества, добытого преступным путем;
- выявлены лица, причастные к совершению названных преступлений, выяснена роль каждого из них в содеянном, их имущественное положение;
- установлены схема, способ совершения преступления, связанного с легализацией денежных средств или иного имущества, нашедшие свое подтверждение в результате проведенной проверки;
- в достаточном объеме выявлены и задокументированы эпизоды преступной деятельности лиц, подозреваемых в совершении легализации денежных средств или иного имущества, добытого преступным путем;
- проверены данные, которые предполагается использовать при возбуждении уголовного дела и производстве предварительного следствия, отсутствуют обстоятельства, исключающие возбуждение уголовного дела, и (или) привлечение разрабатываемых лиц к уголовной ответственности;
- определено, какие материалы, полученные в результате оперативно-разыскной деятельности, можно использовать в ходе расследования по уголовному делу.

При этом оценить оперативно-разыскную информацию соответствующие следователь может, изучив поступившие материалы с приложением справки, в которой отражаются факты противоправной деятельности объекта (объектов) документирования; имеющиеся фактические данные по каждому установленному эпизоду противоправной деятельности с указанием источника их получения с соблюдением требований конспирации и мер по защите государственной и иной охраняемой законом тайны, возможные пути и формы их использования в ходе предварительного следствия; установочные и характеризующие данные на объект (объекты) документирования, включая имущественное положение разрабатываемых (проверяемых) лиц.

---

[1] См.: *Похлебаев И.В.* Организационно-правовые и тактические вопросы использования результатов оперативно-разыскной деятельности в раскрытии и расследовании легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем. Волгоград, 2010. С. 39–40.

Лебедева А.А.

Особенности взаимодействия следователя и сотрудников оперативных подразделений при расследовании преступлений в сфере дистанционного мошенничества

Аннотация. В статье рассматриваются особенности взаимодействия сотрудников следственных и оперативных подразделений при расследовании преступлений в сфере дистанционного мошенничества. Автором расшифровывается категория «Дистанционное мошенничество». Приводятся основные принципы построения взаимодействия субъектов расследования рассматриваемой категории преступлений, а также делается акцент на те области взаимодействия, которые позволят качественно улучшить процесс выявления раскрытия и расследования дистанционного мошенничества.

***Ключевые слова*:** взаимодействие, следователь, сотрудник оперативного подразделения, дистанционное мошенничество, расследование.

В настоящее время в науке сформировалось[1] понятие «дистанционное мошенничество», включающее в себя: Телефонное мошенничество; Мошенничество с использованием сети Интернет; Мошенничество с использованием электронных средств платежа[2] (ст. 159.3 УК РФ).

Дистанционному мошенничеству присущи такие признаки, как:

электронные денежные средства в качестве предмета преступного посягательства;

отсутствие визуального контакта при реализации преступного умысла, хищение осуществляется по средствам «удаленного доступа», путем перевода денежных средств со счета на счет;

воздействие на предполагаемую жертву путем убеждения, обмана, введение в заблуждение на расстоянии.

Важным аспектом при расследовании преступлений в сфере дистанционного мошенничества является взаимодействие следователя с сотрудниками оперативных подразделений ОБЭПи ПК МВД России[3], БСТМ МВД России[4]. Указанное взаимодействие осуществляется в соответствии с требованиями Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации[5], Федерального закона № 144-ФЗ

---

[1] *Литвинов Н.Д.; Федоров А.Н.* Мошенничество с использованием средств мобильной связи (дистанционное): понятие и особенности совершения/Н.Д. Литвинов, А.Н. Федоров//Научно-исследовательские публикации. 2015. № 12. С. 73–80.

[2] Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ (ред. от 27.06.2018) «О национальной платежной системе» // Российская газета. № 139. 30.06.2011.

[3] ОБЭПи ПК МВД России – Отдел экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России

[4] БСТМ МВД России – Бюро специальных технических мероприятий.

[5] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 12.11.2018) // Российская газета, № 249, 22.12.2001.

«Об оперативно-разыскной деятельности»[1], Федерального закона № 3-ФЗ «О полиции»[2], ведомственных нормативных правовых актов[3].

Взаимодействие следователя и сотрудников оперативных подразделении осуществляется на основе принципов: законности, непрерывности, плановости, последовательности, согласованности производства следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий.

В соответствии с положениями ст. 13 Федерального закона № 3-ФЗ «О полиции» и нормами Федерального закона № 144-ФЗ «Об оперативно-разыскной деятельности» оперативные уполномоченные полиции правомочны направлять информационные запросы, получать судебные решение для установления владельцев абонентских номеров и банковских счетов, использованных при совершении преступления; получения сведений о движении денежных средств по счетам, на которые переведены похищенные денежные средства; получение детализации вызовов абонентского номера, с которого осуществляло связь неустановленное лицо, с привязкой к базовым станциям; установление места снятия денежных средств; установления личности курьера, которому переданы деньги.

Принимать меры к установлению владельца банковского счета, на который заявителем перечислены денежные средства, получить сведения о движении денежных средств по лицевым счетам тех абонентских номеров и счетов банковских учреждений, на которые заявителем были переведены денежные средства.

Установить место снятия похищенных денежных средств. При установлении принять меры к своевременному получению видео - и фото - изображения из банкоматов и помещений, где установлены банкоматы.

При установлении принадлежности абонентского номера неустановленного лица (преступника) и абонентского номера, на который перечислены денежные средства заявителем, у операторов сотовой связи установить: данные лица, на которое оформлена сим-карта, и лица, на абонентский номер которого перечислены денежные средства (Ф.И.О., дата рождения, адрес регистрации и проживания, паспортные данные); активность сотовых телефонов, использовавшихся преступниками при осуществлении преступных действий и перечислении денежных средств; направить информационный запрос руководителю компании сотовой связи для получения копий документов послуживших основанием для заключения договора обслуживания и др.

Необходимо отметить, что качество и объем материала доследственной проверки о преступлении в сфере дистанционного мошенничества, предоставленного оперативными сотрудниками следователю непосредственным образом, сказывается на формировании доказательной базы и составлении «формулы» обвинительного заключения, установлении истины по делу.

---

[1] Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 06.07.2016) «Об оперативно-розыскной деятельности» // Российская газета. № 160. 18.08.1995.

[2] Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 03.08.2018) «О полиции» // Российская газета. № 25. 08.02.2011.

[3] Приказ МВД России от 19.06.2012 № 608 (ред. от 14.08.2018) «О некоторых вопросах организации оперативно-разыскной деятельности в системе МВД России» (Зарегистрировано в Минюсте России 25.07.2012 № 25005) // Российская газета. № 177. 03.08.2012.

Сотрудники оперативных подразделений при выполнении поставленных перед ними задач в письменных поручениях следователя так же взаимодействуют с сотрудниками банков, операторами сотовой связи.

Так, в качестве положительного опыта такого взаимодействия при расследовании преступлений в сфере дистанционного мошенничества можно рассмотреть Республику Карелия, где достигнута договоренность с руководством ПАО «Сбербанк России» по установке программного обеспечения в МВД по Республике, позволяющего осуществлять электронный документооборот, что значительно сокращает сроки предоставления информации по запросам сотрудников правоохранительных органов.

Анализ следственной практики по расследованию дистанционного мошенничества выявил необходимость в:

организации взаимодействия с операторами сотовой связи, кредитными и иными организациями (ООО Мэил.РУ, ООО «В КОНТАКТЕ», ООО «Яндекс» и др.) по истребованию сведений о владельцах абонентских номеров, банковских карт и иных счетов, используемых при совершении преступлений;

обеспечении взаимодействия с территориальными подразделениями органов внутренних дел МВД России по установлению владельцев абонентских номеров, банковских карт и иных счетов, используемых при совершении преступлений;

повышения уровня взаимодействия с сотрудниками оперативных подразделений ФСИН России по установлению лиц, совершивших дистанционное мошенничество в период отбывания наказаний;

Указанные меры позволят качественно улучшить процесс выявления раскрытия и расследования дистанционного мошенничества.

Ложис З.З.

Организация взаимодействия органов следствия и органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность

Аннотация. Статья посвящена особенностям организации сотрудничества Следственного комитета Российской Федерации с органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность, вследствие чего автором определено современное состояние такого взаимодействия и перспективы его развития.

Ключевые слова: Следственный комитет Российской Федерации, межведомственное сотрудничество, органы дознания, оперативно-разыскная деятельность.

Результативность уголовного преследования и в целом всей правоохранительной деятельности в сфере уголовного судопроизводства во многом зависит от эффективности и качества взаимодействия следственных органов и органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность.

Является очевидным факт, что один следователь и даже группа следователей без помощи органов дознания не в состоянии справиться с расследованием преступлений. Взаимодействие данных субъектов обусловлено, прежде всего, тем, что как следователь, так и органы дознания, обладают специфическими, только

им присущими, средствами раскрытия преступлений. Четко разграничивая компетенцию оперативных подразделений и предварительного следствия как самостоятельных и независимых друг от друга органов, закон вместе с тем исходит из необходимости объединения усилий в борьбе с преступностью, определяет общие условия, формы и порядок такого взаимодействия.

В теории и практике под взаимодействием органов предварительного следствия и дознания понимается основанная на законе и подзаконных актах согласованная деятельность следователя и органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, предполагающая рациональное сочетание процессуальных действий и оперативно-разыскных мер, осуществляемых ими в соответствии со своими функциями и в пределах предоставленных законом полномочий.

Такое взаимодействие, а также эффективное использование результатов оперативно-разыскной деятельности в доказывании по уголовным делам играет важную роль в защите от преступных посягательств прав и законных интересов граждан, общества и государства.

Не вызывает сомнений, что процессуальная деятельность следователя без оперативно-разыскных мер была бы затруднена, а оперативно-разыскная деятельность, в свою очередь, без последующего использования ее результатов в уголовном процессе, не могла бы в полном объеме выполнить свое предназначение.

Наше взаимодействие осуществляется по разным направлениям.

Помимо таких традиционных форм взаимодействия, как исполнение сотрудниками органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, поручений следователей по уголовным делам и материалам проверок, привлечение их к работе в составе следственных групп по конкретным делам, широко практикуется участие сотрудников органов внутренних дел в деятельности аналитических групп по организации раскрытия и расследования преступлений. Организуются и проводятся совместные учебно-методические семинары.

Реализуется соглашение между Следственным комитетом и МВД России об информационном обмене. Сотрудники обоих ведомств на постоянной основе организуют совместные выезды в регионы для оказания практической и методической помощи в организации раскрытия и расследования преступлений, повышения уровня взаимодействия между органами следствия и дознания.

Например, в результате тесного взаимодействия сотрудников Следственного комитета с ГУУР МВД России раскрыта серия изнасилований, совершённых в городах Тверь и Москва. При изучении сотрудником Главного управления криминалистики уголовного дела по факту изнасилования Ф. в городе Москве установлено наличие фотографии приятеля преступника, которого подруга потерпевшей сфотографировала на телефон. Через ГУУР МВД России организована оперативная проверка по учётам, идентифицирован Г., при отработке его связей выявлен Б., причастность которого к преступлениям затем установлена генетическими исследованиями.

Одним из направлений взаимодействия является совместная работа при расследовании преступлений из категории «прошлых лет». Практически во всех следственных управлениях созданы аналитические группы по выявлению пер-

спективных в плане раскрытия преступлений, предварительное следствие по которым было приостановлено. Совместно решаются и обсуждаются вопросы подготовительной оперативной работы до возобновления предварительного следствия, планирования расследования, его оперативного сопровождения в дальнейшем.

Стоит отметить, что по этому пути идут и наши коллеги из правоохранительных органов дружественных стран. Например, в Республике Беларусь основным нормативным правовым актом, регулирующим деятельность в данной сфере, является постановление Следственного комитета и Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 24 июля 2012 г. «О некоторых вопросах взаимодействия подразделений Следственного комитета и органов внутренних дел Республики Беларусь по расследованию уголовных дел о преступлениях прошлых лет и фактов исчезновения лиц в прошлые годы».

В центральном аппарате Следственного комитета и его управлениях созданы постоянно действующие межведомственные рабочие группы по изучению уголовных дел о преступлениях прошлых лет. В состав группы включены сотрудники аналитического, криминалистического подразделений, процессуального контроля, а также сотрудники главного управления уголовного розыска криминальной милиции МВД.

Хочу отметить, что и в Следственном комитете России создано специализированное подразделение по расследованию преступлений прошлых лет, а в Главном управлении криминалистики - отдел по криминалистическому сопровождению расследования таких преступлений (хотя работа по раскрытию преступлений прошлых лет всегда была одним из основных направлений деятельности криминалистических подразделений Следственного комитета). Безусловно, эффективную их работу по преступлениям, оставшимся нераскрытыми в предшествующие годы, невозможно обеспечить без тесного взаимодействия с органами дознания, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность.

Примеров успешного взаимодействия можно приводить множество. Они имеются практически в каждом регионе Российской Федерации.

Однако мне хотелось обозначить наиболее распространенные проблемы, которые значительно снижают эффективность взаимодействия и требуют своего разрешения.

Результаты изученных в Главном управлении криминалистики уголовных дел указывают на то, что следователи нередко работают в отрыве от оперативно-разыскных служб, не всегда бывают осведомлены о проводимой оперативно-разыскной работе, особенно после приостановления предварительного следствия. Это приводит к несвоевременному обмену заинтересованными лицами оперативно-следственной информацией по делам и не позволяет оперативно принимать необходимые меры к установлению и изобличению преступников, устранению разногласий между следователями и сотрудниками, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность.

Серьезные нарекания порой вызывает и проведение аналитической работы, особенно по делам о преступлениях, совершенных в условиях неочевидности.

Межведомственные штабы в таких случаях образуются не всегда, а аналитическая работа проводится на явно недостаточном уровне. В результате на первоначальном этапе из нашего поля зрения выпадают важные обстоятельства, и преступления длительное время остаются нераскрытыми.

Наглядный тому пример, уголовное дело по факту убийства в Чукотском автономном округе матери и дочери Самарец. Несмотря на наличие вещественных доказательств, явки с повинной гражданина 77., предварительное следствие по делу значительное время было приостановлено. Ни следствие, ни органы дознания не проявляли никакой заинтересованности в успешном его завершении. Только после изучения материалов дела в Главном управлении криминалистики следствие было возобновлено, проведены генетические исследования, выводы которых убедительно доказали причастность 77. к преступлению.

Не может нас удовлетворять практика направления и исполнения поручений следователей. Порой оперативными службами поручения следователей исполняются несвоевременно, не в полном объеме, в ряде случаев исполнитель приступает к выполнению необходимых мероприятий лишь после неоднократно направленных аналогичных по содержанию поручений.

Не во всех случаях надлежащим образом осуществляется розыск скрывшихся от следствия подозреваемых или обвиняемых; имеют место случаи ненадлежащей организации работы по расследованию фактов безвестного исчезновения граждан.

Одной из проблем в проведении расследования по указанной категории дел является отсутствие у руководителя следственного органа, следователя и сотрудников подразделения криминалистики реальной возможности незамедлительно ознакомиться с результатами оперативно-разыскной деятельности сотрудников органов внутренних дел, осуществляющих розыск пропавшего, и дать объективную оценку их полноте и качеству.

В этой связи целесообразно рассмотреть вопрос о допуске руководителей следственных органов и курирующих данное направление следователей-криминалистов к ознакомлению с результатами оперативно-разыскной деятельности, в частности, с момента поступления в органы внутренних дел сообщения о безвестном исчезновении гражданина.

Таким образом, следует еще раз обозначить конкретные формы взаимодействия следственных и оперативных органов. Как показывает практика, к ним относятся:

- организация оперативного сопровождения расследования конкретных преступлений;
- создание совместных следственно-оперативных групп по наиболее общественно-значимым и получившим большой общественный резонанс уголовным делам;
- организация работы штаба по раскрытию таких преступлений;
- осуществление в соответствии с поручениями следователей оперативно-разыскных мероприятий по конкретным уголовным делам;
- проведение совместных оперативных совещаний (рабочих встреч на

уровне исполнителей) по вопросам планирования проведения оперативно-разыскных мероприятий, следственных и иных процессуальных действий, а также обсуждения хода расследования и по разбору ошибок, допущенных при расследовании конкретного преступления.

Представляется, что именно на такой основе должна строиться тесная работа сотрудников различных правоохранительных органов, которая обеспечивает повышение эффективности расследования тяжких и особо тяжких преступлений.

Пользуясь возможностью выступить среди представителей научного сообщества, ученых, исследующих с научных позиций оперативно-разыскную деятельность и эффективность взаимодействия следствия и органов дознания при расследовании преступлений, хочу остановиться и еще на некоторых моментах.

Следует отметить, что в УПК РФ оперативно-разыскная деятельность и ее возможности упоминается лишь в нескольких статьях, без должной полноты. Основные из них:

- ст. 38 ч. 2 п. 4 - о том, что следователь уполномочен давать органу дознания письменные поручения о проведении оперативно-разыскных мероприятий;
- ст. 89, согласно которой в процессе доказывания запрещается использование результатов ОРД, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам, установленным УПК;
- ст. 144 ч. 1, в ней указывается, что при проверке сообщения о преступлении следователь вправе давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-разыскных мероприятий;
- ст. 163 ч. 2 содержит положение о том, что к работе следственной группы могут быть привлечены должностные лица, осуществляющие ОРД.

Кроме того, в п. 36.1 ст. 5 УПК дается разъяснение понятия «результаты оперативно-разыскной деятельности».

Формулировки этих статей подвергались и подвергаются справедливой критике, на которой я не буду останавливаться подробно. Отмечу лишь, что эти предписания не соответствуют реальным потребностям практики раскрытия и расследования преступлений и явно недостаточны. Для примера, в УПК некоторых стран СНГ введена специальная глава об оперативно-разыскной деятельности и взаимодействии следственных органов с органами дознания в рамках расследования преступлений.

Особое место занимает проблема надлежащего оформления и предоставления результатов оперативно-разыскной деятельности следователю. Ни в УПК, ни в ФЗ «Об ОРД» не содержится четких критериев оценки результатов оперативно-разыскной деятельности, в том числе требований к их документальному оформлению. Данный недостаток призвана устранить межведомственная Инструкция о порядке представления результатов оперативно-разыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд 2013 года. Нельзя не согласиться с мнением, что при этом в ходе оценочной деятельности происходит подмена проверки исполнения закона соблюдением положений Инструкции, утвержденной подзаконным правовым актом.

Далеко не в полной мере отражены в нормативных источниках требования к документальному оформлению хода и результатов оперативно-разыскных мероприятий. Иногда на практике это нарушает принцип единообразного применения закона. Например, ни для кого не секрет, что в различных регионах и областях проведение такого мероприятия как оперативный эксперимент оформляется поразному (в специальной литературе отмечается, что имеется свыше десяти вариантов такого документа).

Возможно, введение отдельной главой в Федеральный закон «Об оперативно-разыскной деятельности» положений о порядке передачи следователю результатов ОРД, требованиях к их получению и оформлению, будет способствовать единообразному применению закона, в том числе при оценке следователем и судом результатов оперативно-разыскной деятельности в рамках конкретного уголовного дела.

Дискуссионным остается вопрос, вызывающий интерес не только ученых, но и практиков, о возможности использования результатов оперативно-разыскной деятельности в качестве доказательств в уголовном процессе.

При обсуждении этого вопроса одними авторами предлагается использовать результаты оперативно-разыскной деятельности в качестве доказательств напрямую, для чего необходимо внести соответствующие изменения в УПК РФ. Но наиболее распространенной является точка зрения, что результаты оперативно-разыскной деятельности могут стать доказательствами после их «введения» в уголовный процесс путем проведения следователем следственных действий (осмотр, допрос и др.). Интересные наработки в этом направлении имеются в странах ближнего зарубежья.

Нерешенным остается вопрос, имеющий непосредственно прикладной характер, - это проблема использования при назначении судебных экспертиз образцов голоса, или биологических материалов человека для проведения идентификации подозреваемого или обвиняемого при его несогласии на получение таких образцов. Проблема дискуссионная, четкого руководства к действию нам - практикам - ни учеными, ни законодателем пока не дано, а решения и разъяснения по этому поводу Конституционного Суда РФ противоречивы.

Так, в Определении Конституционного Суда РФ от 24 января 2008 г. № 104-0-0 по жалобе Бухрова Д.Ю. отражена позиция о недопустимости использования после возбуждения уголовного дела образцов для сравнительного исследования, полученных в результате ОРМ, в частности - образцов голоса. Эта позиция отражена и в ряде иных, более поздних решениях Конституционного Суда.

Вместе с тем, в Определении от 28 сентября 2017 г. № 2211-0 по жалобе Урванцевой В.Б. Конституционный Суд указал, что при отказе от предоставления образцов голоса для сравнительного исследования в добровольном порядке в ходе следственных действий их получение у подозреваемого, обвиняемого допустимо с помощью иных процедур, предусмотренных действующим законодательством и не противоречащих требованиям статьи 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации. К их числу относятся оперативно-разыскные мероприятия.

В заключение необходимо отметить, что общность задач, стоящих перед органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность, и следственными органами при раскрытии преступлений, определяет необходимость теснейшего между ними взаимодействия. Поиск рационального соотношения деятельности органов предварительного следствия и дознания, эффективное осуществление скоординированных и объединенных действий в раскрытии преступлений, являются одной из актуальных научно-практических задач, которой уделяют внимание многие процессуалисты, криминалисты, ученые в области оперативно-разыскной деятельности. И мы, практические работники, ждем дальнейших научных разработок в этой области, методических рекомендаций, предложений по совершенствованию законодательной базы и готовы к обсуждению и реализации выдвинутых идей.

Майков С.Ю.

К вопросу о роли следователей-криминалистов в организации взаимодействия следственных органов и органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность

Аннотация. Статья посвящена роли следователей-криминалистов подразделений криминалистики Следственного комитета Российской Федерации (Следственный комитет, СК России) в организации взаимодействия органов предварительного следствия и органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность (ОРД). Рассмотрены различные формы такого взаимодействия, а также проанализированы пробелы в действующем законодательстве и внесены предложения по его возможному совершенствованию.

Ключевые слова: Следственный комитет, следователь-криминалист, предварительное расследование, оперативно-разыскная деятельность, взаимодействие, следственные органы, органы дознания, дело оперативного учета, результаты оперативно-разыскной деятельности, государственная тайна.

Вопрос, которому посвящена настоящая статья, с одной стороны, достаточно традиционен, так как нет, на наш взгляд, более тесного взаимодействия между различными государственными органами на досудебных стадиях уголовного процесса, чем взаимодействие органов предварительного следствия и дознания. С другой стороны, статус следователей-криминалистов, круг их полномочий не настолько определен и, главное, стабилен и единообразен, как статус следователей и руководителей следственных органов. Между тем, роль следователей-криминалистов, руководителей подразделений криминалистики в организации взаимодействия этих, без преувеличения сказать, основных субъектов процесса раскрытия преступлений нельзя недооценивать.

На должности прокуроров-криминалистов, учрежденных Генеральным прокурором СССР в 1954 году, традиционно назначались наиболее опытные следователи. Причем вторая часть названия должности – "криминалист" означала не столько специалиста в криминалистической технике, сколько знатока кримина-

листической тактики и методики расследования преступлений[1], входящих в систему криминалистики в качестве самостоятельных и очень важных ее разделов. И в каждом из них найдено достойное место вопросу взаимодействия следственных органов и оперативно-разыскных служб.

Взаимодействие следователей с оперативно-разыскными органами – это основанная на законе и согласованная надлежащим образом совместная деятельность указанных лиц и органов, направленная на раскрытие преступлений и решение разыскных, профилактических и иных задач расследования[2].

Эта достаточно точная и лаконичная дефиниция, сформулированная современной наукой, была предопределена еще Гансом Гроссом, который в своем «Руководстве для судебных следователей как системе криминалистики» писал: «Правильное положение полиции будет отведено в том случае, если С.С. (*судебный следователь*) не будет себя ни возвышать, ни унижать перед полицией и, в интересах дела, будет работать с ней рука об руку… Но …он должен самым настойчивым образом требовать и поставить дело так, чтобы руководство и направления действиями полиции всецело перешло к нему, чтобы ничто не происходило без его ведома и чтобы все его поручения исполнялись по его указаниям. С таким положением всякий верный своему долгу полицейский чиновник охотно и добровольно согласится, а это лишь послужит на пользу делу правосудия. Но С.С. должен хорошо знать этих людей, знать их вообще и знать их взгляды по каждому отдельному делу»[3].

Спецификой Следственного комитета, отличающей его, как ранее и прокуратуру, от других государственных органов, обладающих полномочиями по осуществлению расследования, является отсутствие в его структуре подразделений, уполномоченных законом на осуществление ОРД. Следствием этого в свою очередь является отсутствие внутриведомственной единоначальной координации работы на этих различных по своим методам, но во многом общих по своим задачам направлениях деятельности.

Именно на этом фоне на передний план выступают следователи-криминалисты, к основным задачам которых отнесено, в частности, криминалистическое сопровождение производства предварительного расследования во взаимодействии с органами, осуществляющими ОРД [4].

Однако при решении этой задачи следователям-криминалистам приходится сталкиваться с трудностями, носящими не только организационно-технический,

---

[1] *Темираев О.П.* Процессуальные полномочия следователя-криминалиста // Российский следователь. 2012, № 18. С. 25.

[2] Криминалистика. Учебник. Том I / под общ. ред. А.И. Бастрыкина. М.: Издательство «Экзамен», 2014. С. 171.

[3] *Гросс Г.* Руководство для судебных следователей как система криминалистики. – Новое изд., перепеч. с изд. 1908 г. М.: ЛексЭст, 2002. С. 21–22.

[4] Приказ СК России от 08.08.2013 № 53 «Об организации работы следователей-криминалистов в Следственном комитете Российской Федерации» (Сборник основных приказов, распоряжений и указаний Председателя Следственного комитета Российской Федерации за 2012-2013 гг. / Под ред. Руководителя Главного организационно-инспекторского управления СК России А.П. Короткова. М., 2013. С. 359).

но и правовой характер.

Так, Федеральным законом Российской Федерации от 02.12.2008 № 226-ФЗ, статья 5 Уголовно-процессуального кодекса РФ была дополнена пунктом 40[1], определившим следователя-криминалиста как должностное лицо, уполномоченное осуществлять предварительное следствие по уголовному делу, а также участвовать по поручению руководителя следственного органа в производстве отдельных следственных и иных процессуальных действий или производить отдельные следственные или иные процессуальные действия без принятия уголовного дела к своему производству (здесь и далее – выделено автором).

К числу таких «иных процессуальных действий» относится предусмотренное пунктом 4 части 2 статьи 38 УПК РФ право следователя давать органу дознания обязательные для исполнения письменные поручения о проведении оперативно-разыскных мероприятий (далее – ОРМ). Казалось бы, логично будет считать следователя-криминалиста, получившего соответствующие поручение от руководителя следственного органа, правомочным с учетом своих знаний и практического опыта давать органу дознания рассматриваемые поручения. Однако такое допущение входит в противоречие с частью 3 статьи 7 Федерального закона РФ «Об оперативно-разыскной деятельности», предусматривающей в качестве основания для проведения ОРМ «поручения следователя, руководителя следственного органа, дознавателя, органа дознания или определения суда по уголовным делам и материалам проверки сообщений о преступлении, находящимся в их производстве». Не решает эту проблему и включение следователя-криминалиста в состав следственной группы, так как только ее руководитель принимает уголовное дело к своему производству и, следовательно, только его поручения являются основанием для проведения ОРМ (часть 3 статьи 163 УПК РФ).

В этой связи представляется целесообразным законодательное закрепление полномочий следователя-криминалиста давать поручения органам дознания о проведении ОРМ, а также его отнесение к числу субъектов, перечисленных в части 3 статьи 7 Федерального закона РФ «Об оперативно-разыскной деятельности», а также в пункте 3 статьи 14 этого же Федерального закона, закрепляющем обязанность органов, осуществляющих ОРД, исполнять поступающие к ним поручения.

С другой стороны, как справедливо указывает В.П. Хомколов, залогом качественного оперативно-разыскного обеспечения предварительного расследования является своевременное, полное, без искажения, доставление оперативной информации адресату – следователю. Однако, работая по раскрытию преступления, оперативные работники исключительно на основе собственной, не всегда юридически квалифицированной оценки, отбирают ту часть информации, которая, по их мнению, необходима следователю и которую можно передать без ущерба для оперативно-разыскной работы. При этом нередко может происходить количественное и качественное изменение информации, характера отображения одних и тех же свойств объектов – в итоге сведения, предназначенные и

действительно необходимые для предварительного следствия, к следователю не поступают и не используются по назначению[1].

Нельзя сказать, что вопрос о наделении следователей полномочиями предварительно знакомиться с материалами ОРД (до официального представления её результатов) является новым для теории, практики и нормотворчества. О возможности непосредственного ознакомления следователей с оперативными материалами указывалось работах В.Е. Коноваловой[2], А.Я. Дубинского[3] и других авторов.

Некоторыми ведомственных нормативными актами федеральных органов исполнительной власти, уполномоченных одновременно на осуществление как следственной, так и оперативно-разыскной работы, прямо предусматривается возможность предварительного (текущего) ознакомления работников «своих» следственных аппаратов с материалами ОРД с целью оценки, а также наиболее оптимальной процессуальной реализации ее результатов.

Уголовно-процессуальный закон Республики Беларусь наделяет следователей правом знакомиться с оперативно-разыскными материалами органов дознания, относящимися к расследуемому делу, рассматриваемому заявлению или сообщению о преступлении (часть 7 статьи 36 УПК Республики Беларусь).

Представляется, что рассматриваемый вопрос должен быть надлежащим образом урегулирован также и в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации. В частности, часть 2 статьи 38 УПК РФ, определяющая полномочия следователя, могла бы быть дополнена пунктом 3.1 следующего содержания: «С соблюдением требований, предъявляемых к обращению со сведениями, составляющими государственную тайну, знакомиться с материалами оперативно-разыскной деятельности, относящейся к расследуемому уголовному делу и рассматриваемому сообщению о преступлении, за исключением данных о лицах, внедренных в организованные преступные группы, о штатных негласных сотрудниках органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, а также о лицах, оказывающих либо оказывавших содействие этим органам на конфиденциальной основе».

При этом следует учитывать, что следователи при назначении на должность в рамках Присяги сотрудника Следственного комитета изначально принимают на себя обязательство строго хранить государственную тайну, что должно априори рассматриваться как обоснование принципиальной возможности (а зачастую, и необходимости!) их работы с секретными сведениями.

Противоположный подход приводит к явной правовой диспропорции между профессиональным статусом следователей, имеющих непосредственное отношение к раскрытию преступления и при этом активно взаимодействующих с органами, осуществляющими ОРД, и профессиональным статусом таких субъектов уголовного процесса, как судьи и адвокаты, которые на период исполнения своих

---

[1] *Хомколов В.П.* Организация управления оперативно-розыскной деятельностью: системный подход. – М.: Закон и право, ЮНИТИ, 1999. С. 98-101.

[2] *Коновалова В.Е.* Психология в расследовании преступлений. – Харьков, 1978. С. 35-36.

[3] *Дубинский А.Я.* Исполнение процессуальных решений следователя. Киев, 1984. С. 106-107.

процессуальных полномочий в силу статьи 21.1 Закона РФ от 21.07.1993 № 5485-1 "О государственной тайне" допускаются к сведениям, составляющим государственную тайну, даже без проведения в отношении них проверочных мероприятий, предусмотренных статьей 21 этого Закона. При этом сохранность государственной тайны в таких случаях гарантируется лишь путем установления ответственности указанных лиц Федеральным законом на условиях отобрания соответствующей подписки.

Однако наряду с этими «техническими» по своей сути трудностями, связанными с оформлением допуска сотрудников следственных органов к государственной тайне, встречается предубеждение в том, что осведомленность следователей о существе проводимых ОРМ может оказать негативное влияние на их объективность при производстве расследования. Так, Е.А. Доля, соглашаясь с необходимостью допуска следователей к оценке материалов по делам оперативного учета, тем не менее, предлагает запретить следователю, привлекавшемуся к такой оценке, возбуждать соответствующие уголовные дела которым предшествовало ведение дел оперативного учета), принимать их к своему производству и участвовать в их расследовании[1].

Ошибочность такого мнения убедительно обосновал Д.И. Бедняков[2] и ярко выразил ещё в 1970 году Г.Ф. Горский: «Что касается боязни ряда ученых и практиков, что следователь может оказаться в плену оперативной информации, в некоторых случаях недостоверной, так это расчет на плохого следователя, такой следователь в равной мере может попасть в плен недостоверной собственной версии, построенной на фактическом материале их процессуальных источников, собранных им лично»[3].

Очевидно, что для окончательного разрешения всех спорных вопросов, проведения соответствующих организационно-административных процедур и внедрения в практическую деятельность представляющихся нам обоснованными предложений потребуется дополнительной время. И на этом переходном этапе именно следователи-криминалисты без принятия уголовных дел к своему непосредственному производству могли бы осуществлять практическую координацию следственной и оперативно-разыскной работы, направленной на раскрытие и расследование конкретных преступлений.

Примечательно, что в соответствии с ранее действовавшей статьей 211 УПК РСФСР, а также пунктом 6 Положения о прокурорах-криминалистах в органах прокуратуры Российской Федерации, введенной в действие приказом Генерального прокурора РФ от 27 января 1997 г. № 4 «Об улучшении организации работы прокуроров-криминалистов», в их обязанности вменялась проверка **полноты** и законности оперативно-разыскных мероприятий по установлению лиц, совершивших преступления, а также розыску граждан, пропавших без вести. И если

---

[1] *Доля Е.А.* Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности: монография. – Москва: Проспект, 2016. С. 53.

[2] *Бедняков Д.И.* Непроцессуальная информация и расследование преступлений. М.: Юрид. лит., 1991. С. 96-98.

[3] *Горский Г.Ф.* Научные основы организации и деятельности следственного аппарата в СССР. Воронеж, 1970. С. 60.

вопросы заведения и прекращения дел оперативного учета, формального соблюдения законности при осуществлении ОРД достаточно полно охватывались помощниками прокуроров и сотрудниками подразделений по надзору за деятельностью соответствующих органов дознания, то оценка содержательной стороны ОРД, полноты проведения ОРМ по большинству преступлений, совершавшихся в условиях неочевидности, а также оценка возможности использования результатов ОРД в ходе расследования таких преступлений практически всецело лежала в зоне ответственности прокуроров-криминалистов.

Состоявшаяся реформа следственных органов повлекла утрату сотрудниками подразделений криминалистики статуса прокуроров, уполномоченных осуществлять надзор за ОРД. Пункт 1.23 приказа Председателя Следственного комитета Российской Федерации от 15.01.2011 № 2 «Об организации предварительного расследования в Следственном комитете Российской Федерации» предусматривает обращение в необходимых случаях с ходатайством к прокурору о проверке исполнения Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности» по конкретному делу. Однако прокурорам невозможно на постоянной (и это особенно важно!) основе в отрыве от следствия оценивать существо проводимой оперативно-разыскной работы в ее взаимосвязи с расследованием. И поэтому уже сейчас путем соглашений на уровне руководителей следственных органов и органов, осуществляющих ОРД, необходимо восполнить образовавшийся пробел и допустить с соблюдением установленного режима секретности непосредственное ознакомление следователей-криминалистов с материалами ОРД по нераскрытым преступлениям, совершенным в условиях неочевидности. При этом, в отличие от прокуроров, они могли бы, на основе изучения как уголовных дел, так и соответствующих им ДОУ, оценивать содержательную сторону оперативных материалов, полноту, качество и своевременность исполнения поручений следователей, а также представления результатов ОРД для решения вопроса о возбуждении уголовного дела, использования при подготовке и осуществлении процессуально-следственных действий и в доказывании по уголовным делам. К их полномочиям целесообразно отнести подготовку конкретных письменных предложений руководителям органов, осуществляющих ОРД, направленных на устранение выявляемых недостатков, оказывающих негативное воздействие на процесс расследования, и принятие дополнительных оперативно-разыскных мер по раскрытию преступлений.

Подчеркнем, что предлагаемые полномочия следователей-криминалистов рассчитаны на решения сугубо следственных задач и не подменяют собой ни прокурорский надзор за законностью ОРД, ни ведомственный контроль за ее непосредственной организацией и осуществлением.

В этой связи представляется, что оформленный надлежащим образом допуск к сведениям, составляющим государственную тайну, должен быть обязательным и одним из основных условий трудового соглашения с сотрудниками, претендующими на замещение должностей следователей-криминалистов. В дальнейшем такой подход следует, как уже указывалось выше, распространить на всех следователей.

Принятие данных предложений позволит следователям-криминалистам реализовывать и так называемые непроцессуальные формы взаимодействия следственных и оперативно-разыскных подразделений, активно участвуя в подготовке совместных с органами дознания планов оперативно-следственных мероприятий, разработке оперативно-тактических операций, непосредственно участвуя в работе штабов по раскрытию преступлений, в совместном обсуждении хода и результатов следственной и оперативно-разыскной работы на межведомственных совещаниях. Причем практика показывает, что зачастую, особенно на первоначальном этапе расследования, координирующая деятельность следователя-криминалиста непосредственно в расположении оперативного штаба приносит большую пользу, чем его работа в следственном подразделении, учитывая объективно более обширные и динамические информационные процессы, протекающие в сфере ОРД, требующие незамедлительной реакции от представителей следственных органов, направленной на своевременную и грамотную процессуальную «отработку» получаемых сведений.

Литература

1. Федеральный закон от 28.12.2010 № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 15.
2. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-разыскной деятельности» // СЗ РФ. 1997. № 29. Ст. 3502.
3. Закон Российской Федерации от 21.07.1993 № 5485-1 «О государственной тайне» // СЗ РФ. 1997. № 41. Ст. 4673; 2004. № 27. Ст. 2711.

Медведев А.Н.

К вопросу об особенностях взаимодействия органов предварительного расследования с органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность

Аннотация. Основная идея научной статьи подразумевает под собой актуальные вопросы, связанные с процедурой взаимодействия органов предварительного расследования с органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность. Проблемам объекта данного исследования посвящено немало литературы научного характера, однако остался ряд неразрешенных вопросов, связанных с данным правовым институтом. Данная тема исследования имеет немаловажное актуальное в наше время практическое значение, которое необходимо развивать путем разграничения полномочий органов предварительного расследования и органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность.

Ключевые слова: предварительное расследование, оперативно-разыскная деятельность, взаимодействие с органами предварительного расследования, уголовный процесс.

В России с начала 90-х годов происходили существенные перемены, связанные, как и с политической системой, общественным положением, так и с

непосредственно уголовно-процессуальной наукой. Рост преступности во многом повлиял на этот период. Законодатель не мог не затронуть определенные пробелы в практической деятельности следователя, которые связаны со взаимодействием с органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность. Это послужило к выработке и реализации основного Федерального закона, контролирующего непосредственно саму оперативно-разыскную деятельность[1].

В свою очередь, Федеральный закон предопределяет содержание оперативно-разыскной деятельности, осуществляемой на территории Российской Федерации, и закрепляет систему гарантий законности при проведении оперативно-разыскных мероприятий.

Эффективное взаимодействие органов предварительного следствия с органами, производящими оперативно-разыскную деятельность есть не что иное, как эффективный способ выработки законодательства в данной области.

Следует уточнить, что определенный механизм совместных действий вышеуказанных подразделений при расследовании уголовных дел, требует четкого распределения ролей[2].

Исходя из норм уголовно-процессуального законодательства, такой участник процесса как следователь, является значимой фигурой в ходе расследования уголовного дела. Однако законодатель определил круг обязанностей, входящих в его компетенцию. Так, следователь вправе направлять различного рода поручения в органы, осуществляющие оперативно-разыскную деятельность[3]. Представляется, что производство предварительного расследования по уголовному делу невозможно без участия вышеуказанных органов. Зачастую хоть и следователь принимает наиболее значимые решения по уголовному делу, однако расследование невозможно без применения и проведения оперативно-разыскных мероприятий. В некоторой степени, при выявлении преступления органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность, необходим сбор соответствующего материала и правильности документирования полученной информации.

Например, при расследовании преступлений коррупционной направленности, которые имеют свой специфичный субъект, главенствующую первоначальную роль выполняют изначальные материалы оперативно-разыскных мероприятий (наблюдение, выемка первичных документов и др.). Такие уголовные дела зачастую возбуждаются исключительно при наличии определенных оперативных данных.

---

[1] Федеральный закон от 12.08.1995 №144-ФЗ (в ред. от 06.07.2016 г.) «Об оперативно-розыскной деятельности» // СПС КонсультантПлюс.

[2] *Рамазанов Р.А.* Взаимодействие органов следствия с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, как одно из ключевых направлений организации расследования коррупционных преступлений. Вестник ВЭГУ № 6 (68). 2013. С. 210.

[3] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 №174-ФЗ (ред. от 07.06.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 18.06.2017) // Собрание законодательства РФ, 24.12.2001. № 52 (ч. I). ст. 4921.

После сбора необходимой информации сотрудники оперативно-разыскных подразделений направляют материалы в органы предварительного расследования для принятия решения в порядке ст. ст.144–145 УПК РФ.

В этой связи, перед принятием определенного решения по данным оперативным материалам, следователю необходимо проверить правильность и законность их документирования. Так как при наличии определенных нарушений, оперативные материалы возвращаются на доработку. Научные споры вызывает иной процесс, а именно при направлении таких материалов в другой субъект. Проблема возникает при несвоевременном поступлении материалов к следователю, например, при истечении сроков рассмотрения.

В свою очередь, после возбуждения уголовного дела, исходя из правоприменительной практики, необходимо составить план совместных следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий. Думается, такая уголовно-процессуальная политика позволяет наиболее грамотно отработать все версии в разных направлениях.

При взаимодействии органов предварительного расследования с органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность, производство по уголовным делам завершается намного быстрее, нежели при единоличной работе следователя над уголовным делом.

При исследовании достаточно большого количества уголовных дел, в ходе которых следователь тесно взаимодействует с оперативными подразделениями, можно наблюдать положительную динамику раскрытия и направления данных уголовных дел в прокуратуру для утверждения обвинительного заключения в порядке ст.221 УПК РФ.

Таким образом, в настоящее время, на мой взгляд, не требуется введения новых норм и правил регулирования оперативной деятельности, так как Федеральный закон выполняет в полной мере свою функцию.

Мирзоев Г.Б.

О принципах взаимодействия оперативно-разыскной и процессуальной деятельности

Аннотация. В статье раскрываются принципы взаимодействия оперативно-разыскной и процессуальной деятельности, проводится их сравнительный анализ, рассматриваются проблемы оценки результатов ОРД.

Ключевые слова: оперативно-разыскная деятельность, процессуальная деятельность, принципы взаимодействия, оценка результатов ОРД, доказательства, права и законные интересы граждан.

Уголовно-процессуальная и оперативно-разыскная деятельность находятся во взаимосвязи, при этом каждая из них представляет собой упорядоченную систему действий, осуществляемых должностными лицами правоохранительных органов. Как и любой вид деятельности в сфере взаимодействия деятельность

следствия и органов, осуществляющих ОРД подчинена определенной цели. Следует, однако, отметить, что в законодательстве и актах, регламентирующих уголовно-процессуальную и оперативно-разыскную деятельность, нет единства цели, фокусирующей их взаимосвязь и объединяющей их в единое системное образование. В соответствии со ст. 1 ФЗ об ОРД оперативно-разыскная деятельность осуществляется в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств. Назначением же уголовного судопроизводства согласно ст. 6 УПК РФ также является защита прав и законных интересов лиц и организаций, однако акцент в основном сделан на защите потерпевших от преступления или от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения.

В связи с этим некоторые авторы высказывают мысль о необходимости на правовом уровне как в первой, так и во второй сферах деятельности акцентироваться в едином направлении раскрытия преступлений. Поэтому предлагается закрепить в УПК основную задачу как раскрытие преступлений, а в ФЗ об ОРД – не раскрытие, а обеспечение деятельности по раскрытию преступлений.

Однако отметим, что не все формы оперативно-разыскной деятельности обусловлены необходимостью борьбы с преступлениями, включая его раскрытие. В некоторых из них данная связь не прослеживается (например, в случае розыска лиц, пропавших без вести, при отсутствии признаков их криминального исчезновения (ст. 2 ФЗ об ОРД)). А значит, оперативно-разыскная деятельность в этих случаях не направлена на борьбу с преступностью, включая и раскрытие преступлений. Это отличает оперативно-разыскную деятельность от уголовно-процессуальной. Для последней указанная связь является необходимой. Для оперативно-разыскной деятельности раскрытие преступления – это лишь наиболее распространенное направление.

Уголовно-процессуальная и оперативно-разыскная деятельность законодательно урегулированы, при этом их принципиальные основы имеют определенное сходство. В первую очередь, следует выделить принцип законности (ст. 7 УПК РФ, ст. 3 ФЗ об ОРД), который устанавливает общее требование об уважительном отношении к правам и законным интересам граждан, соблюдения их прав и свобод

Еще один объединяющий принцип взаимодействия уголовно-процессуальной и оперативно-разыскной деятельности – это принцип равенства, вытекающий из конституционного положения ч. 1 ст. 19 и регламентированный в УПК в виде тезиса о равноправии сторон обвинения и защиты (ч. 4 ст. 15, ст. 244 УПК РФ). В отличие от состязательного контекста в уголовном процессе, принцип равенства в законе об ОРД определен в качестве юридического требования проведения ОРМ на территории РФ независимо от социальной дифференциации объектов ОРМ (ч. 1 ст. 8 ФЗ об ОРД).

Между тем следует отметить, что, несмотря на принципиальное сходство в деятельности должностных лиц уголовного судопроизводства и лиц, осуществляющих ОРД на основе единой цели по раскрытию преступлений, между ними также существуют и отличительные черты.

В рамках ОРМ, в отличие от уголовно-процессуальной деятельности, доказательства не собираются (несмотря на формальную схожесть понятий оперативных мероприятий и следственных действий). Вместе с тем, результаты ОРМ в соответствии со ст. 11 ФЗ «Об ОРД» результаты ОРД могут быть использованы в доказывании по уголовным делам в соответствии с УПК РФ. В связи с этим только в результате производства процессуальных действий добываются сведения, которые могут служить доказательствами по уголовному делу, преимущественно посредством производства следственных действий. В конечном счете, субъектом оценки доказательств на предмет их относимости, допустимости и в целом достаточности, является процессуальное лицо – следователь (дознаватель), в производстве которого находится конкретное уголовное дело В связи с этим вполне закономерным является запрет на использование в процессе доказывания результатов оперативно-разыскной деятельности, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам УПК РФ (ст. 89 УПК РФ).

В научной среде мнение относительно такого законодательного подхода к определению результатов ОРМ разделилось. Одни считают, что это указанное положение УПК РФ себя изжило и необходимо приравнять результаты ОРМ к доказательствам по уголовному делу после их проверки в судебном порядке. Другие, полагают, что нужно оставить все как есть.

Аргументы последней точки зрения основаны на том, что ОРД должно остаться в качестве базы для формирования доказательств. Но в силу своей природы и способам получения доказательственной информации, а также способам закрепления этой информации она не может официально признаваться в качестве доказательства. При этом также высказывается идея о том, что необходимо дополнительно закрепить в УПК РФ правила проверки и оценки результатов ОРД на их доброкачественность для использования в процессе доказывания. Мы придерживаемся последней точки зрения и считаем, что следует ввести такие правила в направлении ужесточения судебного контроля за условиями проведения оперативно-разыскных мероприятий.

Поскольку результаты ОРД не подчиняются уголовно-процессуальным формам познания, во многом носят негласный характер, этот факт умаляет их надежность с точки зрения законности получения и может влечь их недопустимость.

В то же время результаты ОРМ могут быть преобразованы в качестве доказательств по уголовному делу, что не исключает традиционного отрицания их доказательственной принадлежности.

На сегодняшний день следует констатировать, что проблема оценки результатов ОРД является одной из самых актуальных и животрепещущих, поскольку, как известно, случается, что следователи используют подчас недоброкачественную информацию в качестве доказательственной базы по уголовным делам.

Одним из основных проявлений взаимодействия уголовно-процессуальной и оперативно-разыскной деятельности является исполнение органом дознания поручений следователя, дознавателя о производстве отдельных следственных действий, иных процессуальных действий (ч. 2 ст. 38, ч. 3 ст. 41 УПК РФ). Следователь должен понимать необходимость производства следственных действий, ко-

гда по объективным причинам он не может самостоятельно выполнить возложенные на него задачи; во-вторых, он должен понимать, что поручает производство следственных действий лицам, в прямые задачи которых производство процессуальных действий не входит.

Еще одна форма взаимодействия имеет место в рамках группового метода расследования преступлений, для которого характерно создание следственной группы или группы дознавателей. В соответствии с действующим УПК РФ в состав следственной группы могут быть привлечены сотрудники органов, осуществляющих ОРД (ч. 2 ст. 163, ч. 2 ст. 223.2 УПК РФ). Это положительно влияет на степень согласованности и оперативности при раскрытии и расследовании преступлений; происходит более интенсивный обмен процессуально значимой и оперативной информации, что благоприятно влияет на всесторонность и объективность расследования преступления. Считаем, что взаимодействие могло бы быть отнесено законодателем к числу принципов уголовного судопроизводства.

Возможно, следовало бы закрепить статус оперативно-следственной группы в отдельную норму УПК РФ. В настоящий момент законодательный термин «следственная группа», обозначает именно группу, состоящую из следователей, что не вполне точно соответствует значению данного термина, поскольку имеется в виду именно следственно-оперативная группа. Кроме того, различие в субъектном составе указанных групп налагает определенный отпечаток и на ее деятельность.

Сходства и различия в ОРД и процессуальной деятельности являются предпосылкой для формирования представления об их взаимодействии, на основании чего можно выделить те характерные черты, которые способствуют пониманию процессуальной деятельности как единого механизма, обеспечивающего права и законные интересы граждан в рамках уголовного судопроизводства.

Мишенина А.А.

Использование результатов ОРД в доказывании по уголовным делам

Аннотация. В настоящей статье обозначаются вопросы, связанные с использованием сведений, полученных в результате оперативно-разыскной деятельности. Информация, полученная в ходе оперативно-разыскных мероприятий, успешно используется в доказывании по большинству уголовных дел. Освещаются вопросы правильности преобразования сведений, полученных в ходе оперативно - разыскной деятельности в доказательства по уголовным делам.

Ключевые слова: оперативно-разыскная деятельность, уголовно-процессуальная деятельность, сведения, полученные оперативным путем, доказательства, оперативные подразделения, органы предварительного расследования, суд, права и свободы человека и гражданина.

Оперативно-разыскная и уголовно-процессуальная деятельность по раскрытию и расследованию преступлений имеют общие черты и в то же время являются разными видами деятельности.

Объединяют их общие задачи. Согласно ч. 1 ст. 2 Федерального закона № 144-ФЗ от 12 августа 1995 года «Об оперативно-разыскной деятельности», задачами оперативно-разыскной деятельности» (далее – ОРД) являются: выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших[1].

Уголовным преследованием, согласно п.55 ст.5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее - УПК РФ), является процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления.

Органы предварительного расследования и органы, осуществляющие оперативно-разыскную деятельность, в конечном итоге преследуют общую цель: установление и изобличение лиц, совершивших преступление, и соответственно, раскрытие и расследование этого преступления.

Объединяет их также то, что и процессуальная, и оперативно-разыскная деятельность основывается на конституционных принципах законности, уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина.

Использование сведений, полученных в ходе оперативно - разыскной и уголовно-процессуальной деятельности четко регламентировано законодательством.

Согласно требованиям уголовно-процессуального закона, доказательствами по уголовному делу будут являться сведения, на основе которых органы, осуществляющие уголовное преследование (дознаватель, следователь, прокурор), а также суд, в порядке, установленном УПК РФ, устанавливают обстоятельства, подлежащие доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иные, имеющие значение для дела обстоятельства.

Результаты оперативно-разыскной деятельности получают оперативные подразделения уполномоченных на то государственных органов (органов внутренних дел, федеральной службы безопасности, таможенных органов, Федеральной службой исполнения наказаний Российской Федерации)в ходе проведения оперативно-разыскных мероприятий.

Согласно п.36.1 ст. 5 УПК РФ результатами оперативно-разыскной деятельности являются сведения, полученные в соответствии с федеральным законом об оперативно-разыскной деятельности, о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление и скрывшихся от органов дознания, следствия или суда.

Результаты оперативно-разыскной деятельности непосредственно служат формированием по всем видам доказательств, также создавая необходимые условия для их установления[2].

Сами по себе результаты оперативно-разыскной деятельности доказательствами по уголовному делу не являются.

---

[1] Федеральный закон № 144-ФЗ от 12 августа 1995 года «Об оперативно-розыскной деятельности», задачами оперативно-розыскной деятельности» (ред. *от 06.07.2016 № 374-ФЗ)*

[2] Словарь оперативно-розыскной деятельности. Автор-составитель А.Ю. Шумилов. М. 2004.

Закон запрещает использование результатов оперативно-разыскной деятельности, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам в уголовном процессе (ст.89 УПК РФ).

Информация, полученная в ходе оперативно-разыскной деятельности, должна пройти процедуру преобразования из сведений в доказательства.

Как отметил Конституционный Суд Российской Федерации, результаты оперативно-разыскной деятельности «не являются доказательством, а лишь информацией о источниках тех фактов, которые, если они были получены в соответствии с требованиями Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности», «могут стать доказательствами только после того, как они будут обеспечены надлежащими процессуальными средствами, а именно на основе соответствующих норм уголовно-процессуального права»[1].

Результаты оперативно-разыскной деятельности должны содержать сведения, имеющие значение для установления предмета доказывания, а также указывать на источник получения и данные, которые могут быть в дальнейшем проверены.

Вопросы, возникающие при использовании результатов оперативно-разыскной деятельности в расследовании уголовных дел, активно обсуждаются на протяжении многих лет.

Одна группа ученых утверждает, что в силу ст.89 УПК РФ результаты ОРД невозможно использовать в доказывании, поскольку к ним не свойственно применение требований, предъявляемых к доказательствам в силу специфических способов их получения вне рамок уголовно-процессуальной деятельности.

Вторая группа придерживается мнения о том, что оперативно-разыскную деятельность необходимо рассматривать как один из способов доказывания по уголовным делам, таким образом придавая результатам ОРД статус доказательств.

Третья группа полагает, что введение в уголовное судопроизводство непроцессуальной информации в качестве доказательств возможно, но при соблюдении всех требований доказательственного права[2].

Последняя точка зрения представляется наиболее приемлемой.

Результаты оперативно-разыскной деятельности очень часто являются как поводом, так и основаниями для возбуждения уголовного дела, к примеру, по коррупционным преступлениям.

Сведения, полученные в ходе оперативно-разыскных мероприятий, используются в доказывании по большинству уголовных дел.

В любом случае они должны пройти обязательный процессуальный путь – проверку и стать доказательствами по уголовному делу.

---

[1] Определение Конституционного Суда РФ от 28 мая 2013 г. № 802-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ананчева Д. Н. на нарушение его конституционных прав рядом статей Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, Федерального закона "Об оперативно-розыскной деятельности" и положениями Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд».

[2] *Николаенко Н.А.* Проблемы вхождения результатов ОРД в процесс доказывания // Современные проблемы криминалистики и судебной экспертизы: материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. 2018. С. 54–57.

Поступившие результаты оперативно-разыскной деятельности должны быть проверены дознавателем и следователем на соответствие надлежащей форме, а также по содержанию. Порядок представления результатов ОРД предусмотрен межведомственной инструкцией.

В последующем должностным лицом, осуществляющим уголовное преследование, для «введения» результатов ОРД в уголовный процесс должны быть проведены следственные действия с соблюдением требований уголовно-процессуального законодательства.

Несоблюдение этих требований может привести к отрицательным правовым последствиям в виде признания доказательств недопустимыми и исключения их из доказательственной базы, а также вынесения решений реабилитирующего характера органами предварительного расследования или судом.

В конечном итоге нарушения закона, несоблюдение ведомственных требований по использованию результатов оперативно-разыскной деятельности, отсутствие межведомственного взаимодействия сводится к невыполнению целей и задач уголовного судопроизводства по раскрытию и расследованию преступлений, изобличению виновных и нарушению прав потерпевших от преступлений по возмещению ущерба, причиненного преступлением.

Назаренко Н.И.

Организационно-правовые особенности органов предварительного расследования преступлений с участием иностранного субъекта в Великом Новгороде (XII-XV вв.)

Аннотация. В статье характеризуется деятельность должностных лиц Немецкого торгового двора – олдерменов (старост), осуществляющих не только административные функции управления двором, но и роль органов предварительного расследования преступлений с участием иностранных купцов. Отмечается их взаимодействие с органами управления Новгородской республики. Автор вводит в научный оборот новые источники права с целью обращения внимания на проблему взаимодействия культур в сфере права.

Ключевые слова: Великий Новгород, Немецкий торговый двор, олдермен, органы расследования преступлений с участием иностранного субъекта, новгородские скры

В корпусе международных актов Великого Новгорода XII-XV веков можно выделить ряд документов, направленных на закрепление начальных этапов разыскного процесса и установление уголовной ответственности лица. К их

числу можно отнести торговые договоры Новгорода с Ганзой и другими европейскими государствами XII – XV вв.[1]; постановления Ганзейских съездов[2]; договоры Новгорода с князьями[3]; княжеские уставы; Новгородские писцовые книги[4]; переписку ганзейской конторы и немецких купцов[5]; сборники скры[6]. Всего сохранилось 19 торговых договоров Новгорода с Ганзой и более 30-ти грамот различного характера, содержащих сведения об организации иноземных дворов, компетенции должностных лиц Немецкого торгового двора и их взаимоотношений с новгородскими властями и жителями города[7].

Особое место в ряду правовых источников занимают купеческие уставы Ганзейского союза – Новгородские скры. Образование иностранных торговых дворов и их функционирование в Новгороде требовало составление определенных правил, которые должны были регулировать взаимоотношения немецких купцов как внутри двора, так и за его пределами. Такими законами, вернее, сборником законов являлась скра[8]. Скра – многоплановый сборник, содержащий положения относительно устройства и организации двора, правила ведения торговли, а также нормы уголовного права и процесса[9]. Тексты законов скры дошли до нашего времени в семи редакциях. Основой для всех последующих версий сборников явился текст скры второй половины XII века[10].

Несмотря на то, что в период Средневековья в праве еще не существовало четкого разграничения между уголовным и гражданским процессом, по способам регулирования отношений право отвечало потребностям экономической и общественной жизни. Некоторые положения международных договоров, новгородской скры, Псковской судебной грамоты, постановления вече определяли сектор

---

[1] См.: Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.-Л., 1949. С.57–59, № 29–31 и др.

[2] См.: Die Rezesse und andere Akten der Hansetage von 1256–430. Erste Abteilung. Bd.1 / Bearb. V. W. Junghanz. Leipzig, 1872–1897. (далее: HR. Латинская нумерация означает номер серии, арабская – тома, затем идет порядковый номер документа).

[3] См.: *Зимин А.А.* Уставная грамота князя Всеволода Мстиславича // В кн. : Академику Б.Д. Грекову ко дню семидесятилетия: Сборник статей . М., 1952. С. 123–131; Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV – XVI веков / подг. к печати *Л.В. Черепниным.* М.–Л., 1950 и др.

[4] См.: *Мерзон А.Ц.* Таможенные книги Русского государства XVII в. М., 1957. За XIV–XV вв. не сохранилось ни одной русской таможенной книги, и в настоящее время трудно определить, существовали ли такие книги в Новгороде.

[5] См.: *Lechner G.* Die hansische Pfundzollisten des Jahres 1368. B., 1936.

[6] См.: *Рыбина Е. А.* Иноземные дворы в Новгороде XII-XVII вв. М., 1986. Приложение № 1. IV скра. (Текст). Пер. И.Е. Клейненберга. Печатается по изданию: Schluter W. Die Nowgoroder Schra in sieben Fassungen vom XIII bis XVII. Jahrhundert. Dorpat, 1911. С. 141–170.

[7] См.: Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.–Л., 1949.

[8] Скра – *Schra, Schrage, Sera* означает «судебник» или «книгу законов».

[9] См.: *Андреевский И.Е.* О правах иностранцев в России до вступления Иоанна III Васильевича на престол Великого княжества Московского. СПб., 1854. С. 85, 86.

[10] См.: *Андреевский И.Е.* Указ соч. С. 85, 86; *Назаренко Н.И.* Немецкий торговый двор в Новгороде XII-XVII вв.: правовое закрепление в Уставе его организации. // Опыт государственного строительства в России и зарубежных странах (к 20-летию Конституции Российской Федерации). Сборник материалов IX Международной научно-практической конференции / отв. ред. *Т.И. Метушевская.* Курск: Курский государственный университет, 2013. С.20–29.

совместного участия сторон (новгородцев и иностранцев) в борьбе с преступностью и восстановления социальной справедливости. Международные правовые нормы содержали характеристику этапов судебного процесса, включали правила осмотра места совершения преступления, сбора вещественных и иных доказательств, закрепляли процедуры отыскания вещи и преступника. Установленный рациональный порядок производства этих процедур и некоторые иные вопросы дознания получили дальнейшее развитие и отражение в современном уголовном и уголовно-процессуальном праве.

По общему правилу, закрепленному в международных договорах, сторонами в процессе могли выступать лица, чьи интересы были противоправно нарушены. Обе стороны процесса именовались «истцами», а судебное разбирательство – «тяжбою», преступное деяние – «зло» или «обидное дело». В последствие во время судебного заседания в связи с особым положением и статусом немецких купцов их права и интересы, нарушенные, например, ненадлежащим исполнением договора русской стороной, подлежали защите и представительству старосты Двора – олдермену или его помощников (статья 70 IV редакции скры). Однако следующая, 71 статья гасит: «Если надо будет вывести кого-нибудь, кто приговорен к смертной казни, то старосты двора в этом не участвуют, но они должны передать свои полномочия двум другим лицам, чтобы они поступали так, как будто он сам присутствует. Далее, те, кто на это назначены, должны поехать с приговоренным, иначе они теряют права двора».[1]

Немецкий торговый двор в Новгороде существовал на принципе экстерриториальности. Следует отметить, что сборники законов скры IV, V, VI и VII редакций строго регламентировали порядок внутреннего дворового управления и взаимоотношений с новгородскими властями. Обособление двора было нераздельно связано с дворовым самоуправлением. Уже I скра содержит правила относительно выборов старосты двора и старосты церкви св. Петра. Правила эти, затем без изменений переносятся во II и III редакции сборника. Скры очерчивали круг полномочий старосты. Староста двора выполнял функции судьи, его правовая автономия включала собственную уголовную и гражданскую юрисдикцию. Он обязывался строго следить за исполнением постановлений скры, разрешать споры между купцами и их помощниками. На основании законов скры староста мог назначить наказание в виде штрафа, телесных наказаний и даже смертной казни. Субъектами уголовного права и процесса (на основе анализа статей скры) выступали все свободные люди, проживающие, торгующие, служащие или посещающие Ганзейский двор в Новгороде. В уставе выделяются «самостоятельные

[1] Статья 71 Новгородской скры (I редакции). Текст новгородской скры воспроизведен по изданию: И. Андреевский О договоре Новагорода с немецкими городами и Готландом, заключенном в 1270 году. СПб., 1855, С. 75.

купцы» – mesterman[1], подручные[2], складники[3], священнослужители и новгородские жители. Новгородская скра устанавливала совершенно особые отношения между городом и членами Ганзейского двора. Торговый двор являлся юридическим лицом и политическим представителем Ганзы, а члены двора отличались от остальных жителей правами и обязанностями. Свободное положение иноземных купцов не подразумевало неограниченной правовой свободы. Ганзейский двор контролировал своих членов и пользовался в их отношении принудительными правами. Как уже отмечалось ранее, функции социального и налогового контроля, в том числе и вопросы процедуры нарушения правил торговли, отыскания пропавшей вещи, преследования преступника были возложены на должностных лиц двора (старосту и его помощников-фогтов). В некоторых случаях при раскрытии преступления привлекались и члены двора, т.н. «самостоятельные купцы». Досудебные процедуры, в отличие от стадий судебного процесса, достаточно поверхностно прописаны в новгородских скрах и упоминаются в связи с характеристикой преступного деяния. Например, прописаны процедуры «собрания общины», которые напоминают по форме и содержанию (понятийно-терминологическим характеристикам) «заклич» и «свод», известные по Русской Правде и другим источникам.[4]«Собрание общины купцов» иногда проходило при объявлении членам двора о нарушении законных прав какого-либо лица и предполагаемом виновнике нарушения (статьи 32, 45 I скры, 70, 78, 85 IV скры). Такую процедуру применяли, если пропадала вещь, которая имела индивидуально определенные признаки или было совершено противоправное деяние, либо проступок (кража, убийство, оскорбление словом или действием). Если вещь обнаруживалась (статья 45 скры I редакции), то лицо у которого она была обнаружена, считалось ответчиком в случае отсутствия доказательства добросовестности приобретения найденной вещи. Если лицо не могло доказать добросовестность владения, то на него налагалось наказание в виде штрафа. Размер штрафа зависел от стоимости вещи и статуса потерпевшего лица. Часть штрафа поступала в пользу казны двора. Другая досудебная процедура напоминала «гонение следа», она начиналась тогда, когда правонарушитель не был захвачен на месте преступления. Содержание этой процедуры раскрывается в ряде статей скры различных редакций – (43, 44) I скры; (85, 94) IV скры и др. Постепенно эта процедура трансформировалась в расследование преступления, т.е. проведение дознания и расследования, которое проводилось должностными лицами Двора. Законы скры строго регламентировали отношения между ганзейцами и властями Новгорода и предупреждали возможность избрания иноземцев в городские структуры. Компетенции новгородских властей немецкие купцы подлежали только в случае совершения преступлений против русских или рассмотрения тяжб с новгородцами. Нормы уголовного права, нашедшие закрепление в статьях

---

[1] Mesterman – купец, имеющий в своём распоряжении денежную сумму для ведения торгового оборота.

[2] Подручный – слуга, не имеющий собственных товаров и выполнявший различные поручения купца.

[3] Складники – купцы-компаньоны, ведущие общую торговлю.

[4] См.: Российское законодательство X-XX вв. М., 1984. С. 47.

новгородской скры, не знают деления на стадии совершения преступления и содержат ограниченный перечень видов преступлений. В зависимости от характера правоотношений, против которых было направлено деяние, можно выделить: убийство (ст. 43 I скры), нанесение тяжких телесных повреждений (ст. 44 I скры), оскорбление действием или словом (ст. 79, 81 IV скры), разбой, кража (83, 85 IV скры), повреждение и противозаконное пользование чужим имуществом (34, 45 I скры), деяния против должностных лиц двора (ст. 36, 99 IVскры), против церкви.

Наиболее распространенным видами преступлений, которые фиксируются русскими и немецкими источниками являлись преступления против собственности: кража, грабеж, мошенничество (приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребление доверием при нарушении правил торговли), присвоение, растрата, а также повреждение и противозаконное пользование чужим имуществом. Следует отметить, что преступления против собственности упоминаются законодателем гораздо чаще, чем, например, деяния, направленные против личности. В.В. Момотов указывает, что в «Новгороде и Пскове в XIII-XIV вв. происходил процесс формирования принципов частной собственности, предполагающих свободу и неприкосновенность частной собственности».[1] Эти принципы необходимо было законодательно оформить и реализовать посредством процедуры судопроизводства и вынесения судебного решения. Кроме того, в таких важных европейских торговых центрах, как Любек и Новгород, где были развиты товарооборот, ввоз и обмен благородных металлов,[2] активнее проходил процесс оформления обязательственных и долговых отношений. Анализ международных документов Новгорода и Ганзы позволяет прийти к выводу, что сфера компетенции представителей княжеской администрации, Немецкого торгового двора и ганзейских городов не ограничивалась участием только в уголовном судопроизводстве. Наоборот, чаще подлежали рассмотрению вопросы, связанные с гражданским судопроизводством при исполнении договорных обязательств по возврату товара, денежного капитала или взимания процентов по договору займа.

Система наказаний, зафиксированная в русских и немецких источниках, основывалась на денежных взысканиях в виде штрафов, пенни и выкупах. С развитием товарооборота между Новгородом и Ганзой прежняя цель наказания – восстановление нарушенного социального равновесия заменяется возмездием, отражающим общий социальный и экономический интерес, с сохранением некоторых прежних композиций в системе наказания. Применение ганзейцами новых методов управления и торговли повлекло увеличение обменных и кредитных операций. Посредством международных договоров и уставов они смогли обеспечить юридическую защиту своей деятельности, закрепили права и привилегии.

---

[1] *Момотов В.В.* Формирование русского средневекового права в IX-XVI вв.: монография. М., 2003. С. 233.

[2] См.: *Хорошкевич А.Л.* Из истории ганзейской торговли (Ввоз в Новгород благородных металлов в XIV – XVвв.) // Средние века. Вып. 20. М., 1961. С. 98.

В заключение хотелось бы обратить внимание на то, что в исследовании не ставилась задача освещения полного процесса формирования и функционирования органов предварительного расследования преступлений с участием иностранного субъекта в Великом Новгороде в XII-XV веках. Автором была поставлена более скромная задача – обобщить накопленный материал и ввести в научный оборот новые источники познания права с целью обращения внимания на проблему взаимодействия культур, в том числе и в сфере права.

Нечаев А.А.

Организация взаимодействия органов предварительного следствия с подразделениями, осуществляющими оперативно-разыскную и экспертно-криминалистическую деятельность при расследовании нераскрытых преступлений

Аннотация. Статья посвящена вопросам организации взаимодействия органов предварительного следствия с подразделениями, осуществляющими оперативно-разыскную и экспертно-криминалистическую деятельность при расследовании уголовных дел, по которым виновное лицо не установлено.

Ключевые слова: взаимодействие, нераскрытое преступление, органы предварительного следствия, экспертно-криминалистические подразделения, управленческое решение, совместная деятельность правоохранительных органов.

Преступность, как социальное явление, порождено разными факторами и представлено во многих сферах человеческой деятельности. Сложность и неоднородность возникающих в этой связи проблем в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина, охраны собственности, интересов общества и государства, обеспечения общественной безопасности и охраны общественного порядка предопределяют применение комплексного подхода при осуществлении правоохранительной деятельности.

Одной из форм совместной деятельности в данной сфере является взаимодействие органов предварительного следствия с оперативными и экспертно-криминалистическими подразделениями территориальных органов МВД России (далее – ТО МВД России) по вопросам предупреждения, раскрытия и расследования преступлений, обмена взаимовыгодной информацией об оперативной обстановке.

Философский словарь определяет взаимодействие как философскую категорию, которая отражает процессы воздействия различных объектов друг на друга, их взаимообусловленность, изменение состояния, взаимный переход, а также порождение одним объектом другого. Взаимодействие представляет собой вид непосредственного или опосредованного, внешнего или внутреннего отношения.

Если проанализировать статистические данные и обратиться к следственной практики, то можно заметить, что по значительному количеству уголовных дел

ежегодно в пределах 70 %[1] в силу различных причин производство расследования приостанавливается. Поэтому, особый упор должен быть сделан на повышение эффективности деятельности следственных, оперативных и экспертных подразделений ТО МВД России при расследовании нераскрытых преступлений[2].

В правоохранительной деятельности взаимодействие – это единовременное (разовое) или достаточно продолжительное объединение сил, средств и методов органов внутренних дел и других правоохранительных органов для выявления, быстрого и полного раскрытия преступлений, изобличения виновных и обеспечения правильного применения закона с тем, чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден[3].

Вместе с тем, взаимодействие возможно не только между сотрудниками, непосредственно и согласованно действующими для достижения единой для них цели при расследовании нераскрытых преступлений, но и между их руководителями (субъектами управления), управленческие решения и организационные действия которых также должны быть согласованы между собой.

Исходя из вышеизложенного, полагаем, что организацию взаимодействия начальником следственного подразделения при расследовании нераскрытых преступлений можно определить как разновидность управленческой деятельности, осуществляемой субъектом управления или уполномоченными им лицами и состоящей в оптимальной выборе форм и методов совместной деятельности, в закреплении их в управленческих решениях, обязательных для всех участников совместной деятельности, в обеспечении соответствия их согласованных действий ранее принятым управленческим решениям и нормативным требованиям для эффективного и рационального использования сил и средств взаимодействующих сторон при комплексном решении стоящих перед ними задач и достижения взаимовыгодного результата по установлению виновных лиц, совершивших преступления. При этом, ответственность за его организацию несет руководитель органа предварительного следствия, перед которым стоит цель достижения упорядоченности совместной деятельности подчиненных следователей с иными сотрудниками и подразделениями территориального органа МВД России.

Целью организации внутреннего взаимодействия в ТО МВД России является использование преимуществ совместной деятельности сотрудников различных оперативных и экспертно-криминалистических подразделений ОВД для эффективного и рационального решения стоящих перед ними общих задач – раскрыть

---

[1] Официальный сайт ГИАЦ МВД России (Форма 1 Е): URL: http://10.05.0.16/cms/ (Дата обращения 12.06.2018).

[2] В соответствии с межведомственным приказом Генеральной прокуратуры РФ, МВД России, МЧС России, Минюста России, ФСБ России, Минэкономразвития России, ФСКН России от 29 декабря 2005 г. № 39/1070/1021/253/780/353/399 «О едином учете преступлений», под термином «нераскрытое преступление» понимают – преступление, по которому уголовное дело приостановлено на основании п.п.1, 2, 3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ.

[3] Организация начальником территориального органа МВД России на районном уровне деятельности органа предварительного следствия: учебно-практическое пособие / Под ред. *С.В. Валова*. М., 2017. С. 124–132.

преступление. Сущность данного взаимодействия выражается в соединении усилий различных подразделений ТО МВД России в раскрытии и расследовании преступлений, согласованности действий при соблюдении принципов и самостоятельном выполнении каждым должностным лицом (подразделением) своих обязанностей.

В тоже время, организация взаимодействия начальником следственного подразделения ТО МВД России при расследовании нераскрытых преступлений должна предопределяться:

1) значимостью осуществляемого внутреннего взаимодействия в деятельности органа предварительного следствия ТО МВД России для решения непосредственно задач уголовного судопроизводства;

2) созданием необходимых условий для успешного и эффективного взаимодействия путем осуществления качественного его обеспечения.

К наиболее распространенным организационно-управленческим формам взаимодействия, реализуемым начальником следственного подразделения ТО МВД России уровне при организации расследования нераскрытых преступлений, относятся:

- обеспечение взаимного обмена информацией;
- совместная информационно-аналитическая работа задействованных подразделений;
- подготовка и проведение совещаний по обсуждению оценки оперативной обстановки и определению основных направлений активизации взаимодействия в решении оперативно – служебных задач;
- совместное планирование мероприятий по нераскрытым преступлениям, в том числе по преступлениям прошлых лет, требующих управленческого воздействия, направленного на организацию взаимодействия этих подразделений либо сотрудников;
- определение перспектив к раскрытию уголовных дел на основании оперативных данных, анализе материалов уголовного дела, следов;
- принятие участия в издание управленческих актов по вопросам взаимодействия[1];
- обобщение и распространение положительного опыта по взаимодействию;
- заслушивание участников взаимодействия по вопросам совместной деятельности, связанной раскрытием преступлений по расследуемым уголовным делам на регулярной основе, а по приостановленным уголовным делам - ежеквартально;
- осуществление взаимного контроля в процессе совместной работы;
- определение форм учета и оценки деятельности субъектов взаимодействия.

[1] Например, в Республики Карелия с целью раскрытия тяжких и особо тяжких преступлений против личности категории «прошлых лет» совместным приказом создана межведомственная рабочая группа прокуратуры Республики Карелия, Следственного управления следственного комитета Российской Федерации по Республики Карелия, МВД по Республики Карелия (приказ от 4 февраля 2011 г. № 5/30/154).

Несмотря на реализуемые руководителем органа предварительного следствия организационно-управленческие формы взаимодействия на практике существуют проблемы, присущие взаимодействующим органам, которые негативно отражаются при расследовании нераскрытых преступлений:

- организационная разобщенность подразделений ТО МВД России, вызванная различными оценочными показателями их служебной деятельности;
- недостаточный опыт совместной деятельности у равных участников взаимодействия (должностных лиц, подразделений ТО МВД России) при расследовании нераскрытых преступлений, и как следствие низкий информационный обмен между взаимодействующими субъектами;
- недостаточное финансовое и материально-техническое обеспечение, и его не эффективное расходование и др.

Например, как отмечается в обзоре ЭКЦ МВД России об эффективности взаимодействия органов предварительного расследования и экспертно-криминалистических подразделений (далее – ЭКП) ТО МВД России за 2016 год и первое полугодие 2017 г., ввиду отсутствия должной организации взаимодействия органов расследования преступлений с ЭКП, продолжается негативная практика предоставления на экспертизу предметов-носителей без оценки их доказательственного значения, а также назначение дорогостоящих экспертных исследований по преступлениям, где нанесенный ущерб несопоставимо меньше стоимости расходных материалов, затраченных на их проведение[1].

Данный пример наглядно свидетельствует о недостаточно эффективном выстраивании взаимодействия между органами предварительного следствия и экспертно-криминалистическими подразделениями.

Поэтому, представляется, что руководитель следственного подразделения совместно с руководителями оперативных и экспертно-криминалистических подразделений должны на регулярной основе анализировать результаты, связанный с раскрытием и расследованием преступлений, причины приостановления производства по уголовным делам, и определять меры по устранению выявленных недостатков как в организации взаимодействия, так в деятельности взаимодействующих субъектов при расследовании уголовных дел о нераскрытых преступлениях.

В основе правильного взаимодействия лежит сочетание процессуальных методов с оперативными возможностями на всем протяжении расследования уголовных дел о нераскрытых преступлениях.

Раскрытие преступлений во многом определяется правильной организацией взаимодействия, к которой можно отнести проведение заслушивания взаимодействующих субъектов. По результатам заслушивания, в необходимых случаях руководители органа предварительного следствия, оперативных и экспертно-криминалистических подразделений должны вырабатывать совместные управленческие решения, например, о необходимости создании следственно-оперативной

[1] Обзор об эффективности взаимодействия органов предварительного расследования и экспертно-криминалистических подразделений территориальных органов МВД России за 2016 год и первое полугодие 2017 г. от 23 августа 2017 г. № 1/10340.

группы. Совместное обсуждение имеющейся оперативной информации также способствует принятию управленческого решения руководителем органа предварительного следствия, например, вынесения постановления о создании следственной группы по конкретному уголовному делу о нераскрытом преступлении, передача уголовного дела более опытному следователю и т.д.

Таким образом, содержание такой деятельности руководителя органа предварительного следствия по организации взаимодействия подчиненных следователей с иными сотрудниками и подразделениями составляют:

- действия по упорядочению организационных связей между подчиненными следователями с иными сотрудниками и подразделениями ТО МВД России, вовлеченными в процесс раскрытия преступлений, по которым виновные лица не установлены, что позволяет создать основу для постоянных контактов между сотрудниками;
- целенаправленные действия по созданию системы расследования уголовных дел по нераскрытым преступлениям, совершенным на территории обслуживания ТО МВД России, и обеспечению ее бесперебойного функционирования в процессе раскрытия и расследования, находящихся в производстве следователей уголовных дел, где системность проявляется в создании дежурных и специализированных следственно-оперативных групп, аналитических рабочих групп, определении алгоритмов их деятельности в наиболее типичных ситуациях, требующих совместных и согласованных усилий сотрудников различных подразделений;
- определение, закрепление и обеспечение реализации и поддержания на требуемом уровне всего комплекса организационных отношений ОПС с оперативными, экспертно-криминалистическими и иными подразделениями ТО МВД России, необходимых для их эффективного совместного функционирования в соответствии с предъявляемыми требованиями и складывающейся оперативной обстановкой на обслуживаемой территории.

Литература

1. Приказ Генеральной прокуратуры РФ, МВД России, МЧС России, Минюста России, ФСБ России, Минэкономразвития России, ФСКН России от 29 декабря 2005 г. № 39/1070/1021/253/780/353/399 «О едином учете преступлений».
2. Организация расследования преступлений органами внутренних дел: монография / под ред. *Б.Я. Гаврилова.* М., 2013. 520 с.

Новиков В.А.

Использование специальных экономических Знаний при расследовании преступлений

Аннотация. Расследование экономических преступлений требует использования специальных экономических знаний. Своевременность применения и максимальная доступность для следствия этих знаний помогает эффективно бороться с данным видом преступности.

Ключевые слова. Судебно-бухгалтерская экспертиза, судебно-экономическая экспертиза, анализ хозяйственной деятельности, экономическая безопасность.

Экономические преступления наносят огромный вред населению страны. Ущерб от налоговых преступлений составляет большую долю в общем объеме ущерба и продолжает увеличиваться. Повышение эффективности расследования не в последнюю очередь связано со скоростью предварительного расследования. Однако в процессе расследования экономических преступлений требуется назначение сложных и продолжительных судебно-экономических экспертиз, производство которых сопряжено с обязательным знанием специфики хозяйственной деятельности, и, в не меньшей степени, со сложностью нахождения экспертов.

Налоговые преступления являются частью экономических преступлений. Несмотря на то, что в 2018 году количество официально зарегистрированных налоговых преступлений сократилось, объем причиненного в результате противоправной деятельности ущерба постоянно увеличивается. Это говорит о том, что правоохранительные органы совместно с Федеральной налоговой службой, постоянно повышают эффективность своей деятельности, однако проблема неуплаты налогов в нашей стране по-прежнему актуальна. Необходимо указать, что сумма возмещения неуплаченных налогов бюджету растет из года в год. Однако, с одной стороны, это говорит о повышении эффективности работы, но с другой, указывает на то, что проблема по-прежнему остается нерешенной, а ее масштабы неочевидны. Достаточно сказать, что материальный ущерб от преступлений экономической направленности (по оконченным и приостановленным уголовным делам) на ноябрь 2018 года составляет 361,3 млрд. руб. (более 70% от общего материального ущерба), хотя удельный вес этих преступлений составляет 5,8%. [1]. В официально указанных 361,3 млрд. рублей ущерб от налоговых преступлений составляет более 22,8% или 16,7% от суммы общего материального ущерба. Что сопоставимо по размерам с затратами на охрану окружающей среды 88,8 млрд. рублей и превышает почти на 40% финансирование физической культуры и спорта в бюджете на 2018 год.

Нельзя не отметить, что положительная динамика в сфере повышения эффективности раскрытия налоговых преступлений во многом связана с тем, что результаты налоговых проверок признаются в судах доказательством, а налоговая служба самостоятельно в рамках налоговой проверки или проведения дополнительных контрольных мероприятий может привлекать экспертов и проводить необходимые экспертизы, что существенно ускоряет процесс предварительного

расследования и повышает научную обоснованность следствия. Можно констатировать факт, что в результате продолжающейся совместной работы в рамках Приказа Федеральной налоговой службы, Следственного комитета РФ и Министерства внутренних дел РФ от 3 сентября 2013 г. N ММВ-7-4/306/61/663 «О создании межведомственных рабочих групп» повысилась эффективность работы всех вовлеченных ведомств, о чем говорит повышение процента возбуждаемых уголовных дел по поступающим от налоговой службы материалам. На наш взгляд, подобная практика должна расширяться и быть задействована при расследовании не только налоговых, но и других экономических преступлений, и возможно усиление сотрудничества Следственного комитета Российской Федерации с сотрудниками, курирующими различные сферы экономической деятельности с целью повышения эффективности контрольной работы и повышения качества направляемых в правоохранительные органы материалов, указывающих на возможные экономические преступления.

При рассмотрении вопросов оказания помощи следствию необходимо: 1) учитывать возможность получения своевременного криминалистического сопровождения следственных действий по экономическим преступлениям; 2) повышать экономическую подготовку следователей, чтобы они самостоятельно могли рассматривать и правильно трактовать информацию, содержащуюся в экономических документах; 3) предусматривать возможности оперативного пресечения противоправных действий, (т.е. после замечания даётся время на устранение правонарушений, а в это время организация, понимая, что она будет закрыта, напротив, активизирует противоправные действия).

Литература

1. Отчет МВД «Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–ноябрь 2018 года от 19 декабря 2018» // URL: https://мвд.рф/folder/101762/item/15304733/.
2. Ошибки при раскрытии и расследовании экономических преступлений (выявление, исправление и профилактика): учебно-методическое пособие / под ред. *А.И. Бастрыкина, А.Ф. Волынского, В.А. Прорвича*. М.: «Спутник+», 2018. 474 с.
3. Расследование мошенничества в экономической сфере: учебно-методическое пособие / *В.А. Перов, В.И. Саньков, Е.А. Соломатина, А.В. Трощанович, В.В. Храмцова;* под ред. *А.М. Багмета, А.В. Хмелевой*. М.: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2018. 75 с.

Олимпиев А.Ю.,
Стрельникова И.А.

Предварительное расследование и оперативно-разыскная деятельность в Российской Федерации: допустимо ли совмещение?

Аннотация. В статье на основе анализа литературы и законодательства относительно допустимости совмещения предварительного расследования и оперативно-разыскной деятельности в Российской Федерации вы-сказано несколько суждений: предварительное расследование представляет самостоятельный вид государственной деятельности, осуществляемой управомоченными государственными органами: органами предварительного следствия и органами дознания; нормативным правовым актом, специально предназначенным для регулирования предварительного следствия и по юридической силе приравненном к федеральному закону Российской Федерации, является Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации; оперативно-разыскная деятельность представляет самостоятельный вид государственной деятельности, осуществляемой управомоченными государственными органами; нормативным правовым актом, специально предназначенным для регулирования оперативно-разыскной деятельности и по юридической силе приравненном к федеральному закону Российской Федерации, является Федеральный закон РФ «Об оперативно-разыскной деятельности» от 5 июля 1995 г.

Ключевые слова: Российская Федерация, законодательство, уголовно-процессуальное законодательство, нормативный правовой акт, федеральный закон РФ, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, Федеральный закон РФ «Об оперативно-разыскной деятельности» от 5 июля 1995 г., подзаконный нормативный правовой акт, вид государственной деятельности, предварительное расследование, оперативно-разыскная деятельность.

Предметом данной статьи является соотношение предварительного расследования и оперативно-разыскной деятельности в Российской Федерации.

Первоначально о состоянии теории.

Так, А.В. Смирнов определил «задачу реформирования предварительного расследования, причем в уголовном процессе: «Таким образом, по наиболее серьезным делам предварительное расследование по своей структуре могло бы быть двухсоставным, то есть включать в качестве своих последовательных этапов, во-первых, дознание, состоящее из так называемых полицейских действий в порядке расследования, и, во-вторых, судебное предварительное следствие, ведущееся особым следственным судьей, не участвующим в рассмотрении дел по существу. В остальных случаях расследование осуществляется в упрощенной форме в виде прокурорско-полицейского дознания без участия следственного судьи»[1].

В.Ю. Мельников сфокусировал внимание на «проблемах» осуществления прав личности и ее защиты по уголовному делу на стадии предварительного расследования («Если говорить о проблеме оптимизации процессуальной деятельности

[1]*Смирнов А.В.* О задаче реформирования предварительного расследования в уголовном процессе // Уголовное судопроизводство. 2018. № 1. С. 2–33.

органов, осуществляющих дознание, и прежде всего полиции, в условиях ежегодного прироста в структуре преступности криминальных фактов, по которым предварительное следствие необязательно, разрешение проблемы заключается в том, чтобы максимально унифицировать процессуальную форму дознания, приведя ее к выделенным международным стандартам полицейского расследования»)[1].

По мнению А.П. Рыжакова «главная задача» органов предварительного расследования «не только предупреждение совершения преступлений, но и раскрытие, а равно расследование преступлений, предупреждение совершения таковых в дальнейшем. По тому, как они выполняют свои задачи, зачастую судят обо всей системе правоохранительных органов. Именно поэтому важно иметь четкое представление как о компетенции таковых, так и о самом предварительном расследовании, общих условиях осуществления такового»[2].

Квазинаучный подход относительно оперативно-разыскной деятельности предложен группой авторов – единомышленников (А.В. Куракин, И.А. Адмиралова, Т.И. Бондарь, А.Ю. Молянов), рассмотревшей «правовые и организационные проблемы, связанные с предоставлением услуг связи»[3].

…

Противоречивые суждения ученых и практиков во многом пред-определяют и несовершенство законодательства Российской Федерации о предварительном расследовании и об оперативно-разыскной деятельности.

В первую очередь обращаем внимание на Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 22 ноября 2001 г.[4], введенном в действие с 1 июля 2002 г.[5]. В этом нормативном правовом акте, по юридической силе приравниваемом к федеральному закону РФ, имеется раздел VII «Предварительное расследование» (глава 21 «Общие условия предварительного расследования» - статьи 150-161; глава 22 «Предварительное следствие» - статьи 162-170; глава 23 «Привлечение в качестве обвиняемого. Предъявление обвинения» - статьи 171-175; глава 24 «Осмотр. Освидетельствование. Следственный эксперимент» - статьи 176-181; глава 25 «Обыск. Выемка. Наложение ареста на почтово-телеграфные отправления. Контроль и запись переговоров. Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами» - статьи 182-186[1]; глава 26 «Допрос. Очная ставка. Опознание. Проверка показаний» - статьи 187-194; глава 27 «Производство судебной экспертизы» - статьи 195-207; глава 28 «Приостановление и возобновление предварительного следствия» - статьи 208-211; глава 29

---

[1]*Мельников В.Ю.* Проблемы осуществления прав личности и ее защиты по уголовному делу на стадии предварительного расследования // Адвокатская практика. 2017. № 5. С. 45–54.

[2]*Рыжаков А.П.* Предварительное расследование Рыжаков. М.: Издательство «Дело и Сервис», 2013. 208 с.

[3] См.: *Куракин А.В., Адмиралова И.А., Бондарь Т.И., Молянов А.Ю.* Административно-правовое регулирование предоставления услуг связи в сфере оперативно-разыскной деятельности // Российская юстиция. 2018. № 4. С. 60–63.

[4] См.: СЗ РФ. 2001. № 52 (часть I). Ст. 4921; …; 2018. № 47. Ст. 7132.

[5] См.: О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: ФЗ РФ от 22.11.2001 г. //СЗ РФ. 2001. № 52 (часть I). Ст. 4924.

«Прекращение уголовного дела» - статьи 212-214[1]; глава 29 «Направление уголовного дела с обвинительным заключение прокурору» - статьи 215-220; глава 31 «Действия и решения прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением» - статьи 221-222; глава 32 «Дознание» - статьи 223-226; глава 32[1] «Дознание в сокращенной форме» - статьи 226[1]-226[9]).

Имеются и подзаконные нормативные правовые акты о предварительном расследовании.

Так, приказом Следственного комитета РФ № 2 от 15 января 2011 г.[1] предложен ряд мероприятий об организации предварительного расследования».

ФССП РФ утверждены «Методические рекомендации по обеспечению безопасности при осуществлении предварительного расследования в форме дознания по уголовным делам, в пределах компетенции и в порядке, установленном уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации, судебными приставами по обеспечению установленного порядка деятельности судов»[2].

Оперативно-разыскная деятельность, представляющая исчерпывающий перечень оперативно-разыскных мероприятий, урегулирована в Федеральном законе РФ «Об оперативно-разыскной деятельности» от 5 июля 1995 г.[3]. Оперативно-разыскные мероприятия в соответствии со ст. 13 Федерального закона РФ от 5 июля 1995 г. осуществляют управомоченные государственные органы и их должностные лица: органы внутренних дел Российской Федерации; органы федеральной службы безопасности; федеральные органы исполнительной власти в области государственной охраны; таможенные органы Российской Федерации; служба внешней разведки Российской Федерации; федеральная службы исполнения наказаний.

Имеются и подзаконные нормативные правовые акты об оперативно-разыскной деятельности[4].

Приказом МВД РФ «О некоторых вопросах организации оперативно-разыскной деятельности в системе МВД России» № 608 от 19 июня 2012 г.[5] утвержден Перечень оперативных подразделений системы МВД России, правомочных осуществлять оперативно-разыскную деятельность («1. Подразделения уголовного розыска - в полном объеме, установленном Федеральным законом …«Об оперативно-разыскной деятельности".2. Подразделения экономической безопасности

---

[1] В официальных источниках не публиковался.

[2] В официальных источниках не публиковались.

[3] См.: СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349; …; 2016. № 28. Ст. 4558.

[4] См., например: Постановление Правительства РФ «Об утверждении Положения о лицензировании деятельности физических и юридических лиц, не уполномоченных на осуществление оперативно-розыскной деятельности, связанной с разработкой, производством, реализацией, приобретением в целях продажи, ввоза в Российскую Федерацию и вывоза за ее пределы специальных технических средств, предназначенных (разработанных, приспособленных, запрограммированных) для негласного получения информации, и Перечня видов специальных технических средств, предназначенных (разработанных, приспособленных, запрограммированных) для негласного получения информации в процессе осуществления оперативно-розыскной деятельности» № 770 от 01.07.1996 г. // СЗ РФ.1996.№ 28.Ст. 3382№ 2002. № 29. Ст. 2965.

[5] См.: РГ. 2012. 3 августа.

и противодействия коррупции - в полном объеме, установленном Федеральным законом «Об оперативно-разыскной деятельности».3. Подразделения собственной безопасности - в полном объеме, установленном Федеральным законом «Об оперативно-разыскной деятельности».4. Подразделения по противодействию экстремизму - в полном объеме, установленном Федеральным законом «Об оперативно-разыскной деятельности».5. Подразделения по борьбе с преступными посягательствами на грузы - в полном объеме, установленном Федеральным законом «Об оперативно-разыскной деятельности».6. Подразделения по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите, - в полном объеме, установленном Федеральным законом «Об оперативно-разыскной деятельности».7. Подразделения по обеспечению взаимодействия с правоохранительными органами иностранных государств - членов Международной организации уголовной полиции – Интерпола и Генеральным секретариатом Интерпола – проведение по запросам международных правоохранительных организаций и правоохранительных органов иностранных государств оперативно-разыскных мероприятий: опрос, наведение справок, отождествление личности.8. Оперативно-поисковые подразделения - в полном объеме, установленном Федеральным законом «Об оперативно-разыскной деятельности».9. Подразделения специальных технических мероприятий (оперативно-технические подразделения) - в полном объеме, установленном Федеральным законом «Об оперативно-разыскной деятельности».10. Подразделения оперативно-разыскной информации - проведение оперативно-разыскных мероприятий: опрос, наведение справок, сбор образцов для сравнительного исследования, отождествление личности; использование конфиденциального содействия граждан.11. Межрегиональные оперативно-разыскные подразделения территориальных органов МВД России на окружном уровне – в полном объеме, установленном Федеральным законом «Об оперативно-разыскной деятельности».12. Подразделения по контролю за оборотом наркотиков - в полном объеме, установленном Федеральным законом «Об оперативно-разыскной деятельности»). Здесь обращаем внимание на обоснованность исключительного применения термина «оперативно-разыскная деятельность»[1].

Таким образом, предварительное расследование и оперативно-разыскную деятельность как разновидности государственной деятельности, недопустимо отождествлять. Вместе с тем, целью и предварительного расследования, и оперативно-разыскной деятельности является предупреждение преступности[2] посредством, например привлечения к уголовной ответственности виновных на основе доказательств, на основе доказательств, некоторые из которых получены посредством легализации оперативно-разыскных данных[3].

---

[1] См.: Доказывание при правоприменении в Российской Федерации: монография / Под ред. *В.Н. Галузо, А.Ю. Олимпиева.* 4-е изд., испр. и доп. М.: ТЕИС, 2018. С. 14–15.

[2] Подробнее об этом см., например: *Галузо В.Н.* Борьба с преступностью в России: состояние и перспективы развития // Закон и право. 2008. № 7. С. 35–36.

[3] См. об этом: *Олимпиев А.Ю., Галузо В.Н.* О некоторых аспектах определения понятия «результаты оперативно-розыскной деятельности» в Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2016. № 4. С. 130–134.

Проведенное исследование позволяет нам сформулировать несколько выводов.

Во-первых, предварительное расследование представляет самостоятельный вид государственной деятельности, осуществляемой управомоченными государственными органами: органами предварительного следствия и органами дознания.

Во-вторых, нормативным правовым актом, специально предназначенным для регулирования предварительного следствия и по юридической силе приравненном к федеральному закону Российской Федерации, является Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации.

В-третьих, оперативно-разыскная деятельность представляет самостоятельный вид государственной деятельности, осуществляемой управомоченными государственными органами.

В-четвертых, нормативным правовым актом, специально предназначенным для регулирования оперативно-разыскной деятельности и по юридической силе приравненном к федеральному закону Российской Федерации, является Федеральный закон РФ «Об оперативно-разыскной деятельности» от 5 июля 1995 г.

Опальский А.П.,
Троицкий Ю.А.

Вопросы документирования мошеннических действий в сфере строительства с использованием различных источников информации

Аннотация. Эффективность процесса документирования противоправной деятельности и решение вопроса о возбуждении уголовного дела во многом зависит от правильной организации выбранных способов и методов выявления преступления. В статье приведён алгоритм действий сотрудников ОВД, проводимых в ходе доследственной проверки с целью выявления признаков мошенничества. Показано значение лиц, обладающих специальными познаниями гражданского, градостроительного, земельного, банковского и иного законодательства в строительной сфере, которых целесообразно привлекать в качестве специалистов и экспертов.

Ключевые слова: мошенничество, доследственная проверка, строительная сфера, источники информации.

Органы внутренних дел, наделены правом осуществления оперативно-разыскной деятельности. Согласно УПК РФ (ст.40) органы внутренних дел относятся к органам дознания. В свою очередь, подразделения экономической безопасности и противодействия коррупции ОВД в соответствии с законом о полиции (ст.12) имеют право осуществления оперативно-разыскной деятельности в целях выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений.

На этапе возбуждения уголовного дела при проверке информации о преступлении законодатель допускает производство процессуальных проверочных действий и оперативно-разыскных мероприятий одним лицом[1], имея виду сотрудника правопорядка.

Задокументированные сведения, полученные оперативным путём, передаются следователю в особом порядке, установленном межведомственной инструкцией[2].

Документирование противоправных действий должно проводиться по следующим (основным) направлениям:

1. установление лиц, осведомлённых о преступных действиях, разрабатываемых и могущих в связи с этим быть свидетелями по делу;
2. получение документов, подтверждающих преступные действия разрабатываемых лиц, а также обеспечение сохранности документов до момента процессуального изъятия;
3. обнаружение товаров, сырья и других предметов, используемых разрабатываемыми при совершении преступления;
4. фиксация действий проверяемых и разрабатываемых лиц.

Алгоритм действий сотрудников органов внутренних дел, проводимых в ходе доследственной проверки, можно разделить на несколько этапов.

Первый этап доследственной проверки при документировании фактов мошенничества в строительной сфере связан с установлением источников получения оперативно-значимой информации.

Выявлению экономических преступлений в сфере строительства способствуют различные источники информации. Поводом для выявления и документирования мошеннических действий служат как официальные информационные ресурсы органов власти и управления (например, сайты Росстата, федеральных министерств и ведомств, органов власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и др.), так и неофициальные, содержащие косвенные сведения об интересующей нас деятельности организации. К числу источников информации о противоправной деятельности строительных организаций следует отнести следующие федеральные органы: Генпрокуратура, ФНС, Росфинмониторинг, Минстрой, Ростехнадзор и др.

Проведя первоначальные оперативно-разыскные мероприятия, направленные на документирование мошеннических действий строительной организации, а также получив документы, отражающие финансово-хозяйственную деятельность организации, оперативный сотрудник предоставляет данные документы специалистам для дачи заключения, отражающего особенности движения денежных средств по расчётным счетам, факты несоответствия учётных данных, нестыковки данных в документах, выводе активов, перечислении «фирмам-однодневкам» и

---

[1] Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Под общ. ред. *А.А. Чекалина*. М.: Изд-во «Экзамен», 2006.

[2] Приказ МВД России №776, Минобороны России №703, ФСБ России №509, ФСО России №507, ФТС России №1820, СВР России №42, ФСИН России №535, ФСКН России №398, СК РФ №68 от 27.09.2013 «Об утверждении Инструкции о порядке предоставления результатов оперативно-разыскной деятельности органу дознания или суду».

т.п. Информация, содержащаяся в заключении специалиста, способствует последующей интерпретации фактов, свидетельствующих о противоправной деятельности той или иной организации, участвующей в строительстве, либо в выводе денежных средств и прочих активов.

Второй этап характеризуется получением объяснений от потерпевших, свидетелей, подозреваемых, а также изъятие документов и иных предметов, имеющих значение для установления всех обстоятельств мошенничества в сфере строительства. Так, определив источники информации и признаки преступлений, следует определиться, каким образом от указанных источников можно получить интересующую информацию.

При проведении проверочных действий важен опрос должностных лиц, непосредственно руководивших строительными работами. Опрос целесообразно проводить с участием специалиста, обладающего строительно-техническими познаниями с целью установления фактов фиктивного или некачественного выполнения строительных работ.

Своеобразным является проведение с фигурантами проверки психофизиологического исследования с использованием полиграфа на предмет проверки правдивости показаний. Заключение специалиста-полиграфолога не является доказательством по уголовному делу, однако согласно ст. 58 УПК РФ его показания в данной области таковыми являются.

Кроме того, проведение психофизиологического исследования с использованием полиграфа целесообразно при подтверждении правдивости данных объяснений потерпевшим, когда помимо него иные свидетели преступления отсутствуют.

На *третьем этапе* оперативный сотрудник, располагая имеющейся у него учетной и иной документацией, проводит осмотр и обмер объектов строительной инфраструктуры с целью выявления фактов противоправной деятельности, где выясняет реальное состояние строящихся объектов и произведенных работ, обследует качество и соответствие марки используемых материалов с данными, отражёнными в документах бухгалтерского учёта. При необходимости в ходе осмотра и обследования строительных объектов производится фотографирование, отбираются пробы образцов (цемента, раствора) для проведения последующих судебных строительно-технических экспертиз. По окончании осмотра зданий, сооружений, участков местности составляется протокол в соответствии с требованиями статей 176–177 УПК РФ.

Для объективного и всестороннего осмотра объектов строительной инфраструктуры целесообразно привлечь к данному мероприятию специалиста, осведомлённого о специфике, технологии и особенностях строительства.

Четвёртый этап связан с необходимостью использования специальных знаний по установлению размера причиненного ущерба от экономических и коррупционных преступлений в сфере строительства. Поскольку признаки экономических и коррупционных преступлений, совершаемых в строительной сфере, зачастую замаскированы в финансово-хозяйственных и учётных документах фирмы-застройщика огромное значение в доказывании противоправной деятельности имеет проведение исследований документов специалистом подразделения

ЭБиПК ОВД, а также проведение судебно-бухгалтерских и строительно-технических экспертиз.

Такие исследования позволяют: выяснить происхождение и причинные связи отдельных фактов преступной деятельности, признаков и механизмов их образования; установить факты и состояния, имеющие юридическое значение; решить вопрос отождествления лица, предметов, веществ. Кроме того, экспертное заключение является источником доказательственной информации, имеющей существенное значение для расследования уголовного дела.

Профессор Хромов И.Л. считает, что «использование специальных знаний влияет на оперативно-разыскную тактику ОРД и реализацию её результатов в уголовном судопроизводстве»[1].

При проверке сообщения о мошенничестве в сфере строительства дознаватель при назначении судебно-бухгалтерской экспертизы руководствуется ч.1 ст.144, а также ст. ст. 195–207 УПК РФ. После возбуждения уголовного дела следователь или дознаватель при назначении судебной экспертизы руководствуются ст. ст. 195–207 УПК РФ.

Таким образом, «Алгоритм действий сотрудников подразделений ЭБиПК ОВД при сборе материала проверки в отношении мошеннических действий в сфере строительства с использованием различных источников информации», включает следующие мероприятия:

1. Получение в регистрирующих, контрольных, надзорных, банковских и иных инстанциях сведений об интересующей организации-застройщике, генподрядчике и субподрядчиках (юридический и фактический адреса организации, наличие лицензий, счетов в банках и др.).

2. Проведение обследования помещений и изъятие документации и технических устройств, являющихся носителями информации, по месту фактического расположения организации.

3. Выезд на место (конкретный объект строительства), в отношении которого проверяется поступившее на рассмотрение заявление (обращение), либо оперативная информация, где посредством осмотра места происшествия или ОРМ «Обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» с привлечением специалистов (работников незаинтересованной строительной организации, сметчиков и т.п.), а также представителей управляющей организации (бригадир, мастер ЖЭУ), произвести осмотр (обследование) объекта строительства или ремонта. При этом необходимо использовать сметную документацию, в которой указаны все качественные и количественные характеристики произведённых работ.

4. При осмотре (обследовании) особое внимание уделить фактическому объёму выполненных работ, то есть наличие непосредственно объекта строительства, произведённых строительно-монтажных, отделочных работ.

---

[1] *Хромов И.Л.* Использование специальных знаний в раскрытии преступлений как частная оперативно-разыскная теория ОРД // Оперативник (сыщик). 2017. № 4 (53). С.62.

5. После проведения осмотра (обследования) необходимо опросить привлечённых специалистов по фактическому объёму выполненных работ; с их участием составить локальный сметный расчёт, но уже с фактическими данными, полученными в результате осмотра (обследования), согласно которым определяется фактическая стоимость выполненных работ. Разница между данными, указанными подрядчиком (формы КС-3) в актах выполненных работ, и данными, полученными в результате проверки, является суммой ущерба.

6. Проведение опроса граждан, подписавших и утвердивших сметы, акты выполненных работ (представителей ТСЖ, управляющей компании, представителя собственника, жильцов, дольщиков и т.п.).

7. Назначить документальное исследование специалистам ОДИ УЭБиПК по установлению ущерба, причинённого в результате мошеннических действий.

8. Материал передаётся в следственное подразделение по признакам состава преступления, предусмотренного соответствующей статьёй УК РФ.

В настоящее время имеется возможность для производства строительных исследований привлекать экспертные организации, которые в рамках проводимой проверки производят выезд на место для обследования объекта и дают заключение о тех или иных отклонениях от сметной документации при производстве работ со стороны подрядчика (с указанием данного отклонения в ценовом выражении).

Выявлению признаков мошенничества будут способствовать проведение таких оперативно-разыскных мероприятий как выемка, опрос. Среди изымаемых документов интерес представляет техническая документация (акты осенне-весенних осмотров, дефектные ведомости, технологической карты, журнала производства работ, акты освидетельствования на скрытые работы, акты приёмки по качеству, в том числе испытания на прочность и т.д., документы (акты) по техническому надзору), опросы работников подрядной организации, а также выполнение иных действий, направленных на объективное, всесторонне и полное установление истины по материалу проверки.

Османова Н.В.

О значении результатов ОРД в раскрытии и расследовании преступлений, подследственных следователю СК России

Аннотация. В статье анализируется правоприменительная практика использования результатов оперативно-разыскной деятельности при расследовании нераскрытых преступлений прошлых лет, преступлений коррупционной направленности, а также преступлений, совершенных в экономической сфере. Приводятся статистические показатели об использовании результатов оперативно-разыскной деятельности при принятии решений о возбуждении уголовного дела, об отказе в возбуждении уголовного дела. Раскрывается процессуальная деятельность следователя при возобновлении производства по уголовному делу.

Ключевые слова: оперативно-разыскная деятельность, оперативно-разыскные мероприятия, использование результатов оперативно-разыскной деятельности и опера-

тивно-разыскных мероприятий, поручение о производстве оперативно-разыскных мероприятий, органы дознания, оперативные подразделения, следственные органы СК России, процессуальные действия, раскрытие и расследование преступлений.

Борьба с преступностью, осуществляемая следственными органами СК России, немыслима без использования результатов оперативно-разыскной деятельности.

В соответствии со ст. 11 Федерального Закона «Об оперативно-разыскной деятельности» результаты оперативно-разыскной деятельности могут служить поводом и основанием для возбуждения уголовного дела, представляться в орган дознания, следователю или в суд, в производстве которого находится уголовное дело или материалы проверки сообщения о преступлении, а также использоваться в доказывании по уголовным делам в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, регламентирующими собирание, проверку и оценку доказательств.

Результаты оперативно-разыскной деятельности, представленные в органы Следственного комитета для решения вопроса о возбуждении уголовного дела, ежегодно составляют около одной трети от всех сообщений коррупционной направленности.

Подавляющая доля материалов, содержащих результаты оперативно-разыскной деятельности, поступает из органов МВД России (более 80 %). Значительно меньше материалов о коррупционных преступлениях, содержащих результаты оперативно-разыскной деятельности, поступает из органов ФСБ России (не более 10 %), а также иных органов, уполномоченных на проведение такого рода мероприятий (также около 10 %).

Использование результатов ОРД эффективно проявило себя при раскрытии и расследовании преступлений прошлых лет – одного из основных направлений деятельности СК России. Так, в 2017 г в результате проведенной следователями СК России и следователями-криминалистами раскрыто 5925 преступлений по уголовным делам, приостановленным в прошлые годы (в 2016 - 6576), из которых 46,6 % (2763) составляют тяжкие и особо тяжкие преступления. Среди них 504 убийства, 230 фактов умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего, 287 изнасилований и насильственных действий сексуального характера, 1742 иных тяжких и особо тяжких преступлений. Удельный вес преступлений прошлых лет в общей массе расследованных составляет 3,8 %.

А за последние 10 лет следователям удалось раскрыть более 65 тысяч преступлений прошлых лет по уголовным делам, длительное время лежавших «на пыльных полках».

Такие дела были приостановлены в порядке, установленном уголовно-процессуальным законом и долгое время по ним не проводилось ни следственных, ни процессуальных действий. При возобновлении производства получить в ходе таких действий новую, имеющую для предварительного расследования информацию представляется весьма сомнительным. Исключением, пожалуй, здесь может быть не своевременное проведение следственных и процессуальных действий,

ввиду невозможности их производства, отсутствия свидетелей происшедшего, а также вещественных и иных доказательств.

Практика производства расследования по таким уголовным делам этот довод подтверждает: действительно, проведение оперативно-разыскных мероприятий по нераскрытым делам прошлых лет способствует достижению положительных результатов.

Следователями на постоянной основе проводится анализ не раскрытых уголовных дел о преступлениях, совершенных в прошлые годы. При возобновлении производства по уголовному делу органу дознания[1] в обязательном порядке должны даваться поручения о проведении оперативно-разыскных мероприятий, направленных на установление виновного лица в совершении преступления.

В качестве успешного раскрытия преступлений прошлых лет посредством проведения оперативно-разыскных мероприятий можно привести множество примеров. Вот некоторые из них:

1. Практика следственных органов Следственного комитета Российской Федерации по Орловской области[2]:

Производство оперативно-разыскных мероприятий в январе 2018 года способствовало задержанию обвиняемого, находящегося в розыске за совершение на территории Орловской области преступлений, предусмотренных покушение на убийство (ч. 3 ст. 30, пп. «а», «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ), разбой (пп. «б», «в» ч. 3 ст. 162 УК РФ), незаконные хранение, ношение оружия и боеприпасов (ч. 1 ст. 222 УК РФ). Обвиняемый проживал в городе Москве по поддельным документам и установить его реальное местонахождение на протяжении длительного времени не удавалось. Следует отметить, что с момента совершения указанных преступлений прошло почти 18 лет.

Следствием установлено, что обвиняемые (местонахождение одного из которых не было установлено), вступив в предварительный преступный сговор, в 2000 году на объездной автодороге города Мценска Орловской области остановили автомобиль ранее им знакомых двух предпринимателей, возвращавшихся из города Москвы домой и имевших при себе денежные средства от реализации мясной продукции. После чего злоумышленники, с целью завладения денеж-

---

[1] К органам дознания относятся: 1) органы внутренних дел; 2) органы Федеральной службы судебных приставов; 3) начальники органов военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации, командиры воинских частей, соединений, начальники военных учреждений и гарнизонов; 4) органы государственного пожарного надзора федеральной противопожарной службы. На основании п. 1 ч. 1 ст. 40 УПК РФ к органам дознания также относятся и иные органы исполнительной власти, наделенные в соответствии с федеральным законом полномочиями по осуществлению оперативно-розыскной деятельности. В соответствии с Федеральным законом от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 06.07.2016) «Об оперативно-розыскной деятельности» правом осуществления оперативно-розыскной деятельности наделены оперативные подразделения: органов внутренних дел, органов федеральной службы безопасности, федеральных органов исполнительной власти в области государственной охраны, службы внешней разведки Российской Федерации, федеральной службы исполнения наказаний.

[2] В Орловской области завершено расследование уголовного дела прошлых лет // Официальный сайт СК России. https://sledcom.ru/news/item/1274014. Дата обращения: 11.12.2018.

ными средствами, применив огнестрельное оружие, совершили разбойное нападение. Однако потерпевшим, получившим ранения, удалось скрыться и получить своевременное оказание медицинской помощи.

После совершенного преступления один из обвиняемых скрылся за пределами Российской Федерации, а для установления причастности к совершенному преступлению другого соучастника в прошлые годы не хватало необходимых доказательств.

В результате проведения оперативно-разыскных мероприятий местонахождение скрывшегося лица было установлено, что впоследствии позволило следователю посредством производства дополнительных судебных экспертиз, следственных экспериментов, а также повторных допросов всех участников тех обстоятельств собрать необходимые доказательства, подтверждающие виновность обвиняемых.

В настоящее время уголовное дело с утвержденным обвинительным заключением направлено в суд для рассмотрения по существу.

2. Практика следственных органов Следственного комитета Российской Федерации по Красноярскому краю[1].

Производство оперативно-разыскных мероприятий способствовало раскрытию убийства заместителя начальника межрайонного отдела по раскрытию убийств ГУВД Красноярского края Сергея Назарова, совершенного 23 ноября 2004 года.

Долгое время преступление оставалось не раскрытым. В результате взаимодействия следователей с оперативными сотрудниками УУР ГУ МВД России по Красноярскому краю, производстве последними в соответствии с поручениями следователей оперативно-разыскными мероприятиями была установлена причастность к совершению данного преступления исполнителя и пособника совершенного преступления. Следует отметить, что в ходе расследования данного уголовного дела были выявлены и раскрыты иные особо тяжкие преступления: покушение на убийство, совершенное общеопасным способом с использованием взрывного устройства, покушение на убийство, совершенное с использованием огнестрельного оружия, мошенничество в крупном размере, а также несколько преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия и боеприпасов. По результатам расследования уголовное дело с обвинительным заключением направлено для рассмотрения в суд – в отношении трех лиц вынесен обвинительный приговор. Исполнитель убийства приговорен к 22 годам лишения свободы с отбыванием наказания в колонии строгого режима, пособник приговорен к 9 годам лишения свободы с отбыванием наказания в колонии строгого режима.

В ходе расследования уголовного дела по факту убийства Сергея Назарова установить организатора (заказчика) преступления не представилось возможным, в связи с чем уголовное дело в отношении организатора преступления было

[1] Следователи задержали жителя Москвы, обвиняемого в организации убийства бывшего сотрудника милиции, совершенного 14 лет назад // Официальный сайт СК России. https://sledcom.ru/news/item/1271050. Дата обращения: 11.12.2018.

выделено в отдельное производство и приостановлено в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого.

Спустя 14 лет, в результате планомерной, кропотливой и продолжительной работы следователей в тесном взаимодействии с органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность, получены достаточные данные о причастности к организации убийства ранее не судимого 52-летнего жителя г. Москвы. С целью установления местонахождения вышеуказанного лица следственно-оперативная группа из числа следователей ГСУ СК России по Красноярскому краю и оперативных сотрудников ГУ МВД России по Красноярскому краю незамедлительно была направлена в Москву, где ими во взаимодействии с оперативными сотрудниками ГУУР МВД России было установлено местонахождение предполагаемого заказчика убийства, после чего он доставлен для проведения следственных действий в город Красноярск.

В настоящее время в отношении организатора (заказчика) убийства Сергея Назарова Железнодорожным районным судом города Красноярска избрана мера пресечения в виде заключения под стражу и ему предъявлено обвинение в организации убийства, то есть совершения умышленного причинения смерти другому человеку, по найму. Расследование по уголовному делу продолжается.

3. Практика следственных органов Следственного комитета Российской Федерации по Новосибирской области[1].

Производство оперативно-разыскных мероприятий способствовало раскрытию убийства, совершенного 13 лет назад.

По данным следствия, 14 апреля 2005 года около 04 часов у кафе бара «Аквариум», расположенного в Первомайском сквере Центрального района города Новосибирска, мужчина, которому на тот момент было 27 лет, в ходе возникшего конфликта с компанией из 5 человек произвел в них выстрелы из принадлежащего ему карабина «Сайга-410», после чего одному из пострадавших нанес множественные удары по голове, от которых последний скончался на месте происшествия.

После совершения преступления мужчина скрылся и был объявлен в розыск. Ввиду неустановления местонахождения обвиняемого расследование уголовного дела было приостановлено.

10 февраля 2017 года в следственные органы поступила оперативная информация об установлении местонахождения разыскиваемого лица в городе Краснодаре, где 39-летний мужчина проживал по поддельному паспорту. Учитывая данный факт, производство по уголовному делу было возобновлено. Обвиняемого, почти 12 лет скрывавшегося от уголовного преследования, этапировали в город Новосибирск и доставили в первый отдел по расследованию особо важных дел СУ СКР по Новосибирской области.

---

[1] В Новосибирске вынесен приговор мужчине, обвиняемому в убийстве, совершенном 13 лет назад // Официальный сайт СК России. https://sledcom.ru/news/item/1269835. Дата обращения: 11.12.2018.

Приговором Центрального районного суда С. признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных п. «а» ч. 2 ст. 112 УК РФ (умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью), двух эпизодов ст. 115 УК РФ (умышленное причинение легкого вреда здоровью), ч. 1 ст. 105 УК РФ (убийство) и приговорен к 10 годам лишения свободы с отбыванием наказания в колонии строгого режима.

Не представляется возможным без использования результатов оперативно-разыскной деятельности и расследование коррупционных преступлений.

В 2017 году по результатам проведения проверок в порядке ст. 144, 145 УПК РФ, в том числе по представленным материалам оперативно-разыскной деятельности, принято 28489 процессуальных решений, из них 17659 (62 %) о возбуждении уголовного дела и 8183 (28,7 %) об отказе в возбуждении уголовного дела[1].

Резонансные уголовные дела о коррупционных преступлениях, расследованных следственными органами СК России и раскрытых благодаря эффективной деятельности оперативных подразделений, получили широкую огласку в средствах массовой информации. Так, у каждого «на слуху» уголовные дела:

– в отношении бывшего губернатора Сахалинской области – председателя правительства Сахалинской области Хорошавина А.В., заместителя председателя правительства Сахалинской области Карепкина С.П. и советника губернатора Икрамова А.Р., обвиняемых в совершении преступлений, предусмотренных п. «а», «б», «в» ч. 5 ст. 290, ч. 6 ст. 290 (9 эпизодов получения взяток) и п. «а», «б» ч. 4 ст. 174.1 УК РФ (легализация (отмывание) денежных средств, приобретенных преступным путем);

– по обвинению бывшего Министра экономического развития Российской Федерации Улюкаева А.В. в получении взятки в размере 2 млн долларов США, то есть в особо крупном размере (ч. 6 ст. 290 УК РФ). Приговором суда от 15.12.2017 г. он осужден к 8 годам лишения свободы и штрафу в размере 130 млн руб.;

– по обвинению бывшего губернатора Кировской области Белых Н.Ю. в получении взятки в сумме 400 тыс. евро и через посредников в размере 200 тыс. евро (ч. 6 ст. 290, ч. 6 ст. 290 УК РФ).

Раскрытие экономических преступлений также немыслимо без использования результатов оперативно-разыскной деятельности. К таким уголовным делам можно отнести, например, следующие резонансные преступления, совершенные:

– руководителями и участниками преступного сообщества, возглавляемого Главой Республики Коми Гайзером В.М. и другими членами высшего руководства республики – уголовное дело о совершении мошеннических действий с причинением имущественного ущерба Республике Коми на сумму свыше 1 млрд руб. (ч. 1, 2, 3 ст. 210, ч. 4 ст. 159, ч. 4 ст. 174.1 УК РФ);

[1] Оставшиеся 2647 (9,3 %) сообщений о преступлениях коррупционной направленности – направлены по подследственности.

– отдельными должностными лицами ФГБУ «Специальный летный отряд «Россия» и руководителями ЗАО «Авиаприбор-сервис», которые в составе организованной преступной группы мошенническим путем совершили хищение государственных бюджетных средств при выполнении работ по ремонту системы кондиционирования воздушных судов. С данным уголовным делом впоследствии соединено в одном производстве уголовное дело, возбужденное в сентябре 2016 г. по факту злоупотребления должностными полномочиями генеральным директором ФГБУ «Специальный летный отряд «Россия» и др.

Председателем СК России А.И. Бастрыкиным[1] при прочтении лекции на тему «Основы теории оперативно-разыскной деятельности» с положительной стороны отмечено взаимодействие следственных и оперативных органов Северо-Кавказского федерального округа.

Так, созданной на базе ГСУ СК России по СКФО межведомственной оперативной группой, действующей на постоянной основе, изобличены члены бандподполья, совершившие диверсию на Баксанской гидроэлектростанции в Кабардино-Балкарской Республике, а в Республике Дагестан в короткие сроки были раскрыты убийства заместителя прокурора города Махачкалы Махсудова, Министра внутренних дел Республики Дагестан Магомедтагирова и начальника тылового подразделения МВД республики Абакарова, а также целый ряд других особо опасных преступлений.

На основании изложенного использование результатов ОРД в раскрытии и расследовании преступлений заслуживает положительной оценки, равно как и взаимодействие оперативных подразделений со следственными органами СК России, проводимое на постоянной основе и нашедшее свое отражение еще в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г.: «Предварительное следствие о преступлениях и проступках, производится судебными следователями при содействии полиции…» (ст. 249), которая «…все нужные ей сведения собирает посредством розысков, словесными расспросами и негласным наблюдением...» (ст. 254)., после чего передает судебному следователю и сообщает «…все дополнительные сведения, собранные ею по тому же предмету» (ст. 255).

Перов В.А.

Использование информационных технологий при проведении оперативно-разыскных мероприятий по выявлению преступлений в сфере экономики

Аннотация. В статье рассмотрены возможности использования информационных технологий при проведения оперативно-разыскных мероприятий направленных на выявление преступлений в сфере экономики и лиц их совершивших, предложена криминалистическая методика выявления и расследования указанных преступлений.

[1] Председатель СК России выступил перед студентами СПб ГУ с лекцией, посвященной оперативно-разыскной деятельности // Официальный сайт СК России. https://sledcom.ru/news/item/1260769. Дата обращения: 11.12.2018.

Ключевые слова: оперативно-разыскные мероприятия, IT-технологии, мессенджеры, децентрализованная анонимная сеть, экспертное учреждение, преступления в сфере экономики.

Противодействие преступлениям в сфере экономики является одной из важных составляющих в деятельности следственных органов.

С развитием цифровых технологий, в том числе в системе безналичных платежей, возникает необходимость использования в борьбе с преступлениями в указанной сфере специальных знаний, основанных не только на правовой составляющей, но и включающих в себя знание в области экономики и финансов, а также соответствующих информационных технологий направленных на обмен информацией и безналичный перевод денежных средств.

«С усложнением общественных отношений в экономике, зарождением и развитием финансовых рынков, корпоративного управления и прочего становится очевидным, что борцам с экономической преступностью нужны более глубокие специальные познания»[1].

Наука не стоит на месте. Начало XXI века по сути положило начало развитию прикладных аспектов информационно-коммуникационных технологий (IT-технологий), то есть ресурсов, необходимых для сбора, обработки, хранения и распространения информации. Несмотря на то, что IT-технологии как правило ассоциируют именно с компьютерными технологиями термин имеет более широкое значение охватывая все области создания, передачи, хранения и восприятия информации например средства мобильной телефонной связи.

К указанным выше прикладным аспектам можно отнести создание и развитие целого ряда так называемых мессенджеров (IM - Instant Messenger), то есть мобильных приложений (программ) или веб-сервисов для обмена информационными сообщениями как с помощью компьютера так и с помощью мобильных платформ iOS и Android устройств сотовой связи.

Такие популярные мессенджеры как WhatsApp, Viber, Telegramm имеют миллиарды пользователей по всему миру, а применяемая при их использовании система шифрования передаваемых данных (информации) не позволяет без знания исходного кода осуществлять контроль за хранением и передачей такой информации. Данный факт не только имеет широкое распространение среди пользователей таких приложений, но всячески подчеркивается и позиционируется создателями мессенджеров именно как средство защиты передаваемой и хранимой информации, что в свою очередь повышает популярность мессенджеров среди населения и соответственно увеличивает количество пользователей. К сожалению среди таких пользователей имеются и лица совершающие или имеющие намерение совершить преступления и использующие те же мессенджеры как средство коммуникации с целью координации действий членов преступной группы, вовлечения в преступную деятельность иных лиц, либо непосредственно

[1] *Бастрыкин А.И.* Причины и след // Российская газета 26.01.2010. Федеральный выпуск №5093 (14).

для совершения преступлений в том числе предусмотренных статьями 159, 159^1-159^6, 174, 174^1, 208, 210, 282^1, 282^3 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Необходимо отметить, что в настоящее время криминальные элементы используют также возможности предоставляемые так называемых децентрализованными анонимными сетями позволяющими скрывать информацию о компьютерном устройстве осуществляющим выход в сеть, то есть использовать телекоммуникационную сеть интернет с определенной степенью анонимности.

В настоящие время наиболее распространенными сетями такого рода являются: ANts P2P, Bitmessage, Filetopia, Freenet, GNUnet, Gnutella, Gnutella2, Invisible Internet Project (I2P), Manolito, MUTE, Nodezilla, OneSwarm, Turtle, RetroShare, WASTE, ZeroNet, Hyperboria, Psiphon, Tor (The Onion Router), Virtual Private Network.

Многоуровневая система криптографического шифрования и распределённый характер данных сетей позволяет анонимный обмен конфиденциальной информацией в том числе и криминального характера.

Учитывая указанные особенности использования указанных выше сетевых программ установить данные абонентов и характер передаваемой ими информации фактически не представляется возможным.

Проблема могла бы быть отчасти разрешена использованием специальных компьютерных программ- руткитов предназначенных для сбора данных в определенной системе с помощью которых возможно получение соответствующей компьютерной информации. По сути можно вести речь о некоем слиянии в единый комплекс оперативно-разыскных мероприятий и криминалистических методик позволяющих получать необходимую информацию с зашифрованных каналов связи.

К оперативно-разыскным мероприятия Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-разыскной деятельности» относит:

1. Опрос.
2. Наведение справок.
3. Сбор образцов для сравнительного исследования.
4. Проверочная закупка.
5. Исследование предметов и документов.
6. Наблюдение.
7. Отождествление личности.
8. Обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств.
9. Контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений.
10. Прослушивание телефонных переговоров.
11. Снятие информации с технических каналов связи.
12. Оперативное внедрение.
13. Контролируемая поставка.
14. Оперативный эксперимент.
15. Получение компьютерной информации.

Так, например проводя оперативно-разыскные мероприятия и установив, что лицо подозреваемое в совершении преступления использовало мобильный телефон можно установить с какими базовыми станциями данный аппарат взаимодействовал во время совершения преступного деяния, то есть определить примерное место нахождения использующего данный телефон абонента, получить сведения о других связывающихся с ним абонентах, то есть определить связи подозреваемого.

Соответственно с целью оперативного и качественного расследования преступления в сфере экономики, совершенных в том числе в условиях неочевидности, с использованием IT-технологий, установления лиц, их совершивших и оптимизации предварительного следствия по уголовным делам данной категории, необходимо взаимодействие следственных органов с государственными органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность и экспертными учреждениями.

Литература

1. Дмитриева Л.А. Психологические модели и эффекты принятия решений в профессиональных ситуациях следственной деятельности // Российский следователь. 2018. № 1. С. 12–14

Победкин А.В.

Остановить смешение уголовно-процессуальной и оперативно-разыскной деятельности (о надуманности отдельных проблем использования результатов оперативно-разыскной деятельности в уголовно-процессуальном доказывании)

Аннотация. В статье поднимается проблема смешения законодателем оперативно-разыскной и уголовно-процессуальной деятельности. Данная тенденция оценивается критически. Обращается внимание, что в настоящее время легальной основы для представления результатов ОРД в уголовное судопроизводство нет, что не мешает в правоприменительной деятельности успешно их представлять. Предлагается легализовать применяемый порядок на законодательном уровне.

Ключевые слова: доказательства, результаты оперативно-разыскной деятельности, уголовно-процессуальное доказывание.

Проблема соотношения уголовно-процессуальной и оперативно-разыскной деятельности (в данной статье она может обозначаться термином ОРД) имеет давнюю историю. Однако на любом этапе ее обсуждения российская доктрина и следующий за ней законодатель придерживались основного концептуального положения, согласно которому указанные виды деятельности – принципиально разные. Прежде всего, не потому, что не могут осуществляться одними и теми же лицами, урегилированы нормативными актами различного уровня, а в связи с несопоставимыми гарантиями достоверности результата и обеспечения

прав человека, которые сопровождают уголовный процесс и оперативно-разыскную деятельность.

Публичность уголовного судопроизводства как его основная функция заключается не только в обязанности должностных лиц в каждом случае обнаружения признаков преступления принять предусмотренные Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – УПК) меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления (ч. 2 ст. 21 УПК). Публичность уголовного судопроизводства следует понимать шире: она должна обеспечивать убежденность каждого нравственно-здорового члена общества в справедливости и истинности решений, принимаемых в ходе уголовного судопроизводства, а также в защищенности прав человека, в каком бы качестве ему не пришлось быть вовлеченным в орбиту самого острого орудия государства – уголовного процесса (от тюрьмы и от сумы, как известно, не зарекайся)[1].

Оперативно-разыскная деятельность при всей ее действенности как средства познания, очевидно, обеспечить такую публичность не может. Это основная причина невозможности ставки на этот вид деятельности как на равноценный способ установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Методы оперативно-разыскной деятельности, в какие одежды их не ряди, и в какие нормативные правовые акты не включай, никогда не смогут обеспечить должный уровень публичности: убежденности общества, что к уголовной ответственности привлечен действительно виновный, что не допускалось всякого рода фальсификаций и злоупотреблений, даже если этот факт очевиден для должностных лиц, осуществляющих уголовно-процессуальную деятельность: для подлинной публичности этого мало.

Именно поэтому уголовно-процессуальные методы познания, среди которых основными являются следственные действия, отличаются прозрачностью, гласностью, убедительной проверяемостью. Ввиду несоответствия этим характеристикам рядом авторитетных процессуалистов ставился под сомнение следственный характер такого действия, как контроль и запись переговоров[2], которое было использовано в качестве «пробного шара» восприимчивости уголовно-процессуального законодательства к несвойственным познавательным методам.

Уголовно-процессуальное законодательство к таким методам оказалось весьма терпимым. На определенном этапе, как представляется и сам законодатель, перестал разграничивать оперативно-разыскную и уголовно-процессуальную деятельность, хотя формально об этом и не заявил.

Сегодня проблема смешения уголовного процесса и ОРД значительно обострилась ввиду явной привлекательности для ряда специалистов идеи о негласных

---

[1] См.: *Победкин А.В.* Уголовное судопроизводство как форма диктатуры нравственно-здоровых сил // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. Международная научно-практическая конференция (18-19 октября 2018 года). Орел, ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова. 2018. С. 284–290.

[2] *Шейфер С.А.* Правовая регламентация следственных действий в новом УПК РФ // Государство и право. 2003. № 2. С. 55–61.

(специальных) следственных действий[1], которая реализована в некоторых государствах на постсоветском пространстве, а также в связи с прямыми предложениями в ряде случаев приравнять результаты ОРД к доказательствам[2].

Обратимся к УПК.

В п. 36.1 ст. 5 УПК определятся такое понятие как «результаты оперативно-разыскной деятельности». Не ясно, для чего этот термин раскрывать в УПК, если он в числе понятий, являющихся предметом Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД). При этом УПК, как известно, не строг в части терминологии: в нем используются термины, которые, требуя разъяснения, тем не менее, в УПК его не находят: «должностные лица органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность», «оперативно-разыскные мероприятия», «полномочия по осуществлению оперативно-разыскной деятельности» и т.д.

Не способствует разграничению оперативно-разыскной и уголовно-процессуальной деятельности решение законодателя определить органы дознания (понятие исключительно уголовно-процессуальное) через органы исполнительной власти, наделенные полномочиями по осуществлению оперативно-разыскной деятельности (п. 1 ч. 1 ст. 40 УПК). Для чего искусственно соединять несопоставимые понятия?

Крайне некорректно неоднократное указание в УПК на право органа дознания осуществлять оперативно-разыскную деятельность. Органы дознания – государственные органы и должностные лица, наделенные правом осуществлять именно и только процессуальную деятельность (п. 24 ст. 5 УПК). Поручения о производстве оперативно-разыскных мероприятий дается не органу дознания (п. 4 ч. 2 ст. 38, п. 6 ч. 1 ст. 40. 2, п. 1.1 ч. 3 ст. 41, ч. 1 ст. 144, ч. 4 ст. 157 УПК), а соответствующему подразделению органа, наделенного правом на осуществление ОРД. Формально это значит, что орган, наделенный при определенных условиях правом осуществлять уголовно-процессуальную деятельность, осуществляет одновременно и оперативно-разыскную, т.е. стирается разграничение принципиально разных видов деятельности, как минимум, по субъекту.

Аналогичные претензии можно предъявить и положениям ч. 2 ст. 95 УПК: с подозреваемым встречается не сотрудник органа дознания, а сотрудник подразделения, осуществляющего оперативно-разыскную деятельность.

Почему бы в ч. 2 ст. 41 УПК не написать, что процессуальная деятельность любого вида (а не только дознание) не может осуществляться лицом, проводившим или проводящим по данному факту оперативно-разыскные мероприятия[3].

---

[1] *Павличенко Н.В., Тамбовцев А.И.* Сочетание гласных и негласных методов и средств в уголовном процессе: инновация или правовая реальность? //Труды Академии управления МВД России. 2017. № 3. С. 112–114; *Гриненко А.В.* Уголовное судопроизводство: от прошлого – к будущему // Библиотека криминалиста. 2016. № 5 (28) С. 202.

[2] *Россинский С.Б.* Результаты оперативно-розыскной деятельности нужно признавать доказательствами по уголовному делу // судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 2. С. 11–119.

[3] Данный вопрос решен на уровне приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 26 января 2017 г. № 33 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания» , однако очевидно на недостаточном уровне.

Погрешности законодательной техники сопровождают и ст. 89 УПК, которая призвана запретить использование в доказывании сведений, полученных в ходе оперативно-разыскной деятельности: судя по тексту она, напротив, разрешает их использование. Результаты оперативно-разыскной деятельности, отвечающие требованиям, предъявляемым к доказательствам, это – доказательства, а уже не результаты оперативно-разыскной деятельности (п. 36.1 ст. 5 УПК).

Результаты ОРД прямо отождествляются с доказательствами п. 2.1 ч. 2 ст. 41 УПК, в котором результаты ОРД, наряду с результатами следственных действий, объявляются недопустимыми доказательствами, если они входят в производство адвоката по делам его доверителей. Разве есть сомнения, что результаты ОРД не могут быть доказательствами сами по себе, пока не приобрели свойство допустимости?

Неудачно сформулирована и ч. 1 ст. 108 УПК, запрещающая использовать результаты оперативно-разыскной деятельности, представленные в нарушение требований ст. 89 УПК, в качестве обстоятельств, являющихся основаниями для избрания заключения под стражу в качестве меры пресечения. Порядок представления результатов ОРД ст. 89 УПК не предусматривает, а если они правильно представлены, то следует вести речь уже не о результатах оперативно-разыскной деятельности, а о доказательствах[1].

Откровенно смешивается уголовно-процессуальная и оперативно-разыскная деятельность ч. 3 ст. 144 УПК. Необходимость производства оперативно-разыскных мероприятий рассматривается законодателем как основание для продления срока проверки сообщения о преступлении, т.е. процессуального срока.

Неясно, с какой целью привлекается к участию в следственном действии должностное лицо органа, осуществляющего оперативно-разыскную деятельность (ч. 7 ст. 164 УПК), или к работе следственной группы (группы дознавателей) – должностные лица органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность (ч. 2 ст. 163 УПК, ч. 2 ст. 223.2 УПК). Нестрогость текста УПК дает основание для утверждений о том, что оперативные сотрудники, привлеченные к работе следственной группы или входящие в состав следственно-оперативной группы, могут проводить процессуальные действия по устным поручениям следователя[2], что, конечно, не соответствует смыслу закона[3].

Некоторые авторы идут дальше, полагая, что от функции предварительного следствия (в смысле всестороннего, полного и объективного) следует отказаться, а порок института Следственного комитета России в том, что сохраняя следственную форму, он оправдывает разделение гласной деятельности и негласной,

---

[1] Есть мнение, что нарушения законодательства об оперативно-розыскной деятельности не должны влечь недопустимость доказательств. [1] Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» / отв. ред. А.Ю. Шумилов. М., 1997.

[2] Кучкина В.Г. Участие сотрудников оперативных подразделений в следственно-оперативных группах: теоретические и практические аспекты // Библиотека криминалиста. 2012. № 2 (3). С. 76, 79.

[3] Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» / отв. ред. А.Ю. Шумилов. М., 1997.

и предоставляет основу для паразитирования следователей (процессуальных бюрократов) на работе оперативников[1]. Надо полагать, лучше было бы, если расследование проводили оперативные сотрудники, они бы выносили и приговор, чтобы на них не «паразитировали судьи»[2].

В связи с чем, собственно, такая научная активность? В чем проблема использования результатов ОРД в доказывании? Есть ли она?

Согласимся, что сегодня необходимой законодательной основы для представления результатов ОРД в уголовное судопроизводство нет. УПК о порядке их вовлечения в уголовно-процессуальное доказывание умалчивает. Мало того, даже общие его нормы (ст. 86 УПК) не позволяют предприятиям, учреждениям, организациям представлять предметы и документы, что не дает возможности органам, осуществляющим ОРД, воспользоваться общим порядком.

Положение ч. 2 ст. 11 Закона об ОРД, согласно которой результаты ОРД могут использоваться в доказывании по уголовным делам, по сути, отсылает к УПК, где должен быть предусмотрен порядок собирания доказательств, в том числе на основе результатов ОРД. Но такого порядка в нем нет. Известная межведомственная инструкция, предусматривающая порядок представления результатов ОРД органу дознания, следователю или в суд, претендовать на статус уголовно-процессуального законодательства, конечно, не может.

Однако на практике проблем в представлении результатов ОРД в уголовный процесс в целом нет. Все предпочитают не замечать, что представление результатов ОРД в уголовный процесс должной легитимной основы не имеет. Закон об ОРД (ст. 11) положение не спасает: в нем нет порядка указанного представления. Мало того, даже указание в Законе об ОРД на саму возможность представления результатов ОРД в уголовный процесс юридического значения не имеет. В случае противоречия УПК иному федеральному закону, согласно правовым позициям Конституционного Суда Российской Федерации, иной закон может применяться только в случае, если более надежно защищает права человека[3]. Ясно – это не тот случай.

---

[1] Позняков М.Л. Каким не стать Следственному комитету России к 2017 г. // Уголовное судопроизводство. 2014. № 1. С. 20-24. Цит. по: Саньков В.И. В защиту концепции «сильного следователя» // Библиотека криминалиста. 2016. № 3 (26). С. 11.

[2] Справедливости ради заметим, что в литературе звучат и здравые предложения установить контроль следователя над оперативным сотрудником. См. Саньков В.И. В защиту концепции «сильного следователя» // Библиотека криминалиста. 2016. № 3 (26). С. 13.

[3] По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29 июня 2004 г. № 13-П // СЗ РФ. 2004. № 27. Ст. 2804; По делу о проверке конституционности пункта 7 части второй статьи 29, части четвертой статьи 165 и части первой статьи 182 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан А.В. Баляна, М.С. Дзюбы и других // СЗ РФ. 2015. № 52 (часть I), ст. 7682.

Вместо того, чтобы разрушать «концептуальную основу уголовного процесса»[1], пытаясь отождествить результаты ОРД и доказательства, нужно легализовать уже существующую процедуру представления результатов ОРД в уголовное судопроизводства на уровне уголовно-процессуального законодательства.

Прорвич В.А.

Правовые основы алгоритмов выявления замаскированных идеальных рассеянных следов в процессе ОРМ при расследовании экономических преступлений

Аннотация. Рассмотрены особенности формирования комплексного научного фундамента для разработки алгоритмов применения проблемно-ориентированных оперативно-разыскных мероприятий по выявлению и фиксации признаком преступлений в сфере экономики и обеспечению их расследования. Обсуждаются проблемы электронного судопроизводства по преступлениям рассматриваемого вида и способы их решения. Раскрываются особенности информационных технологий обработки документированных сведений, обеспечивающих контроль за сохранением их правового статуса.

Ключевые слова. Экономические преступления, замаскированные идеальные рассеянные следы, проблемно-ориентированные ОРМ, алгоритмы следственных действий, электронное судопроизводство.

Раскрывая роль оперативно-разыскной деятельности в выявлении, раскрытии и расследовании преступлений в сфере экономики, необходимо обратить внимание на некоторые статистические данные. С одной стороны, в публикациях Росстата отмечалось, что масштаб высококриминальных секторов теневой экономики измеряется многими триллионами рублей. В то же время, в течение 2017 г. правоохранительными органами было выявлено 105,1 тыс. преступлений экономической направленности, размер причиненного ущерба по оконченным и приостановленным уголовным делам составил 234,3 млрд. руб., возмещен ущерб на сумму более 119,2 млрд. руб. За тот же период пресечено 27,3 тыс. преступлений в финансово-кредитной сфере, причиненный ими ущерб составил свыше 62,3 млрд. руб., приняты меры по обеспечению возмещения материального ущерба на сумму 29 млрд. руб.[2]

Видно, что приведенные количественные характеристики не согласуются даже по порядку величины. Безусловно, при их анализе необходимо учитывать особенности формирования показателей для различных видов статистического учета в различных ведомствах. Но в то же время, в различных публикациях приводятся данные о том, что за время рыночных реформ из страны было вывезено от 1 до 2 трлн. долларов, причем значительная часть – в рамках криминальных схем, в том числе, связанных с незаконным использованием бюджетных средств.

---

[1] *Астафьев Ю.В.* Особенности познавательной деятельности по раскрытию преступлений // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2011. № 1 (10). С. 370.
[2] Доклад об основных результатах деятельности органов внутренних дел в 2017 году. Организационно-аналитический департамент МВД РФ. М., 2018. С. 30–36.

В 2017 г. выявлено 5,4 тыс. преступлений, связанных с бюджетными средствами, причем 128 – в составе организованной группы или преступного сообщества. Выявлено 2,6 тыс. лиц, совершивших такие преступления, из них в отношении 1,9 тыс. лиц уголовные дела направлены в суд. Размер причиненного ущерба составил свыше 20,7 млрд. руб., приняты меры по обеспечению возмещения материального ущерба на сумму 8 млрд. руб.

Несовпадение показателей, отражающих борьбу с экономической преступностью, с показателями, характеризующими объемы высококриминальных секторов теневой экономики, даже по порядку величины их количественных характеристик, свидетельствует о необходимости применения значительно более эффективных средств – как для выявления преступлений в сфере экономики, так и для их раскрытия и расследования. Эта проблема становится еще более актуальной в свете тех задач по форсированному социально-экономическому развитию страны, которые были поставлены в послании Президента РФ Федеральному собранию РФ от 1 марта 2018 г. При этом уголовный процесс не должен использоваться в качестве инструмента решения хозяйственных конфликтов юридических лиц. В то же время, нормы уголовного права должны жестко действовать в отношении преступлений против интересов граждан, общества, экономических свобод.

Многие ученые и специалисты обращают внимание на то, что для существенного повышения эффективности борьбы с экономической преступностью необходимо разработать новые подходы к организации взаимодействия следователей с оперативными сотрудниками для надлежащей постановки и решения диагностических, идентификационных и иных задач, нацеленных на выявление признаков преступлений любого вида и уровня сложности. При этом речь идет как о расширении спектра таких задач, так и о создании нового инструментария для их решения, включая выполнение «перманентной квалификации» преступлений рассматриваемого вида на всех этапах их выявления, раскрытия и расследования, в полной мере использующего возможности современных информационных технологий[1].

При разработке соответствующих алгоритмов приходится учитывать, что экономическими субъектами различного уровня ежедневно совершаются миллионы сделок всех видов, информация о которых отражается во многих миллионах документов. И в существенной части таких документов под видом законных транзакций замаскированы сведения об экономических преступлениях, выявить которые хорошо известными оперативным сотрудникам методами становится весьма сложно, а часто и вообще невозможно. Поэтому для повышения эффективности проблемно-ориентированных ОРМ по сложным экономическим преступлениям необходимо соответствующее информационно-методическое обеспечение, опирающееся на интегрированный правовой фундамент, и современный инструментарий.

---

[1] Организация и методика расследования отдельных видов экономических преступлений / под ред. *А.И. Бастрыкина, А.Ф. Волынского, В.А. Прорвича*. М.: «Спутник+», 2016.

При разработке научных основ для создания соответствующих методик и информационных технологий, позволяющих оперативно выявлять признаки экономических преступлений различного вида и фиксировать обнаруженные сведения о фактах, приходится учитывать, что значительная часть следов таких преступлений носит не материальный, а идеальный характер и рассеяны по большому количеству документов разного вида[1]. Во многих случаях для этого оказывается необходимым применять не только специальные финансовые и экономические, но и правовые знания, позволяющие детально проанализировать характер субъектно-субъектных и субъектно-объектных отношений фигурантов конкретного преступления рассматриваемого вида.

«Высокотехнологичные» способы выявления идеальных рассеянных следов различных видов преступлений в сфере экономики в сочетании с новыми возможностями информационно-методического обеспечения работы оперативных сотрудников и их взаимодействия со следователями в получении новых источников доказательств по делу должны полностью соответствовать правилам, установленным в УПК РФ. Так, в процессе доказывания запрещается использовать результаты ОРД, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам УПК РФ (ст. 89). Вместе с тем в Законе об ОРД (ст. 11) также предусмотрены отдельные правила использования результатов ОРД в процессе доказывания. Следует также учитывать роль ОРД и в оперативно-разыскном сопровождении производства неотложных следственных действий, регламентированных ст. 157 УПК РФ. При этом в соответствии с ч. 4 ст. 157 УПК РФ после завершения неотложных следственных действий и направления уголовного дела руководителю следственного органа, оперативно-разыскные мероприятия орган дознания может производить только по поручению следователя.

Что касается использования результатов оперативно-разыскной деятельности в рамках предварительного следствия по экономическим преступлениям, то необходимо обратить внимание на ряд положений ст. 164 УПК РФ. В соответствии с ч. 6 данной статьи при производстве следственных действий могут применяться технические средства и способы обнаружения, фиксации и изъятия следов преступления и вещественных доказательств. В соответствии с ч. 7 этой статьи следователь вправе привлечь к участию в следственном действии должностное лицо органа, осуществляющего оперативно-разыскную деятельность, о чем делается соответствующая отметка в протоколе. При этом конкретный круг поручений, который следователь может дать соответствующему должностному лицу, уголовно-процессуальным законодательством не оговорен, в связи с чем встает ряд вопросов о надлежащей организации комплексного взаимодействия нескольких оперативных сотрудников со следователями по принципу дополнительности, а также о разработке такого методического обеспечения, которое позволит следователю сфокусировать коллективную работу на выявление и фиксацию следов преступления всех видов – как материальных, так и идеальных.

---

[1] *Прорвич В.А.* Об интегрированном подходе к организации расследования экономических преступлений // Вестник Московского Университета МВД России. № 10. 2015. С. 25–28.

По результатам обобщения правоприменительной практики можно сделать ряд выводов о том, что оперативно-разыскное обеспечение используется следователями для подготовки следственных действий, а во многих случаях – и в качестве основания для их производства, если содержащихся в них фактических данных достаточно для принятия соответствующего решения. Кроме того, результаты оперативной работы могут служить и источником сведений для поиска новых доказательств, причем не только для подтверждения позиции стороны обвинения, но и для установления невиновности подозреваемого или обвиняемого либо даже установления отсутствия события преступления.

Следует учитывать, что для выявления и фиксации замаскированных рассеянных идеальных следов многих видов преступлений в сфере экономики необходим специальный инструментарий, который не применяется при расследовании преступлений общеуголовного характера. По мере развития различных отраслей цифровой экономики и проникновения криминала в данную сферу необходимость в развитии и дальнейшем совершенствовании такого инструментария будет только возрастать. Но при этом недопустим его отрыв от научного базиса, без которого такой инструментарий может вообще лишиться своего предмета применения, создавая риски возникновения грубых ошибок уже на стадии выявления следов преступлений в сфере экономики.

Чтобы качественно изменить сложившуюся ситуацию, необходимо перейти от узкопредметного внутрикорпоративного уровня обсуждения этих проблем к принципиально иному углу зрения – с точки зрения роли юридических наук в обеспечении экономической безопасности страны. Для этого потребуется формализовать и решить ряд проблем на стыках различных отраслей наук уголовно-правового цикла, а также найти способы создания нового юридического инструментария на основе осмысления современных возможностей информатики и кибернетики.

То есть, в основу такого взаимодействия могут закладываться не только и не столько цепочки парных отношений самих ученых-юристов, представляющих различные отрасли наук уголовно-правового цикла, а система парных отношений ученых-юристов с учеными, специализирующимися в соответствующих отраслях информатики. А на этом фундаменте с помощью специалистов по разработке компьютерных программ, выверенные учеными-юристами алгоритмы формализованных действий правоприменителей могут быть доведены до уровня интерактивных экспертных систем, позволяющих существенно повысить производительность и качество работы оперативных сотрудников, следователей, прокуроров, судей, и их взаимодействия[1].

В этой связи следует обратить внимание на то, что уже более 10 лет на самом высоком уровне ставятся и обсуждаются принципиально новые для правовой системы страны задачи по созданию «электронного судопроизводства». В послед-

---

[1] *Прорвич В.А.* Комплексное применение специальных знаний для выявления, раскрытия и расследования преступлений в сфере экономики // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 3 (43). С. 65–71.

нее время появляются сообщения о некоторых результатах практического применения искусственного интеллекта для разрешения простейших гражданско-правовых споров. При этом возникает ряд серьезных вопросов, связанных не только с содержательными особенностями тех компьютерных программ на основе нейросетевых алгоритмов различного вида, которые часто называют «искусственным интеллектом». На первый план выходят вопросы, кто и каким образом разрабатывает научные основы тех информационных технологий и компьютерных программ, которые закладываются в основу «электронного судопроизводства» по преступлениям в сфере экономики.

Подробное перечисление данных проблем и хотя бы основных подходов к их решению выходит за рамки данной работы. Здесь уместно обратить внимание лишь на некоторые наиболее актуальные и острые научно-практические проблемы на стыке экономики, права и информатики. Прежде всего, речь идет о специфических особенностях алгоритмов обработки различных видов информации, имеющей правовой статус, позволяющих контролировать сохранение либо утрату правового статуса на определенных этапах преобразования соответствующих сведений о фактах и их совокупностей, образующих юридические составы различного характера.

Первостепенное значение приобретает научное обоснование тех способов формализации первичных сведений различного вида, которые имеют правовой статус еще до начала предварительного следствия, на стадии выполнения проблемно-ориентированных ОРМ, обеспечивающих возможность надлежащего обоснования решения следователя о возбуждении уголовного дела. Эти способы, как и созданные на их основе алгоритмы, классификаторы и иной необходимый инструментарий, должны разрабатываться совместно учеными в сфере уголовного права и уголовного процесса, криминалистики, судебной экспертизы и оперативно-разыскной деятельности, обладающими также определенными профессиональными компетенциями в сфере информатики и кибернетики.

Более того, после создания соответствующей системы алгоритмов и иного инструментария для формализации сведений, имеющих правовой статус, они должны быть выверены и апробированы на реальном практическом материале, а при необходимости откорректированы. Необходимо провести контроль получаемых результатов в рамках положений наук уголовно-правового цикла по специально разработанным критериям. Это позволяет проконтролировать сохранение правового статуса как промежуточных, так и итоговых результатов обработки сведений, обрабатываемых правоприменителями на разных этапах процессуально регламентированных действий по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений в сфере экономики.

Кроме того, следует учитывать положения ст. 163 УПК РФ, регламентирующие производство предварительного следствия следственной группой. К работе следственной группы могут привлекаться должностные лица органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, хотя конкретных указаний о тех вопросах, которые они могут решать в рамках проблемно-ориентированных ОРД, в данной статье не дается. Но именно в рамках научно обоснованной формализации деятельности следственной группы возможно создание единых алгоритмов взаимодействия всех ее участников, нацеленных на решение общих задач.

Для всех перечисленных выше аспектов применения специальных экономико-математических и правовых знаний в уголовном судопроизводстве важно учитывать, что объем таких знаний чрезвычайно высок, а «приблизительное» знание может привести к разрушительным результатам. Поэтому и следователю, и оперативному сотруднику необходимо опираться на обширные базы данных и базы знаний, выверенные ведущими учеными и специалистами по ряду критериев, опирающихся на положения уголовного права и уголовно-процессуального права. Такие критерии могут быть научно обоснованы с применением всего комплекса дисциплин уголовно-правового цикла и апробированы в рамках создания развернутых комментариев к Разделу VIII УК РФ по соответствующим группам преступлений в сфере экономики.

Заинтересованные в более детальном обсуждении затронутых проблем и способов их решения коллеги могут прислать свои предложения по адресу: kse60@mail.ru.

Румянцев Н.В.

Особенности организации оперативно-разыскного обеспечения раскрытия и расследования наркопреступлений в УИС

Аннотация. В статье рассмотрены особенности организации оперативно-разыскного обеспечения раскрытия и расследования наркопреступлений в УИС, а также некоторые вопросы взаимодействия оперативных и следственных подразделений ФСИН России, МВД России, ФСБ России, СК России.

Ключевые слова: наркопреступность, расследование преступлений, оперативно-разыскная деятельность, уголовно-исполнительная система, информация, доказательства.

Противодействие совершению наркопреступлений в местах лишения свободы для уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (далее – УИС РФ) является одной из первоочередных задач. Данное обстоятельство продиктовано в первую очередь, складывающейся оперативной обстановкой в учреждениях, которая хоть и контролируемая, однако остается достаточно напряженной. Так, количество зарегистрированных преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ в учреждениях УИС РФ, в период с 2010 по 2017 годы варьирует в пределах от 540 до 222. В этой связи весьма актуальным представляется исследование проблем оперативно-разыскного противодействия наркопреступности в местах лишения свободы.

Важно отметить, что поводом возбуждения более 80 % уголовных дел по фактам совершения изучаемых преступлений в учреждениях УИС РФ, послужили материалы, полученные оперативно-разыскным путем. В данном контексте важно подчеркнуть, значимость совместных усилий оперативных подразделений ФСИН России, оперативных и следственных органов МВД России и Следственного комитета РФ.

Указанная деятельность по взаимодействию оперативных подразделений различных служб на практике сталкивается с рядом проблем как правового, организационного, так и научно-технического, методического и тактического обеспечения.

Указанные проблемы нередко могут приводить к полному отсутствию взаимодействия оперативных и следственных подразделений ФСИН России, МВД России, ФСБ России, СК России, либо недостаточному уровню его эффективности, что не может не отразиться на качестве расследования изучаемых преступлений.

Таким образом, на сегодняшний день сложилась необходимость создания системы постоянного взаимодействия оперативных и следственных подразделений указанных служб в целях активизации и повышения эффективности борьбы с незаконным оборотом наркотических средств в учреждениях УИС РФ.

Взаимодействие при раскрытии и расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств в УИС, можно определить как специфический вид деятельности, представляющий собой систему тактико-криминалистических, оперативно-разыскных, организационных, информационных, научно-технических и иных мер, направленных на выявление, раскрытие и расследование преступлений.

Указанная деятельность должна быть основана на принципах законности, а также согласована по цели, месту и времени, осуществляться в формах, предусмотренных законом, ведомственными нормативными актами и предполагать наиболее целесообразное сочетание присущих взаимодействующим субъектам сил, средств и методов, а также их равноправное положение. К субъектам взаимодействия относятся: следователи, работники оперативно-разыскных служб, органов и подразделений ФСИН России, МВД России, СК России и других правоохранительных органов России.

Информационное обеспечение взаимодействия оперативных служб и следственных органов при осуществлении раскрытия и расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств в учреждения УИС РФ, подразумевает под собой целенаправленное воздействие на объекты для достижения конкретных поставленных целей. Процесс информационного обеспечения начинается со сбора оперативно-значимой информации.

По своему процессуальному значению указанная информация подразделяется на доказательственную и ориентирующую.

Ориентирующая информация, отражающая те или иные обстоятельства преступления, может быть получена как оперативно-разыскным путем, так и из иных каналов и источников (слухи, мнения, версии, имеющие хождение среди населения, по поводу совершения, выявления и расследования преступлений и т.д.). К данному виду информации следует также отнести сведения, полученные за рамками процессуальных действий, либо в связи с их производством, но по тем или иным причинам, не нашедшие отражения в документах[1].

На основании сведений, полученных от подозреваемых, обвиняемых, потерпевших, свидетелей, следователи и дознаватели определяют, какие обстоятельства исследуемых деяний подлежат установлению, строят оперативно-разыскные и следственные версии, разрабатывают и реализуют программы подготовки и производства отдельных действий, тактических комплексных действий

[1] *Образцов В.А., Насонов С.А., Рзаев Т.Ю.* Криминалистическое наблюдение как метод собирания ориентирующей информации по уголовным делам // Тр. МГЮА. 1997. № 2. С. 229.

и комбинаций в различных стадиях уголовного процесса: возбуждения уголовного дела, предварительного расследования и судебного следствия.

Наиболее важной и востребованной является информация, полученная оперативно-разыскными методами. Раскрытие преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств в учреждениях УИС РФ, фактически невозможно без информации, полученной оперативным путем. В связи с этим особую актуальность приобретают вопросы использования результатов оперативно-разыскной деятельности в уголовном процесс в качестве доказательств.

Отдельного внимания требует такой источник информации о преступлениях, как анонимные письма и заявления. В УИС РФ анонимные обращения не регистрируются, что лишает их возможности выступать в качестве повода для возбуждения уголовного дела. Однако, подобный источник информации, может содержать сведения, которые могут быть использованы в оперативно-разыскной деятельности.

Так, анонимные письма, могут содержать информацию о совершенных либо готовящихся преступлениях, в том числе связанных с незаконным оборотом наркотических средств. Причины анонимности таких сообщений могут быть разными, например, боязнь мести и т.д.

Как отмечалось ранее, в уголовно-процессуальном законодательстве подчеркнута необходимость известности лица, сделавшего или составившего сообщение о преступлении, в виду чего анонимные заявления не рассматриваются в качестве повода для возбуждения уголовного дела. Однако, на наш взгляд, подобные заявления необходимо регистрировать не только в целях учета, но и для проверки мер реагирования, которые по ним были приняты.

В этой связи, на наш взгляд, представляется целесообразным дополнить п. 3 Инструкции о приеме, регистрации и проверке в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы сообщений о преступлениях и происшествиях нормой следующего содержания: «Если информация о преступлении в ходе проведенной проверки подтвердилась, сотрудник оперативного подразделения составляет рапорт об обнаружении признаков преступления».

Документирование информации в ходе осуществления оперативно-разыскной деятельности и уголовно-процессуальное доказывание представляют собой, по сути, единый информационный процесс, так как они:

а) являются разновидностями процесса познания;

б) имеют одни и те же источники (люди, предметы, вещества);

в) в основе их осуществления лежат сбор, оценка и использование информации.

Отличаются же указанные процессы в первую очередь правовым регулированием. Кроме того, предмет оперативно-разыскного документирования шире уголовно-процессуального, так как он помимо прочего, включает в себя и решение задач ОРД.

Правовой основой осуществления ОРД в УИС РФ являются Федеральный закон «Об оперативно-разыскной деятельности» и ст. 84 УИК РФ. Отличительным свойством ОРД в ИУ является, прежде всего, то, что она направлена на поиск лиц и

фактов, которые представляют оперативный интерес для борьбы с преступлениями и противоправными деяниями в учреждениях УИС РФ[1].

ОРД как научно обоснованная и базирующаяся на положениях закона и подзаконных нормативных правовых актах система разведывательно-поисковых мероприятий имеет четко выраженную информационную природу своего содержания, реализация которой в настоящее время невозможна без использования достижений научно-технического прогресса.

Чаще всего результатами осуществления ОРД служат полученные сведения о лицах, совершивших преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, свидетелях, очевидцах совершенных или подготавливаемых преступлений, местах хранения запрещенных предметов (наркотических средств) и документов, имеющих значение для раскрытия и расследования преступлений, с возможной их фиксацией на материальных носителях.

Информация, полученная с помощью сил и средств оперативно разыскной деятельности, лишь потенциально может стать доказательством, что обусловлено непроцессуальным способом ее получения. Вместе с тем согласно ст. 11 Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности» непроцессуальная информация как результат ОРД может «использоваться в доказывании по уголовным делам в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства РФ, регламентирующими собирание, проверку и оценку доказательств». Чтобы стать доказательством, результаты ОРД должны быть, во-первых, введены в уголовное судопроизводство посредством следственных и иных процессуальных действий, причем в определенном законом порядке (УПК РФ), во-вторых, их необходимо оценить в качестве доказательств с учетом их относимости, допустимости и достоверности, исходя из требований ст. 88 УПК РФ.

Так, если говорить о свойстве допустимости негласных результатов оперативно-разыскной деятельности, то необходимо знать, когда и где были зафиксированы происходившие события (например, сбыт и приобретение наркотических средств). Под относимостью понимается содержание в них сведений, значимых для расследования. А достоверность таких результатов ОРД, как фотоснимки, аудио- и видеозаписи может быть установлена путем проведения специальных экспертиз.

Большое значение в получении информации, используемой при раскрытии и расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков в УИС, имеют также режимные мероприятия. Их проведение регулируется УИК РФ, Правилами внутреннего распорядка исправительных учреждений, Инструкцией по надзору за осужденными, содержащимися в исправительных колониях[2] (далее: Инструкция по надзору), Наставлением по организации и порядку произ-

---

[1] *Родичева Т.П.* Использование результатов оперативно-розыскной деятельности при раскрытии и расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 159.

[2] Приказ Минюста России 13 июля 2006 г. № 252дсп // Бюл. норматив. актов федер. органов исполн. власти. 2006. № 31.

водства обысков и досмотров в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы, на режимных территориях, транспортных средствах[1]. Режимные мероприятия проводят регулярно в соответствии с планом, утвержденным начальником ИУ, или согласно его устному указанию.

В процессе проведения указанных мероприятий могут быть получены носители доказательственной информации: предметы и документы, которые представляют интерес для уголовно-процессуального доказывания, а именно:

1) запрещенные предметы, включенные в Перечень запрещенных вещей и предметов, содержащийся в приложении № 1 к Правилам внутреннего распорядка ИУ, обнаружение которых может повлечь за собой возбуждение уголовного дела;

2) предметы и документы, наличие которых само по себе не является уголовно наказуемым, но при этом указанные предметы и документы имеют значение для раскрытия и расследования конкретного уголовного дела (например, письмо, в котором содержится информация о преступлении).

Кроме того, специфическим источником информации о готовящихся или совершенных преступлениях в сфере незаконного оборота наркотиков в условиях УИС является информация, полученная от конфидентов, негласного аппарата, привлекаемого оперативным составом к решению возникающих задач.

Таким образом, получение и дальнейшее использование оперативной информации в раскрытии и расследовании преступлений обуславливает необходимость взаимодействия оперативных и следственных подразделений.

Сажаев А.М.

Некоторые вопросы организации и осуществления взаимодействия следователя с оперативно-разыскными подразделениями при работе по приостановленным делам

Аннотация. В ходе дальнейшей работы по уголовным делам, которые были приостановлены, следователь обязан принимать меры к установлению лица, совершившего преступления, либо к его задержанию, если оно известно. В связи с этим, особое место в деятельности следователя занимает организация должного взаимодействия с оперативными сотрудниками, так как во многом на них возложена данная работа.

Ключевые слова: организация взаимодействия, следователь, оперативный сотрудник, мероприятия, меры, установление, подозреваемый.

Работа по приостановленным уголовным делам, в том числе по преступлениям «прошлых лет», должна занимать особое место в деятельности следственных подразделений, быть под постоянным контролем руководства. Это связано с тем, что Приостановление предварительного производства по уголовному делу не должно означать прекращение по нему уголовно-процессуальной и оперативно-разыскной работы.

[1] Утверждено приказом Минюста России от 20 марта 2015 г. № 64.

Поэтому следователь, дознаватель должны проводить по приостановленному уголовному делу комплекс процессуальных действий и принимать необходимые уголовно-процессуальные решения. Приостановление производства по делу это всего лишь временный перерыв в производстве следственных действий по собиранию, проверке и оценке доказательств[1] [3.С.314].

Однако, не смотря на принимаемы меры со стороны правоохранительных органов, проблема раскрытия и дальнейшего расследования приостановленных уголовных дел остается актуальной и по сей день. Причин не всегда удовлетворительной работы по делам данной категории со стороны следствия и органов дознания, на наш взгляд, несколько:

а) несовершенство правового регулирование деятельности следователя по приостановленному делу. УПК РФ в ст. 209 обязал следователя принимать меры к установлению лица, совершившего преступление, при этом не конкретизирует какие это должны быть меры, и в тоже время наложил запрет на производство следственных действий в рамках приостановленного дела;

б) ошибки и недочеты ранее проведенного расследования, которые не позволяют успешно завершить работу по раскрытию преступления;

в) слабое знание особенностей методики работы по приостановленным делам как со стороны следователей, так и сотрудников оперативных подразделений, узкое понимание своих возможностей – следователи, приостанови дело, видят свою дальнейшею работу в даче отдельного поручения нередко с общими формулировками, а оперативные сотрудники – в даче во многом формального ответа;

г) психологический фактор, который присутствует как у следователя, так и оперативного работника: они считают более важной работу по текущим уголовным дела, которые находятся «на сроках», особенно с наличием подозреваемых, обвиняемых, находящихся под стражей. А приостановленное дело текущего срока уже не имеет, поэтому оно может спокойно и полежать до лучших времен.

Тем не менее, направлений в работе следователя по приостановленным уголовным делам, которые приводят к успеху, достаточно много. И одним из них является организация должного взаимодействия следователя с сотрудниками оперативно-разыскных подразделений[2]. Но к сожалению, следователи нередко видят взаимодействие по приостановленному делу только в даче отдельных поручений органу дознания, руководствуясь ст. п.4 ч.2 ст. 38 УПК РФ, т.е. используют только процессуальную форму.

Но как мы отмечали выше, закон запрещает проведение следственных действий в рамках приостановленного уголовного дела, поэтому взаимодействие в большинстве своем должно осуществляться в непроцессуальных формах. Как показывает практика, перечень конкретных мероприятий по взаимодействию в

---

[1] *Гельдибаев М.Х.* Уголовный процесс: учебник для студентов вузов, обучающихся по юридическим специальностям / М.Х. Гельдибаев, В.В. Вандышев. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2012. С. 314.

[2] *Белкин Р.С.* Курс криминалистики. В 3-х томах. М., 2016. Т. 3. С. 127.

непроцессуальной форме достаточно широк, но их осуществление в рамках приостановленного уголовного дела оставляет желать лучшего[1].

В рамках взаимодействия следователя и сотрудников оперативно-разыскных подразделений по приостановленному уголовному делу возможны следующие мероприятия:

1. Совместная аналитическая работа. Такой анализ предполагает познание содержания собранной информации, логическую проверку достоверности существования определенных доказательств, установление согласованности тех или иных конкретных доказательств с другими доказательствами и оперативно-разыскными данными по делу. Важнейшей задачей анализа служит вычленение (и оценка) любых данных, относящихся к личности преступника. Анализ производится на основе использования тех же общих и частных методов, а также логических приемов познания истины, которые являются методами, приемами исследования и оценки доказательств при расследовании. Анализу подлежат как материалы приостановленного уголовного дела, так и оперативно-разыскные материалы. Нередко приходится анализировать в совокупности несколько дел о преступлениях, аналогичных по способу их совершения, – как нераскрытых, так и раскрытых. Особое внимание необходимо уделять материалам, которые были получены после приостановления уголовного дела.

2. Совместное планирование дальнейшей работы как рамках приостановленного уголовного дела, так и возможного возобновления его производством. Совместное планирование способствует организованности взаимодействия следователя с оперативными работниками, четкому разграничению обязанностей, правильному распределению имеющихся средств, а значит, и повышению его эффективности. Как верно отмечено А.М. Багметом, планирование следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий обеспечивает достижение высоких результатов в раскрытии и расследовании преступлений, поскольку все необходимые мероприятия по уголовному делу удается провести оперативно и более качественно.[2] Наличие такого плана позволяет осуществлять деятельность по установлению преступника целеустремленно, систематически, активно; оно повышает самоконтроль следователя и оперативного работника за своей деятельностью по раскрытию «старого» преступления. Последнее особенно важно в связи с тем, что многие из планируемых мероприятий рассчитаны на более длительные сроки, чем при расследовании.

3. На этапе приостановления уголовного дела должна активно применяться и такая форма, как взаимный обмен информацией. На этапе приостановления расследования, в ходе установления подозреваемого, основным источником информации являются оперативные подразделения, и своевременное ее доведение до следователя позволяет последнему принимать необходимые процессуальные решения. В тоже время и следователь может получить интересующую следствие

---

[1] *Кривенко В.И.* Взаимодействие следователя и органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность. М.: Изд-во «Юрлитинформ». 2006. С. 156.

[2] *Багмет А.М.* Планирование как одна из форм непроцессуального взаимодействия следователя с органами дознания при раскрытии и расследовании массовых беспорядков // Российский следователь. 2012. № 6. С.4.

информацию из процессуальных или непроцессуальных источников, и своевременное обмен ею с оперативными работниками позволить последним организовать новые оперативно-разыскные мероприятия.

4. Также на этапе приостановления расследования преступлений возможно использование и других непроцессуальных форм взаимодействия: совместное обсуждение полученных результатов, участие в тактических операциях и комбинациях, и др.

Необходимо отметить, что весьма большое значение имеет правильная организация взаимодействия работы следователя по приостановленному делу с оперативными сотрудниками исправительно-трудовых учреждений. Известно, что, совершив особо тяжкие преступления и опасаясь разоблачения, преступники, особенно рецидивисты, подчас легко признаются в совершении менее значительных преступных деяний, чтобы, попав в ИТУ, уйти тем самым из поля зрения правоохранительных органов. Следователи же не всегда принимают достаточные меры к выявлению всех преступлений, совершенных лицом, привлекаемым в качестве обвиняемого по делу. Своевременное информирование оперативных подразделений ФСИН, личный контакт следователя с ними, нередко дает положительные результаты.[1]

Важно также отметить, что следователи, а также руководители и сотрудники правоохранительных органов должны хорошо знать возможности всех форм взаимодействия на всех этапах расследования преступлений, комплексно применять их, не допускать межведомственных и местнических разногласий, понимать, что занимаются одним делом, служат одной цели – борьбе с преступностью.

Литература

1. *Багмет А.М.* Планирование как одна из форм непроцессуального взаимодействия следователя с органами дознания при раскрытии и расследовании массовых беспорядков // Российский следователь. 2012. № 6.
2. *Белкин Р.С.* Курс криминалистики. В 3-х томах. Т. 3. 2016.
3. *Гельдибаев М.Х.* Уголовный процесс: учебник для студентов вузов, обучающихся по юридическим специальностям / М.Х. Гельдибаев, В.В. Вандышев. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2012.
4. *Кривенко В.И.* Взаимодействие следователя и органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность. М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2006.
5. *Танкевич О.В.* Профессиональное взаимодействие следователя с органами дознания. Гродно, 2003.

[1] *Танкевич О.В.* Профессиональное взаимодействие следователя с органами дознания. Гродно, 2003. С. 17.

Самиев Н.М.

Проблемы оперативно-разыскного обеспечения предупреждения и раскрытия преступлений подразделениями уголовного розыска в Таджикистане и России

Аннотация: В данной статье рассматриваются проблемы оперативно-разыскного обеспечения предупреждения и раскрытия преступлений (в том числе и нераскрытых, замаскированных преступлений прошлых лет) подразделениями уголовного розыска в Таджикистане и России

Ключевые слова: следователь, дознаватель, проблемы, оперативно-разыскное обеспечение, преступные мстители, раскрытие, расследование, преступления прошлых лет, следственные действия.

В процессе сотрудничества государств Таджикистана и России вопросам борьбы с преступностью и предупреждению иных негативных явлений, Президенты данных государств уделяют значительное внимание.

В своей деятельности правоохранительные органы, как Таджикистана, так и России, сталкиваются с проблемой оперативно-разыскного обеспечения предупреждения и раскрытия преступлений (в том числе и нераскрытых, замаскированных преступлений прошлых лет) подразделениями уголовного розыска, актуальность которой в последние десятилетия возросла.

В этой связи на государство, как одного из гарантов прав и свобод человека и гражданина как высшей ценности, возложена обязанность создания реальных механизмов обеспечения их защиты. Однако количество уголовных дел, приостановленных за не обнаружением виновных, а также возбужденных и прекращенных якобы по причине *«несчастный случай»* с годами увеличивается, как в России, так и в Таджикистане. Среди приостановленных значительное количество уголовных дел, виновные в совершении преступлений по которым остаются не установленными в течение длительного времени.

Согласно данным ГИАЦ МВД Республики Таджикистан в 2017 г., зарегистрировано 22 018 преступлений, раскрыто 19 025, приостановлено 2 440, срок расследования истек 1349, в процентном отношении раскрываемость составляет 83,4%[1]. Современное состояние работы по раскрытию преступлений прошлых лет (по приостановленным делам) как в России[2], так и в Таджикистане оставляет желать лучшего. Раскрываемость преступлений прошлых лет в последние годы в России примерно в 100 раз ниже раскрываемости «текущих» (регистрируемых

[1] По данным ГИАЦ МВД Республики Таджикистан. Душанбе, 2017.

[2] *Лавров В.П.* Расследование нераскрытых преступлений прошлых лет / под ред. Б.Я. Гаврилова. М.: Академия управления МВД России, 2013. С. 3–15.

в течение года) преступлений и в 10 раз ниже раскрываемости нераскрытых преступлений прошлых лет в СССР (70-е-80-е гг. XX в.)[1].

При исследовании проблем оперативно-разыскного обеспечения предупреждения и раскрытия преступлений (в том числе и нераскрытых, замаскированных, инсценированных преступлений прошлых лет) подразделениями уголовного розыска, следует учитывать и существенные изменения условий оперативно-служебной деятельности работы правоохранительных органов Таджикистана и России, происшедшие в 90-х годах XX века – начале XXI века, а также некоторые специфические условия деятельности органов внутренних дел в Республике Таджикистан.

В правовой науке Российской Федерации большой вклад в исследование проблем расследования преступлений внесли такие выдающиеся ученые, как Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, В.М. Быков, И.А. Возгрин, А.Ф. Волынский, А.К. Гаврилов, Б.Я. Гаврилов, В.В. Гордиенко, И.Ф. Герасимов, Г.Г. Зуйков, Е.П. Ищенко, В.Н. Карагодин, А.М. Кустов, В.П. Лавров, И.М. Лузгин, Н.П. Майлис, И.А. Николайчук, А.С. Подшибякин, С.С. Самищенко, А.Г. Филиппов, А.В. Шмонин, Б.Д. Шойжинимаев, С.П. Щерба, А.А. Эксархопуло, Н.П. Яблоков и др.

В 70-х годах прошлого века появилось несколько статей, посвященных именно этой деятельности[2]. В 1979 году вышла в свет работа В.П. Лаврова «Организационные и тактико-криминалистические основы раскрытия и расследования преступлений прошлых лет»[3], в которой имеется параграф «Планирование и осуществление работы следователя по приостановленным делам».

Затем наступил перерыв на четверть века в исследовании этой проблемы. Лишь в 2008-2013 гг. возобновилось исследование проблемы нераскрытых преступлений прошлых лет, осуществленное в Академии управления МВД России на кафедре управления органами расследования преступлений; появились статьи, посвященные деятельности следователя и дознавателя по приостановленным делам о нераскрытых преступлениях; вышли учебное пособие В.П. Лаврова

---

[1] Заключительный отчет кафедры управления органами расследования преступлений о научно-исследовательской работе по теме «Проблемы раскрытия и расследования преступлений прошлых лет (организационные, правовые, криминалистические и оперативно-розыскные аспекты)» (2008-2011 гг.). М., 2011.

[2] См., например: *Новиков А.И., Мороз Л.Н.* Особенности планирования работы следователя по приостановленным делам / В кн.: Правовые науки и журналистика. Вып. 2. Алма-Ата, 1970; Быков В.М. Особенности планирования расследования по приостановленным делам. / Вестник передового опыта УВД Омского облисполкома, 1970; *Мудъюгин Г.Н.* Работа следователя по приостановленным делам / В кн.: Руководство для следователей. М: Институт Прокуратуры СССР, 1971.

[3] *Лавров В.П.* Организационные и тактико-криминалистические основы раскрытия и расследования преступлений прошлых лет: монография. М.: Академия МВД СССР, 1979. С. 103-119.

«Расследование нераскрытых преступлений прошлых лет» с параграфом, посвященным планированию работы по таким делам, и др. публикации по этой проблеме[1].

В этих публикациях отмечалось, что планирование работы следователя в период приостановления производства, как и планирование следствия, включает по меньшей мере три аспекта: оно рассматривается как творческий мыслительный процесс, осуществляемый следователем, как важнейшее условие эффективности расследования и как метод его организации.

Основная обязанность следователя по приостановленному делу заключается в том, чтобы устранить обстоятельства, вызвавшие приостановление. Это прямо вытекает из содержания ст.ст. 208-211 УПК РФ (ст.ст. 230-233 УПК РТ), поскольку основанием для приостановления дела о нераскрытом преступлении явилось неустановление лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, или его местопребывание, а возобновляется следствие лишь «после того как отпали основания для приостановления или возникла необходимость производства дополнительных следственных действий» (ст. 211 УПК РФ и ст. 233 УПК РТ). Отличие лишь в том, что согласно п. 2 ст. 211 УПК РФ приостановленное предварительное следствие может быть возобновлено также на основании постановления руководителя следственного органа в связи с отменой соответствующего постановления следователя, а согласно п. 2 ст. 233 УПК РТ приостановленное предварительное следствие может быть возобновлено также мотивированным постановлением прокурора в связи с отменой постановления следователя о приостановлении[2].

Формулировка закона об установлении лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, применительно к цели работы по приостановленному делу (ст. 209 УПК РФ, ст. 231 УПК РТ) допускает различные толкования. При этом не всегда учитывают, что даже при выявлении преступника в период приостановления производства для привлечения его в качестве обвиняемого требуются доказательства его виновности. А чтобы их получить, надо в свою очередь сначала возобновить расследование и произвести следственные действия. Только тогда, оценив полученные новые доказательства в совокупности с имевшимися, можно решить вопрос, подлежит ли данное лицо привлечению в качестве обвиняемого.

Версии, выдвигаемые и проверяемые по приостановленному делу, есть разновидность криминалистических версий. По своей сущности и содержанию они полностью соответствуют общепринятому определению криминалистической версии, под которой понимается обоснованное предположение следователя или дознавателя относительно отдельного факта или группы фактов, имеющих или могущих иметь значение для дела, объясняющее происхождение и сущность этих фактов, их связь между собой и служащее целям установления объективной истины.

---

[1] *Лавров В.П., Гаврилов Б.Я.* Нераскрытые преступления прошлых лет: современное состояние и пути решения проблемы // Труды Академии управления МВД России. 2010. № 4 (16). С. 38; *Лавров В.П.* Расследование нераскрытых преступлений прошлых лет: учебное пособие. М.: Академия управления МВД России, 2013. С. 28-32.

[2] См.: УПК Республики Таджикистан. Душанбе, 2010, ст. 233.

Немаловажное, а порой определяющее значение для установления виновных лиц имеет выдвижение новых версий. Они должны быть построены на основе информации, полученной при анализе изученных дел, а также данных, добытых в результате устранения имевшихся в делах пробелов и недостатков. При построении новых версий нужно учитывать и обстоятельства косвенного характера: кто конкретно мог быть заинтересован в наступлении преступного результата; кто мог иметь орудия преступления, использованные при его совершении; кто принимал меры к сокрытию преступления, маскировки под несчастный случай или заинтересован в таких мерах (инсценировки, распространение слухов, дезориентирующих следствие, и т. п.), если такие факты будут установлены.

При построении и отработке новых версий необходимо изучать: материалы по делам об аналогичных преступлениях; архивные уголовные дела; заявления и сообщения о преступных проявлениях, по которым в возбуждении уголовного дела было отказано.

В необходимых случаях следователю или дознавателю (особенно если он не принимал участия в работе по раскрытию преступления до приостановления уголовного дела) целесообразно лично ознакомиться с местом происшествия. Это поможет лучше представить всю обстановку совершения преступления, выяснить произошедшие там изменения.

Осуществляя проверку новых версий, следователь (дознаватель) при необходимости ставит вопрос о возобновлении производства по приостановленному уголовному делу, когда те или иные данные, позволяющие раскрыть преступление, могут быть получены и зафиксированы процессуальным путем.

При раскрытии преступлений рассматриваемого вида в обязательном порядке нужно дополнительно, а при необходимости повторно, ориентировать соседние и другие территориальные ОВД и отделы внутренних дел ***на транспорте***, органы исполнения наказаний об обстоятельствах нераскрытого преступления, с учетом вновь полученных сведений.

Так, например: за последние десятилетия участились факты несчастных случаев происходящих в России, где граждане стран СНГ ежедневно умирают по причине несчастного случая якобы по своей вине (потерпевшего сбила электричка, ДТП, упал с высоко этажного дома, вследствие поломки строительного крана, утонул, не выдержало сердце и т.п.). В Таджикистан из России ежедневно привозят «груз-200» в среднем от одного до восьми человек, якобы смерть людей наступила вследствие несчастного случая. Что сомнительно, так как среди погибших также есть люди, которые до смерти имели высшее образование, свободно владели русским языком, а также бывшие сотрудники правоохранительных органов Таджикистана.

Исходя из многих фактов следователям и дознавателям (оперативным работникам) как в России, так и в Таджикистане целесообразно выдвигать и разрабатывать версии о том, что существуют преступные группы, которые умышленно заранее планируют свои действия по убийству тех или иных лиц например, приехавших по разным причинам в Россию (работать, учиться, на лечение, в гости, в командировку и т.п.). Цель таких преступных групп (зачастую эти группы состоят из раннее судимых как в Таджикистане, так и в России) отомстить своим

обидчикам или их родственникам. Эти так называемые «преступные мстители» могут совершать убийства из-за причин, которые имелись в Таджикистане до отбытия ими уголовного наказания и после отбытия наказания, которые после выехали в Россию, но злоба у которых осталась в душе на свидетелей, (которые в свое время свидетельствовали по уголовным делам в отношении *«преступных мстителей»*), а также оставшаяся злоба на потерпевших, на милиционеров, на судей, на прокуроров и их родственников. Также не надо исключать версию, о том, что среди *«преступных мстителей»* имеются лица, которые раннее состояли в «группах скинхедов» и продолжают мстить лицам другой национальности, культуры приехавшим из стран СНГ. Места где *«преступные мстители»* совершают свои злодеяния, являются например, леса Подмосковья, железные дороги, МКАД, стройки, т.е. где имеются благоприятные условия к тому, чтобы инсценировать убийство под несчастный случай.

Кроме того, сам следователь (дознаватель) должен систематически знакомиться с поступающими сводками-ориентировками с целью отыскания в них сведений, которые могут быть использованы в раскрытии преступлений. К таким сведениям относятся данные об обнаружении похищенных предметов, оружия, по приметам, сходным с теми, которые числятся в розыске по делу о нераскрытом преступлении.

Особую группу следственных версий, выдвигаемых и проверяемых по приостановленному делу, составляют версии разыскные, как важное средство работы по приостановленному производством уголовному делу. Такими версиями являются чаще всего предположения о месте нахождения похищенного имущества, скрывшихся подозреваемых, выехавших потерпевших или важных свидетелей. Существует также прямая связь между раскрытием преступлений прошлых лет и розыском известных, но скрывшихся преступников по другим делам. Задержание таких преступников создает возможность для изобличения их в преступлениях, совершенных уже после объявления их в розыск.

При внимательном анализе имеющегося в изученных уголовных делах материала можно обнаружить непроверенные факты, в связи с чем иногда в корне изменяются направления работы по раскрытию преступления. К сожалению, в изученных уголовных делах практически не говорится о немаловажном, а порой определяющем значении для установления виновных лиц выдвижения новых версий.

Характерными версиями в планировании работы по приостановленным производством делам бывают предположения о причастности к преступлению лиц, фигурировавших в деле и в период расследования внезапно выехавших в Российскую Федерацию или в другие страны как ближнего, так и дальнего зарубежья.

Опыт расследования аналогичных преступлений в России показывает, что важным условием эффективной работы по приостановленному делу и основной формой выражения результатов творческого процесса планирования является

письменный план. Он важен в связи с тем, что многие из планируемых мероприятий бывают менее конкретны и рассчитаны на более длительные сроки, чем при обычном расследовании[1].

Тот факт, что по оперативно-поисковому делу имеется план мероприятий по раскрытию того же преступления, не освобождает следователя от составления плана его работы по приостановленному производством уголовному делу. План по оперативно-поисковому делу содержит оперативно-разыскные версии и оперативно-разыскные мероприятия, направленные на их проверку. Действия следователя планируются здесь обычно лишь на период расследования (до приостановления дела), либо постольку, поскольку они связаны с возобновлением производства. Как правило, это такие действия, которые непосредственно отражают взаимодействие следователя и оперативного сотрудника, и они являются одной из сторон реализации взаимодействия.

Весьма важным является вопрос о содержании мер, планируемых и осуществляемых следователем по приостановленному производством делу. Как показывает практика российских правоохранительных органов, круг мер, планируемых и реализуемых следователями (дознавателями) в работе по приостановленным производством уголовным делам о нераскрытых преступлениях, довольно широк. К ним относятся:

- личное ознакомление следователя (дознавателя) с местом происшествия, если осмотр его в свое время производил другой сотрудник;
- беседы с потерпевшими и отдельными свидетелями по приостановленному производством делу с целью проверки имеющейся и получения дополнительной информации;
- повторные ориентировки других органов внутренних дел о нераскрытом преступлении с сообщением дополнительных сведений об обстоятельствах преступления, новых данных, относящихся к личности преступника, похищенным вещам и т.п.;
- запросы в различные учреждения и организации с целью установления и проверки отдельных фактических данных, местонахождения определенных лиц и др[2].

---

[1] Техника составления плана работы по приостановленному делу по сравнению с составлением обычного плана расследования большой специфики не имеет. О технике планирования расследования см.: *Дубровицкая Л.П., Лузгин И.М.* Планирование расследования. М.: ВШ МВД СССР, 1972; *Литвинов И.* Расследование убийств прошлых лет // Законность. 2005. №3; *Рябчиков В.В.* Приостановление и возобновление предварительного расследования: Дис. … канд. юрид. наук. Владимир, 2006.

[2] В этой связи стоит согласиться с предложением А.И. Бастрыкина и депутата Госдумы А. Лугового дактилоскопировать при въезде в Россию не только иностранцев, но и в целях безопасности дактилоскопировать граждан РФ. «В представлении большинства дактилоскопию нужно проводить в отношении тех, кто является либо подозреваемым, либо уже совершил преступление. Хотя дактилоскопическая регистрация – один из самых надежных способов с точки зрения идентификации личности». В качестве примера депутат привел страны, которые уже перешли к всеобщей дактилоскопической регистрации – это Турция и Киргизия. В Турции один из терактов был быстро раскрыт благодаря этому. У террориста оторвало палец, и по нему определили его личность, хотя он прежде никогда не задерживался. В Киргизии пошли

- использование учетов органов внутренних дел;

- истребование и изучение архивных уголовных дел и иных архивных материалов органов внутренних дел;

- организация проведения по приостановленному производством делу криминалистических и иных специальных исследований;

- дача оперативному сотруднику поручений и указаний, направленных на установление лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого;

- меры по обеспечению явки с повинной и проверка заявления явившегося с повинной;

- меры по использованию помощи общественности в раскрытии преступления, дело о котором производством приостановлено;

- изучение дел о преступлениях, вновь совершенных на территории, обслуживаемой данным органом внутренних дел;

- использование возможностей расследования по делам, по которым преступники установлены (особенно обысков и допросов по таким делам)[1].

В ходе расследования возобновленного уголовного дела о нераскрытом преступлении прошлых лет могут производиться любые следственные действия, продиктованные следственной ситуацией.

Наибольшую специфику по возобновленным делам имеют допрос, осмотр, обыск, предъявление для опознания, проверка показаний на месте, назначение экспертиз, на что указывает Кулеева И.Ю., Мазунин Я.М.[2]. Особенности тактики большинства из них обусловлены, как отмечается во многих ранее опубликованных и названных выше работах В.М. Быкова, В.П. Лаврова, В.М. Мешкова, И.М. Лузгина и др., главным образом следующими факторами (кроме содержания следственной ситуации):

- временем;

- повторностью многих следственных действий, как и всего расследования в целом;

- активным противодействием расследованию как до приостановления производства по делу, так и после его возобновления.

еще дальше: там на выборы человек приходил не только с паспортом, но он еще ставил палец на специальный сканер, который определял его личность. См. подробно: Мигрантов обяжут держать «Пальцы веером». / Газета «Московский комсомолец» от 18.11.2015. С. 4.

В Таджикистане за последние 10 лет обязательному дактилоскопированию подлежат все сотрудники правоохранительных органов, которые состоят на спецучете. Также при доставлении в райотделы внутренних дел МВД РТ все подозреваемые лица подлежат дактилоскопированию с целью проверки их по криминалистическим учетам. С 2015 года при получении паспорта с 16-летнего возраста все граждане РТ дактилоскопируются, получая биометрические паспорта в виде пластиковых карт.

[1] См.: *Лавров В.П.* Расследование нераскрытых преступлений прошлых лет: учебное пособие. // под ред. Б.Я. Гаврилова. М.: Академия управления МВД России, 2013. С. 31–32.

[2] *Кулеева И.Ю., Мазунин Я.М.* Правовое регулирование и криминалистическое обеспечение расследования нераскрытых преступлений прошлых лет: монография. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 122; *Кулеева И.Ю.* Правовое регулирование и криминалистическое обеспечение расследования нераскрытых преступлений прошлых лет: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.09 – Южно-Уральский государственный университет, 2011. 231 с.

Планированию же работы следователя, особенно по тактике отдельных действий по возобновляемым производством делам о нераскрытых преступлениях, в криминалистике уделяют внимания гораздо меньше. Во всяком случае специально посвященных указанной теме публикаций монографического характера (монографий, учебных пособий, диссертаций и т.п.) не имеется ни в Российской Федерации, ни в Республике Таджикистан.

Порядок возобновления предварительного следствия регламентирован нормами ст. 233 УПК РТ (ст. 211 УПК РФ). Содержание данных статей и практика их применения позволили сформулировать типичные фактические основания для возобновления расследования по уголовным делам о нераскрытых преступлениях прошлых лет и задачи расследования по ним:

- обнаружение следователем или органом дознания лица, совершившего преступление;
- заявление или сообщение потерпевшего либо иных граждан;
- дача показаний лицами, подозреваемыми или обвиняемыми по другим расследуемым уголовным делам;
- обнаружение существенных пробелов в ранее проведенном расследовании, требующих восполнения следственным путем;
- обнаружение и задержание находящегося в розыске подозреваемого, обвиняемого;
- явка с повинной лица, совершившего преступление;
- появление реальной возможности участия подозреваемого или обвиняемого в уголовном деле, приостановленном по ч. 4. ст. 230 УПК РТ. На типичность этих оснований указывает Кулеева И.Ю. и Мазунин Я.М.[1].

Все эти основания, объединяемые необходимостью производства следственных действий, могут иметь место прежде всего в случае возобновления предварительного следствия, приостановленного по п.1 ч.1 ст. 230 УПК РТ.

Надежным, испытанным средством выявления в полном объеме преступной деятельности подозреваемого, обвиняемого является осуществление оперативно-разыскных мер, связанных с разработкой задержанного подозреваемого (обвиняемого).

Рассмотрим лишь некоторые следственные и оперативно-разыскные действия способствующие раскрытию и расследованию нераскрытых преступлений прошлых лет, так например, в ходе допросов по возобновленному делу на практике, к сожалению, выясняются далеко не все имеющие значение для установления истины по делу обстоятельства. Некоторые психологические методы (приемы установления психологического контакта при допросе; приемы допроса «недобросовестного» свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого; так

[1] *Кулеева И.Ю., Мазунин Я.М.* Правовое регулирование и криминалистическое обеспечение расследования нераскрытых преступлений прошлых лет: монография. С. 122.

называемые следственные хитрости и т.п.)[1] издавна рекомендуются в криминалистике, но недостаточно широко используются в практике допросов по такому делу.

Одним из важных и сложных оперативно-разыскных мероприятий является опрос граждан, по делам рассматриваемой категории в следствии является допрос подозреваемых и обвиняемых. Как и при производстве других следственных действий, при допросе подозреваемого необходимо учитывать фактор времени. С одной стороны, длительное время, истекшее с момента совершения преступления, успокаивает лицо, делает его психологически более устойчивым, и поэтому от него труднее получить правдивые показания, чем при расследовании по «горячим следам». С другой стороны, в отличие от случаев, когда подозреваемый задержан по «горячим следам», по возобновленному уголовному делу следователь имеет возможность лучше подготовиться к допросу лица, возможно, причастного к нераскрытому преступлению. Он имеет возможность возобновлять предварительное следствие и производить допрос в тот момент, когда это ему тактически выгодно, располагая необходимым временем для изучения личности допрашиваемого. Это позволяет в ходе допроса даже при небольшом числе доказательств получить правдивые показания.

Если подлежащее допросу лицо ранее в совершении преступления не подозревалось и по делу до его приостановления не допрашивалось, могут быть эффективны тактические приемы, основанные на факторе внезапности. Уже сам вызов такого лица на допрос с учетом того, что с момента совершения преступления прошло значительное время, является для него неожиданным и может привести к выводу о том, что следователю известно не только о нераскрытом преступлении, но у него имеются и доказательства виновности допрашиваемого. Влияние фактора внезапности может быть усилено наличием даже незначительного объема доказательств при условии их умелого использования и применения других тактических приемов. Таковым может стать, например, тактический прием, связанный с созданием у допрашиваемого преувеличенного представления об осведомленности следователя, что достигается не только предъявлением доказательств, но и сообщением фактов, относящихся к биографии, характеристике личности допрашиваемого, о которых стало известно во время предварительной подготовки к допросу в процессе изучения личности подлежащего допросу как следственным, так и оперативным путем.

Если же подозреваемый арестован за совершение другого преступления, расследование которого продолжается, и стало известно о совершении им оставшихся нераскрытыми преступлений, допрос, как правило, должен проводить следователь, расследующий дело, по которому обвиняемый арестован, так как ему легче установить с обвиняемым психологический контакт и получить правдивые показания о совершенных им других преступлениях.

---

[1] См. более подробно: *Лавров В.П.* Допрос как средство нейтрализации противодействия расследованию преступлений // Труды Академии МВД Республики Таджикистан (научный журнал), № 3(27). Душанбе, 2015. С. 92–96.

В случаях, когда допрашиваемый осужден за совершение иного преступления и отбывает наказание в исправительном учреждении, сведения о совершении им преступлений, оставшихся нераскрытыми, могут быть, как правило, получены из оперативных источников, так как о преступлениях, ранее им совершенных и оставшихся нераскрытыми, может быть известно окружению подозреваемого. В связи с этим целесообразен перевод его в следственный изолятор в целях попытки получения информации о прежних преступлениях подозреваемого от лиц, с ним содержащихся. Во время же допроса целесообразно использовать имеющуюся оперативную информацию и показания содержащихся с ним в исправительном учреждении лиц[1].

При подготовке к допросу подозреваемого целесообразно изучить архивные уголовные дела по прежним судимостям данного лица и архивные материалы, относящиеся к отбыванию наказания, с целью выяснения обычной тактической линии поведения этого лица на допросах, его реагирования на предъявление уличающих его доказательств, отказа от дачи показаний и их изменения во время расследования. При этом необходимо согласиться с В.П. Лавровым в том, что «архивные дела всегда содержат данные, относящиеся к прошлому изучаемого человека, и отдельные свойства, качества его личности могли со временем измениться»[2]. В связи с этим изучение архивных дел как метод изучения личности должен применяться наряду с другими методами.

С учетом фактора времени при допросах потерпевших и свидетелей особое значение приобретает целенаправленное использование смысловых связей, применение разработанных криминалистикой тактических приемов оживления памяти: активизация ассоциативных связей, предъявление доказательств, допрос на месте события, просмотр видеозаписей и т.д.

Когда по делам о нераскрытых преступлениях прошлых лет возникает необходимость повторного допроса свидетелей или потерпевших, которые умерли или место их нахождения неизвестно[3], как указывалось выше, бывает оправданным допрос их родственников, сослуживцев, соседей, у которых необходимо выяснять, не сообщали ли свидетели им перед своей смертью или до отъезда сведения, имеющие значение для дела. В положительном случае осведомленные лица допрашиваются в качестве свидетелей.

В обоих государствах практикуется опрос (а после возобновления производства и допрос) лиц, выезжавших в период после приостановления дела в государства ближнего зарубежья, особенно вместе с подозреваемым, находившимся вместе с ним в следственном изоляторе или исправительном учреждении, которым со слов подозреваемого становится известной информация о важных фактах по делу.

Типичным для расследования по возобновленным делам при наличии подозреваемого является следственное действие, как *проверка показаний на месте*.

---

[1] *Кулеева И.Ю., Мазунин Я.М.* Указ. соч. С. 128–129.

[2] Криминалистика / под ред. А.Ф. Волынского, В.П. Лаврова. 2009. С. 887.

[3] *Кулеева И.Ю., Мазунин Я.М.* Правовое регулирование и криминалистическое обеспечение расследования нераскрытых преступлений прошлых лет: монография. 2013. 136 с.

Это действие – как в России, так и в Таджикистане, используется также и для проверки показаний потерпевшего, свидетеля, обвиняемого.

Изменение материальных объектов (в том числе – человека), которые чаще всего предъявляются для опознания по делам о преступлениях прошлых дет, происходит как естественным путем (например, вследствие старения), так и в результате умышленного воздействия на такие объекты со стороны преступников, связанных с ними людей, противодействующих расследованию, и иных лиц.

По рассматриваемой категории дел используется такое следственное действие, как *назначение судебных экспертиз.* Чаще всего это дополнительные экспертизы, необходимость которых вызвана постановкой идентификационных вопросов, а их разрешение было невозможно до установления и получения образцов для сравнительного исследования. Однако проводятся и те экспертизы, которые в соответствии с УПК РТ и УПК РФ являются обязательными. Каких-либо особенностей назначения экспертиз (кроме необходимости учета влияния фактора времени) по рассматриваемой категории дел при проведении исследования не выявлено. Вместе с тем необходимо отметить возможность использования назначения и производства судебных экспертиз как составного элемента тактической комбинации в совокупности с другими следственными действиями для решения тактических задач.

Осмотр места происшествия, как правило, проводится на первоначальном этапе расследования. Но само место происшествия (например, место обнаружения останков убитого) может быть обнаружено лишь после возобновления дела. По изученным автором делам после возобновления производства по делу осмотр места происшествия не проводился. Это не означает, что осмотр места происшествия в таких случаях вообще не может быть произведен. Естественно, по рассматриваемой категории дел особенностью осмотра будет то, что следователю придется изучать не ту обстановку, которая сложилась на момент окончания преступных действий либо прибытия следственно-оперативной группы. Хотя вероятность обнаружения следов, позволяющих подтвердить причастность конкретного лица к совершению преступления, значительно ниже, чем в том случае, когда осмотр проводится сразу же после совершения преступления, пренебрегать производством повторного осмотра места происшествия при этом не стоит.

Необходимо также широко использовать и другие ОРМ («прослушивание и запись телефонных переговоров, «получение компьютерной информации»)[1].

В заключении необходимо подчеркнуть, что проблемы оперативно-разыскного обеспечения предупреждения и раскрытия преступлений правоохранительными органами России и Таджикистана, в том числе расследования нераскрытых преступлений прошлых лет во многом зависят от своевременного производства совместных ОРМ и следственных действий по приостановленным и возобновленным производством уголовным делам, которые имеет свои особенности, обусловленные, в первую очередь, действием фактора времени. Однако и правовое регулирование ОРМ и следственных действий, как в России, так и в Таджики-

[1] См. Закон РТ «Об ОРД» от 25.03.2011.

стане нуждается в дальнейшем совершенствовании, так как имеющиеся в настоящее время недостатки ограничивают возможности следователя и оперативного работника. Эта проблема должна решаться в тесном содружестве ученых-специалистов в области оперативно-разыскной деятельности, криминалистики и уголовного процесса России, и Таджикистана.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: текст с изменениями и дополнениями на 2015 год. Екатеринбург: Издательский дом «Автограф». 2015. 48 с.
2. Конституция Республики Таджикистан, принята 6 ноября 1994 г.; с последующими изменениями 26. 09. 1999 г. и 22. 06. 2003 г.Душанбе: Шарки озод. 2003. 45 с. Информационная служба avesta.tj текст проекта поправок в Конституцию РТ 11. 02. 2016 // СПС КонсультантПлюс.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации. М.: Проспект, КноРус, 2016. 240 с.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. М.: Проспект, КноРус, 2016. 256 с.

Санькова Е.В.

Практика взаимодействия органов предварительного расследования с органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность (по результатам анкетирования следователей СК России)

Аннотация. В статье излагаются результаты анкетирования сотрудников следственных органов СК России по вопросам их взаимодействия с сотрудниками органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, в ходе расследования уголовных дел о преступлениях коррупционной направленности, на основании которых формулируются выводы о проблемах указанного взаимодействия и путях их решения.

Ключевые слова: взаимодействие, оперативно-разыскная деятельность, оперативно-разыскные мероприятия, предварительное расследование, Следственный комитет Российской Федерации.

Под взаимодействием следователей с сотрудниками оперативно-разыскных аппаратов понимаются согласованные по месту, времени, целям совместные действия в целях раскрытия и расследования преступлений[1].

В действующем Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ) предусмотрен ряд форм взаимодействия следователей с сотрудниками, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность (далее – ОРД) (п. 4 ч. 2 ст. 38, ч. 1 ст. 144, ч. 2 ст. 163, ч. 7 ст. 164), в рамках которых

[1] Волынский А.Ф. Организация раскрытия и расследования преступлений: проблемы и пути решения // Российский следователь. 2016. № 1. С. 7- 11.

регламентация порядка его осуществления представляется фрагментарно и более-менее детально лишь по частным вопросам межведомственного взаимодействия.

Ведущее место в расследовании коррупционных преступлений, совершаемых должностными лицами, занимает созданный более 10-ти лет назад (2007 г.) Следственный комитет Российской Федерации (далее – СК России), в связи с чем представляет интерес изучение мнения его сотрудников по вопросам их взаимодействия с сотрудниками оперативно-разыскных аппаратов.

В настоящей статье излагаются выводы, сформулированные по результатам опроса следователей Следственного комитета Российской Федерации (90 человек), 75 % которых трудятся в районных (межрайонных) и приравненных к ним следственных отделах, обучавшихся в Институте повышения квалификации ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации» в 2017-2018 гг.. Практически в равном количестве опрошены следователи, чей стаж службы составляет от года до 5-ти лет, от 5-ти до 10-ти лет и свыше 10-ти лет. Немногим более половины из них (52 %) постоянно или периодически участвовали в рассмотрении сообщений о преступлениях и расследовании уголовных дел указанной категории.

В целом, проблема взаимодействия субъектов раскрытия и расследования преступлений является одной из наиболее обсуждаемых в криминалистической литературе, и в то же время, не теряющей актуальности и проблематичности. Исследование рассматриваемого вопроса, в том числе, и опрос следователей СК России непосредственно после его создания проводился Е.А. Травкиным[1]. Как основу организации раскрытия и расследования преступлений рассматривает взаимодействие А.Ф. Волынский[2].

Однако, до настоящего времени научно обоснованная концепция организационного и правового обеспечения взаимодействия указанных субъектов отсутствует. Результаты анкетирования свидетельствуют о том, что при рассмотрении сообщений о преступлениях и расследовании уголовных дел коррупционной направленности 85 % опрошенных взаимодействовали с сотрудниками органов, осуществляющих ОРД, и только немногим более 7 % из них не испытывали при этом сложностей, 41 % - сталкиваются с ними периодически и 52 % - довольно часто. Несколько иные, но с незначительной разницей результаты анкетирования приводятся и Е.А. Травкиным, что можно объяснить изменением ситуации в организации деятельности СК России, особенностями преступлений, расследовавшихся респондентами.

При направлении органам дознания письменных поручений только 43 % следователей указывали конкретные подлежащие проведению оперативно-разыскные мероприятия (далее – ОРМ). Примерно такое же количество респондентов

---

[1] Травкин Е.А. Взаимодействие следователей Следственного комитета Российской Федерации с органами дознания при раскрытии и расследовании преступлений: Дисс. … канд. юрид. наук: М., 2011.

[2] Волынский А.Ф. Организация раскрытия и расследования преступлений: проблемы и пути решения // Российский следователь. 2016. № 1. С. 7-11.

(45 %) задачи формулировали в самой общей форме, например: «прошу принять меры для установления участников совершенного преступления».

По мнению опрошенных, наиболее эффективными являются такие формы взаимодействия как проведение совместных совещаний (33%), предварительное совместное обсуждение планируемых ОРМ (32 %), совместное планирование следственных действий и ОРМ (26 %).

Одновременно респонденты предложили собственные варианты форм взаимодействия: согласование действий и дача поручений по телефону; консультирование сотрудников, осуществляющих ОРД; применение мер взыскания за неисполнение указаний (поручений) в установленный срок.

Из числа респондентов 58% указали, что при осуществлении взаимодействия сталкивались с рядом проблем, наиболее распространенными из которых явились[1]: нарушение оперативными работниками закона, ведомственных нормативных правовых актов, ошибки различного характера при проведении ОРМ и оформлении его результатов (88 следователей); формальный подход к исполнению письменных поручений следователя о выполнении ОРМ, их несвоевременное исполнение или неисполнение (58); отсутствие у следователя возможности контролировать выполнение данных оперативным работникам поручений (44); отсутствие у сотрудников следственных органов полномочий по ознакомлению с материалами ОРД и проверке законности их проведения до официального поступления в следственный орган (38); несовершенство законодательного регулирования (37); различие в показателях результативности работы следственных и оперативных работников, отсутствие у последних заинтересованности в длительном сопровождении процесса расследования (33).

Отмечались респондентами и такие издержки в организации взаимодействия, как различие точек зрения на квалификацию деяния и количество эпизодов преступной деятельности; значительные временные затраты при направлении поручения следователя районного звена начальнику органа дознания уровня субъекта РФ через руководство СУ (приравненного к нему органа); ограниченные возможности органов, осуществляющих ОРД; сложный процесс согласования планов и порядка их реализации.

При этом 47 % опрошенных отметили, что их взаимодействие с оперативными работниками носит бесконфликтный характер, у 42 % конфликтные ситуации возникают в единичных случаях, у 11 % - периодически. Однако лишь 21 % из них сообщали прокурору о неисполнении оперативными работниками направленных им поручений и иных нарушениях.

Причины конфликтов следователи видят, прежде всего, в высокой нагрузке следователей и оперативных работников (42 %), сложностях при квалификации, недостаточном знании законодательства (31 %), специфике норм права, с нарушением которых связано совершение коррупционных преступлений (29 %).

---

[1] Здесь и далее в скобках приведены абсолютные цифры, при этом допускался выбор нескольких вариантов, результаты приведены обобщенно.

По результатам опроса, проведенного Е.А. Травкиным, 22% следователей указали, что недостатки в организации их взаимодействия с органами дознания объясняются отсутствием у оперативных работников серьёзной служебной и материальной мотивации к этому, 36% - наличие узковедомственных интересов и амбиций, 42% - влияние факторов, обусловливающих противодействие расследованию и различие в подходах к оценке соответствующих фактов и к их разрешению.

Для повышения качества взаимодействия опрошенные сочли целесообразным принятие таких организационных и законодательных мер как создание в системе СК России, по примеру некоторых зарубежных стран, собственных подразделений, осуществляющих ОРД (53), возложение функций координации взаимодействия на специальных должностных лиц СК России (13), включение в УПК РФ в качестве специальных следственных действий отдельных ОРМ (13), иное (10). В ходе опроса, проведенного Е.А. Травкиным, 96% следователей СК России признали необходимость участия следователя в правовой оценке результатов ОРД уже при рассмотрении вопроса о возбуждении уголовного дела.

В качестве других мер предложены: совмещение функций и полномочий следователя и оперативного работника в одном лице при четко определенных условиях; совместное обучение следователей и оперативных работников, в ходе которого они могли бы вырабатывать практические навыки взаимодействия; применение мер взыскания за несвоевременное или формальное исполнение (неисполнение) поручений; введение единообразной системы оценки результатов деятельности следователей и оперативных работников; разрешение негласного применения технических средств при производстве следственных действий; конкретизация законодательства, регламентирующего ОРД; предоставление следователям возможности использовать оперативные базы данных.

Ни один следователь не согласился с тезисом об отсутствии необходимости в каких-либо дополнительных мерах, помимо обеспечения качественного проведения ОРМ.

Результаты анкетирования подтверждают тезис о том, что для раскрытия преступлений коррупционной направленности результаты ОРД зачастую играют ключевую роль, и демонстрируют интерес следователей к рассматриваемому вопросу, что проявляется, в частности, в инициативном подходе к формулированию собственных вариантов ответов.

В целом решение имеющихся проблем взаимодействия связывается респондентами именно с самим процессом совместной деятельности, и в таком случае эти проблемы предстают как отсутствие достаточного рабочего контакта.

Безусловно, во взаимодействии между следователями и оперативными работниками большое значение имеет психологический аспект, который ввиду ограниченного объема статьи, представляется целесообразным рассмотреть отдельно.

В целях более полного и объективного исследования вопросов взаимодействия следователей СК России с сотрудниками оперативно-разыскных аппаратов при выявлении и расследовании коррупционных преступлений целесообразно

продолжить работу по изучению их мнений, в том числе сотрудников, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность.

Литература

1. Волынский А.Ф. Организация раскрытия и расследования преступлений: проблемы и пути решения [Текст] // Российский следователь. 2016. № 1. С. 7-11.
2. Травкин Е.А. Взаимодействие следователей Следственного комитета Российской Федерации с органами дознания при раскрытии и расследовании преступлений: Дисс. … канд. юрид. наук: М., 2011.
3. Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru.

Свободный Ф.К.

Место полиграфа в оперативно-разыскной деятельности

Аннотация. В статье показывается некорректность отнесения опроса с использованием полиграфа в разряд такого оперативно-разыскного мероприятия как опрос.

Ключевые слова: оперативно-разыскная деятельность, опрос, полиграф.

Расширяющаяся практика проведения так называемых «опросов с использованием полиграфа» в оперативно-разыскной деятельности настоятельно требует научного анализа возникающих в этой сфере проблем и поиска путей их решения.

В этой связи, одним из главных, на мой взгляд, вопросов является определение места полиграфа в системе оперативно-разыскных мероприятий.

Федеральный закон от 12.08.1995 № 144 «Об оперативно-разыскной деятельности», в редакции от 06.07.2016, определяет пятнадцать видов оперативно-разыскных мероприятий, одним из которых является опрос[1].

С середины 90-х годов XX века у некоторых специалистов сложилось мнение, что в ходе проведения такого вида оперативно-разыскного мероприятия, как опрос, наряду с другими техническими средствами, можно использовать и полиграф.

Данное мнение получило научную поддержу в виде многочисленных публикаций, а также правовую поддержку в виде ведомственных инструкций в правоохранительных органах.

Так в научно-практическом комментарии к ФЗ «Об оперативно-разыскной деятельности», вышедшему под редакцией профессора В.В. Николюка указано, что «при проведении опроса с согласия его участников может использоваться

[1] Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 06.07.2016) «Об оперативно-розыскной деятельности». Ст. 6. URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519.

полиграф - специальное устройство, регистрирующее психофизиологические реакции опрашиваемого на задаваемые вопросы и позволяющее выявить тщательно скрываемые им факты».[1.]

При этом большинство сторонников применения в ОРД опросов с использованием полиграфа в качестве правового основания ссылаются на вторую часть статьи 6 ФЗ «Об оперативно-разыскной деятельности». Например, А.А. Степанов и М.Г. Шананин в своем учебном пособии прямо указывают, что «в соответствии с ч. 2 ст. 6 Федерального закона РФ «Об оперативно-разыскной деятельности» при проведении рассматриваемого оперативно-разыскного мероприятия могут использоваться технические средства фиксации. Одним из таких средств является полиграф»[2].

А в пункте 1.1. «Инструкции о порядке использования полиграфа при опросе граждан» (Утверждена приказом Министерства внутренних дел Российской Федерации от 28 декабря 1994 года № 437) указано, что «Использование полиграфа при опросе граждан является разновидностью оперативно-разыскного мероприятия - опроса граждан с использованием технических средств и представляет собой проводимую по специальным методикам беседу с опрашиваемым лицом с фиксацией его психофизиологических параметров (реакций) на задаваемые вопросы»[3].

Похожие тенденции сохраняются и сегодня. Например, в учебнике по оперативно-разыскной деятельности от 2016 года полиграф относится к оперативной технике и указано, что «в сфере ОРД полиграф используется при проведении такого ОРМ как опрос»[4].

Анализируя вышеобозначенные (и многие другие) примеры становится очевидным недопустимость отнесения исследований с использованием полиграфа к разновидности такого оперативно-разыскного мероприятия как опрос граждан, по следующим основаниям.

Во-первых, существующие общенаучные определения опроса подчеркивают, что опрос является самостоятельным и самодостаточным методом сбора первичной информации, при этом сбор информации осуществляется, именно, со слов опрашиваемого лица[5].

В юридической литературе опрос как оперативно-разыскное мероприятие также определяется через понятия «общение», «разговор», «беседа». Так, например, К.К. Горяинов с соавторами в учебнике по теории оперативно-разыскной

---

[1] Практический комментарий к Закону «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации» / Под ред. *В.В. Николюка.* М., 2000. С. 96.

[2] *Степанов А.А., Шананин М.Г.* Использование результатов оперативно-розыскной деятельности при производстве следственных действий: учебное пособие. СПб, 2005. С. 80.

[3] Инструкция о порядке использования полиграфа при опросе граждан (утверждена Приказ МВД РФ от 28.12.1994, № 437) URL: www.docs.cntd.ru/document/9037963.

[4] Оперативно-розыскная деятельность: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / Под ред. *И.А. Климова.* М., 2016. С. 189–191.

[5] *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь. URL: www.dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/140086*;* Большой Энциклопедический словарь. 2000. URL: www.dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/220958.

деятельности указывают что «опрос – это ОРМ, заключающееся в сборе (добывании) информации в процессе непосредственного общения оперативника или по его поручению другого лица с человеком, который осведомлен или может быть осведомлен о лицах, фактах и обстоятельствах, имеющих значение для решения задач ОРД»[1]. В.И. Михайлов под «оперативным опросом» понимает получение информации об исследуемом событии, именно, из ответов на вопросы в ходе разговора с лицом, которому эта информация может быть известна[2]. Р.С. Белкин указывает, что опрос – это «неформальная, непротоколируемая беседа оперативного сотрудника органа дознания или следователя с участниками или свидетелями расследуемого события»[3].

Во-вторых, полиграф не относится к «оперативно-разыскной технике» и не является «техническим средством фиксации» опроса, поскольку хоть и представляет собой техническое устройство, но регистрирует не сам опрос (как общение, беседу, разговор), а физиологические процессы человеческого организма. В мире существует много приборов, также как и полиграф, записывающих физиологические процессы (и реакции) человека. Однако никому не приходит в голову причислить такие технические устройства как, например: кардиограф, спирометр, тонометр (сфигмоманометр) к техническим средствам, используемым в ходе проведения оперативно-разыскных мероприятий.

В-третьих, опрос с использованием полиграфа – это, по своей сути, психологический эксперимент, в процессе которого устанавливается причинно-следственная связь между независимыми переменными (вопросами, задаваемыми испытуемому) и зависимыми переменными (физиологическими реакциями испытуемого). При этом на физиологические реакции испытуемого (на зависимые переменные) действует определенное количество дополнительных переменных (различные виды состояний испытуемого, наличие посторонних шумов в помещении, низкая или высокая температура в помещении и т.д.), способных существенно затруднить или сделать невозможным установление причинно-следственной связь между вопросами и реакциями.

Собственно «опроса», как процесса получения информации из ответов опрашиваемого, в процессе использования полиграфа не существует. Специалист беседует с испытуемым до процедуры записи реакций на полиграфе, получая при этом информацию из ответов испытуемого – это и есть опрос «в чистом виде».

Такая беседа при определенных обстоятельствах может превратиться в настоящий «разведывательный опрос», по итогам которого, «нужда в полиграфе» отпадет (например, при даче испытуемым признательных показаний и возникшей на их основе срочной необходимости проведения дальнейших оперативно-разыскных мероприятий, следственных действий и т.д.).

---

[1] Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник / Под ред. *К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Синилова*. М., 2006. С.94.

[2] *Михайлов В.И.* Контролируемая поставка как оперативно-розыскная операция / Под ред. *А.Ю. Шумилова.* М., 1998. С. 32.

[3] *Белкин Р.С.* Криминалистическая энциклопедия. М., 2000. 334 с.

В ходе беседы, специалист дословно озвучивает испытуемому вопросы, которые потом, в ходе записи физиологический реакций на полиграфе, будут предъявлены испытуемому в виде стимулов, и получает на эти вопросы ответы от испытуемого. При этом вопросы специалистом формулируются так, что бы испытуемый мог односложно и однозначно ответить на них только словами «да» или «нет».

Непосредственно в процессе использования полиграфа (т.е. самой записи реакций на полиграфе), специалиста не интересуют ответы испытуемого на вопросы (поскольку специалист ответы уже знает) - специалиста интересуют физиологические реакции испытуемого, возникающие вслед за повторяемыми специалистом вопросами.

В-четвертых, сам термин - «опрос с использованием полиграфа», не вполне адекватно отражает научную суть процесса, который под ним подразумевается. Термин возник из ведомственных инструкций ФСБ и МВД в 1994–1997гг. Примечательно, что еще в 1993 г. в ФСБ действовала «Инструкция о порядке применения специальных психофизиологических исследований с использованием полиграфа федеральными органами безопасности», но поскольку Закон об ОРД, принятый в 1992 г. не включал в перечень оперативно-разыскных мероприятии какие-либо исследования, научную сущность термина пришлось фактически подстроить под закон. Как отмечает Ю.И. Холодный «термин «опрос с использованием полиграфа» … являлся условным и не самым удачным наименованием, но был принят, поскольку устранял несоответствие ведомственных инструкций нормам Закона от ОРД[1].

«Опрос с использованием полиграфа» правильнее было бы называть экспериментальным психологическим исследованием, поскольку в процессе его осуществления специалистами, на основе метода эксперимента, предпринимаются попытки исследовать психологические феномены (субъективную значимость стимула, память, обладание информацией, информированность личности и т.д.).

На основании вышесказанного отнесение опроса с использованием полиграфа в разряд такого оперативно-разыскного мероприятия как опрос представляется некорректным. Очевидна необходимость поиска адекватных научных и правовых оснований для использования полиграфа в оперативно-разыскной деятельности.

Сейтжанулы Г.

Защита интересов государства при производстве негласных следственных действий

Аннотация. В настоящей научной статье рассматриваются принципиальные вопросы защиты интересов государства при производстве негласных следственных действий. Проводится сравнительно – правовой анализ уголовно - процессуальных норм, прямо или косвенно затрагивающие интересы государства и в разрезе соблюдения их

[1] *Холодный Ю.И.* Применение полиграфа: тернистый путь эволюции терминологии // Юридическая психология. М.: Юрист, 2012, № 2. С. 34.

у граждан и третьих лиц при производстве негласных следственных действий. Выявляются проблемные вопросы пропорциональности ограничения прав и законных интересов граждан в рамках реализации рассматриваемой уголовно - процессуальной деятельности. В развитие уголовно - процессуальных норм, регламентирующих производство негласных следственных действий, тезисно предлагаются четкие и обоснованные научные решения.

Ключевые слова: негласные следственные действия, интересы государства, защита прав граждан, корреляция интересов, ограничение прав и законных интересов, процессуальный порядок ознакомления с материалами негласных следственных действий, модель, алгоритм, совершенствование норм уголовно – процессуального законодательства Республики Казахстан.

Рассматривая в настоящей научной статье вопросы защиты интересов государства при производстве негласных следственных действий, акцентируем внимание на том факте, что исходным и последовательным материалом для ее написания и дальнейшего рассмотрения выявленных ранее несоответствий в балансе соблюдения прав и законных интересов граждан и государства при производстве негласных следственных действий стала озвученная и опубликованная автором ранее научная статья «Защита прав и законных интересов гражданина и третьих лиц при производстве негласных следственных действий» на международной научной конференции «Культура противодействия преступности» в г. Новороссийске 21 сентября 2018 года. В формулировании основных выводов сегодня, будут развиты и использованы идеи ученых, которые также были высказаны на указанной конференции, в том числе предназначенные именно для дальнейшего научного осмысления и обоснования.[1]

Цель настоящей научной статьи заключается в формулировании своей авторской позиции в разрезе соблюдения прав и законных интересов граждан, третьих лиц и государства при производстве негласных следственных действий и станет логически завершением тех мыслей автора, которые были опубликованы ранее.

Так, в частности, в проведенном автором исследовании содержания уголовно – процессуальных норм, регламентирующих производство негласных следственных действий, были впервые с научной точки зрения выделены основные идеи по дальнейшему их совершенствованию и озвучены на международной конференции «Санкт-Петербургскому университету МВД России – 20 лет: история, современность, перспективы развития» в г. Санкт – Петербурге в июне 2018 года.

В частности, сформулированы тезисы о необходимости:

- уточнения понятия самого негласного следственного действия;

---

[1] *Сейтжанұлы Ғ.* Защита прав и законных интересов гражданина и третьих лиц при производстве негласных следственных действий //Уголовная политика и культура противодействия преступности : материалы Междунар. науч.-практ. конф., 21 сент. 2018 г.:в 2 т. / редкол.: *А.Л. Осипенко, К.В. Вишневецкий* и др. Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2018. Т. II. С. 104–115. *Бачурин С.Н.* Процессуальный порядок ознакомления с материалами, не приобщенными к протоколам негласных следственных действий (постановка проблемы) // Уголовная политика и культура противодействия преступности: материалы Междунар. науч.-практ. конф., 21 сент. 2018 г.: в 2 т. / редкол.: *А. Л. Осипенко, К.В. Вишневецкий* и др. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2018. Т. I. С. 165–171.

- определения его места в общей структуре УПК Республики Казахстан и существующей системе следственных действий;

- определение его места в теории криминалистики;

- унификации в целом всей терминологии, непосредственно относящейся к ним, а также обратить внимание параллельно на существующие по-прежнему в уголовном процессе сопутствующие погрешности в понятийном аппарате применительно к производству негласных следственных действий;

- в рамках дальнейшей модернизации законодательства, негласные следственные действия в структуре УПК могут занять не одну главу, будут сгруппированы, возможно, именно по целям, задачам, по своему содержанию. Более того, рассматривать их необходимо в разрезе существующей системы следственных действий.

- продолжения совершенствование процедурных моментов производства негласных следственных действий, начиная от их выбора и начала процедуры санкционирования следственным судьей и заканчивая процессом ознакомления с их результатами участниками уголовного процесса;

- при расследовании уголовных дел в цифровом формате решения вопросов соблюдения конфиденциальности, защиты лиц, участвующих в уголовном процессе и ряда других организационных и процессуальных вопросов.[1] Последние два тезиса из указанных выше станут объектом рассмотрения в настоящей статье.

С учетом последних передовых мыслей отечественных ученых по данному вопросу, следует сформулировать и еще более конкретное направление – разработка в теоретическом аспекте проекта самостоятельных глав для действующего совместного приказа, регламентирующего Правила проведения негласных следственных действий.[2]

Данное направление исследований напрямую зависит от принятия положительного решения на их разработку правоохранительными и специальными государственными органами Республики Казахстан.

Считаю логически последовательным и логичным глубже развить имеющуюся высказанную мысль о том, что «возникла парадоксальная ситуация – несмотря на законодательное закрепление права на ознакомление с указанными ма-

---

[1] *Сейтжанұлы Ғ.* Негласные следственные действия: современная терминология и ее унификация в уголовном процессе Республики Казахстан. //Материалы межд. конф. «Санкт-Петербургскому университету МВД России – 20 лет: история, современность, перспективы развития». - Санкт – Петербург, 08 июня 2018 г.

[2] Совместный приказ Министра внутренних дел Республики Казахстан от 12 декабря 2014 года № 892, Министра финансов Республики Казахстан от 12 декабря 2014 года № 565, Председателя Агенства Республики Казахстан по делам государственной службы и противодействию коррупции от 12 декабря 2014 года № 62, Начальника Службы государственной охраны Республики Казахстан от 15 декабря 2014 года № 146 и Председателя Комитета национальной безопасности Республики Казахстан от 18 декабря 2014 года № 416, зарегистрированном в Министерстве юстиции Республики Казахстан 27 декабря 2014 года №10027. «Об утверждении Правил проведения негласных следственных действий» // http://adilet.zan.kz/rus/docs/V14C0010027.

териалами, ни в УПК, ни в указанном выше приказе не имеется конкретного порядка ознакомления с материалами, не приобщенными к протоколам негласных следственных действий…». [1]

Полагаю, что с точки зрения защиты интересов государства при проведении негласных следственных действий, процедурно необходимо разработать четкий порядок ознакомления с вышеуказанными материалами, так как в противном случае, такой правовой вакуум в рассматриваемом вопросе может привести к необоснованной практике органов уголовного преследования по расширению либо, наоборот, сужению объема ознакомления с материалами негласных следственных действий.

Что в целом, может повлечь в первую очередь нарушение интересов государства, и, конечно же, может породить порочную и хаотичную практику органов уголовного преследования. Поскольку деятельность по проведению негласных следственных действий требует тщательного соблюдения конфиденциальности и защиты интересов участников уголовного процесса и иных лиц, участвующих в уголовном процессе в процессе реализации института обеспечения безопасности последних в уголовном процессе. То есть, напрямую интересы государства связаны с одновременной защитой и лиц, участвующих в уголовном процессе.

Следовательно, следует выделить несколько аспектов исследования процесса ознакомления с материалами негласных следственных действий, и, собственно, как логическое завершение – создание модели алгоритма действий должностного лица по ознакомлению с рассматриваемыми материалами.

В целом, полагаю, модель должна тезисно содержать следующие элементы действий:

- порядок вызова (процессуальный либо отличный от него – прим. Ғ.С.) гражданина и третьих лиц для ознакомления с материалами негласных следственных действий;
- процесс разъяснения прав и законных интересов граждан и третьих лиц и доведение до их сведения объема ознакомления с материалами негласных следственных действий;
- процесс ознакомления с материалами негласных следственных действий;
- порядок завершения ознакомления с материалами негласных следственных действий;
- составление документа об итогах ознакомления с материалами негласных следственных действий (процессуальный либо отличный от него – прим. Ғ.С.)

Предлагаем свое авторское видение по рассматриваемому вопросу.

Так, в соответствии с требованиями статьи 240 УПК Республики Казахстан «Ознакомление с материалами, не приобщенными к протоколам негласных следственных действий» не предусматривается порядок вызова лица для проведения ознакомления. В связи с тем, что итоговое решение по материалам досудебного производства уже принято, уголовное дело находится в архиве суда, закономерно возникает вопрос – каков должен быть процесс вызова указанного лица?

С одной стороны, общие требования для рассмотрения ходатайств об ознакомлении с материалами дела указаны в УПК и, следовательно, логически и сам по-

рядок вызова должен быть процессуальным. Однако, на этом все и заканчивается. Каким официальным документом должно быть вызвано лицо и конкретизировано место, где будет доведено до сведения лица о проведенном в отношении него негласного следственного действия не оговаривается.

В части 1-1 статьи 240 УПК РК по общему правилу лишь оговаривается, что в случае проведения негласного следственного действия лицо лишь уведомляется. Следовательно, прежде всего в интересах самого государства необходимо решить указанные вопросы.

С другой стороны, по сути, уголовное судопроизводство уже закончено, и речи о том, что сам порядок вызова и процесс ознакомления с материалами негласных следственных действий процессуальным быть не может. Возникает затруднительная ситуация по вопросу легитимности самого вызова и самого процесса ознакомления с указанными материалами (в случае, конечно же, когда ходатайство об ознакомлении будет удовлетворено – прим. Ғ.С.).

На мой взгляд, порядок и процесс вызова, определение места ознакомления с материалами негласных следственных действий, процесс разъяснения прав и законных интересов граждан и третьих лиц и доведение до их сведения объема ознакомления с материалами негласных следственных действий, процесс ознакомления с материалами негласных следственных действий, порядок завершения ознакомления с материалами негласных следственных действий, составление документа об итогах ознакомления с материалами негласных следственных действий и их последующего хранения должен регулироваться Правилами проведения негласных следственных действий [3].

В связи с тем, что в статье 240 УПК РК оговаривается порядок хранения таких материалов вне уголовного дела в уполномоченном подразделении правоохранительного или специального государственного органа до принятия решения об их уничтожении, считаю целесообразным все необходимые документы, составляемые от начала и до конца проведения процедуры ознакомления с материалами негласных следственных действий, хранить со всеми собранными материалами в указанном подразделении до принятия решения об их уничтожении в установленном порядке. Все сказанное должно быть отражено в вышеуказанных Правилах. При этом все документы должны быть составлены по правилам ведения уголовного судопроизводства.

Например, уведомление – в соответствии с требованиями статьи 240 УПК РК, протокол ознакомления с материалами негласных следственных действий – в соответствии с требованиями статьи 119 и 239 УПК РК (причем статью 119 УПК необходимо уже сейчас изменить, с учетом наличия в досудебном производстве негласных следственных действий – прим Ғ.С.) и в аналогичном порядке – постановление об удовлетворении либо отказе в удовлетворении ходатайства об ознакомлении с материалами негласных следственных действий, не приобщенными к материалам уголовного дела, протокол ознакомления с материалами негласных следственных действий, протокол разъяснения прав и законных интересов граждан и третьих лиц и доведение до их сведения объема ознакомления с

материалами негласных следственных действий и других возможных сопутствующих документов – таких как подписка о неразглашении сведений, ставших известных по расследованному уголовному делу и так далее.

В данном направлении необходимо провести большую работу, наша задача сейчас заключается в констатации данного факта и пока теоретической необходимости принятия данного решения.

Другой немаловажный вопрос заключается и в том, чтобы интересы государства были защищены в полном объеме в случаях, когда уголовное дело расследуется в электронном формате. Здесь в перспективе могут возникнуть большие проблемы, по одной лишь причине, что каждый доступ к материалам уголовного дела должностным лицом фиксируется системой безопасности, скопировать определенные документы с материалов уголовного дела физически невозможно (например, постановление о санкционировании негласного следственного действия – прим. Ғ.С.), что в случае удовлетворения ходатайства об ознакомлении с материалами негласных следственных действий просто необходимо.

Более того, в случаях применения мер безопасности участников уголовного процесса, многие документы будут недоступны и которые, с материалами негласных следственных действий находиться вместе одновременно не будут. Что в итоге будет предоставляться для ознакомления даже теоретически сложно представить.

На мой взгляд, в тех решениях, которые были предложены выше есть ответ – вне зависимости от того, в каком формате будет расследоваться уголовное дело, все материалы негласных следственных действий, которые не были к нему приобщены, должны храниться отдельно.

А чтобы в последующем не возникало вопросов и проблемы с чем конкретно ознакамливать, необходимо определить перечень и хотя бы минимальную систематизацию документов, которые в итоге должны храниться отдельно от уголовного дела.

В целом, подводя итог сказанному, констатируем, что в разрезе защиты интересов государства при проведении негласных следственных действий, отдельные вопросы требуют своего разрешения, а предложенные в настоящей научной статье решения призваны побудить к их обсуждению и рациональному принятию в последующем правовых решений.

Сиделев В.В.

Типичные ошибки, допускаемые при проведении и представлении результатов оперативно-разыскной деятельности

Аннотация. С целью оптимизации предварительного расследования автором анализируются ошибки органа дознания при представлении результатов оперативно-разыскной деятельности следователю, прокурору в суд, рассматриваются основные способы их процессуального введения в уголовное дело в целях доказывании.

Ключевые слова: оперативно-разыскная деятельность, орган дознания, следователь, доказательства.

В результате проведения оперативно-разыскной деятельности мероприятий (далее по тексту – ОРД, либо оперативно-разыскная деятельность), должностными лицами может быть получен ряд данных, которые могут лечь в основу доказательственной базы. Однако, согласно ст.89 УПК РФ, результаты оперативно-разыскной деятельности не могут использоваться в процессе доказывания, если они не отвечают требованиям установленными уголовно-процессуальным законодательством. Для включения в ряд доказательств, полученные данные должны пройти строго регламентированную процедуру проверки, то есть должны быть исключены ошибки при их получении, фиксации и дальнейшем использовании.

Парадоксально, что требований, предъявляемых к полученным результатам куда меньше, нежели ошибок, которые совершаются при получении и использовании результатов оперативно разыскных мероприятий.

В научной литературе неоднократно предпринимались попытки классифицировать перечень допускаемых ошибок. Однако, основания для классификации не имеют четких границ, и как следствие, сама градация является неточной.

Условно оперативно-разыскную деятельность возможно разделить на ряд этапов.

Так, *первым этапом* может являться выявление основания для проведения ОРД и обоснование их в соответствующем постановлении. На данном этапе основной ошибкой будет подписание данного постановления ненадлежащим лицом. Если речь идет, о проведении стандартных оперативно-разыскных мероприятий, то подписывать его может только уполномоченный на то руководитель органа дознания. Так, например, апелляционным определением Железнодорожного районного суда г. Орла от 16.08.2016 № 22-1430/2016, была оставлена без удовлетворения жалоба государственного обвинителя, утверждавшего, что оперативно-разыскные мероприятия, проведенные на основании постановления следователя органом дознания, могут быть признаны допустимыми доказательствами по уголовному делу ввиду необходимой срочности их проведения, что повлекло оправдание обвиняемой (в подобных случаях следует руководствоваться ст. 8 ФЗ «Об оперативно-разыскной деятельности», в которой говорится, что в случаях, не терпящих отлагательства, возможно проведение ОРМ на основании мотивированного постановления одного из руководителей органа, с обязательным уведомлением суда в течение 24 часов). [1]

В случае, если оперативно-разыскные мероприятия ограничивают конституционные права граждан, решение будет приниматься судьей на основании мотивированного постановления одного из руководителей органа, осуществляющего оперативно-разыскную деятельность. Перечень категорий таких руководителей устанавливается ведомственными нормативными актами (ст. 9 ФЗ «Об оперативно-разыскной деятельности»).

[1] Апелляционное определение Железнодорожного районного суда г. Орла от 16.08.2016 № 22 1430/2016.

Также, одной из распространенных ошибок, считается отсутствие утвержденного постановления о проведении оперативно-разыскных мероприятий. Апелляционным определением Курганского городского суда от 27.05.2015 №22-990/2015 был отменен обвинительный приговор в связи с существенными нарушениями судом первой инстанции норм уголовно-процессуального законодательства и признания допустимыми результатов ОРД, проведенных без законных оснований, а именно отсутствия вовремя утвержденного постановления.[1]

Помимо вышеуказанных процессуальных дефектов, на данном этапе могут допускаться и ошибки, касающиеся объективности и достоверности оснований, достаточных для проведения оперативно-разыскных мероприятий. Помимо общих случаев неточной информации о готовящихся, совершаемых или совершенных преступлениях, имеет место прямая фальсификация данных. Законность проведения подобных оперативно-разыскных мероприятий на данных основаниях судом опровергается. Так, приговором Гагаринского районного суда г. Москвы от 03.09.2015 № 1-301/2015, была признана вина должностного лица, совершавшего неоднократную фальсификацию документов, использование их для введения в заблуждение своего непосредственного руководства, руководства следственного органа, следователя, прокурора и судьи, с целью необоснованного привлечения заведомо невиновного гражданина к уголовной ответственности за преступления, которые последний не совершал.[2]

Следует также упомянуть и про нарушение особого порядка проведения оперативно-разыскных мероприятий в отношении отдельных категорий лиц (ст. 447 УПК РФ).

На *втором этапе* сфера совершения ошибок достаточно широка. Связано это со спецификой проведения отдельных видов мероприятий и человеческим фактором.

Во-первых, следует обратить внимание на грамотность и точность указания наименований того или иного оперативного мероприятия. Допущенная ошибка в названии, конечно же, не будет являться основанием для признания судом незаконным проведенного мероприятия, однако, нельзя забывать о грамотности должностных лиц и соответствии названия Закону.

Во-вторых, при осуществлении оперативно-разыскной деятельности часто происходит ее подмена административной практикой. Например, решение по делу об административном правонарушении, рассмотренное Краснотурьинском городском суде от 04.07.2017 № 12-53/2017 в отношении гражданки Н.

В рамках проведенного оперативно-разыскного мероприятия был выявлен факт купли-продажи алкогольной продукции несовершеннолетним. В дальнейшем на гражданку Н. был наложен административный штраф. Однако, в вышеупомянутой ситуации основания для совершения оперативно-разыскных мероприятий отсутствовали (ст. 7 ФЗ «Об оперативно-разыскной деятельности» содержит закрытый перечень оснований для проведения оперативных мероприятий). Еще до начала проведения мероприятия сотрудники полиции, на основании

---

[1]Апелляционное определение Курганского городского суда от 27.05.2015 №22-990/2015.
[2]Приговор Гагаринского районного суда г. Москвы от 03.09.2015 № 1-301/2015.

имеющейся оперативной информации, знали, что гражданкой Н. совершаются лишь не зафиксированные ранее административные правонарушения. Уголовно наказуемое деяние образуется только при повторном совершении указанного административного правонарушения лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние, в период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию. Помимо этого, смысл ФЗ «Об оперативно-разыскной деятельности» подразумевает под противоправным деянием исключительно уголовно наказуемое деяние, то есть преступление; когда же в ходе оперативно-разыскной деятельности обнаруживается, что речь идет не о преступлении, а об иных видах правонарушений, то проведение оперативно-разыскных мероприятий в силу статьи 2 и части четвертой статьи 10 должно быть прекращено. [1]

В-третьих, допускаются ошибки при фиксации и описании результатов, полученных ходе осуществляемых мероприятий, что в дальнейшем может послужить основанием для оспаривания со стороны защиты и сомнения со стороны суда при определении относимости и достоверности.

Ошибки, связанные с отдельными видами проводимых мероприятий достаточно подробно рассмотрены и изучены. Так, например, относительно провокации, как варианта оперативного мероприятия, существует Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2000 № 6 «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе», которое требует отсутствия предварительной договоренности с должностным лицом и наличие основания для проведения проверки. Помимо указанного постановления, существует Постановление ЕСПЧ от 4 ноября 2010 г. Дело «Банникова против России» [Bannikova v. Russia] (жалоба N 18757/06)[2], в котором разработан ряд критериев для отграничения провокационных действий от правомерно проводимых оперативно-разыскных мероприятий.

Еще одним примером допускаемых ошибок в отдельных видах мероприятий может служить путаница в понятийном аппарате нормативной базы. Делая ссылку на уголовно-процессуальное законодательство, при проведении оперативного эксперимента, должностными лицами привлекаются понятые, однако, нормы ФЗ «Об оперативно-разыскной деятельности» не содержат такового понятия. Следовательно, у оперативных работников не возникает обязанности в разъяснении прав и обязанностей данным лицам. Тем не менее, присутствие лиц, способных подтвердить законность проведенного эксперимента необходимо.

На заключительном этапе ОРМ, следует снова обратиться к процессуальной плоскости допускаемых ошибок. Типичные изъяны заключаются в отсутствии или неправильном составлении документов, резюмирующих положения о проведенной деятельности, отсутствии подписи полномочного должностного лица, и процессу передачи результатов уполномоченным должностным лицам (органам). Следует особое внимание уделить п. 6–17 Инструкции от 23.09.2013 «О

[1] Решение Краснотурьинского городского суда от 04.07.2017 № 12-53/2017.

[2] Постановление ЕСПЧ от 4 ноября 2010 г. Дело «Банникова против России» [Bannikova v. Russia] (жалоба N 18757/06).

порядке представления результатов оперативно-разыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд».

Рассмотрим порядок представления результатов ОРД на примере наиболее распространенного оперативного мероприятия – оперативный эксперимент.

Постановление о проведении ОРД должно составляться в двух экземплярах. В данном постановлении недопустимо упоминание о наличии дела оперативного учета, что может повлечь ходатайство стороны защиты об ознакомлении с ним в ходе судебного заседания (ч. 5 ст. 49 УПК РФ и ч. 5 ФЗ об ОРД)[1].

При получении результатов ОРД следователь производит их оценку на предмет допустимости, т.к. в противном случае данные результаты невозможно будет использовать для использования в доказывании (формировании на их основе доказательств).

Следователь проводит анализ представленных материалов на предмет их соответствия ФЗ об ОРД и Инструкции от 23.09.2013 «О порядке представления результатов оперативно-разыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд», а также на их основе выполняет процессуальные и следственные действия по преданию результатам ОРД качества доказательств (осмотр, признание и приобщение вещественных доказательств, допрос, назначение судебных экспертиз).

В числе прочего следователь проверяет правильность составления представленных документов, описание конкретных действий сотрудников оперативных подразделений при проведении ОРД, наличие сведений об участвующих в ОРД лицах, описание полученных в результате ОРД сведений, наличие указаний применения технических средств.

Доказательства, которые в последствии будут формироваться на основе представленных ОРД, должны отвечать всем требованиям допустимости, относимости и достоверности.

Смолин М.С.

Психологическое воздействие в оперативно-разыскной деятельности: правовые последствия и критерии правомерности

Аннотация. Результаты оперативно-разыскной деятельности являются одним из видов иных доказательств, условием допустимости которых является соответствие критериям проверки и оценки доказательств в уголовном судопроизводстве. На практике, суд в ряде случаев должен обосновывать возможность использования в доказывании вербальных результатов такой деятельности, несмотря на доводы о применении неправомерных способов расследования, таких, как неправомерное психологическое воздей-

[1] *Родичев М.Л.* Правовые основы проведения оперативно-разыскных мероприятий в целях выявления и документирования получения взяток: учебно-методическое пособие / М.Л. Родичев, А.И. Тамбовцев, А.Е. Чечетин, А.В. Шахматов. СПб: Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2018. С. 96.

ствие. На основе судебной практики и имеющихся теоретических подходов предложены критерии правомерности психологического воздействия в ходе фиксации первоначальных заявлений заподозренного.

Ключевые слова: оперативно-разыскная деятельность, использование результатов ОРД в доказывании, критерии правомерности психологического воздействия, волевой критерий правомерности.

Несмотря на то, что в УПК РФ результаты оперативно-разыскной деятельности (далее - ОРД) в качестве одного из вида доказательств не названы[1], а Федеральный закон «Об оперативно-разыскной деятельности» собирание доказательств в перечень задач этой деятельности не включает[2], совместное толкование ст. 89 УПК РФ, абзаца 2 статьи 11 указанного Федерального закона и п. 4 Инструкции «О порядке предоставления результатов оперативно-разыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд», позволяет сделать вывод, что фактически результаты выполнения оперативно-разыскных мероприятий (далее - ОРМ), являются одним из видов иных доказательств, использование которых допустимо в уголовном судопроизводстве.

Условием допустимости результатов ОРД в качестве доказательств, является их соответствие критериям собирания, проверки и оценки доказательств, установленных уголовно-процессуальным законодательством.

Свойствами, которые отличают результаты ОРД от доказательств, формируемых дознавателем или следователем, являются возможность их получения независимо от принятия решения о возбуждении уголовного дела (до принятия материала проверки в производство следователя, возбуждения уголовного дела или после принятия решения о приостановлении предварительного следствия[3]), возможность производства их негласно[4], особые правила документирования, предусматривающие возможность сокрытия оснований проведения, способов и тактических приемов, использованных при выполнении ОРМ[5].

Законодательство об ОРД в целом ориентировано на то, чтобы получать сведения об источниках доказательств, процессуальную фиксацию которых должен проводить следователь или дознаватель.

Вместе с тем, ряд процессов и проявлений, связанных с преступлением, особенно вербальных, таких, как личные пояснения заподозренного лица, звучащий голос участников коррупционных правоотношения, а в ряде случаев — и материальных, таких как документация или предмет взятки, могут носить уникальный, неповторимый характер, воспроизвести и зафиксировать которые в ходе расследования невозможно. Такие доказательства на практике фиксируются в

---

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Часть 2 статьи 74.

[2] Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности». Статья 2.

[3] Часть 2, 5, 6 статьи 7 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», часть 2 статьи 209, часть 1 и 2 статьи 210 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

[4] Статьи 3, 8. Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

[5] Статья 12. Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

рамках проведенных ОРМ, а в процессе доказывания становятся предметом ожесточенных споров сторон обвинения и защиты.

Позиция Конституционного суда РФ по данному вопросу сводится к констатации, что «результаты оперативно-разыскных мероприятий являются не доказательствами, а лишь сведениями об источниках тех фактов, которые, будучи полученными с соблюдением требований Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности», могут стать доказательствами только после закрепления их надлежащим процессуальным путем, а именно на основе соответствующих норм уголовно-процессуального закона, т.е. так, как это предписывается статьями 49 (часть 1) и 50 (часть 2) Конституции Российской Федерации»[1]. Вместе с тем, такая, на первый взгляд ограничительная позиция, не препятствует тому же Конституционному суду, обосновывать допустимость использования в доказывании материалов, полученных только в рамках ОРД, например образцов голоса подозреваемого, который отказался представить их в ходе расследования: «основанное на законе получение образцов голоса, необходимых для сравнительного исследования, означает не самовольное вмешательство в частную жизнь гражданина, а выполнение функции по защите общественных интересов от преступных посягательств, поскольку такие образцы необходимы для производства по уголовному делу», а «право на неприкосновенность частной жизни означает предоставленную человеку и гарантированную государством возможность контролировать информацию о самом себе, если она носит непротивоправный характер»[2].

Противоречивость позиции Конституционного суда вытекает из «базового» Определения от 4 февраля 1999 г. № 18-О[3], в котором указано, что «результаты оперативно-разыскных мероприятий являются не доказательствами, а лишь сведениями об источниках тех фактов, которые могут стать доказательствами только после закрепления их надлежащим процессуальным путем», но, одновременно, «нормой, содержащейся в части второй статьи 11 Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности», конституционные права не нарушаются. Решение же в каждом отдельном случае вопроса о том, являются ли конкретные материалы, представленные оперативными службами (в том числе произведен-

---

[1] См., например, Определение Конституционного Суда РФ от 29.09.2016 N 1943-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Иванова Александра Павловича на нарушение его конституционных прав положениями статей 46, 47, 53, 74, 75, 86 и 89 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, статьи 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», а также статей 11 и 12 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

[2] См.: Определение Конституционного Суда РФ от 28.09.2017 N 2211-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Урванцевой Веры Борисовны на нарушение ее конституционных прав частью четвертой статьи 21, статьями 86, 87 и 89 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, статьями 2, 6 и 12 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

[3] Определение Конституционного Суда РФ от 4 февраля 1999 г. N 18-О «По жалобе граждан М.Б. Никольской и М.И. Сапронова на нарушение их конституционных прав отдельными положениями Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

ные при проведении оперативно-разыскных мероприятий аудиозаписи), достоверными и допустимыми и могут ли они, с учетом требований уголовно-процессуального закона, использоваться в качестве доказательств, относится к ведению судов общей юрисдикции».

На практике, суды общей юрисдикции, основываясь на позициях Конституционного суда РФ, не ставят вопрос о правомерности использования результатов ОРД в доказывании, то есть не уделяют специального внимания порядку собирания этих сведений, если не были явно нарушены формальные требования ст. 8 Федерального закона об оперативно-разыскной деятельности» относительно категории тяжести преступления и должностных лиц, уполномоченных санкционировать проведения некоторых видов ОРМ.

Оценка результатов ОРД осуществляется по критерию допустимости, достоверности и достаточности.

Обстоятельствами, указывающими на допустимость доказательств суды признают: неоднократность дачи подозреваемым и обвиняемым показаний с защитником, отсутствие незамедлительных жалоб на неправомерное психологическое воздействие со стороны сотрудников органа дознания, а в случае, если такие заявления поступят - проведение по ним доследственных проверок, проведение судебно-медицинских экспертиз в отношении подозреваемых и обвиняемых непосредственно после выполнения с ними ОРМ или следственных действий[1].

Достоверность оценивается с позиции соответствия информации, сообщенной подозреваемым или обвиняемым фактическим обстоятельствам, установленным из иных источников[2].

Достаточность понимается как подтвержденность выводов суда «совокупностью других, не вызывающих сомнение доказательств» и отсутствие «существенных противоречий в доказательствах, требующих их истолкования в пользу осужденных»[3].

В случаях, когда результаты ОРД у суда вызывают сомнения, то в доказывании они не используются – признаются «не имеющими отношения к доказанности вины», поскольку «в основу приговора не были положены»[4] без дополнительного специального анализа.

То есть, результаты ОРД при вынесении приговора сопоставляются судами с результатами выполненных следственных действий и оцениваются с точки зрения соответствия формальным требованиям уголовно-процессуального кодекса.

---

[1]См., например, апелляционное определение Свердловского областного суда от 03.11.2016 по делу № 22-8402/2016, апелляционное определение Верховного суда Российской Федерации от 15.08.2018 № 74-АПУ18-7.

[2] См., например, апелляционное определение Верховного суда Российской Федерации от 01.11.2016 № 64-АПУ16-7.

[3]См., например, апелляционное определение Свердловского областного суда от 25.04.2016 по делу № 22-3356/2016.

[4]См., например, апелляционное определение Московского городского суда по делу № 10-11915, апелляционное определение Верховного суда Российской Федерации от 19.12.2017 № 89-АПУ17-10.

На первый взгляд, мотивация и обстоятельства, при которых были получены результаты ОРД, причем результаты вербальные, такие, как явка с повинной, судами не учитываются и не анализируются, а для выявления правомерности психологического воздействия со стороны субъектов ОРД на заподозренного, достаточно проверить соблюдение процессуальных принципов и гарантий на этапе предварительного следствия. Однако, такой подход возможен лишь по уголовным делам с избыточной доказательственной базой, когда вина причастного лица подтверждается совокупностью материальных доказательств, показаниями очевидцев и потерпевших, когда «обвиняемый может сознаваться или не сознаваться, давать правдивые или лживые объяснения, участвовать в следствии или не участвовать — от этого ни в какой мере не должны зависеть ни ход следствия, ни его результаты. Поэтому обвиняемый в уголовном процессе не должен рассматриваться как единственный и самый достоверный источник истины»[1].

В ряде случаев, суд вынужден обосновывать возможность использования в доказывании показаний подозреваемого и обвиняемого, несмотря на его доводы о применении неправомерных способов расследования, таких, как неправомерное психологическое воздействие. Особая сложность такого анализа связана с тем, что в законодательстве термина «психологическое воздействие» не содержится, как и критериев его правомерности или неправомерности. Причем, задачей суда может стать не только анализ достоверности заявлений, объяснений и показаний причастного лица, но и мотив, по которому данное лицо начало сотрудничать со следствием, а точнее, добровольность такого сотрудничества. Отсутствие нормативных критериев психологического воздействия может вызвать у суда сомнения в правомерности не только отдельных следственных действий или ОРМ, но и всей совместной тактической операции органов следствия и дознания по раскрытию преступления.

Например, Е. обвинялся органами следствия в совершении преступлений, предусмотренных п. п. «д, «з», «к» ч. 2 ст. 105, ч. 2 ст. 159, ч. 1 ст. 167 УК РФ. Е., являясь менеджером магазина элитной сантехники, совершил мошенничество в отношении П., путем получения и присвоения предоплаты. Желая скрыть совершенное преступление. Е. пригласил П. в магазин в выходной день, где нанес ей смертельные повреждения ножом, затем инсценировал нападение неизвестных, причинив себе ножевые ранения, похищение видеорегистратора. Версия Е. была опровергнута на первоначальном этапе расследования. Получив разрешение лечащего врача на участие Е. в следственных действиях по состоянию здоровья, следственно-оперативная группа произвела его задержание, работу с ним, в ходе которой, под воздействием объективных доказательств – записанного потерпевшей разговора с ним о денежном долге и обнаруженной видеозаписи перемещений лиц у входа в магазин, Е. принес явку с повинной, дал признательные показания и принял участие в проверке показаний на месте. В дальнейшем, он изменил свою позицию и последовательно сообщал о непричастности к преступлению и вынужденном решении о даче первоначальных заявлений и показаний.

---

[1] *Вышинский А.Я.* Теория судебных доказательств в советском праве. М. 1941 г. С. 179–180.

Судом первой инстанции, постановив обвинительный приговор[1], исключил из числа доказательств явку с повинной, принесенную Е. в орган дознания, первоначальные показания подозреваемого и протокол проверки показаний на месте, посчитав, что они были получены в период, когда Е. нуждался в проведении лечения, то есть «его объективные параметры состояния здоровья» были ухудшены, и это состояние было использовано правоохранительными органами как способ противоправного психологического воздействия на подозреваемого[2].

По другому делу[3], Верховный суд РФ, анализируя показания Ф., признанные им допустимыми, указал, что к такому выводу он приходит, поскольку осужденный в ходе расследования показания давал подробно, причем не только в вербальной форме, но и «изобразил на рисунке металлическую часть молотка, которым наносил удары», «в подробностях нарисовал схему места преступления, маршрут своего движения после преступления», в ходе проверки показаний на месте «с помощью манекена и макета продемонстрировал свои действия», а «суд, просмотрев в судебном заседании видеозаписи следственных действий, смог убедиться в добровольности дачи показаний: Ф. находился в бодром состоянии, непринужденно, убедительно, без наводящих вопросов давал показания о совершенном преступлении», «Ф. сообщил о мотивах своего <преступного> поведения. Отсутствие фактов физического или психического насилия в отношении осужденного суд установил из свидетельских показаний сотрудников органа дознания.

Таким образом, последствием использования неправомерных тактических и психологических приемов, направленных на фиксацию первоначальной оперативно-разыскной и следственной информации может стать исключение ее из доказательств.

В специальных юридических публикациях высказаны различные мнения о критериях допустимости психологического воздействия в уголовном судопроизводстве и ОРД. Традиционным критерием разделения психологического воздействии на правомерное и неправомерное в российской теории и практике считается возможность для объекта воздействия выбора той или иной линии поведения[4], а основным признаком противоправного психологического воздействия – существенное ограничение или лишение субъекта свободы воли[5]. Однако, попытки выработки четких критериев допустимости психологического приема или

---

[1] Уголовное дело № 2-12/2018 по обвинению Ефименко Н.А. в совершении преступлений, предусмотренных п. п. «д», «з», «к» ч. 2 ст. 105, ч. 2 ст. 159, ч. 1 ст. 167 УК РФ. Приговор от 23.03.2018. Архив Челябинского областного суда.

[2] По данному факту Челябинским областным судом 23.03.2018 вынесено частное постановление на действия следственно-оперативной группы. Частное постановление обжаловано и отменено Верховным судом РФ.

[3] Апелляционное определение Верховного суда Российской Федерации от 14.08.2017 № 72-АПУ17-14.

[4] *Ратинов А.Р.* Судебная психология для следователей М., 1967, с. 163

[5] Например, *Колосов В., Поднебесный А.* Психическое насилие в форме противоправного психологического воздействия как способ совершения мошенничества // Уголовное право, 2007. № 3.

воздействия приводят исследователей к констатации, что уголовно-процессуальная форма общения в судопроизводстве изначально ориентирует на восприятие гражданина как объекта воздействия, а не активного субъекта[1], в связи с чем оперативный работник может реализовывать одну из двух стратегий: психологические воздействия, ориентированные на сознательный выбор и свободную волю тех, с кем он взаимодействует, либо приемы, реализация которых возможна минуя этап критического осмысления и собственного волеизъявления реципиентов[2].

В конкретных условиях, одни и те же приемы и технологии с точки зрения морально-этических критериев могут выступать как правомерные, так и неправомерные[3], в связи с чем (чтобы избежать негативной судебной оценки) высказывается мысль о том, что в уголовном судопроизводстве может допускаться лишь свободный рассказ вовлекаемых в него лиц, поскольку любой прием психологического воздействия – насилие над личностью, попрание ее свобод[4].

Исследователи в основном, предлагают различные критерии отбора допустимых методов, критериями отбора которых служат морально-этические и нравственные воздействия, а также исключение деструктивно-манипуляционных методов.

Вместе с тем, выделяя задачу ликвидации сопротивления подследственных и получения их признания как правомерную цель и средство быстрого раскрытия преступления[5], рекомендаций по ее достижению в виде критериев применимости конкретного метода или тактического приема в литературе не дается.

Полагаю, что подобные критерии в настоящее время выработаны судебной практикой, существуют объективно, едины как для органа дознания так и для органов следствия и могут быть использованы как в доказывании, так и при разработке тактики проведения оперативно-разыскных мероприятий, следственных действий и тактических операций.

Для анализа необходимо обратиться к практике Европейского суда по правам человека, как органа, реализующего специфическую модель доказывания, сформированную в результате синтеза теории и практики доказывания ряда европейских стран, существующего в различных правовых системах.

Наиболее интересным для рассматриваемой проблемы является анализ постановления Европейского суда по правам человека в деле «Турбылев против Российской Федерации»[6]. Реальными основаниями для суда признать факты жесто-

---

[1] Например, *Степаненко Д.А.* Психологическое воздействие в уголовном судопроизводстве: понятие и критерии допустимости // Российский следователь. 2014. № 9.

[2] Например, *Краснова К.А., Агапов П.В*. Психологическое воздействие и его значение в оперативно-разыскной деятельности по делам об организованной преступности // Юридическая психология. 2014. № 2.

[3] Например, *Енгалычев В.Ф.* Диагностика психического воздействия в процессе судебно-психологической экспертизы // Методы психологии. Ростов-на-Дону, 1997. С. 96–98.

[4] *Васкэ Е.В*. Психическое и психологическое воздействие в уголовном процессе – к определению понятий // Российский психологический журнал. 2010. Том 7. № 1.

[5] *Васкэ Е.В*. Указ. Соч.

[6] Европейский суд по правам человека. Первая секция. Турбылев (TURBYLEV) против Российской Федерации (Жалоба № 4722/09). Постановление от 06.10.2015.

кого обращения и понуждения к даче признательных показаний, стали отсутствие мотива осужденного отказаться от своего права не давать показания, что должно было быть сделано им «недвусмысленным образом», презумпция «нахождения в состоянии особой уязвимости, чувства страха, тоски» от самого факта проверки на причастность к преступлению, которые, в условиях неразъяснения фактического содержания права не давать показания в отношении самого себя и права пользоваться помощью защитника «причинили нравственное страдание и заставили его <осужденного> действовать против его воли». Правовые позиции Европейского суда по правам человека относительно волевого критерия лица, сообщающего информацию, в целом исходят из критерия инициативы: по делам Класс против Германии (1978) и А. против Германии (1987) указывается, что «в интересах заявителя было не говорить со своим соучастником в присутствии третьего лица. Если, он, тем не менее, сделал это добровольно, ответственность за то, что это обернулось против него, лежит на нем», по делам, связанным с возможной провокацией со стороны сотрудников полиции, главным критерием является «по существу пассивное поведение» сотрудников полиции, присоединяющихся к действиям лица, совершившего преступление, а не побудивших виновного к деятельности в той либо иной форме, без раскрытия своих истинных целей (дела Раманаускас против Литвы, Миллиниене против Литвы, Ваньян против Российской Федерации, Банникова против Российской Федерации).

Указанные правовые позиции свидетельствуют, что основным критерием правомерности гласного ОРМ, фиксирующего заявления лица, совершившего преступление, является принятие именно им решения сообщить информацию сотрудникам правоохранительного органа, при условии предварительного разъяснения ему права не делать этого и предоставления возможности выбора одной из двух альтернатив – сообщить о преступлении, осознавая фактические последствия такого поступка либо отказаться от дачи объяснений.

Таким образом, критериями правомерности психологического воздействия являются:

- направленность деятельности сотрудника правоохранительных органов на социально полезную цель (раскрытие преступления),
- обоснованность подозрения или проверки частной версии о причастности конкретного лица (обоснованность коммуникации, отсутствие инициативных контактов с проверяемым после явно выраженного отказа давать пояснения и показания, без появления новых фактов и доказательств),
- предварительное, до начала коммуникации, разъяснение субъекту воздействия как минимум двух основных вариантов его поведения – отказа от показаний и признания, правовых возможностей выбора (права отказаться от показаний) а также фактических последствий каждой из альтернатив (необходимости проверки его алиби, изучения круга социального общения, проведения сравнительных исследований в случае его отказа от показаний и получения уголовно-процессуальной выгоды от признания в виде смягчения наказания, возможности установления социально приемлемого мотива совершения преступления и смягчающих обстоятельств, не известных следствию),

- фиксация того факта, что инициатива сообщить информацию исходит от заподозренного, то есть выяснения мотива и причин принятия подобного решения,

- несовершение действий, прямо запрещенных законом – физического насилия, угроз, шантажа, введение заподозренного в заблуждение относительно полномочий того или иного должностного лица («присвоения» оперативными сотрудниками функция разрешения дела по существу, определения вида, размера наказания и т.п.) При этом, разъяснение сотрудником органа дозания действительно закрепленных в законе полномочий как собственных, так и иных должностных лиц и указание на возможные неблагоприятные правовые последствия в том или ином варианте поведения заподозренного являются правомерным способом психологического воздействия).

При одновременном соблюдении всех указанных критериев, любой прием психологического воздействия будет являться правомерным.

Старжинская А.Н.

Некоторые аспекты использования результатов оперативно-разыскных мероприятий при противодействии склонению к совершению самоубийства

Аннотация. В статье раскрываются отдельные вопросы использования результатов оперативно-разыскных мероприятий при противодействии склонению к совершению самоубийства.

Ключевые слова: оперативно-разыскные мероприятия, противодействие, самоубийство, суицид, склонение к самоубийству.

В настоящее время оперативно-разыскная деятельность располагает достаточно существенным арсеналом средств, к которым относятся оперативно-разыскные мероприятия, способствующие не только успешному выявлению и раскрытию преступлений, но и значительным образом влияют на полноту предварительного расследования. Статьи 6, 7 и 8 Федерального закона от 12 августа 1995 г. (в ред. от 6 июля 2016 г.) № 144-ФЗ «Об оперативно-разыскной деятельности», соответственно, устанавливают перечень оперативно-разыскных мероприятий, а также основания и условия их проведения. Получаемые в процессе оперативно-разыскных мероприятий сведения, в сущности, и представляют собой результаты оперативно-разыскной деятельности.

Оставляя за рамками статьи научные дискуссии о вопросах терминологии, представляется необходимым экспонировать позицию В.И. Зажицкого, которым результаты оперативно-разыскной деятельности определяются как «полученные путем проведения оперативно-разыскных мероприятий в рамках конкретного дела оперативного учета достаточно полные и проверенные сведения, которые надлежащим образом задокументированы, служат средствами решения задач оперативно-разыскной деятельности и в силу этого могут быть использованы в интересах уголовного судопроизводства по основным направлениям, указанным

в законе (статья 11 Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности»), но без разглашения информации, составляющей государственную тайну»[1].

Одной из особенностей выявления и раскрытия склонения к совершению самоубийства, совершаемым посредством информационно-телекоммуникационным сетей, является кропотливая работа следователей и оперативных сотрудников в информационном пространстве в целях мониторинга абонентской активности фигурантов[2].

При этом при проведении исследования контента оперативный сотрудник должен провести визуальный осмотр и мониторинг информации, содержащейся в социальных сетях[3]. Как правило, представляет оперативный интерес переписка в социальных сетях, которая осуществлялась между потерпевшим и «куратором», в ходе которой формируется система действий, направленная на приведение потерпевшего в определенное психологическое состояние.

Так, Б. совместно с П., путем предложения совершить самоубийство, указания на самоубийство как на способ решения проблемы, одобрения совершения самоубийства и использования психологических приемов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» склонили к совершению самоубийства несовершеннолетнюю Л., однако, последняя самоубийства не совершила, поскольку преступные действия Б. и П. были пресечены[4].

В свою очередь, следователем исследуются результаты оперативно-разыскных мероприятий в целях установления объективной стороны деяния, в том числе результаты анализа визуального наблюдения происходящего, исследования виртуальных мест хранения информации, отождествления личности лиц и их опросы. При этом объекты могут быть ранее неизвестными, работа с ними требует проведения целого комплекса ОРМ.

Также в ходе проведения следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий устанавливается схема реализации преступного умысла. Изучение практики показывает, что типичная схема преступной деятельности фигурантов в социальных сетях формируется из нескольких этапов:

- на первом этапе «организаторы» групп, эксплуатируя психовозрастные особенности подростков, такие как: эмоциональная неустойчивость, неопределенность самоидентификации, гипертрофированная склонность к пограничным переживаниям, мировоззренческий максимализм, склонность к романтизации и подвигу, и при этом паразитируя на естественном познавательном интересе подростка о себе, осуществляют вовлечение новичков в свою орбиту. Ведущие

---

[1] *Зажицкий В.И.* Доказывание и доказательства по УПК РФ: теоретико-правовой анализ. СПб: Юридический центр-Пресс, 2015. С. 144.

[2] *Васюков В.Ф.* Некоторые вопросы получения компьютерной информации при осуществлении оперативно-разыскной деятельности // Оперативник (сыщик). 2018. № 2 (55). С. 20-23.

[3] *Вехов В.Б., Васюков В.Ф.* Получение компьютерной информации от организаторов ее распространения в сети Интернет при расследовании преступлений // Российский следователь. 2018. № 3. С. 11–15.

[4] Апелляционное постановление Новосибирского областного суда от 9 июня 2018 г. по делу № 22-3060/2018.

группы всячески демонстрируют сочувствие, понимание, сопереживание проблемам «подопечных».

- на втором этапе «подопечных» отсылают по ссылке на особый сайт, где их делают некритичными участниками азартных игр, где формируются установка на девальвацию ценности жизни. Кроме того, через предлагаемые тесты происходит программирование: само переживание смерти делается привлекательным, романтичным; суицид преподносится как высшая форма проявления свободы и власти над собой.

- на третьем этапе: быстро и в грубой форме отсеиваются те, кто догадывается об истинном смысле вербовки или хотя бы сомневается в позитивности суицида. Оставшихся в группе отправляют по новой ссылке и формируют группу, в которой происходит прямое «зомбирование» на поступок.

- на четвертом этапе у членов группы формируется инфернальное мироощущение в центре которого – смерть как главное и самое интересное событие в жизни человека, и, соответственно, суицид – как главный поступок, который настоящий человек должен совершить.

- на пятом этапе включается «таймер обратного отсчета времени». С каждым членом группы обсуждается способ самоубийства, определяется дата, время и место, о чем в течение всех 50 (как правило) дней подростку напоминают. Кроме того, будущему суициденту дают понять, что в момент самоубийства его будут «подстраховывать», т.е. в случае колебаний не дадут ему уклониться от совершения суицида, уйти живым.

Анализ следственной практики показал, что только при тесном взаимодействии сотрудников следственных органов и оперативных аппаратов возможно успешное формирование доказательственной базы по проявлению суицидального «воздействия». Кроме того, совместный анализ видеоматериалов, фотографий, рисунков и криптограмм, размещенных в группах социальных сетей по специфической тематике, может охарактеризовать текстовые диалоги как несущие откровенное навязывание аутоагрессии и эмоциональное побуждение к самоубийству. Точнее в дальнейшем такую переписку возможно отнести к «эмоциональному заражению» духом отрешенности к существующей действительности.

Так, в абсолютном большинстве случаев создатели «суицидальных» сайтов на высоком манипулятивном уровне используют все известные на сегодняшний день психотехнологии воздействия на детей подростково – юношеского возраста. При этом изучение материалов уголовных дел позволил сделать вывод о том, что переписка между фигурантом и потерпевшим оказывает воздействие на незрелое сознание с целью его перекодировки в сторону суицидального мировоззрения и готовности к суицидальному поведению.

Поэтому одной из задач, стоящей перед следователями и оперативными сотрудниками своевременно установить (восстановить удаленные) материалы в социальных сетях, которые оказывают влияние на бессознательную сферу, фактически взрывая и разрушая глубинные механизмы самосохранения, так как перенасыщая эмоциональную сферу суицидальными аффектами, «кураторы» лишают подростка критического отношения к психологическим манипуляциям. В

свою очередь интеллектуальная сфера блокируется потоками патологических эмоций, мышление парализовано и искажено ложными установками.

Принимая во внимание хорошо «проработанную» схему вовлечения несовершеннолетних к участию в так называемых «группах смерти», а также грамотное последующее склонение и содействие совершению суицида, деятельность таких групп однозначно можно назвать общественно опасной и социально деструктивной.

Эффективному противодействию таким формам преступной деятельности может способствовать своевременно осуществленный комплекс следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий.

Тагиров А.Н.

Взаимодействие следователя с органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность, по розыску и установлению имущества по уголовному делу

Аннотация. В статье рассмотрена совместная деятельность следователя, органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, и иных государственных органов, направленная на розыск и установление имущества по уголовному делу в целях возмещения вреда, причинённого в результате преступления, а также обеспечения исполнения приговора суда в части гражданского иска и других имущественных взысканий. По результатам исследования предлагаются законодательные и иные меры, направленные на повышение эффективности указанной деятельности.

Ключевые слова: возмещение вреда, причинённого в результате преступления; розыск имущества, добытого в результате преступления; установление имущества подозреваемого, обвиняемого; задачи оперативно-разыскной деятельности; судебный пристав.

Практическая реализация пункта 1 части первой статьи 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации о защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, как назначении уголовного судопроизводства, не может быть обеспечена без возмещения вреда, причинённого в результате преступлений.

По данным МВД России только материальный ущерб по оконченным и приостановленным уголовным делам по итогам 2017 года составил 408 491 411 рублей, в том числе от преступлений экономической направленности – 234 286 685 рублей. Показатели 9 месяцев текущего года уже превысили эти цифры – 419 567 253 рубля материального ущерба, из которых 317 557 564 рубля приходится на экономические преступления[1].

[1] По данным сборников о состоянии преступности в России, подготавливаемых ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: https://мвд.рф/reports/item/12167987/; https://мвд.рф/reports/item/14696015/.

Погибло в 2017 году от преступных посягательств 29 324 человека, тяжкий вред здоровью причинен 50 882 гражданам и здесь должна идти речь о компенсации морального вреда, который сложно оценить в конкретных суммах.

Принудительное обеспечение возмещения вреда от преступлений, осуществляемое (в том числе) в форме наложения ареста на имущество по уголовному делу осуществляется посредством его розыска и установления.

Однако в уголовном, уголовно-процессуальном и оперативно-разыскном законодательстве Российской Федерации данным вопросам посвящено крайне незначительное количество норм.

Так, понятие «розыск имущества» один раз упоминается в Уголовном кодексе Российской Федерации (п. «и» ч. 1 ст. 61) в контексте активного способствования розыску имущества, добытого в результате преступления, как обстоятельства, смягчающего наказание.

В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации данное понятие употребляется только в главе 40.1 «Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» в рамках возлагаемой на себя подозреваемым или обвиняемым обязанности по содействию следствию в розыске имущества, добытого в результате преступления.

Здесь следует отметить, что следственно-судебная практика под «имуществом, добытым в результате преступления» понимает исключительно предмет преступления, то есть «то, на что непосредственно направлено уголовное посягательство»[1] и не охватывает, например, доходы, полученные в результате преступной деятельности. Вырисовывается четкая связь между понятиями «предмет преступления», «имущество, добытое в результате преступления» и «вещественное доказательство».

Таким образом, розыск осуществляется по отношению к конкретному, уже известному имуществу (ставшему предметом преступного посягательства). Этот вывод подтверждается и общепринятым определением розыска как деятельности следователя, органа дознания, администрации места лишения свободы и других компетентных органов по установлению места нахождения обвиняемых, скрывшихся от следствия и суда; осужденных, уклоняющихся от исполнения приговора либо бежавших из мест заключения; лиц, пропавших без вести[2]. Хотя это определение и не включает розыск имущества, речь в нем идет о заранее известных лицах.

Также согласно ст. 160.1 УПК РФ при установлении имущественного вреда от преступления на следователя возлагаются обязанности по установлению имущества подозреваемого, обвиняемого либо лиц, которые в соответствии с законодательством Российской Федерации несут ответственность за вред, причиненный подозреваемым, обвиняемым, стоимость которого обеспечивает возмещение причиненного имущественного вреда. Это единственное упоминание в УПК РФ

---

[1] *Барихин А.Б.* Большой юридический энциклопедический словарь. 2-е издание, переработанное и дополненное. М.: Книжный мир, 2008. С. 529.

[2] *Барихит А.Б.* Там же.

термина «установление имущества», из которого видно, что установление – это поиск заранее неизвестного имущества.

Логично, что розыск имущества должен осуществляться с помощью определённых инструментов, однако обращение к определению понятия «разыскные меры» в п. 38 ст. 5 УПК РФ показывает, что под ними понимаются меры, принимаемые дознавателем, следователем, а также органом дознания по поручению дознавателя или следователя только для *установления* лица, подозреваемого в совершении. О розыске имущества здесь речи не идет. Налицо пробел законодательства, поскольку буквальное толкование позволяет сделать вывод о том, что обвиняемый должен содействовать следствию в том, что не входит в полномочия следователя, хотя это, конечно же, не так.

В этой связи возникает и вопрос о должностных лицах, уполномоченных осуществлять розыск имущества по уголовному делу. Выше уже отмечено, что обвиняемый, ходатайствуя о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, оказывает содействие в розыске имущества, добытого в результате преступления именно следствию. Таким образом, следователь (дознаватель) в соответствии с уголовно-процессуальным законом есть основной орган, уполномоченный осуществлять розыск имущества. Фактически розыск имущества, добытого в результате преступления, в современных реалиях отечественного уголовного процесса становится неотъемлемой частью осуществляемого органом предварительного расследования доказывания по уголовному делу, по которому согласно ст. 73 УПК РФ подлежат доказыванию (в числе прочего) событие преступления (а предмет преступления можно относить к одному из обстоятельств преступления); характер и размер вреда, причинённого преступлением; обстоятельства, смягчающие наказание. Однако полагаем неверным возложение на следователя всей полноты проведения разыскных мероприятий в этой сфере. Все же основная задача следователя – это доказывание, а для розыска целесообразно привлечение целого ряда соответствующих оперативных служб.

Является ли орган дознания субъектом розыска и установления имущества? Как уже указывалось п. 38 ст.5 УПК РФ не наделяет следователя полномочиями поручать органу дознания разыскные меры для установления имущества. Нет таких положений и в ч. 2 ст. 38 УПК РФ о полномочиях следователя. Более того, согласно ст. 2 Федерального закона “Об оперативно-разыскной деятельности” в задачи соответствующей деятельности розыск имущества не входит. Однако одной из таких задач ОРД является установление имущества, но только подлежащего конфискации, то есть по ограниченному числу случаев. Конечно, на практике следователи дают поручение органу дознения, но в отсутствие законодательной базы эффективность их исполнения крайне низка.

Таким образом, именно на следователя падает основная нагрузка по розыску и установлению имущества, подлежащего аресту в целях не только возмещения вреда, причинённого преступлением, но и обеспечения исполнения приговора суда в части различных имущественных взысканий. С этой целью в ходе расследования следователи направляют десятки запросов в различные органы для установления имущества подозреваемого, обвиняемого и последующего наложения ареста на него. Учитывая, что одних только банков в Российской

Федерации насчитывается более 500 можно представить себе объемы этой поисковой работы, которая порой превращается в своеобразное “параллельное” расследование по делу.

Недостаточность регулирования данного вопроса в федеральных законах компенсируется подзаконными актами.

Так, в пункте 18 Инструкции о порядке представления результатов оперативно-разыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд[1], указывается, что результаты ОРД, представляемые для решения вопроса о возбуждении уголовного дела, должны содержать достаточные данные, указывающие на признаки преступления (в том числе) о местонахождении предметов и документов, которые могут быть признаны вещественными доказательствами по уголовному делу (а таковым является и имущество, добытое в результате преступления).

В соответствии с пунктом 18 Инструкции по организации контроля за фактическим возмещением ущерба, причиненного налоговыми преступлениями[2] следственным органам Следственного комитета предписывается направлять в необходимых случаях оперативным подразделениям поручения о проведении оперативно-разыскных мероприятий по выявлению имущества, за счет которого может быть возмещен ущерб; пунктом 9 предусмотрен сбор территориальными органами ФНС России и МВД России сведений о действиях налогоплательщика в отношении принадлежащих ему денежных средств и имущества (в процессе проведения налоговой проверки и до вынесения решения по ее результатам). Вместе с тем в Инструкции отсутствуют сведения об обязанности органов внутренних дел по розыску и установлению имущества.

Пунктом 189 Устава военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации[3] установлены (в числе прочего) меры по розыску похищенного (утраченного) в воинских частях оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и предметов, представляющих повышенную опасность, угнанных транспортных средств Вооруженных Сил и другого военного имущества Вооруженных Сил.

Правоохранительные органы субъектов Российской Федерации также стремятся самостоятельно урегулировать данный пробел. Так, совместным указанием руководителей правоохранительных органов Республики Татарстан от

---

[1] Приказ МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27.09.2013 «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд» // Российская газета. № 282. 13.12.2013.

[2] Приказ Генпрокуратуры России № 286, ФНС России ММВ-7-2/232@, МВД России, СК России от 08.06.2015 «Об утверждении Инструкции по организации контроля за фактическим возмещением ущерба, причиненного налоговыми преступлениями» // СПС «КонсультантПлюс».

[3] Указ Президента РФ от 25.03.2015 № 161 (ред. от 17.06.2017) «Об утверждении Устава военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ.30.03.2015. № 13. Ст. 1909.

25.03.2013 устанавливается порядок направления следователями и дознавателями поручений оперативным службам о проведении оперативно-разыскных мероприятий об установлении имущества, подлежащего аресту[1].

Приведенные документы свидетельствуют о назревшей необходимости законодательного урегулирования вопроса розыска и установления имущества с использованием возможностей оперативно-разыскной деятельности. Такого рода изменения возможны в пункте 38 ст. 5 УПК РФ путем включения в определение разыскных мер деятельности по установлению имущества, подлежащего конфискации, а также имущества, на которое может быть наложен арест.

Необходимо расширить и перечень задач оперативно-разыскной деятельности, изложенных в ст. 2 Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности» – таковыми должно быть не только установление имущества, подлежащего конфискации, но и (по поручению следователя) иного имущества, а также имущественного положения подозреваемого, обвиняемого либо лиц, которые в соответствии с законодательством Российской Федерации несут ответственность за вред, причиненный подозреваемым, обвиняемым.

Схожая работа оперативными службами уже проводится на основании п. 8 ст. 7 ФЗ «Об ОРД» в виде сбора данных, необходимых для принятия решений о достоверности сведений о законности происхождения денег, ценностей, иного имущества и доходов от них у близких родственников, родственников и близких лиц лица, совершившего террористический акт.

Говоря об органах, осуществляющих розыск и установление имущества не следует забывать о судебных приставах, для которых эта деятельность является «профильной». Вместе с тем, Федеральная служба судебных приставов не наделена полномочиями проведения оперативно-разыскных мероприятий и в этом смысле не является органом дознания, которому следователь может давать обязательные для исполнения поручения. С другой стороны, документы следователя, в отличие от документов целого ряда органов, не являются основанием для осуществления их принудительного исполнения. Отчасти поэтому целесообразно изучение вопроса о наделении судебных приставов соответствующими полномочиями. Такой подход обеспечит и большую преемственность между стадиями предварительного расследования и судебного рассмотрения уголовного дела, поскольку в ходе судебного разбирательства схожие решения суда исполняют именно приставы. Также необходимо включить поручение следователя об установлении имущества подозреваемого, обвиняемого по уголовному делу в число оснований для возбуждения исполнительного производства. Привлечение судебных приставов к проведению соответствующих следственных (процессуальных) действий практикуется, например, в Республике Казахстан, где выне-

[1] Совместное указание прокуратуры Республики Татарстан, МВД по Республике Татарстан, СУ СК России по Республике Татарстан, УФСБ России по Республике Татарстан, УФСКН России по Республике Татарстан, УФССП России по Республике Татарстан, ГУ МЧС России по Республике Татарстан от 25.03.2013 № 132/15/2у/8у//12у/-у/1/12/06-12155/296-2-3-6 «О порядке взаимодействия по возмещению ущерба, причинённого в результате совершения преступления».

сенное по ходатайству лица, осуществляющего досудебное расследование, постановление суда о назначении ареста на имущество исполняется судебным исполнителем[1].

Повышение эффективности розыска и установления имущества в ходе досудебного производства диктует необходимость разработки организационной основы взаимодействия в этой сфере различных правоохранительных и контрольных органов. Аналогом такой совместной деятельности является система информационного взаимодействия в сфере противодействия легализации (отмыванию) денежных средств и иного имущества, полученных преступным путем. Эта система включает в себя органы прокуратуры, МВД, ФСБ России, Следственного комитета Российской Федерации и Росфинмониторинга[2].

Перспективная цель в этой сфере – разработка аналогичной системы в целях совместной деятельности различных органов по розыску и установлению имущества для обеспечения возмещения вреда от преступлений и приговора суда в части гражданского иска и различных имущественных взысканий.

Одним из направлений такой деятельности может быть предоставление следователям доступа к единой системе межведомственного электронного взаимодействия, установленной Постановлением Правительства Российской Федерации от 08.09.2010 № 697. В рамках системы различные органы предоставляют доступ к определенным информационным ресурсам. Для органов предварительного следствия могут быть актуальным, например, автоматизированное получение сведений о зарегистрированном имуществе подозреваемых, обвиняемых и иных лиц по уголовным делам, что заменяет направление десятков запросов в бумажном виде и длительное ожидание ответов на них.

Храмцова В.В.

Где проходит тонкая грань между оперативным экспериментом и провокацией?

Аннотация. В настоящей статье исследуется проблема выработки критериев, по которым можно отграничить правомерное оперативно-разыскное мероприятие «следственный эксперимент» от провокационных действий сотрудников оперативных подразделений. Анализируются типичные ошибки, допускаемые в ходе проведения оперативного эксперимента, а также условия правомерности его осуществления.

---

[1] Пункт 7 статьи 163 «Порядок санцкционирования ареста на имущество» Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан от 04.07.2014 № 231-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 12.07.2018) URL: http://online.zakon.kz.

[2] Совместный приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Федеральной службы по финансовому мониторингу, Министерства внутренних дел Российской Федерации, Федеральной службы безопасности Российской Федерации, Федеральной таможенной службы, Следственного комитета Российской Федерации от 21.08.2018 № 511/244/541/433/1313/80 «Об утверждении Инструкции по организации информационного взаимодействия в сфере противодействия легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, полученных преступным путем».

Ключевые слова: оперативно-разыскное мероприятие, оперативно-разыскная деятельность, оперативный эксперимент, провокация, допустимость доказательств, подстрекательство к совершению преступления, взятка.

Проблема отграничения оперативного эксперимента от провокационных действий является, пожалуй, одним из самых спорных вопросов теории оперативно-разыскной деятельности (далее – ОРД), а также допустимости доказательств. Это связано с отсутствием четкого законодательного определения оперативного эксперимента и критериев правомерных границ его проведения. Наличие провокационного компонента в действиях сотрудников оперативных служб при проведении оперативно-разыскных мероприятий (далее – ОРМ) является основной причиной вынесения оправдательных приговоров судами по уголовным делам по фактам взяточничества и вымогательства.

Если обратиться к комментарию к Федеральному закону «Об оперативно-разыскной деятельности», то там оперативный эксперимент определяется как проведение необходимых опытных действий, воспроизведение действий, обстановки или иных обстоятельств противоправного деяния в целях проверки и оценки собранных данных или получения новых данных об обстоятельствах преступления и причастных к его совершению лицах[1]. То есть фактически происходит контролируемое или управляемое оперативными сотрудниками наблюдение в условиях искусственно воспроизведенной ими обстановки и иных обстоятельств преступления, что и предполагает само понятие эксперимента как метода познания. При этом если оперативные сотрудники в ходе проведения оперативного эксперимента выходят за границы такого наблюдения за действиями лица в определенной, выстроенной ими ситуации, активно влияют на ее течение, то эксперимент переходит в разряд провокационных действий, приводящих к подстрекательству лица к совершению преступления.

Во главу угла при отграничении оперативного эксперимента от провокации ставится ответ на вопрос о том, от кого исходит инициатива противоправных действий. Обязательным условием проведения оперативного эксперимента является то, что умысел на совершение преступления у лица, в отношении которого проводится это ОРМ, должен быть сформирован независимо от действий оперативных сотрудников, это значит, что такое лицо уже вступило в стадию подготовки к совершению или совершения противоправного деяния (например, должностное лицо уже высказало требование о получении взятки или согласие на реализацию определенных действий за вознаграждение; лицо предпринимает активные действия по поиску исполнителя заказного убийства и т.п.). При этом проведение указанного ОРМ в отношении абсолютно случайного объекта не допустимо. Однако в данном случае речь не идет о том, что оперативным сотрудникам заранее должны быть известны полные установочные данные объекта оперативного интереса, достаточно наличия информации, задокументированной в установленном порядке, о лице или группе лиц, обладающих определенными

[1] Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» / под ред. А.Ю. Шумилова. М. 1997. С. 120.

признаками, которые, совершают или подготавливают совершение преступления.

В соответствии с правовой позицией Европейского Суда по правам человека, изложенной в Постановлении от 02.10.2012 по делу «Веселов и другие (Veselov and Others) против Российской Федерации», проведение негласных ОРМ допускается в случаях, когда «полиция уведомляется частным лицом, не являющимся сотрудником полиции или информатором, о том, что преступное действие уже совершается. … В подобных делах использование этих следственных методов не связано с угрозой подстрекательства со стороны полиции при наличии реальных процессуальных гарантий»[1]. При этом, Европейский Суд по правам человека в данном и в других решениях последовательно подчеркивает, что роль сотрудников полиции должна оставаться строго пассивной, чтобы не подстрекать лицо к совершению преступления.

Не противоречит закону проведение оперативного эксперимента с участием лица, в адрес которого поступило требование о передаче взятки, т.к. преступные намерения уже реально обозначены и не являются голословными.

Рассмотрим иную ситуацию. Основанием для возбуждения уголовного дела в отношении врача психиатра-нарколога наркологического диспансера послужили материалы ОРМ, проведенного отделом по борьбе с экономическими преступлениями и противодействию коррупции (далее - ОБЭПиПК). Согласно указанным материалам гражданин И. дал согласие сотрудникам полиции на участие в ОРМ «оперативный эксперимент». В ходе его проведения гражданин И. по инициативе сотрудников полиции выпил спиртной напиток, после чего прошел медицинское обследование, в ходе которого у него было зафиксировано состояние алкогольного опьянения. Далее он под контролем оперативных сотрудников проехал в наркологический диспансер, где в ходе медицинского освидетельствования попросил психиатра-нарколога внести в результаты освидетельствования на состояние алкогольного опьянения сведения, не соответствующие действительности, обещая передать денежное вознаграждение. Врач дала согласие на получение денежных средств через медицинскую сестру, после чего последняя была задержана оперативными сотрудниками при передаче указанных денежных средств. Анализируя данные материалы можно придти к выводу о том, что инициатива передачи денежного вознаграждения исходила от гражданина И., а не от медицинского работника. Кроме того, в материалах ОРМ не содержалось сведений о том, что до привлечения гражданина И. к участию в оперативном эксперименте у сотрудников полиции были достоверные и реальные основания полагать, что психиатр-нарколог имела умысел на совершение преступления в отношении гражданина И., который сформировался независимо от деятельности сотрудников правоохранительных органов. Таким образом, доказательства, полученные в ходе оперативного эксперимента, признаны недопустимыми.

---

[1] Постановление Европейского суда по правам человека от 02.10.2012. Веселов и другие (Veselov and Others) против Российской Федерации (жалобы № 23200/10, 24009/07 и 556/10) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2013. № 4.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в п. 39 Постановления от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях»[1] также разъяснил, что следует отграничивать подстрекательские действия сотрудников правоохранительных органов, спровоцировавших должностное лицо на принятие взятки, указав, что эти действия совершаются в нарушение требований ст. 5 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-разыскной деятельности»[2] и состоят в передаче взятки с согласия или по предложению должностного лица, когда такое согласие либо предложение было получено в результате склонения этих лиц к получению ценностей при обстоятельствах, свидетельствующих о том, что без вмешательства сотрудников правоохранительных органов умысел на их получение не возник бы и преступление не было бы совершено.

Не менее важно для отграничения оперативного эксперимента от провокации, чтобы воспроизведение обстановки и иных обстоятельств преступления, создание оперативными сотрудниками видимости условий для реализации преступного замысла, не могло отразиться на желании лица совершить преступление. При этом «создается лишь модель реальной ситуации, что позволяет взять под контроль ее развитие, получить изобличающие доказательства, задержать разрабатываемого с поличным»[3].

Например, оперативными сотрудниками была получена информация о том, что М. предприняла активные действия, направленные на поиск исполнителя убийства ее мужа и свекрови по найму. Предполагаемому исполнителю она в однозначной форме выразила свое желание на причинение смерти указанным лицам, а также готовность заплатить денежное вознаграждение за совершение убийства. После этого, уже в ходе проведения оперативного эксперимента под контролем оперативных сотрудников, женщина неоднократно вела переговоры с предполагаемым исполнителем убийства, в ходе которых передавала подробную информацию о графике работы мужа, его передвижениях, местах, в которых было бы удобно реализовать преступный умысел, предоставила план квартиры, офиса мужа и список лекарственных препаратов, на которые имеется аллергия у ее свекрови, и т.п. Оперативные сотрудники осуществляли контроль развития указанной ситуации, документировали преступные действия лица, однако инициатива совершения противоправных действий исходила исключительно от контролируемого лица.

Рассмотрим другую ситуацию. При аналогичных исходных лицо нанимает исполнителя убийства, однако в процессе подготовки к совершению преступления начинает сомневаться в необходимости реализации преступных намерений, готово отказаться от них. Однако предполагаемый исполнитель убийства под контролем правоохранительных органов своими действиями оказывает прямое или

---

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // БВС РФ. 2013. № 9.

[2] Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // СЗРФ от 14.08.1995. № 33. Ст. 3349.

[3] Оперативно-розыскная деятельность: учебник / Под ред. *К.К. Горяинова, В.С. Овчинского*, А.Ю. Шумилова. М.: ИНФРА-М., 2001. С. 416.

косвенное воздействие на желание лица продолжать преступные действия, вплоть до уговоров, уверений в успешности преступного замысла, уменьшения суммы вознаграждения или предоставления ее в долг. В данных обстоятельствах можно говорить о наличии правомерных оснований для проведения оперативного эксперимента, но осуществления провокационных действий в процессе его реализации после того как контролируемое лицо заявило о намерении добровольно отказаться от совершения преступления.

Кроме того, немаловажным является, чтобы условия для реализации преступного замысла, создаваемые оперативными сотрудниками, не приводили к отсутствию у лица права выбора вариантов реализации преступных намерений, а также оставляли возможность добровольного отказа от совершения преступления.

Например, водитель в инициативном порядке предложил сотруднику государственной инспекции безопасности дорожного движения (далее – ГИБДД) взятку за несоставление протокола об административном правонарушении, однако оказалось, что с собой наличных денег у него не имеется. После этого сотрудник ГИБДД предложил водителю проехать в ближайший банкомат для того, чтобы снять со счета требуемые наличные средства, при этом водительское удостоверение и иные документы сотрудник полиции оставил у себя. Пока водитель проследовал к банкомату сотрудник ГИБДД сообщил в подразделение ОБЭПиПК о намерении водителя дать ему взятку и уже в ходе проведенного оперативного эксперимента вернувшийся водитель передал денежные средства полицейскому. В данном случае сотрудник ГИБДД активно вмешался в намерение водителя передать взятку, создал условия для реализации противоправных действий при отсутствии реальной возможности у лица совершить преступление, а также спровоцировал водителя на совершение нового административного правонарушения (управление транспортным средством без водительского удостоверения).

В заключение хотелось бы отметить, что проведение любого негласного ОРМ всегда лежит на грани провокации. Очень важно не переступить эту тонкую черту, учитывая характер и степень воздействия оперативных сотрудников на объект оперативного интереса в ходе совершения последним противоправных действий, что приведет к невозможности последующего использования результатов указанного ОРМ в уголовном судопроизводстве.

Литература

1. *Алексеев В.В., Пеструилова Н.Н.* Возможен ли оперативный эксперимент без провокации преступления? // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 3. С. 121–126.
2. *Волженкин Б.В.* Провокация или оперативный эксперимент // Законность. 1996. № 6. С. 26–30.
3. *Говорухина Е.В.* К вопросу о провокации преступления // Юристъ – Правоведъ. 2014. № 5. С. 81–83.
4. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-разыскной деятельности» / под ред. *А.Ю. Шумилова*. М., 1997. 208 с.

5. Теория оперативно-разыскной деятельности: учебник / Под ред. *К.К. Горяинова, В.С. Овчинского*. 4-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М., 2018. 762 с.

Чуркин А. В.

Общие черты оперативно-разыскного и уголовно-процессуального доказывания

Аннотация. В настоящей статье исследованы общие черты уголовно-процессуального и оперативно-разыскного доказывания, которые составляют единый процесс познания сведений о преступлении, как следователем, так и оперативным работником.

Ключевые слова: доказывание, уголовно-процессуальное доказывание, оперативно-разыскное доказывание, уголовно-процессуальные доказательства, оперативно-разыскная информация.

45 лет назад доктор юридических наук, профессор А.Р. Ратинов писал: «Можно познавать и быть обладателем истинного знания «для себя», не заботясь о передаче и использовании этого знания другими, не стремясь обосновать, подтвердить, удостоверить, то есть сделать его достоверным для всех»[1]. Оперативный работник, осуществляя оперативно-разыскную деятельность (ОРД), осуществляет познание не только «для себя». Он сам лично понимает, что является частью (субъектом) познающей системы, в которую входят и последующие адресаты доказывания – следователь либо дознаватель, а также прокурор и суд (судья). Только правоприменительная деятельность оперативного работника обращена к суду не так непосредственно, как это, например, имеет место при оглашении прокурором обвинительного заключения следователя в суде либо при произнесении прокурором обвинительной речи в судебных прениях, а опосредственно – в виде доказательственной информации, зафиксированной в его оперативно-служебных документах. Деятельность оперативного работника в аспекте доказывания по делу оперативного учёта (ДОУ) можно сравнить с фотографированием, когда противоправная деятельность проверяемых и разрабатываемых лиц в рамках ОРД экспонируется фотоаппаратом на плёнку. Однако непроявленная фотоплёнка – ещё не изображение, это непроявленные знаки, знаки в потенции, следы, личинки, зародыши будущих уголовно-процессуальных доказательств. Получив в установленном законом порядке от оперативно-разыскного органа (ОРО) материалы ОРД, следователь и дознаватель посредством норм УПК РФ переводят их в уголовно-процессуальные доказательства. В результате грамотных процессуальных действий следователя и дознавателя на основе представленных им материалов ОРД могут родиться уголовно-процессуальные доказательства, а могут и погибнуть, если следователь и дознаватель не знают этих правоотношений.

[1] Теория доказательств в советском уголовном процессе / Отв. ред. *Н.В. Жогин*. М.: Юрид. лит., 1973. С. 288.

Д.И. Бедняков обратил внимание, что оперативно-разыскная деятельность так, как и уголовное судопроизводство, представляет собой частный случай применения теории познания[1]. А по мнению М.П. Полякова уголовный процесс и оперативно-разыскная деятельность вообще являются элементами единой кримкогнитивной системы[2].

В связи с этим в рамках своей настоящей статьи я хочу рассмотреть как общие черты, с одной стороны, оперативно-разыскного доказывания, а, с другой стороны, уголовно-процессуального доказывания, которые выражаются в следующем:

1. Единые гносеологические методы познания обстоятельств совершаемого или уже совершённого преступления (опрос, наблюдение, сравнение, измерение, эксперимент, моделирование, описание и т. д.). Так, процедура опроса граждан в рамках ОРД во многом схожа с процедурой допроса в уголовном процессе; оперативно-разыскное мероприятие (ОРМ) «Наведение справок» – с истребованием следователем различных справок, характеристик и иных документов в порядке положений ч. 4 ст. 21 УПК РФ; ОРМ «Сбор образцов для сравнительного исследования» – с получением следователем и дознавателем образцов для сравнительного исследования по правилам ст. 202 УПК РФ; ОРМ «Исследование предметов и документов» – с производством судебной экспертизы (глава 27 УПК РФ); ОРМ «Отождествление личности» – с предъявлением для опознания (ст. 193 УПК РФ); ОРМ «Обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» – с осмотром по правилам ст. ст. 176 – 178 УПК РФ; ОРМ «Контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений» – с арестом почтово-телеграфной корреспонденции, её осмотром и выемкой (ст. 185 УПК РФ); ОРМ «Прослушивание телефонных переговоров» – с контролем и записью переговоров по правилам ст. 186 УПК РФ.

2. Единый информационный процесс, который заключается в обнаружении, фиксации и изъятии.

3. В обоих видах названного выше доказывания это фактические данные либо сведения о фактах, которые получены в результате познания обстоятельств подготавливаемого, совершаемого или совершённого преступления.

4. В общем логическом плане это фактические данные, которые имеют одинаковую гносеологическую природу и представляют собой единство мыслительной и практической деятельности, являясь аргументами, подтверждающими выдвинутое подозрение либо обвинение или же их опровержение.

5. По признаку относимости уголовно-процессуальные доказательства и результаты ОРД должны относиться к одному преступлению и раскрывать одинаковые обстоятельства, входящие в предмет доказывания (ст. 73 УПК РФ).

6. По признаку достаточности уголовно-процессуальные доказательства и результаты ОРД должны иметь одинаковую степень достаточности в своей

---

[1] *Бедняков Д.И.* Непроцессуальная информация и расследование преступлений. М.: Юрид. лит., 1991. С. 81.

[2] *Поляков М.П.* Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности: дис. … д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2002. С. 2019.

логической значимости.

7. По признаку достоверности доказательства и результаты ОРД должны быть достоверны. Эта достоверность может быть проверена путем выяснения того источника, откуда было получено доказательство. Например, если оперативный работник представил фото (видео) изображение либо звукозапись, имеющие значение для уголовного дела, то следователь должен, помимо осмотра и приобщения к делу фото (видео или аудио записи), ещё также и допросить оперативного работника, а при необходимости – и иного лица, которое непосредственно зафиксировало соответствующие факты на эти носители. Вопросы, которые ставит в этой ситуации, следователь (дознаватель), касаются природы происхождения предоставленной записи: «Где, как, когда и при каких условиях она была сделана? На какой именно носитель (аппарат или устройство) осуществлялась эта запись?»

8. Общие принципы деятельности, которые заключаются в соблюдении законности и охране прав личности, что законодательно закреплено в ст. 7 и ст. 11 УПК РФ и соответственно в ст. 2 и ст. 5 Федерального закона «Об ОРД».

9. Все следственные действия и оперативно-разыскные мероприятия являются способами адаптации эмпирических методов познания следов преступления, которые предусмотрены законодательством (УПК РФ и Федеральным законом «Об ОРД»).

10. В правоприменительной практике органы предварительного расследования и суды, как правило, связывают доброкачественность результатов ОРД исключительно с соблюдением требований Конституции РФ и правовых норм ФЗ «Об ОРД».

Так, Пленум Верховного Суда РФ по рассматриваемым правоотношениям даёт следующие руководящие разъяснения:

– результаты ОРМ, связанные с ограничением конституционных прав граждан, могут быть использованы в качестве доказательств по уголовным делам, лишь тогда, когда они были получены по разрешению суда. Отсутствие такого судебного санкционирования ОРМ исключает их использование в уголовно-процессуальном доказывании[1];

– результаты ОРД не могут быть использованы в уголовно-процессуальном доказывании, когда ОРМ согласно положений норм ФЗ «Об ОРД» требовало ведомственного санкционирования, но такое постановление компетентного руководителя ОРО отсутствовало[2].

В то же время хочу обратить внимание, что категориями УПК РФ являются собирание, проверка и оценка уголовно-процессуальных доказательств, а кате-

---

[1] Пункт 14 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» (с послед изм. и доп.) // СПС КонсультантПлюс».

[2] Пункт 14 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» (с послед изм. и доп.) // СПС КонсультантПлюс.

гориями ОРД – добывание и документирование оперативно-разыскной информации, которое проводится по нормам ФЗ "Об ОРД" и методологию которого разрабатывает оперативно-разыскная наука, а отдельные учёные имеют его «оперативно-разыскным доказыванием» или «уголовно-разыскным доказыванием»[1].

Юлдошев Р.Р.

Перспективы использования результатов оперативно-разыскной деятельности в реалиях Таджикистана

Аннотация. В статье рассматриваются авторское видение перспектив использования результатов оперативно-разыскной деятельности в контексте современных реалий Таджикистана, предлагаются варианты развития и уточнения порядка использования.

Ключевые слова: Республика Таджикистан, закон, результаты оперативно-разыскной деятельности, перспективы, уголовно-процессуальная деятельность.

Известно, что уголовно-процессуальная деятельность направлена на защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, привлечение к уголовной ответственности лиц, виновных в совершении преступных деяний, защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Особенность этой деятельности заключается в том, что она носит ретроспективный характер, поскольку назначением ее является установление и доказывание событий, имевших место в прошлом различными оперативными и уголовно-процессуальными средствами и методами.

Антиподом этой деятельности выступает оперативно-разыскная деятельность (далее – ОРД) со всеми ее возможностями и особенностями. Актуальным и главным ее вопросом является правильное и целесообразное использование результатов ОРД.

Проявление преступности как организованной профессиональной деятельности требует совершенствования и развития всех направлений борьбы с ней. Данные о состоянии преступности показывают, что в настоящее время раскрытие и расследование преступлений при связях преступных элементов с различными представителями государственных структур, в том числе правоохранительных органов, невозможно без масштабного и продуманного использования возможностей ОРД посредством ее реализации в рамках уголовного судопроизводства.

Если взглянуть на предысторию и современное состояние политики государства в борьбе с преступностью, то ОРД и уголовно-процессуальная деятельность имеют довольно конкретную и противоречивую историю. По отношению к истории Таджикистана и современного ее состояния этот факт бесспорен. Незыблемость постулатов указанных видов деятельности и их роль не только в искоре-

[1] Подробнее см.: *Доля Е.А.* Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности. М., 1996. С. 5. Основы оперативно-розыскной деятельности: Учеб. для юрид. вузов / Под общей редакцией В.Б. Рушайло. Спб, 2000. С. 417–418.

нении, но и в минимизации преступности будут долго преобладать с учетом использования новейших достижений науки и практики, так как преступность, в свою очередь, растет количественно и быстрее, чем население определенных городов и районов.

Современные системы уголовной юстиции не справляются с растущей преступностью, и этот момент требует учитывать нынешние реалии правоприменительной практики в сфере оперативно-разыскной[1] и уголовно-процессуальной деятельности, которые требуют осуществления детального анализа. В современном мире выявляется, регистрируется и осуждается лишь незначительная доля реально совершенных преступных деяний. И это – очевидная реальность.

В раскрытии и расследовании преступлений и лиц, совершивших преступления, не последнюю роль, а то и самую главную роль, играет ОРД, ее принципы, методика и содержание. Полное воплощение и реальное ее состояние, правильная реализация и использование возможностей ОРД составляет основу правоприменительной деятельности органов внутренних дел и других отечественных правоохранительных органов. Правильное и своевременное использование результатов ОРД поможет поближе подойти к тем преступлениям, раскрываемость которых вплотную зависят от проведения негласных и зашифрованных действий.

В правоприменительной деятельности правоохранительных органов Таджикистана возникает немало проблем, указывающих на межотраслевой характер использования результатов ОРД, их превращение (трансформация) или придание им статуса доказательств с первых минут их выявления и фиксации. С этими и другими проблемами и трудностями зачастую сталкиваются оперативные сотрудники, стремящиеся легализовать свой труд. Накопленный опыт и навыки, борьба с преступностью и рост тяжких и особо тяжких преступлений (и преступность в целом) заставляет многих оперативных сотрудников и других представителей правоохранительного корпуса быть на передовой (условно), чтобы повысить свои «рабочие показатели». В этой пресловутой гонке за показателями теряется основной смысл всей деятельности правоохранительных органов.

Как нам кажется, в раскрытии и расследовании преступлений слабое использование преимуществ и возможностей ОРД, игнорирование требований уголовного судопроизводства являются грубейшим нарушением. Взаимообусловленность процессуальной и непроцессуальной деятельности в рамках раскрытия и расследования преступлений имеет первостепенный характер. Этим положениям, дополнительный импульс придает рост и снижение зарегистрированной преступности.

Применительно к уголовному судопроизводству, результаты ОРД также могут быть использованы в качестве доказательств по уголовным делам, но с учетом

---

[1] В соответствии с официальными правилами русского языка термин «оперативно-разыскной» и производные от него термины при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации должны писаться через букву «а» в слове «разыскной» (например, см.: *Букчина Б.З.* Орфографический словарь русского языка. 5-е изд., испр. / *Б.З. Букчина, И.К. Сазонова, Л.К. Чельцова.* М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2009. С. 637.

всех особенностей их правильного использования и так условно говоря «внедрения».

В настоящее время основным нормативным правовым актом, позволяющим формировать (или собирать) в перспективе доказательства на основе информации, полученной посредством ОРД, является Закон Республики Таджикистан «Об оперативно-разыскной деятельности»[1]. В части первой ст. 11 указанного Закона сказано, что результаты ОРД могут быть использованы для подготовки и осуществления следственных и судебных действий, проведения оперативно-разыскных мероприятий по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений, выявлению и установлению лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших, а также для розыска лиц, скрывшихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от отбывания наказания, без вести пропавших, и установления имущества, подлежащего конфискации.

В контексте настоящего исследования вызывает сомнение содержание ст. 11 указанного Закона. Как нам представляется, во-первых, в тексте анализируемой нормы и во всем Законе отсутствует дефиниция «результаты оперативно-разыскной деятельности», что служит основанием для двояких и различных по объему толкований. В УПК Республики Таджикистан со дня введения его в действие и до 2011 г. в ст. 84 указывалось на использование **материалов,** полученных в ходе оперативно-разыскной деятельности. После термин «материалы» был заменен на «результаты»[2] и до настоящего времени всё так и остается. Нам кажется, что именно «недосказанность и необоснованность» отраслевых текстов нормативных правовых актов в части регламентации всей деятельности, приводить к общему недопониманию и именно они являются барьером для правильного восприятия и понимания содержания этих результатов или материалов. Для практиков эта мысль может показаться слишком узким подходом, но для обывателя и ученого – проблемой.

Во-вторых, в ч. 1 и ч. 2 ст. 11 анализируемого Закона отсутствует логическое продолжение содержания процедуры использования указанных результатов, т.е. смешивается «процессуальная деятельность» с «непроцессуальной».

В-третьих, в статье отсутствует системность всего комплекса действий, регламентирующих процедуру использования результатов ОРД.

Нам кажется, что некорректное содержание ст. 11 анализируемого Закона и названия и содержания ст. 84 УПК Республики Таджикистан является следствием несерьезного подхода разработчиков, допустивших смешение правильной регламентации порядка использования результатов ОРД.

Результаты ОРД могут служит **основанием** для возбуждения уголовного дела, представляться в орган дознания, следователю, прокурору или в суд (судье), в

---

[1] Закон Республики Таджикистан от 25 марта 2011 г. за № 687 «Об оперативно-розыскной деятельности» // АМО Республики Таджикистан. 2011 г. № 3. Ст. 155 (в ред. Закона Республики Таджикистан от 26.07.2014 № 1090).

[2] Закон Республики Таджикистан «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан» от 25 марта 2011 г. № 692.

производстве которого находится уголовное дело, а также использоваться в доказывании по уголовным делам в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством Республики Таджикистан (ч. 2 ст. 11 анализируемого Закона).

Процитированная норма указывает на тот факт, что результаты ОРД могут быть использованы только в трех случаях: 1) служить в качестве основания для возбуждения уголовного дела; 2) представляться в орган дознания, следователю, прокурору или в суд (судье), в производстве которых находится уголовное дело; 3) использоваться в доказывании по уголовным делам в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством.

Нас особо не удовлетворяет первое положение содержания анализируемой статьи, где прямо без соответствующей оговорки или уточнения указывается на статус результатов ОРД.

Аналогичного мнения придерживается И.Т. Махмудов, предлагающий внести изменения в ст. 140 УПК Республики Таджикистан, признав результаты ОРД в качестве основания для возбуждения уголовного дела[1], с чем мы не можем быть согласны.

В данной ситуации, как нам представляется, происходит подмена понятий «поводы» и «основание» для возбуждения уголовного дела. Аналогичный случай, по-видимому, произошел тогда, когда разрабатывался новый Закон Республики Таджикистан «Об оперативно-разыскной деятельности». Основание не может подменить или заменить поводы для возбуждения уголовного дела, также как и наоборот.

Рассмотрим подробнее данные дефиниции, которые использованы в Уголовно-процессуальном законе в гл. 17. поводы и основание для возбуждения уголовного дела, которые традиционно были указаны в период действия УПК Республики Таджикистан (в ред. 1961 г.).

Порядок возбуждения уголовного дела с принятием нового УПК в 2009 г., коренных изменений не претерпел. Как и раньше для возбуждения уголовного дела УПК предусматривает наличие законного повода и основания. В качестве поводов предусмотрены ряд источников, из которых уполномоченные органы получают сообщение о готовящемся или совершенном преступлении. К таковым источникам предъявляются требования соответствовать установленным процессуальным формам.

В понятие «поводы и основание для возбуждения уголовного дела» законодатель включает достаточно емкое содержание, хотя основание не раскрывается по тексту, которое мы признаем ошибочным. Поводы для возбуждения уголовного дела – это в большей части процессуальное определение, так как в УПК установлен перечень таковых поводов, требования, предъявляемые к их форме и содержанию, а также порядок их получения и оформления в отдельных нормах текста Закона.

---

[1] *Махмудов И.Т.* Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам // Законность. Специальный выпуск. № 5. 2014. Душанбе: Генеральная прокуратура Республики Таджикистан, 2014. С. 39.

В качестве основания для возбуждения уголовного дела в п. 5 ч. 1 ст. 140 УПК Республики Таджикистан устанавливает «непосредственное обнаружение дознавателем, следователем или прокурором сведений, указывающих на признаки преступления». Приведенное выражение включает в себя уголовно-процессуальное понятие – «… сведения указывающие», а также уголовно-правовое – «признаки преступления».

Как известно в качестве таковых уголовный закон в ч. 1 ст. 17 выделяет общественную опасность, виновность, противоправность и наказуемость деяния. Тем самым законодатель в возбуждении уголовного дела не ставит задачу по выяснению каких-либо конкретных обстоятельств и тем более тех, которые касаются лица совершившего или причастного к выявленному преступлению. Из этого следует вывод, что изначально в задачу и предназначение данной стадии закладывалась идея о разграничении деятельности уполномоченных субъектов по заявлениям и сообщениям о преступлениях, от обращений и жалоб, которые не касаются готовящихся или совершенных преступлений.

Следует отметить, что в числе источников доказательств в ч. 2 ст. 72 УПК Республики Таджикистан результаты ОРД не названы, хотя вышеупомянутая ст. 84 УПК Республики Таджикистан допускает возможность использования в доказывании результатов указанной деятельности. Подобное решение представляется обоснованным, поскольку ОРД проводится вне рамок уголовного процесса, присущими ей специфическими методами и регламентируется не уголовно-процессуальным законом, а Законом Республики Таджикистан «Об оперативно-разыскной деятельности». Поэтому результаты ОРД не могут использоваться, что называется, «в чистом виде» в уголовно-процессуальном доказывании. Эти сведения требуют **проверки** с использованием предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством процедур, посредством которых они могут быть преобразованы и стать пригодными в уголовно-процессуальном доказывании.

Как было выше отмечено «недосказанность» в тексте УПК Республики Таджикистан относительно отдельных компонентов стадии возбуждения уголовного дела обуславливает смешение в использовании понятий «поводы» и «основания» для возбуждения уголовного дела, что, является недопустимым.

Следует также признать, что коллизии, связанные с не установлением и расширением основания и поводов, все же присутствуют в ст. 11 Закона Республики Таджикистан «Об оперативно-разыскной деятельности» и в ст. 140 УПК Республики Таджикистан, в которых законодатель не раскрывает *«непосредственное обнаружение дознавателем, следователем или прокурором сведений, указывающих на признаки преступления»* как отдельный повод для возбуждения уголовного дела. Раскрывая текстуально другие поводы для возбуждения уголовного дела, законодатель оставляет «широкое поле» для конструктивной полемики и выработки ряда рекомендаций в контексте исправления неточностей и двусмысленности норм уголовно-процессуального закона. Не может ли быть, что данный повод также формируется посредством осуществления оперативно-разыскных мероприятий и добытых результатов? Постараемся раскрыть сущность данного повода и ответить на вопрос.

Непосредственное обнаружение органом дознания, следователем, прокурором или судом признаков преступления как повод к возбуждению уголовного дела означает, что извне официальная первичная информация в правоохранительные органы не поступала, данные о преступлении орган дознания, следователь, прокурор или судья получили при выполнении своих повседневных служебных обязанностей из источников, которые не относятся ни к заявлениям, ни к публикациям в печати, ни к явке с повинной и др.

Орган дознания может непосредственно обнаружить признаки нового преступления при производстве дознания по делу о другом преступлении. Но главным каналом, по которому орган дознания непосредственно получает информацию о преступлениях и лицах, их совершивших, является ОРД. Обнаружение признаков преступления в результате проведения оперативно-разыскных мероприятий – типичный повод к возбуждению уголовного дела. Сказанное в полной мере может относиться к результатам как гласных, так и негласных оперативно-разыскных мероприятий.

В данном контексте вполне можно признать результаты ОРД в качестве повода к возбуждению уголовного дела, если соответствующие правки будут внесены в гл. 17 УПК Республики Таджикистан, нормы которой регламентируют содержание процессуальных полномочий по непосредственному обнаружению дознавателем, следователем или прокурором сведений, указывающих на признаки преступления. Следует отметить, что детально порядок использования результатов ОРД проанализирован в трудах уважаемого Р.Х. Рахимзода[1].

Исходя из реалий и показателей правоохранительных органов Таджикистана, а также мониторинга роста и количественных показателей преступности[2], свидетельствующих о противодействии опасным преступлениям, раскрытие и расследование тяжких и особо тяжких преступлений, трудноосуществимо без использования средств и возможностей ОРД. В настоящее время многими учеными Таджикистана указывается доля раскрываемости всех преступлений в масштабе 90-93 %.

Закон Республики Таджикистан «Об оперативно-разыскной деятельности» указывает на то, что результаты ОРД представляются органу дознания, следователю, прокурору или в суд (судье) на основании постановления руководителя органа, осуществляющего ОРД (ч. 3 ст. 11). Такой порядок представления ре-

---

[1] *Рахимзода Р.Х.* Оперативно-розыскная деятельность: учебник (на тадж. языке). Общая часть. 4-е изд. Душанбе: ЭР-граф, 2017. С. 331-367; Он же. Оперативно-розыскная деятельность: история и современность: моногр. Душанбе: Эр-граф, 2016. С. 210-226; Он же. Использование результатов ОРД в доказывании // Уголовный процесс: учебник / отв. ред. *Р.Р. Юлдошев*. Душанбе: Эр-граф, 2018. С. 166–188.

[2] Имеются в виду статистические данные, приведенные в графиках № 1, 2 и 3 § 2 главы 2 монографии. Подробнее см.: *Юлдошев Р.Р., Махмадиев Х.Х., Акбарзода А.А*. Преступность в Таджикистане (1991–2016 гг.). Душанбе: «КОНТРАСТ», 2018. С. 43–49.

зультатов ОРД в настоящее время регулируется Инструкцией «О порядке представления результатов оперативно-разыскной деятельности дознавателю, следователю, прокурору, судье и суду в органах внутренних дел» (п. 11)[1].

В пункте 22 этой Инструкции указано: «Результаты оперативно-разыскной деятельности, представляемые для решения вопроса о возбуждении уголовного дела, должны содержать достаточные данные, указывающие на признаки преступления, а именно: сведения о том, где, когда, какие признаки и какого именно преступления обнаружены; при каких обстоятельствах имело место их обнаружение; сведения о лице (лицах), его совершившем (если оно известно), и очевидцах преступления (если они известны); о местонахождении предметов и документов, которые могут быть признаны вещественными доказательствами; о любых других фактах и обстоятельствах, имеющих значение для решения вопроса о возбуждении уголовного дела».

В данном пункте Инструкции правильно определяются положение и место результатов ОРД в системе сведений, составляющих доказательства, иными словами, образующих (формирующих) доказательства.

Результаты ОРД, представляемые для подготовки и осуществления следственных и судебных действий, должны содержать сведения о: местонахождении лиц, скрывающихся от органов предварительного расследования и суда; лицах, которым известны обстоятельства и факты, имеющие значение для уголовного дела; возможных источниках доказательств; местонахождении предметов и других обстоятельствах, позволяющих определить объем и последовательность проведения процессуальных действий, выбрать наиболее эффективную тактику и методику их производства по конкретному уголовному делу (п. 23 Инструкции).

Результаты ОРД, представляемые для использования в доказывании по уголовным делам, должны позволять формировать доказательства, удовлетворяющие требованиям уголовно-процессуального законодательства, предъявляемым к доказательствам в целом, к соответствующим видам доказательств по отдельности, содержать сведения об установлении собранных доказательств по уголовному делу, и указания на оперативно-разыскные мероприятия, при проведении которых получены предполагаемые доказательства, а также данные, позволяющие проверить в условиях уголовного судопроизводства (п. 24 Инструкции).

В случае использования в уголовных делах результатов ОРД в качестве доказательств должностные лица органов, осуществляющих ОРД, могут подлежать допросу об их подлинности, происхождении и обстоятельствах их получения. При этом лица, внедренные в преступную среду, и штатные негласные сотрудники могут быть допрошены только с их согласия в письменной форме, за исключением случаев совершения ими преступления (ч. 5 ст. 11 Закона Республики Таджикистан «Об оперативно-разыскной деятельности»).

Надзор за точным обеспечением и соблюдением Закона Республики Таджикистан «Об оперативно-разыскной деятельности», а также в части регламентации

---

[1] Цитируемая Инструкция утверждена приказом МВД Республики Таджикистан от 12.07.2010 № 16 с (согласована с Генеральным прокурором Республики Таджикистан, исх. № 16/1 нд-10 от 13.03.2010).

различных аспектов оперативно-разыскного законодательства, регулируется специальным приказом Генеральной прокуратуры Республики Таджикистан[1].

Приведенные положения различных нормативных правовых актов еще раз подтверждают, что оперативно-разыскные данные сами по себе доказательствами не являются и что представляемые результаты ОРД должны только позволять формировать или собирать уголовно-процессуальные доказательства.

Полученную непроцессуальным путем информацию следователь, во-первых, обязан проверить на ее относимость, допустимость и достоверность, а во-вторых, произвести следственные действия или принять процессуальные решения, необходимые для получения источника (вида) доказательств.

Кроме того, обязательным условием использования в доказывании результатов ОРД является соблюдение не только уголовно-процессуального закона, но и соответствующих положений законодательства об ОРД[2]. В данном контексте и раскрывается вся сущность механизма использования результатов ОРД: чтобы односторонне не выявлять, раскрывать и расследовать те или иные преступные деяния.

Масштабность данной проблемы и соответствующая ее проработка требуют скоординированных действий, чтобы в последующем определить перспективу тех результатов, использование которых предполагает основную цель уголовного преследования в уголовном судопроизводстве.

В настоящее время среди практиков и некоторых ученых бытует мнение, что после рассекречивания результатов ОРД соответствующим постановлением, следователь или дознаватель должны произвести осмотр этих результатов. А как этот осмотр будет зафиксирован, в каком документе, наши уважаемые коллеги не могут объяснить, т.е. отсутствует четкий алгоритм последующих действий и принимаемых решений.

В данном контексте нами предлагается вместо осмотра всех результатов ОРД и обоснования выводов, использовать другой стиль, а именно: при представлении результатов ОРД дознаватель или следователь пусть выносят после осмотра и обнаружения явных следов преступления *постановление о признании результатов ОРД в качестве доказательств.* По нашему мнению, скорее, это и будет трансформацией результатов ОРД в досудебное производство по уголовным делам. В дальнейшем эти же данные могут быть признаны *иными документами* в соответствии с ч. 2 ст. 72 и ст. 82 УПК Республики Таджикистан.

Второе наше предложение заключается в уточнении и разработке понятия «результаты или материалы ОРД» и последующее ее внедрение в ст. 1 Закона Республики Таджикистан «Об ОРД». Можно в этом контексте использовать опыт наших белорусских коллег, которые определяют эти материалы как оперативно-служебные документы и материальные носители информации, содержащие порядок проведения оперативно-разыскных мероприятий и сведения, полученные

---

[1] Приказ Генерального прокурора Республики Таджикистан от 21.10.2015 за № 5-219 «Об организации прокурорского надзора за обеспечением точного соблюдения и использования Закона Республики Таджикистан «Об оперативно-разыскной деятельности» и других соответствующих нормативных правовых актов».

[2] Курс уголовного процесса / Под ред. д.ю.н., проф. *Л.В. Головко*. М. : Статут, 2016. С. 477.

при их проведении, а также иные сведения и документы, полученные при осуществлении оперативно-разыскной деятельности.

Третье наше предложение заключается в разработке Межведомственной Инструкции «О порядке представления результатов оперативно-разыскной деятельности дознавателю, следователю, прокурору, судье и суду». Действующая инструкция ведомственная, т.е. регламентирует данные взаимоотношения только внутри системы МВД Республики Таджикистан, что признать его полноценным документом или главным, нам не представляется возможным. Квинтэссенцией нашей рекомендации является общее понимание и уточнение деятельности каждых субъектов, осуществляющих ОРД в контексте общего взаимодействия.

Соответствующие правки также должны быть внесены и в ст. 140, ст. 84 и другие сопутствующие статьи УПК Республики Таджикистан, которая будет четко регламентировать результаты или материалы ОРД.

Таким образом, правильное использование в доказывании по уголовным делам информации, полученной оперативно-разыскным путем и дальнейшее ее использование в уголовном судопроизводстве, становятся объективной необходимостью. Выбор той или иной модели и пути их решения зависят от конкретных действий правоприменительных и законодательных органов.

Проведенный анализ еще раз засвидетельствовал тот факт, что процесс модернизации отечественного уголовного судопроизводства плавно прогрессирует. Качество и результаты зависят от правильного подхода и выбранной стратегии отраслевого реформирования.

Сведения об авторах

Багмет Анатолий Михайлович – и.о. ректора Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент, Почетный сотрудник Следственного комитета Российской Федерации, генерал-майор юстиции.

Алонцева Елена Юрьевна – доцент кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя к. ю. н., полковник полиции.

Бардачевский Руслан Игоревич – следователь по особо важным делам второго отдела по расследованию особо важных дел следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Республике Башкортостан, аспирант 3 курса аспирантуры Московской Академии Следственного комитета Российской Федерации, капитан юстиции.

Белых-Силаев Дмитрий Владимирович – главный редактор журнала «Юридическая психология», преподаватель Военного университета Министерства обороны России; юрист, психолог, педагог.

Бессонов Алексей Александрович – руководитель управления научно-исследовательской деятельности (научно-исследовательского института криминалистики) Главного управления криминалистики (Криминалистического центра) Следственного комитета Российской Федерации, профессор кафедры криминалистики ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации», доктор юридических наук, доцент, Почётный работник Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации, полковник юстиции.

Бубенко Николай Иванович – доцент кафедры ОРД и ОТМ Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Бутырская Анна Валерьевна – заведующий кафедрой криминалистики четвертого факультета (с дислокацией в городе Нижний Новгород) Института повышения квалификации Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, полковник юстиции.

Бычков Василий Васильевич – проректор Московской академии Следственного комитета Российской Федерации кандидат юридических наук, доцент, полковник юстиции.

Бражников Дмитрий Анатольевич – доцент кафедры криминалистики Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Валов Сергей Владимирович – начальник кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, кандидат юридических наук, доцент, полковник полиции.

Вдовцев Павел Викторович – старший преподаватель кафедры уголовного процесса второго факультета повышения квалификации (с дислокацией в

городе Екатеринбург) Института повышения квалификации Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, капитан юстиции.

Волынский Александр Фомич – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки России, Заслуженный юрист России, профессор кафедры криминалистики Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Глушков Максим Рудольфович – заведующий кафедрой криминалистики Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации, полковник юстиции.

Гущев Максим Евгеньевич – заведующий кафедрой уголовного права четвертого факультета повышения квалификации (с дислокацией в городе Нижний Новгород) Института повышения квалификации Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, майор юстиции.

Дармаева Валентина Дашеевна – старший преподаватель кафедры уголовного процесса Московской академия Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, полковник юстиции.

Даукш Ирина Анатольевна – доцент кафедры экономики предприятий Академии управления при Президенте Республики Беларусь, кандидат экономических наук, доцент.

Дощицын Андрей Николаевич – старший научный сотрудник отдела научного обеспечения прокурорского надзора за исполнением законов при осуществлении оперативно-разыскной деятельности и участия прокурора в уголовном судопроизводстве НИИ Университета прокуратуры Российской Федерации.

Жуков Дмитрий Александрович – старший следователь по особо важным делам первого следственного отдела второго следственного управления (с дислокацией в городе Санкт-Петербург) Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации; аспирант Московской академии Следственного комитета Российской Федерации.

Жукова Полина Николаевна – профессор кафедры информационно-компьютерных технологий в деятельности ОВД Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина, доктор физико-математических наук, доцент.

Захарова Валентина Олеговна – доцент кафедры управления следственными органами и организации правоохранительной деятельности Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент, подполковник юстиции.

Золотухина Наталья Валерьевна – доцент кафедры уголовного процесса Военного университета Министерства обороны России, кандидат юридических наук.

Изосимов Вадим Сергеевич – старший преподаватель кафедры уголовного права четвертого факультета повышения квалификации (с дислокацией в

городе Нижний Новгород) Института повышения квалификации Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, капитан юстиции.

Ильюхов Алексей Александрович – доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса Смоленского государственного университета; доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Саратовской государственной юридической Академии (Смоленский филиал). кандидат юридических наук, доцент.

Ихнева Анастасия Игоревна – студент юридического отделения внебюджетного факультета Военного университета Министерства Обороны.

Казаков Александр Алексеевич – заведующий кафедрой уголовного процесса второго факультета повышения квалификации (с дислокацией в городе Екатеринбург) Института повышения квалификации Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент, майор юстиции.

Каркошко Юрий Сергеевич – доцент кафедры уголовного процесса второго факультета повышения квалификации (с дислокацией в городе Екатеринбург) Института повышения квалификации Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, подполковник юстиции.

Кожухарик Дмитрий Николаевич – декан факультета подготовки научных и научно-педагогических кадров Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент, полковник юстиции.

Короткова Ольга Валерьевна – старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук.

Кузнеченко Сергей Юрьевич – аспирант кафедры уголовного процесса Московской академии Следственного комитета Российской Федерации; следователь по особо важным делам отдела по расследованию особо важных дел СУ СК России по Смоленской области, полковник юстиции.

Кузьменко Елена Сергеевна – ведущий научный сотрудник ВНИИ МВД России, кандидат юридических наук, доцент, полковник полиции.

Лапшин Вячеслав Евгеньевич – заместитель начальника кафедры криминалистики Нижегородской академии МВД России, кандидат юридических наук, полковник полиции.

Лебедева Анна Андреевна – ведущий научный сотрудник ВНИИ МВД России, кандидат юридических наук, подполковник полиции.

Ложис Зигмунд Зигмундович – руководитель Главного управления криминалистики (Криминалистического центра) Следственного комитета Российской Федерации, генерал-майор юстиции.

Лушин Евгений Александрович – доцент кафедры криминалистики четвертого факультета (с дислокацией в городе Нижний Новгород) Института повышения квалификации Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, полковник юстиции.

Майков Сергей Юрьевич – старший следователь-криминалист Главного управления криминалистики (Криминалистического центра) СК России, полковник юстиции.

Медведев Андрей Николаевич – заместитель руководителя отдела процессуального контроля Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Орловской области, подполковник юстиции.

Мирзоев Гасан Борисович – ректор Российской академии адвокатуры и нотариата, президент Гильдии российских адвокатов, президент Международной ассоциации русскоязычных адвокатов, Заслуженный юрист Российской Федерации, Почетный профессор Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

Мишенина Алла Александровна – заведующий кафедрой уголовного процесса четвертого факультета повышения квалификации (с дислокацией в городе Нижний Новгород) Института повышения квалификации Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, подполковник юстиции.

Назаренко Наталья Ивановна – доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук.

Нечаев Александр Анатольевич – доцент кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, кандидат юридических наук, полковник полиции.

Новиков Владимир Александрович – кандидат экономических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Московской академии Следственного комитета Российской Федерации.

Олимпиев Анатолий Юрьевич – профессор кафедры частного права Государственного университета управления, кандидат юридических наук, доктор исторических наук.

Опальский Александр Павлович – главный научный сотрудник ВНИИ МВД России, доктор экономических наук, профессор, полковник полиции.

Османова Надежда Валерьевна – доцент кафедры уголовного процесса Московской академии СК России, кандидат юридических наук, майор юстиции.

Перов Валерий Александрович – и.о. заведующего кафедрой предварительного расследования преступлений в сфере экономики института повышения квалификации Московской академии Следственного комитета Российской Федерации.

Победкин Александр Викторович – профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, полковник полиции.

Прорвич Владимир Антонович – профессор кафедры экономической экспертизы и финансового мониторинга МИРЭА – Российского технологического университета, доктор юридических наук, доктор технических наук,

профессор, почетный профессор Московской академии Следственного комитета РФ.

Румянцев Николай Викторович – главный научный сотрудник НИИ ФСИН России, доктор юридических наук.

Савин Павел Тимурович – доцент кафедры уголовного права и криминологии Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, старший лейтенант юстиции.

Сажаев Алексей Михайлович – старший преподаватель кафедры криминалистики третьего факультета (с дислокацией г. Новосибирск) ИПК Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент, полковник юстиции.

Самиев Назар Мурадович – кандидат юридических наук, начальник факультета №6 Академии МВД Республики Таджикистан.

Стрельникова Ирина Александровна – доцент кафедры частного права Государственного университета управления, кандидат юридических наук.

Санькова Екатерина Валерьевна – аспирант третьего курса факультета подготовки научных и научно-педагогических кадров Юридического института Московской академии Следственного комитета Российской Федерации», майор юстиции.

Свободный Феликс Константинович – доцент кафедры управления следственными органами и организации правоохранительной деятельности Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат психологических наук, доцент.

Сейтжанулы Гани – докторант Академии правоохранительных органов, квалификационный класс 1 категории (Республика Казахстан, г. Астана).

Сиделев Виктор Владимирович – доцент криминалистической лаборатории Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, полковник юстиции.

Смолин Михаил Сергеевич – следователь-криминалист отдела криминалистики следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Челябинской области, подполковник юстиции.

Старжинская Анна Николаевна – руководитель отдела процессуального контроля Московского межрегионального следственного управления на транспорте Следственного комитета Российской Федерации, подполковник юстиции.

Тагиров Айрат Наилевич – руководитель отдела по рассмотрению обращений, приему граждан и документационному обеспечению следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Республике Татарстан, аспирант факультета подготовки научных и научно-педагогических кадров Московской академии СК России, подполковник юстиции.

Троицкий Юлиан Алексеевич – ведущий научный сотрудник ВНИИ МВД России, майор полиции.

Храмцова Василина Васильевна – старший инспектор отдела исследования проблем методик расследования преступлений управления научно-исследовательской деятельности (научно-исследовательского института криминалистики) Главного управления криминалистики (Криминалистического центра) Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, подполковник юстиции.

Чуркин Александр Васильевич – доцент кафедры уголовного процесса Военного университета Министерства обороны Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Юлдошев Рифат Рахмаджонович – кандидат юридических наук, доцент, начальник отдела адъюнктуры Академии МВД Республики Таджикистан.

Содержание

Стр.

Международная научно-практическая конференция «Процессуальные и организационно-правовые особенности взаимодействия органов предварительного расследования с органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность: проблемы и пути их решения» (13 декабря 2018 года) 3

Багмет А.М. Оперативно-разыскное обеспечение следственной деятельности Следственного комитета Российской Федерации 8

Алонцева Е.Ю. К вопросу о правовом основании взаимодействия следователя и оперативного сотрудника при производстве следственных действий, выполняемых с разрешения суда 13

Бардачевский Р.И. Применение средств оперативно-разыскной деятельности при установлении обстоятельств коррупционных преступлений 16

Белых-Силаев Д.В. Психологические аспекты взаимодействия следователя с оперативными кадрами 21

Бессонов А.А. Некоторые вопросы оперативно-разыскной деятельности в международных нормативных правовых и правоприменительных актах 30

Бубенко Н.И. Перспективы развития оперативно-разыскной деятельности 34

Бутырская А.В., Лушин Е.А. Взаимодействие следователя с органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность, при возбуждении уголовного дела за создание преступного сообщества (преступной организации): проблемы, пути решения 39

Бычков В.В., Бражников Д.А. К вопросу об ознакомлении следователя с оперативными материалами 445

Валов С.В. Организация взаимодействия органов предварительного Следствия с органами (подразделениями), осуществляющими оперативно-разыскную деятельность 47

Вдовцев П.В., Каркошко Ю.С. Использование в ходе расследования данных оперативно-разыскной деятельности: отдельные аспекты проблемы 51

Волынский А.Ф. Оперативно-розыскная деятельность и организация расследования преступлений 54

Глушков М.Р. К вопросу о подключении следователя к тактической операции «задержание с поличным» 62

Гущев М.Е., Изосимов В.С. Роль оперативно-разыскной деятельности в расследовании преступлений 67

Дармаева В.Д. Реализация следователем полномочий при взаимодействии с субъектами ОРД 70

Даукш И.А. Методологические положения анализа статистики правонарушений 73

Дощицын А.Н. О некоторых вопросах взаимодействия следователей с органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность при расследовании преступлений 76
Жуков Д.А. К вопросу о нормативной регламентации сроков исполнения поручений о проведении оперативно-разыскных мероприятий 80
Захарова В.О. Особенности производства неотложных следственных действий 83
Золотухина Н.В., Жукова П.Н. К вопросу об использовании материалов оперативно-разыскной деятельности в процессе доказывания по уголовным делам 88
Ильюхов А.А. Правовые основы взаимодействия органов предварительного следствия и дознания, как фактор оптимизации производства по уголовным делам, подлежащим рассмотрению судом с участием присяжных заседателей 96
Ихнева А.И. К вопросу о реализации права подозреваемого на один телефонный разговор 102
Казаков А.А. Специфика производства оперативно-разыскных мероприятий в отношении лиц, обладающих особым правовым статусом 107
Кожухарик, Д.Н., Савин П.Т. Обстоятельства, исключающие преступность деяния как институт уголовного права 111
Короткова О.В. Организованная экономическая преступность в сфере бюджетных отношений 113
Кузнеченко С.Ю. Проблемы документирования результатов ОРД и их использования в доказывании по уголовным делам 116
Кузьменко Е.С., Лапшин В.Е. Специфика взаимодействия органов предварительного расследования с органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность, на этапе выявления преступлений, связанных с легализацией доходов, полученных преступным путем 120
Лебедева А.А. Особенности взаимодействия следователя и сотрудников оперативных подразделений при расследовании преступлений в сфере дистанционного мошенничества 124
Ложис З.З. Организация взаимодействия органов следствия и органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность 126
Майков С.Ю. К вопросу о роли следователей-криминалистов в организации взаимодействия следственных органов и органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность 132
Медведев А.Н. К вопросу об особенностях взаимодействия органов предварительного расследования с органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность 138
Мирзоев Г.Б. О принципах взаимодействия оперативно-разыскной и процессуальной деятельности 140
Мишенина А.А. Использование результатов ОРД в доказывании по уголовным делам 143

Назаренко Н.И. Организационно-правовые особенности органов предварительного расследования преступлений с участием иностранного субъекта в Великом Новгороде (XII-XV вв.) 146
Нечаев А.А. Организация взаимодействия органов предварительного следствия с подразделениями, осуществляющими оперативно-разыскную и экспертно-криминалистическую деятельность при расследовании нераскрытых преступлений 151
Новиков В.А. Использование специальных экономических Знаний при расследовании преступлений 156
Олимпиев А.Ю., Стрельникова И.А. Предварительное расследование и оперативно-разыскная деятельность в Российской Федерации: допустимо ли совмещение? 158
Опальский А.П., Троицкий Ю.А. Вопросы документирования мошеннических действий в сфере строительства с использованием различных источников информации 162
Османова Н.В. О значении результатов ОРД в раскрытии и расследовании преступлений, подследственных следователю СК России 166
Перов В.А. Использование информационных технологий при проведении оперативно-разыскных мероприятий по выявлению преступлений в сфере экономики 172
Победкин А.В. Остановить смешение уголовно-процессуальной и оперативно-разыскной деятельности (о надуманности отдельных проблем использования результатов оперативно-разыскной деятельности в уголовно-процессуальном доказывании) 175
Прорвич В.А. Правовые основы алгоритмов выявления замаскированных идеальных рассеянных следов в процессе ОРМ при расследовании экономических преступлений 180
Румянцев Н.В. Особенности организации оперативно-разыскного обеспечения раскрытия и расследования наркопреступлений в УИС 185
Сажаев А.М. Некоторые вопросы организации и осуществления взаимодействия следователя с оперативно-разыскными подразделениями при работе по приостановленным делам 189
Самиев Н.М. Проблемы оперативно-разыскного обеспечения предупреждения и раскрытия преступлений подразделениями уголовного розыска в Таджикистане и России 192
Санькова Е.В. Практика взаимодействия органов предварительного расследования с органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность (по результатам анкетирования следователей СК России) 204
Свободный Ф.К. Место полиграфа в оперативно-разыскной деятельности 208
Сейтжанулы Г. Защита интересов государства при производстве негласных следственных действий 211
Сиделев В.В. Типичные ошибки, допускаемые при проведении и представлении результатов оперативно-разыскной деятельности 216

Смолин М.С. Психологическое воздействие в оперативно-разыскной деятельности: правовые последствия и критерии правомерности 220
Старжинская А.Н. Некоторые аспекты использования результатов оперативно-разыскных мероприятий при противодействии склонению к совершению самоубийства 228
Тагиров А.Н. Взаимодействие следователя с органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность, по розыску и установлению имущества по уголовному делу 231
Храмцова В.В. Где проходит тонкая грань между оперативным экспериментом и провокацией? 236
Чуркин А. В. Общие черты оперативно-разыскного и уголовно-процессуального доказывания 241
Юлдошев Р.Р. Перспективы использования результатов оперативно-разыскной деятельности в реалиях Таджикистана 244
Сведения об авторах 253

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ С ОРГАНАМИ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИМИ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

материалы Международной научно-практической конференции

(Москва, 13 декабря 2018 года)

Редакционная коллегия обращает внимание, что статьи представлены в авторской редакции. Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов

Подписано в печать 12.02.2019

ISBN 978-5-6041504-3-6

9 785604 150436

Формат 60x90 1/16
Усл. печ. л. 16,43
Тираж 500 экз.
Печать офсетная
Заказ № 215

Отпечатано в типографии Московской академии
Следственного комитета Российской Федерации,
ул. Врубеля, д. 12